Межрегиональная общественная организация
«РУССКОЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО»

ПРОГРАММА

Всероссийской

научно-практической конференции

«Феномен нарциссизма
в клинической практике и
в политике, бизнесе, искусстве:
современные психоаналитические концепции»

12-13 декабря 2009 года
г. Москва,
Филипповский переулок, д.8, стр.1,
Конференц-центр «На Филипповском»

При участии и поддержке

Российского психологического общества

Российского философского общества

Факультета психологии
Московского государственного университета
им. М.В.Ломоносова

Московского общества психоаналитиков

Московской группы психоаналитиков

Института психоанализа

Института практической психологии
и психоанализа

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Президент конференции – председатель программного комитета:

Харитонов А.Н.

Члены программного комитета: *Асанова Н.К. (г.Москва, Россия), Гуревич П.С. (г.Москва, Россия), Зеленский В.В. (г.Санкт-Петербург, Россия), Зинченко Ю.П. (г.Москва, Россия), Зискин К.Е. (г.Москва, Россия), Калина Н.Ф. (г.Симферополь, Украина), Комарова Л.Э. (г.Москва, Россия), Лейбин В.М. (г.Москва, Россия), Николаев В.И. (г.Ростов-на-Дону, Россия), Павлова О.Н. (г.Москва, Россия), Потапова В.А. (г.Москва, Россия), Романов И.Ю. (г.Харьков, Украина), Савченко Г.Ю. (г.Санкт-Петербург, Россия), Савченкова Н.М. (г.Санкт-Петербург, Россия), Спиркина Е.А. (г.Москва, Россия), Тимченко Г.Н. (г.Москва, Россия), Тхостов А.Ш. (г.Москва, Россия), Уварова С.Г. (г.Киев, Украина), Хегай Л.А. (г.Москва, Россия), Яценко Т.С. (г. Ялта, Украина).*

НАУЧНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель научного комитета:

Харитонов А.Н.

Заместитель председателя научного комитета:

Тимченко Г.Н.

Члены научного комитета: *Жмурин И.Е., Литвинов А.В., Маневский С.Е., Михайлова Г.В., Осипов В.А., Павлова О.Н., Пантелеева И.И., Парамонова А.А., Пружинина А.А., Савичева Е.П., Скоробогатова Н.А., Янов А.Н.*

ОРГАНИЗАЦИОННО-РЕКЛАМНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель организационно-рекламного комитета:

Андрюшин И.И.

Заместители председателя организационно-рекламного комитета:

Сухомлин О.А., Подвойская В.В., Ковальчук А.М.

Члены организационно-рекламного комитета: *Алексеев Д.Е., Андрюшина И.И., Аникина О.С., Асманова А.Н., Балабанова Н.В., Ковальчук Е.В., Котельникова И.В., Крючкова А.И., Ку-*

лагина Е.В., Мостипан А.Е., Никитина Е.К., Павлюченков В.И., Поволоцкая Г.В., Романов М.Ю., Савицкая О.В., Финкель М.Л., Хоменок О.В., Чураев Э.Н

Актуальность проблемы конференции:

1. Отмечается тенденция роста негативных проявлений нарциссизма в различных областях общества (политика, бизнес, управление, идеология, реклама и др.)

2. В последние годы наблюдаются трудности работы с нарциссическими пациентами в практике российских психоаналитиков, психоаналитически ориентированных психотерапевтов, консультантов.

3. В России, как и в Европе, Америке, современный психоанализ набирает силу и проявляется повышенный интерес к различным его концепциям, в т.ч. к психоанализу нарциссизма, самости наряду с объектными теориями, Эго-психологией, кляйнианским анализом, французскими теориями инстинктов и др.

4. Современные концепции в психоанализе имеют не только сильные, внятные, перспективные, объяснительные схемы, идеи, конструкты, но и профилактические потенциальные меры, предвосхищающие последствия нарциссической патологии.

5. Феномен нарциссизма практически привлекает представителей многих профессий в силу своей особой распространенности и влияния на личность.

***Объект исследования конференции*:** современные психоаналитические концепции в клинической практике и прикладных сферах (социальных сферах)

***Предмет исследования конференции*:** исследование феномена нарциссизма в клинической практике и в бизнесе, политике, искусстве.

***Цель конференции*:** исследовать психоаналитические концепции нарциссизма и их приложения в клинической практике, а также в социальных, прикладных сферах.

***Задачи конференции*:**

1. Дифференцировать сущность понятия «нарциссизма» в основных психоаналитических концепциях.

2. Исследовать и обсудить основные психоаналитические концепции нарциссизма.

3. Проанализировать на примере случаев практику работы с нарциссическими феноменами в психоанализе, психоаналитической психотерапии, детском психоанализе, группанализе и семейной психоаналитической практике.

4. Рассмотреть с научных позиций феномен нарциссизма в политике, бизнесе, искусстве.

5. Выработать практические идеи, рекомендации, выводы по работе с индивидуальным и групповым, негативным нарциссизмом.

Основные направления конференции:

1. Сущность понятия «нарциссизм» и его дифференциация от других, близких по значению конструктов.

2. Основные концепции понимания феномена индивидуального нарциссизма.

3. Психоаналитические теории социального (общественного) нарциссизма.

4. Феномен нарциссизма в клинической практике (психоанализе, психоаналитической психотерапии, детском психоанализе, группанализе, семейной психоаналитической психотерапии, юнгианском анализе).

5. Изучение нарциссической патологии (патологический нарциссизм).

6. Исследование индивидуального и социального нарциссизма в основных сферах общественной жизни России (политика, экономика, масс-медиа, искусство, культура, управление, образование и др.).

7. Психология самости и её роль в современном психоанализе.

Рабочий язык конференции – русский.

К участию в конференции приглашаются: психотерапевты, психиатры, психоаналитики, психоаналитические ориентированные психотерапевты, психологи, консультанты, представители

психоаналитических и психоаналитически ориентированных институтов, обществ, центров России и специалисты Украины, Белоруссии, Казахстана, Армении и других стран, докторанты, аспиранты, студенты психологических факультетов, медицинских вузов, круг специалистов, интересующихся феноменом нарциссизма с позиций современных психоаналитических концепций.

Схема
проведения научных мероприятий конференции

12 ДЕКАБРЯ, суббота
8.30-9.55
Регистрация участников конференции
(фойе Конференц-центра «На Филипповском»)
10.00-10.30
Приветствия участников конференции
(Зал 2.14 Конференц-центра «На Филипповском»)
10.30-12.30
I пленарное заседание
(Зал 2.14 Конференц-центра «На Филипповском»)
12.30-13.00
Перерыв на кофе
13.00.-15.00
II пленарное заседание
(Зал 2.14 Конференц-центра «На Филипповском»)
15.00-16.30
Обед
16.30-18.30
III пленарное заседание
(Зал 2.14 Конференц-центра «На Филипповском»)
18.30-19.00
Перерыв
19.00-20.00
Презентация книг
(Зал 2.14 Конференц-центра «На Филипповском»)
Презентация книги
«Психоанализ: новейшая энциклопедия»

Презентация книги
Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. «Словарь по психоанализу»
(второе издание)

13 ДЕКАБРЯ, воскресенье

10.00-14.30

Секционные заседания

10.00-12.00
1 секционное заседание

12.00-12.30
Кофе-пауза

12.30-14.30
2 секционное заседание

1	2	3
Зал 2.14 Конференц-центра «На Филипповском» 2-й этаж	**Зал 4.11 Конференц-центра «На Филипповском» 3-й этаж**	**Зал «Космос» Конференц-центра «На Филипповском» 3-й этаж**
Секция I «Клинический психоанализ, психоаналитическая психотерапия»	**Секция II «Прикладной психоанализ (в области политики, бизнеса, искусства)»**	**Секция III «Юнгианский анализ и аналитическая психотерапии»**
4		
Зал 3.14 Конференц-центра «На Филипповском» 3-й этаж		
Круглый стол *«Актуальные проблемы образования в области психоанализа, психоаналитической психотерапии и консультирования в современной России»*		

14.30-16.00
Перерыв на обед

16.00-17.30
Мастер-классы

1	**2**	**3**
Мастер-класс: ***«Переплетения любви и ненависти: динамика нарциссизма»*** Ведущий – **Романов И.Ю.**	**Мастер-класс:** ***«Эдипальная конфигурация нарциссической семьи»*** Ведущая – **Асанова Н.К.**	**Мастер-класс:** ***«Современный женский нарциссизм»*** Ведущая – **Павлова О.Н.**
4	**5**	**6**
Мастер-класс: ***«Самость и самость: метаморфозы всемогущества»*** Ведущий – **Маневский С.Е.**	**Мастер-класс:** ***«Работа с пациентами с нарциссической депрессией»*** Ведущая – **Бондарева Н.Б.**	**Мастер-класс:** ***«Эротизм и нарциссизм как две стратегии психического опыта: Жорж Батай и Антонен Арто»*** Ведущая – **Савченкова Н.М.**
	7	
	Мастер-класс: ***«Нарцисс и Афродита или опять об истерии»*** Ведущий – **Страхов М.Ю.**	

17.30-17.45
Перерыв

17.45-19.15
Групповые супервизии

1	2	3
Открытая супервизия клинического случая Супервизор – **Комарова Л.Э.**	**Открытая супервизия** клинического случая Супервизор – **Усков А.Ф.**	**Открытая супервизия** клинического случая Супервизор – **Жалюнене Е.В.**
4	**5**	**6**
Открытая супервизия клинического случая Супервизор – **Шибаев А.М**	**Открытая супервизия** клинического случая Супервизор – **Россохин А.В.**	**Открытая супервизия** клинического случая Супервизоры – **Осипов В.А. Бердникова Ю.Л.**
	7	
	Открытая супервизия клинического случая Супервизор –	

19.15-19-45
Заключительное заседание

19.45-21.30
Бокал шампанского

12 ДЕКАБРЯ, СУББОТА

8.30-9.55
Регистрация участников конференции
(фойе **Конференц-центра «На Филипповском»**)

10.00-10.30
Приветствие участников конференции

10.30-12.30

1-е пленарное заседание
Зал 2.14 Конференц-центра «На Филипповском»
2-й этаж
Председатель – ***Харитонов Александр Николаевич***

Доклад: ***«Метапсихология нарциссического характера».*** (35 мин.)

1. Понятие нарциссизма имеет много смыслов. Оно синонимично таким словам, как высокомерие, тщеславие, самовлюбленность, властолюбие. Феноменология нарциссизма просматривается в работах А.Шопенгауэра, Ф.Ницше, З.Фрейда, Э.Фромма, Ж.Лакана и многих других исследователей. Термин порой использовался как обозначение человеческого самопознания. Так, описание Гегелем абсолютного «Я» приближается к нарциссизму, который Фрейд описал у раннего эго с его враждебностью к внешнему и инкорпорацией всего хорошего в себя.

2. Нарциссизм как феномен, прежде всего, может рассматриваться как специфическое выражение человеческой природы. Не случайно З.Фрейд, как и Э.Фромм, отмечают данное слово как категорию философской антропологии. В психоанализе много внимания было уделено «комплексу неполноценности». Что касается полярного состояния – нарциссического, то здесь обнаружение глубинного смысла этого понятия только начина-

ется. Такая работа осуществляется в рамках постмодернистской философии.

3. З.Фрейд никогда не менял своего основного взгляда, согласно которому первоначальным состоянием человека в его раннем детстве является состояние «первичного нарциссизма», когда нет еще никаких отношений с внешним миром. Затем ребенок в ходе своего нормального развития начинает распространять и углублять свои (связанные с либидо) отношения с внешним миром. Однако привязанное к объектам либидо может быть возвращено и снова направлено на собственное «Я» («вторичный нарциссизм»).

4. Э.Фромм ошибается утверждая, что понятие нарциссизма не нашло отражения в работах К.Г.Юнга, А.Адлера, К.Хорни. Вместе с тем он внес существенный вклад в разработку проблемы, выдвинув понятие «социального нарциссизма» и его патологии..

В докладе сделана попытка рассмотреть философские и психологические основания нарциссизма на материале философии от А.Шопенгауэра до Ж.Лакана.

Докладчик – ***Гуревич Павел Семенович,*** доктор филологических наук, доктор философских наук, профессор, академик Российской академии естественных наук, заведующий сектором Института философии РАН, заведующий кафедрой психологии Российского торгово-экономического университета, действительный член Межрегиональной общественной организации «Русское психоаналитическое общество».

Вопросы на понимание (5 мин.)

Доклад: ***«Психоаналитические аспекты антропологии нарциссизма»*** (35 мин.)

Каждая культурно-историческая эпоха порождает определенный набор жизненных доминант, которые воспринимаются как норма, стиль и образ жизни, формируя господствующее в социуме мировоззрение и индивидуальный душевный мир человека. В этом отношении наше время может быть определено как кризисное, поэтому совре-

менные исследователи дали ему имя - Эра нарциссизма. Происходящие события во внутренней вселенной современного Homo sapiens вынуждают нас констатировать факторы радикального перерождения, которое происходит у нас на глазах и которое каждый из нас в разной степени осознанности чувствует – возникновение "человека нового типа" с сильной детерминантой нарциссичности.

В связи острой актуальностью заявленной проблемы нарциссизм, как цивилизационный феномен, впервые в истории получивший теоретическое осмысление в психоанализе, может быть в очередной раз заявлен как объект современного научного рассмотрения в психоанализе. Однако объект трансверсален и имеет свою неповторимую и сложно многогранную специфику, непосредственно связанную с содержательными компонентами исследуемого. Следствием этого становится вывод о том, что попытки определения термина нарциссизм в психоанализе провалились, и следующим этапом структуризации феномена нарциссизма становятся предпринятые теоретиками - психоналитиками усилия по оконтуриванию ореола его использования и классификации областей применения или континуумов смыслов вложенных в само понятие. Предложенная типология включает в себя четыре раздела: первый кластер может быть обозначен как нарциссизм – виртуальный конструкт во внутрипсихической организации, включающий в себя разделение на две составляющих: участие нарциссизма 1) в энергетических концепциях (экономика драйвов) и 2) в организации и специфике объектных отношений. Второй смысловой континуум применения нарциссизма можно отнести к стадийности

психосексуального развития. Третий и четвертый кластеры имеют отношения к нарциссизму личности, один из которых оконтуривает множество, имеющее непосредственное отношение к нарциссическим расстройствам личности, другой включает нарциссические качества личности в норме и в различных других патологиях личности.

Несомненно нарциссизм, имеет свою многовековую историю. Еще не называясь данным именем он родился в недрах античной философии и продолжал безымянное существование вплоть до начала XIX века, когда он зародился как термин в его узком понимании в недрах сексологии. Право на открытие "проекта нарциссизм" в психоанализе скорее принадлежит Карлу Абрахаму, однако старт серьезного научного поиска был дан З.Фрейдом создавшем комплексную теорию заново открытой переменной человеческой души, задолго предвосхитив культурные и социальные контексты сегодняшних дней. Описав структуру теоретического аппарата концепта нарциссизма, он создал дерево теории, ветви которого - основные положения были разработаны в дальнейшем исследователями - психоаналитиками разных времен: Г. Розенфельдом, М. Балинтом, Б. Грюнберже, О.Кернбергом, Х.Кохутом, и другими. В докладе рассмотрены некоторые ключевые моменты ведущих репрезентативных моделей нарциссизма, а также два выделенных основных вида нарциссизма: либидинальный (позитивный) и негативный (деструктивный) нарциссизм.

В докладе предложены к обсуждению некоторые яркие характеристики объекта нарциссизма в сегодняшнем времени: ризоматичность нарциссической идентичности, тиражирование или стирание идентичности: массовая безличность, аннигиляция Другого: люди как вещи, нарушение баланса взрослого и детского в структуре личности, влияние культуры на рост нарциссичности личности и др.

Современные психоаналитические исследования нарциссизма и теории идут в сторону особо пристального изучения нарциссических аспектов функционирования личности. В фокусе особого интереса психоаналитиков нарциссическое расстройство личности: критерии его дифференциальной диагностики, классификации типов, особенностей психотерапевтической работы.

Докладчик – ***Павлова Ольга Николаевн***, кандидат психологических наук, профессор кафедры психологии социальной ра-

ботры факультета психологии Национального института им. Екатерины Великой, действительный член (клиническое направление), член правления–руководитель комитета клинического психоанализа Межрегиональной общественной организации «Русское психоаналитическое общество».

Вопросы на понимание (5 мин.)

Доклад: **«*От нарциссизма смерти к нарциссизму жизни*»**. (35 мин.)

Докладчик – ***Потапова Виктория Анатольевна,*** кандидат медицинских наук, доцент Московской медицинской академии им. И.М.Сеченова, старший научный сотрудник Государственного научно-практического центра судебной и социальной психиатрии им. В.П.Сербского, преподаватель факультета психологии Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова, действительный член Международной психоаналитической ассоциации, Парижского психоаналитического общества, Московского общества психоаналитиков, Президент Московского общества психоаналитиков.

Вопросы на понимание (5 мин.)

12.30-13.00

Кофе-пауза

13.00-15.00

2-е пленарное заседание
Зал 2.14 Конференц-центра «На Филипповском»
2-й этаж

Председатель – ***Тимченко Геннадий Николаевич***

Доклад: ***«Некоторые социокультурные аспекты нарциссизма».***

(35 мин.)

Докладчик – ***Комарова Лола Эриковна,*** кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Государственного научно-практического центра судебной и социальной психиатрии им. В.П.Сербского, действительный член Междуна-

родной психоаналитической ассоциации, президент Московского группы психоаналитиков.

Вопросы на понимание (5 мин.)

Доклад: «***Ранняя травма и нарциссически-аутистическая биполярность***». (35 мин.)

Докладчик – ***Асанова Нина Кузьминична,*** кандидат медицинских наук, проректор по научной работе, профессор Института психоанализа, действительный член Международной психоаналитической ассоциации, Московского общества психоаналитиков.

Вопросы на понимание (5 мин.)

Доклад: «***Ненависть к чужому: кляйнианское видение нарциссизма и нарциссических расстройств***». (35 мин.)

Докладчик – ***Романов Игорь Юрьевич,*** кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и практической философии философского факультета Харьковского национального университета им. В.Н.Каразина, кандидат Психоаналитического института для Восточной Европы им. Хан Гроен-Праккен (Международная психоаналитическая ассоциация, Европейская психоаналитическая федерация), член Совета и руководитель обучающих программ Харьковского областного психоаналитического общества (ХОПО), председатель Совета ХОПО (1999 по 2001 г.).

Вопросы на понимание (5 мин.)

15.00-16.30

Перерыв на обед

16.30-18.30

3-е пленарное заседание
Зал 2.14 Конференц-центра «На Филипповском»
2-й этаж

Председатель – ***Маневский Сергей Евлампиевич***

Доклад: ***«Нарциссизм и его окрестности».*** (35 мин.)

Докладчик – ***Зеленский Валерий Всеволодович,*** аналитический психолог, психотерапевт, директор Информационного центра психоаналитической культуры, член Международной ассоциации юнгианских исследований, действительный член, руководитель направления аналитической психологии Межрегиональной общественной организации «Русское психоаналитическое общество», главный редактор Альманаха постюнгианской психологии и культуры «Новая весна».

Вопросы на понимание (5 мин.)

Доклад: ***«Нарциссизм и новые механизмы смыслообразования в культуре (язык и тело в современном искусстве)».*** (35 мин.)

Репрессивная модель культуры, сформировавшаяся на основе дисциплинарных обществ, выработала и основной механизм производства субъективности – субъекцию как провоцирующее подавление, побуждающее человека к преодолению границ, к революционному становлению и обретению самостоятельности. Творческая сила запрета не подлежит сомнению. Вместе с тем, неизбежным эффектом диалектической коллизии власти и субъективности становится эротизация границ, возникновение сложного переплетения практик признания и удовольствия. В современном постинформационном обществе дисциплинарный принцип уступает принципу кода, что, по видимости, освобождает субъекта, предоставляет его самому себе и регистру Воображаемого, подчиняет нарциссической максиме, сформулированной З.Фрейдом: «быть самому себе своим собственным идеалом». Новый онтологический статус субъекта находит отражение в современном искусстве, стремящемся прояснить отношения тела как инстанции Реального и Воображаемого с языком как регистром Символического. В докладе делается попытка описать этот драматический опыт.

Докладчик – ***Савченкова Нина Михайловна***, кандидат философских наук, доцент, доцент онтологии и теории познания

факультета философии и политологии СПбГУ, заведующая кафедрой философии и психоаналитической критики Восточно-Европейского Института Психоанализа.

Вопросы на понимание (5 мин.)

18.30-19.00

Перерыв на кофе

19.00-20.00

Презентация книг
Зал 2.14 Конференц-центра «На Филипповском»
2-й этаж

Председатель – ***Харитонов Александр Николаевич***

Презентация книги ***«Психоанализ: новейшая энциклопедия»*** (под редакцией Виктора Ивановича Овчаренко)

Презентация книги ***Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. «Словарь по психоанализу» (второе издание)*** (перевод и редакция Натальи Сергеевны Автономовой)

13 декабря, воскресенье

10.00-14.30. Заседания симпозиумов и секций

Секция I. *«Клинический психоанализ, психоаналитическая психотерапия»*
Зал 2.14 Конференц-центра «На Филипповском»
2-й этаж
Председатели симпозиума:

10.00-12.00. 1 заседание симпозиума I

12.00-12.30. Перерыв на кофе

12.30-14.30. 2 заседание симпозиума I

Шибаев Алексей Максимович, психоаналитик, действительный член Международной психоаналитической ассоциации –

Чешского психоаналитического общества, действительный член Общества психоаналитической психотерапии.

Доклад: ***«Трансформации и трансвестиции в нарциссическом пространстве»*** (20 мин.).

Бондарева Наталья Борисовна, психоаналитический психотерапевт, действительный член–заместитель руководителя экспертно-аттестационного комитета по клиническому психоанализу Межрегиональной общественной организации «Русское психоаналитическое общество».

Доклад: ***«Метапсихологические аспекты нарциссической депрессии у женщин»*** (20 мин.).

Бердникова Юлия Леонидовна, преподаватель ВЕИП, обучающий аналитик и супервизор Национальной Федерации Психоанализа – Европейской Ассоциации Психоаналитической Психотерапии (НФП–ЕКПП России), член Европейской Ассоциации Психотерапии (ЕАР), вице-президент НФП – ЕКПП России.

Доклад: ***«Нарциссическая проблематика в начале терапии»*** (20 мин.).

Попов Александр Георгиевич, доктор философии, проректор Института психоанализа им. Отто Феничела, президент Международного профессионального психоаналитического общества, действительный член Межрегиональной общественной организации «Русское психоаналитическое общество».

Доклад: ***«Нарциссизм, постмодерн и психоаналитический процесс»***

(20 мин.).

Савичева Елена Петровна, врач-психотерапевт психоаналитической ориентации, преподаватель Высшей школы психоанализа и психотехнологий, действительный член–заместитель руководитель комитета клинического психоанализа Межрегиональной общественной организации «Русское психоаналитическое общество», г. Москва, Россия.

Доклад: ***«Возможные искажения функций Супер-Эго аналитика при работе с нарциссической патологией»*** (20 мин.).

Страхов Михаил Юрьевич, психолог-психоаналитик, Старший преподаватель кафедры мировой психотерапии Факультета психологического консультирования МГППУ, член Европейской школы психоанализа и Всемирной психоаналитической ассоциации, член Бюро ассоциации «Группа Фрейдово поле – Россия».

Доклад: ***«Нарцисс и Афродита или опять об истерии»*** (20 мин.).

Пажильцев Илья Владимирович, кандидат психологических наук, врач-психотерапевт Ленинградской областной клинической больницы, старший преподаватель кафедры общей и практической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, супервизор, член координационного совета Общества группового анализа (ОГРА), президент ОГРА (2002-2004), супервизор НФП по групповому анализу.

Доклад: ***«Нарциссический пациент в группаналитической группе – комната кривых зеркал»*** (20 мин.).

Секция II. *«Прикладной психоанализ (в области политики, бизнеса, искусства)»*

Зал 4.11 Конференц-центра «На Филипповском»

3-й этаж

Председатели симпозиума:

10.00-12.00. 1 заседание симпозиума I

12.00-12.30. Перерыв на кофе

12.30-14.30. 2 заседание симпозиума I

Лейбин Валерий Моисеевич, доктор философских наук, профессор, почетный член Русского психоаналитического общества, заведующий кафедрой метапсихологии, теории и ис-

тории психоанализа Института психоанализа, профессор Московского медико-стоматологического университета, действительный член Академии педагогических и социальных наук, главный научный сотрудник института системного анализа РАН.

Доклад: ***«Нарциссизм: вектор развития психоаналитических идей»*** (20 мин.)

Старовойтов Владимир Васильевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора современной западной философии Института философии РАН.

Доклад: ***«Сравнительный анализ понятия «нарциссизм» в философии и психоанализе»*** (20 мин.)

Агарков Сергей Тихонович, доктор медицинских наук, генеральный секретарь Регионального общественного движения в поддержку сексуальной культуры «Культура и здоровье».

Доклад: ***«Нарциссизм и аутоэротизм»*** (20 мин.).

Аврамченко Светлана Михайловна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой прикладной психологии Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого, действительный член (прикладное направление) заместитель руководителя комитета прикладного психоанализа Межрегиональной общественной организации «Русское психоаналитическое общество», ***Евтушенко Ирина Владимировна,*** кандидат психологических наук, доцент, декан психологического факультета Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого, действительный член (прикладное направление) Межрегиональной общественной организации «Русское психоаналитическое общество», г. Черкассы (Украина).

Доклад: ***«Нарциссизм и травматические переживания»*** (15 мин.).

Радченко Ирина Станиславона, психоаналитический психотерапевт, действительный член (прикладное направление)– заместитель руководителя комитета прикладного психо-

анализа Межрегиональной общественной организации «Русское психоаналитическое общество».

Доклад: ***«Особенности нарциссической психопатологии в современном обществе»*** (15 мин.).

Зубарев Сергей Михайлович, психоаналитический консультант, преподаватель Института управления и предпринимательства Уральского государственного университета, член Межрегиональной общественной организации «Русское психоаналитическое общество», г.Екатеринбург, Россия.

Доклад: ***«"Сфера Велиала" – о нарциссической сути телевидения»***

(15 мин.).

Савченко Галина Юрьевна, психоаналитический психотерапевт**,** директор «Центра разрешения кризисных ситуаций», действительный член–руководитель комитета прикладного психоанализа Межрегиональной общественной организации «Русское психоаналитическое общество»

Доклад: ***«Психоанализ бизнеса»*** (15 мин.)

Астахова Инесса Владимировна, психолог, преподаватель Института практической психологии (Государственный университет – Высшая школа экономики), член Межрегиональной общественной организации «Русское психоаналитическое общество».

Доклад: ***«Тоска по совершенной связи»*** (15 мин.)

Ольшанский Дмитрий Александрович, психоаналитик, член Группы Лакановского Психоанализа, сотрудник Института Клинической медицины и Социальной работа им. М.П.Кончаловского (Санкт-Петербург) и Institut des hautes études en psychanalyse (Париж).

Доклад: ***«Скопическое влечение при нарциссизме»***

(15 мин.)

Секция III. ***«Юнгианский анализ и аналитическая психотерапия»***

Зал «Космос» Конференц-центра «На Филипповском»
3-й этаж

Председатели секционного заседания:

10.00-12.00. 1 заседание симпозиума I

12.00-12.30. Перерыв на кофе

12.30-14.30. 2 заседание симпозиума I

Хегай Лев Аркадьевич, юнгианский аналитик, вице-президент Российского Общества Аналитической психологии (в составе IAAP), сопредседатель Московской Ассоциации Аналитической психологии, преподаватель Института психоанализа.

Доклад: ***«Юнгианский подход к нарциссизму»*** (25 мин.)

Лаврова Оксана Владимировна, кандидат психологических наук, аналитический психолог, групп-терапевт, кандидат Международной ассоциации аналитической психологии.

Доклад: ***«Нарциссическая и депрессивная субкультуры эпохи постмодернизма: юнгианский подход»*** (25 мин.)

Раевский Станислав Олегович, кандидат психологических наук, доцент факультета психологии МГУ, член Международной ассоциации аналитической психологии.

Доклад: ***«Нарциссическая основа экономического кризиса»*** (25 мин.)

Забуслаева Ирина Борисовна, аналитический психолог, член Межрегиональной общественной организации «Русское психоаналитическое общество».

Доклад: ***«Нарцисс и Эхо: История и мифология»*** (25 мин.)

Тестин Яков Валерьевич, аналитический психолог, кандидат Международной ассоциации аналитической психологии, действительный член (прикладное направление)–член правле-

ния Межрегиональной общественной организации «Русское психоаналитическое общество»..

Доклад: ***«Истерические проявления нарциссизма»*** (25 мин.)

Четвериков Никита Андреевич, аналитический психолог, преподаватель Восточно-Европейского института психоанализа, специалист Национальной федерации психоанализа, член ЕФПП, член Международной ассоциации аналитической психологии.

Доклад: ***«Защита обидой»*** (25 мин.)

Жемчужникова Юлия Александровна, член Московской ассоциации аналитической психологии.

Доклад: ***«Старый нарцисс»*** (25 мин.)

Круглый стол *«Актуальные проблемы образования в области психоанализа, психоаналитической психотерапии и консультирования в современной России»*

Зал 3.14 Конференц-центра «На Филипповском»
3-й этаж

Цель круглого стола: на основании научного обмена различным опытом международного и российского образования в области психоанализа, психоаналитической психотерапии выработать согласованные подходы к формированию профессиональных стандартов деятельности психоаналитиков, психоаналитических психотерапевтов, психоаналитических консультантов.

Задачи круглого стола:

1. Путем научного обмена мнений осветить проблему запроса, дифференциации в российском обществе профессии «психоаналитика», «психоаналитического психотерапевта», «психоаналитического консультанта».
2. Обсудить различные варианты структуры и содержания психоаналитического образования, опираясь на признанные

международные стандарты в области психоанализа и психоаналитической психотерапии.

3. Рассмотреть позитивные, успешные варианты реализации психоаналитического образования в современной России.

4. Выделить негативные, проблемные стороны в области психоаналитического образования в современной России.

5. Выработать конструктивные подходы к началу формирования профессиональных стандартов в области психоанализа, психоаналитической психотерапии и психоаналитического консультирования в РФ.

Вопросы для обсуждения:

1. Востребованность в российском обществе профессии ***«психоаналитика», «психоаналитического психотерапевта», «психоаналитического консультанта»***.

2. Дифференциация понятий ***«психоаналитик», «психоаналитический психотерапевт», «психоаналитический консультант»***.

3. ***Структура и содержание*** основных разделов программы подготовки в области психоанализа и психоаналитической психотерапии.

4. Основные ***элементы психоаналитической подготовки*** и различные стандарты подготовки международных психоаналитических организаций (МПА, ЕПФ, ЕФПП, ЕКПП, МААП и др.).

5. ***Позитивные, конструктивные стороны*** реализации образования в области психоанализа, психоаналитической психотерапии в современной России (90-е гг. XX ст. – 2009 г.).

6. ***Проблемные, негативные стороны*** реализации образования в области психоанализа, психоаналитической психотерапии в современной России (90-е гг. XX ст. – 2009 г.).

7. Основные подходы к формированию ***профессиональных стандартов*** (в области психоанализа, психоаналитической психотерапии, психоаналитического консультирования) деятельности психоаналитиков, психоаналитических психотерапевтов, психоаналитических консультантов в России.

Для участия в круглом столе приглашены ректора психоаналитических институтов России, а также президенты психоаналитических обществ, ряд руководителей авторских психоаналитических программ, представители психологической службы г. Москвы, УМО по психологии вузов России.

16.00-19.15.
Заседания мастер-классов, супервизионных групп

16.00-17.30.
Мастер-классы

Асанова Нина Кузьминична, кандидат медицинских наук, проректор по научной работе, профессор Института психоанализа, действительный член Международной психоаналитической ассоциации, Московского общества психоаналитиков.

Мастер-класс: ***«Эдипальная конфигурация нарциссической семьи»***

Романов Игорь Юрьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и практической философии философского факультета Харьковского национального университета им. В.Н.Каразина, член Международной психоаналитической ассоциации, член Совета Харьковского областного психоаналитического общества (ХОПО), председатель Совета ХОПО (1999 по 2001 г.).

Мастер-класс: ***«Переплетения любви и ненависти: динамика нарциссизма»***

Мастер-класс посвящен клиническому подходу к нарциссической психопатологии, выработанному в рамках современного кляйнианского психоанализа. В рамках теоретической части будет представлен взгляд Мелани Кляйн на проблему нарциссизма (первичный нарциссизм, нарциссические состояния и нарциссические объектные отношения). Главное внимание будет уделено концепции Герберта Розенфельда (понятия деструктивного нарциссизма, нарциссической организации личности) и ее

дальнейшей разработке такими современными аналитиками, как Джон Стайнер (теория «психических убежищ») и Рональд Бриттон (различия деструктивного и либидинозного, тонкокожего и толстокожего нарциссизма).

Все указанные концепции будут рассмотрены на примере длительного психоанализа нарциссического пациента. Основным предметом будет выступать динамика любви и ненависти, влечения к жизни и влечения к смерти во внутреннем мире пациента и в аналитических отношениях переноса-контрпереноса.

Маневский Сергей Евлампиевич, кандидат биологических наук, заведующий кафедрой Восточно-Европейского института психоанализа, индивидуальный член Международной ассоциации аналитической психологии, обучающий специалист–действительный член Межрегиональной общественной организации «Русское психоаналитическое общество» (клиническое направление), специалист и супервизор по детскому и подростковому психоанализу Национальной федерации психоанализа, специалист по психодинамической игровой терапии.

Мастер-класс: ***«Самость и самость: метаморфозы всемогущества»***

Мастер-класс посвящен рассмотрению метапсихологическим аспектам в практике аналитической работы. Рассматриваются такие важные с точки зрения аналитической психологии категории, как самость и Самость. Первая из которых имеет отношение к так называемому первичному интеграту становящейся личности, а вторая характеризует единство и целостность личности во второй половине жизни и выходит за пределы индивидуального психического пространства.

Особый акцент делается на процессах становления и связи структур самости и эго, эго и Самости, механизмам взаимодействия эго и внешней среды. В этой связи

проводятся параллели во взглядах М.Фодэма, Х.Кохута, Э.Эдингера, Э.Нойманна, К.Юнга, Т. де Шардена.

Теоретическая часть иллюстрируется клиническими примерами, как в вербальном, так и визуальном регистрах.

Павлова Ольга Николаевна, кандидат психологических наук, профессор кафедры психологии социальной работы факультета психологии Национального института им. Екатерины Великой, действительный член (клиническое направление), член правления–руководитель комитета клинического психоанализа Межрегиональной общественной организации «Русское психоаналитическое общество».

Мастер-класс: ***«Современный женский нарциссизм»***

Бондарева Наталья Борисовна, психоаналитический психотерапевт, действительный член–заместитель руководителя экспертно-аттестационного комитета по клиническому психоанализу Межрегиональной общественной организации «Русское психоаналитическое общество».

Мастер-класс: ***«Работа с пациентами с нарциссической депрессией»***

Мастер-класс является практической иллюстрацией к докладу «Метапсихологические аспекты нарциссической депресии у женщин». Автор делится своими соображениями о том, как используя классические концепции З.Фрейда, понимать, а это значит – и осуществлять терапевтическую помощь нарциссическим пациентам, находящимся в состоянии депрессии. Особое внимание уделяется технике начала работы с пациентами, которые испытывают сложности в вербальной коммуникации.

Савченкова Нина Михайловна, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии и психоаналитической критики Восточно-Европейского института психоанализа, доцент кафедры онтологии и теории познания Санкт-Петербургского государственного университета.

Мастер-класс: ***«Эротизм и нарциссизм как две стратегии психического опыта: Жорж Батай и Антонен Арто»***

Эротизм и нарциссизм как две стратегии психического опыта: Жорж Батай и Антонен Арто.

Выдающиеся мыслители XX века – Арто и Батай – не только создатели философских концепций, к которым все чаще обращается современность, но – и возможно именно поэтому они и представляют такой интерес для нас – они суть те, кто ответственно и последовательно воплотили свою мысль и опыт присутствия в собственном теле – в радикальных эстетических проектах, стихах и прозе.

В рамках мастер-класса предлагается проанализировать фрагменты текстов названных авторов в целях прояснения и различения концепций эротического и нарциссического тела.

В качестве методологического контекста предлагаемого аналитического эксперимента используются работы З. Фрейда «О введении понятия «нарцизм», «Скорбь и меланхолия», «Невроз и психоз», «По ту сторону принципа удовольствия»; семинар Ж.Лакана «Этика психоанализа»; а также психоаналитические концепции У.Биона и П. Кэйсмента.

В качестве рабочего материала прилагаются фрагмент романа Ж.Батая «История глаза» и стихотворения Антонена Арто «Элоиза и Абеляр», «Свет-Абеляр», «Учелло-волосатик».

Страхов Михаил Юрьевич, психолог-психоаналитик, Старший преподаватель кафедры мировой психотерапии Факультета психологического консультирования МГППУ, член Европейской школы психоанализа и Всемирной психоаналитической ассоциации, член Бюро ассоциации «Группа Фрейдово поле – Россия».

17.30-17.45. Перерыв

17.45-19.15. Групповые супервизии*

1. Открытая супервизия клинического случая

Супервизор – ***Комарова Лола Эриковна,*** кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Государственного научно-практического центра судебной и социальной психиатрии им. В.П.Сербского, действительный член Международной психоаналитической ассоциации, президент Московского группы психоаналитиков.

Супервизанд – ***Червонько Константин Иванович***

2. Открытая супервизия клинического случая

Супервизор – ***Усков Александр Феликсович,*** психоаналитик, действительный член Международной психоаналитической ассоциации, Московского психоаналитического общества, ученый секретарь Московского психоаналитического общества.

Супервизанд – ***Савичева Елена Петровна***

3. Открытая супервизия клинического случая

Супервизор – ***Жалюнене Елена Владимировна,*** кандидат медицинских наук, действительный член Международной психоаналитической ассоциации, Московского психоаналитического общества, член Парижского психоаналитического общества, преподаватель Института практической психологии и психоанализа.

Супервизанд – ***Скоробогатова Настасья Александровна***

4. Открытая супервизия клинического случая

Супервизор – ***Шибаев Алексей Максимович,*** психоаналитик, действительный член Международной психоаналитической ассоциации, ассоциированный член Чешского психоаналитического общества, действительный член Общества психоаналитической психотерапии.

** Супервизии проводятся ведущими специалистами МПА, МПО, МОП, МГП, а также РПО и НФП в русле психологии самости, нарциссизма и демонстрируется работа супервизандов с нарциссическими пациентами.*

Супервизанд – ***Михайлова Галина Викторовна***

5. Открытая супервизия клинического случая

Супервизор – ***Россохин Андрей Владимирович,*** доктор психологических наук, старший научный сотрудник психологического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова, кандидат в члены Международной психоаналитической ассоциации, действительный член Московского общества психоаналитиков.

Супервизанд – ***Соколовская Екатерина Сергеевна***

6. Открытая супервизия клинического случая

Супервизоры – ***Осипов Владимир Александрович,*** клинический психолог, психоаналитический психотерапевт, член правления–руководитель экспертно-аттестационного комитета по клиническому психоанализу Межрегиональной общественной организации «Русское психоаналитическое общество». ***Бердникова Юлия Леонидовна,*** психоаналитический психотерапевт, вице-президент НФП-ЕКПП-Россия, супервизор и обучающий аналитик Национальной федерации психоанализа, преподаватель Восточно-Европейского института психоанализа.

Супервизанд – ***Поволоцкая Галина Викторовна***

7. Открытая супервизия клинического случая

Супервизор –

Супервизанд –

19.15-19.45. Подведение итогов работы конференции
Харитонов А.Н.

Вечерняя программа

20.00-21.30

Бокал шампанского

Благодарим за участие!

Президент конференции

Научный комитет конференции

Организационно-рекламный комитет конференции

Дж. Агуайо

ИССЛЕДОВАНИЯ Г.РОЗЕНФЕЛЬДА И О.КЕРНБЕРГА О НАРЦИССИЗМЕ (1964-1987 гг.): В НАПРАВЛЕНИИ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА

Доклад на 46-м конгрессе Международной психоаналитической ассоциации «Психоаналитическая практика: конвергенция т дивергенция», г. Чикаго (США), 29 июля - 1 августа 2009 г.

Я сосредоточусь на клинических и исторических аспек кляйнианского взгляда на нарциссизм в работах Г.Розенфельл и О.Кернберга с 1964 по 1987 г.г. Почему так мало места в печати было отведено диалогу двух наиболее значительных исследователей, которые были знакомы с работой друг друга? Я попробую рассказать историю как бы со стороны, выступая в роли историка, временно оставляя в стороне вопрос того, чья теория кажется более предпочтительной.

Лондонские кляйнианцы рассматривают вклад Г.Розенфельль (1964, 1971) в исследования нарциссизма в качестве наиболее значительного со времени смерти М.Кляйн в 1960 г. (Р.Стайнер, 1989; 2009; Дж.Стайнер, 1992; 2009; Р.Бриттон, 2002). В отличит от них, О.Кернберг (1975) в Соединенных Штатах немало почерпнул из кляйнианской клинической работы в описании нарциссизма, несмотря на свою критику кляйнианской теории (О.Кернберг, 1969; 1980). Независимо от того, как американские аналитики относились к работам О.Кернберга, Лондонская кляйнианская группа в значительной степени игнорировала их в своих публикациях: в лучшем случае, их ответ занимал лишь несколько страниц в литературе. Одной из целей данной работы является исправление в дальнейшем этой ситуации и тенденции группового обособления, когда региональная узость взглядов препятствует межрегиональному диалогу. И Г.Розенфельд, и О.Кернберг являлись образцами в своем «межрегионализме». Но где находятся их точки соприкосновения и расхождения? Возможен ли конструктивный синтез, или дальнейший диалог обнаружит несовместимые различия?

Короткий комментарий к работам Г.Розенфельда: он принял вызов идеи терапевтического нигилизма З.Фрейда (1914) относительно «нарциссических неврозов» и продемонстрировал, что психотические, гомосексуальные и нарциссические пациенты поддаются аналитическому лечению. Он понимал эти расстройства в терминах недостаточности объектных отношений, что-то вроде примитивного «склада ума», который делает их поддающимися анализу. Как М.Кляйн, так и Г.Розенфельд не были согласны с Фрейдом относительно его идеи первичного нарциссизма, которая недооценивает «безобъектное» состояние, а вместо этого рассматривает аутоэротические феномены в качестве фантазий о внутренних объектах. Так, когда ребенок сосет собственный палец, он рассматривался, как будто находится в контакте с грудью. Фрейдовское «безобъектное» состояние становится в понимании М.Кляйн фантазией о всемогуществе, коммуникацией, которая может рассматриваться в виде поддающегося анализу переноса. (Р.Хиншелвуд, 1991).

Отходя от фрейдовских формулировок, Г.Розенфельд демонстрировал, как «неподходящие» пациенты могут оказываться подходящими для анализа. Например, Г.Розенфельд (1947; 1949; 1950; 1952) представил концепты, такие как «спутанность самости и другого» и «психотический перенос» для лечения психотических состояний. Что касается менее нарушенных нарциссических пациентов, Г.Розенфельд (1964) вписал свое понимание вопроса в структуру, которую Р.Хиншелвуд (2009) назвал «психотогенной» матрицей. Это отчетливо

кляйнианская характеристика, привязывающая нарциссизм к психотической матрице; она также отличается от того, что я обозначил бы как «неврозогенная» матрица эго-психологии, где нарциссические пациенты рассматриваются в большей степени как «неудавшиеся» невротики. Поразмышляем здесь над классической статьей Дж.Нахта (1949) о пограничном пациенте: он пришел в анализ, но как только оказался на кушетке, тут же регрессировал до короткого эго-дистонного психотического эпизода. Обсуждение этого случая способствовало расширению сферы аналитического лечения, что привело к изменениям в параметрах лечения для пациентов этого типа (Л.Стон, 1954).

Г.Розенфельд, тем не менее, относил подобные психические механизмы как к психотическим, так и к нарциссическим, вроде, например, спутывания самости и Другого. Я провожу различие между масштабным, продолжительным и всеобъемлющим желанием психотика спутывать самость и иного партнера, и тенденцией нарциссической личности спутывать самость и Другого избирательно. Нарциссист здесь выбирает другого, обладающего желательными свойствами: он может затем спроецировать презираемые аспекты самости на объект, в то же время присваивая его хорошие и желательные качества. Из идей Г.Розенфельда (1964; 1971) и ранних работ О.Кернберга (1975) о нарциссизме я выделяю четыре отдельных аспекта клинического интереса:

1) характерные черты и формулировки в описании клинического нарциссизма;
2) описания изученных случаев;
3) теоретические конструкты, используемые для понимания аспектов 1 и 2; и
4) специфические аналитические парадигмы лечения, рекомендованные при этих расстройствах.

Начав с аспекта 1, Г.Розенфельд (1964) описал признаки нарциссического расстройства: преобладание идеи всемогущества в мышлении; спутанность самости и другого; проецирование деструктивной агрессии на объекты; ненасытные требования. Описывая случаи (аспект 2), Г.Розенфельд (1964) представляет пациентов, которые идеализируют себя в присутствии аналитика, в то же время не обращая внимания на то, как их воспринимает аналитик, т.е. бессознательно пациент остается с состоянием зависти по поводу способности аналитика к поддержке, что
ведет к маниакальным проявлениям. Подобное использование
объектов оставляет пациента с обесцененными объектами, кормящими его «фекализированным» вариантом груди. Эти маниакальные, грандиозные маневры обеспечивают пациенту заниженный, иллюзорный взгляд на себя как на грудь, которая сама себя кормит, как если бы он сам создал все хорошее внутри себя. Такие формы перверсного мышления исключают также какую-либо возможность полноценной зависимости или сепарации. В рамках линии 3 аспекта Г.Розенфельд (1971) описал различные степени тяжести нарциссических нарушений. То, что он
описывал ранее, теперь подразделяется на «либидинальный» и «деструктивный» виды нарциссизма, «последний термин подразумевает тех хронически резистентных пациентов, которые проявляют длительные негативные терапевтические реакции. Одним из основных отличительных признаков является постоянная тенденция идеализировать обесценивающие, всемогущественные части самости. Терапия таких пациентов имеет очень маленький шанс на успех, поскольку их глубинная бессознательная и основанная на зависти обида не может быть выведена на арену активного негативного переноса.

Согласно Г.Розенфельду, либидинозный нарциссический пациент менее упорно защищает свои позиции, чем деструктивный, который обнаруживает более

глубоко интернализованные патологические структуры. В любом случае, однако, аналитик привносит возможность для того, чтобы пациент почувствовал, что его защитное переоценивание личности как бы атакуется аналитиком. Задача аналитика заключается в том, чтобы помочь пациенту выйти из «иллюзорного» ощущения всемогущества. В случае успеха зависть уменьшается, в то время как проявляется признательность - аналитик и значимые другие теперь могут быть оценены в результате того, что заботящаяся либидинозная самость была высвобождена посредством анализа. В ином случае заботящаяся либидинозная самость остается в ловушке в качестве заложника деструктивной, «плохой» самости.

Позднее Г.Розенфельд (1971) применил свои открытия относительно деструктивной нарциссической личности для описания личности, в которой доминирует патологическая организация, сравнивая это с мафиозной шайкой, в которой доминирует главарь, контролирующий своих подчиненных. Структура патологической организации чрезвычайно сильно сопротивляется анализу, поскольку она создана, чтобы сохранять и поддерживать саму себя, совсем как в случае мафии. Пациент порабощен перверсной «безумной» идеей, которой требуется подчиняться любой ценой, поскольку только она может обеспечить убежище и утешение. В большинстве случаев деструктивный нарциссизм проявляется как «любовь, преисполненная ненависти», и граничит с психотической стороной спектра (Г.Розенфельд, 1971).

До того, как его книги принесли ему известность в американских психоаналитических кругах, О.Кернберг (1969) выступил в печати с критикой кляйнианской школы с позиции эго-психологии. Проходя обучение и анализ в Чилийском психоаналитическом обществе, где кляйнианское мышление господствовало в 50-е гг. прошлого века, О.Кернберг имел возможность изучить кляйнианскую теорию изнутри, и это отличает его компетентную критику от аналогичной критики других американских аналитиков, например Р.Гринсона (1975), которые в целом ошибочно понимали кляйнианское клиническое мышление. О.Кернберг (1969) обращал особое внимание на расхождение между яркими клиническими описаниями М.Кляйн и поясни-тельной/теоретической моделью, используемой для формулировки ее утверждений. О.Кернберг перечисляет замечания в адрес М.Кляйн, касающиеся ее умозрительных идей об инстинктах (т.е. о существования инстинкта смерти); излишнего внимания, уделяемого фантазии за счет реальности (т.е. пренебрежение важным родительским фактором и фактором влияния окру-жающей среды); относительной недостаточности структурной теории; приписывания младенцам таких «врожденных» понятий, как сексуальность в слишком раннем возрасте; а также тенденции полагать, что все формы патологии независимо от их тяжести могут быть излечимы с помощью единственной модальности - психоанализа (О.Кернберг, 1969; 1980).

Представление О.Кернбергом кляйнианской школы имеет также и реабилитирующий аспект - он ясно дал понять, что кляйнианские клинические наблюдения много что смогли предложить тому, что он называет «мейнстримом» психоанализа, особенно в области работы с пограничными, нарциссическими и психотическими пациентами (О.Кернберг, 1969). Кроме того, он сделал вывод, что может произойти сближение между кляйнианцами и эго-психологами, если обеспечить некоторые изменения в теории и технике, чтобы две школы могли идти «.. .дальше по дороге интеграции» (там же) Судя по отсутствию ответа кляйнианцев на работу О.Кернберга, полагаю, вполне можно сделать вывод о несогласии кляйнианцев с кго идеями на эту тему (П.Хейманн, 1966; Г.Розенфельд, 1978).

Так что когда О.Кернберг (1975) опубликовал «Условия пограничности и патологический нарциссизм», его работа явилась интегративной, в

значительной степени опирающейся на кляйнианское клиническое описание нарциссической патологии и одновременно объясняющей его изыскания на языке эго-психологии Э.Якобсон и М.Малер. Когда О.Кернберг (1975) заявляет, что надеется пролить «новый свет» на проблему нарциссизма, он также соглашается с тем (там же, что это является согласием относительно «...описательных клинических характеристик» нарциссической личности». С моей точки зрения, эта согласованность остается по большей части в области кляйнианской концептуализации и изучения случаев.

Возвращаясь к вопросу о том, каким образом работы О.Кернберга могут быть противопоставлены работам Г.Розенфельда на протяжении этого времени: помимо прочего, О.Кернберг был больше психоаналитиком и исследователем, работающим в клинике, - вначале у К.Меннингера, а затем - в Нью-Йоркской больнице Корнуэллского медицинского центра, в Вестчестерском отделении. Он наблюдал множество пациентов, которым требовалась диагностика и терапия. Его работа в то время имела прямое отношение к дифференциальной диагностике - точнее, к разделению невротических нарушений и того, что он называл патологическими нарциссическими нарушениями; и к тому, что отличает эти группы от групп с пограничной личностной организацией или нарциссической личности с пограничными чертами. Исследование в этом случае, я полагаю, смещается, обуславливая «неврозогенную» тенденцию в американской эго-психологии. В то время, как О.Кернберг признает, что нарциссическая личность имеет собственную сугубо патологическую траекторию, он чаще всего приводит сравнения с другими невротическими диагнозами.

В этой медицинской модели классификации и исследования О.Кернберг также имел дело с «аспектом 4» - терапией, что обуславливало постановку вопроса о выборе ее типа: анализа, аналитической экспрессивной терапии или поддерживающей терапии. Что является показаниями или противопоказаниям для анализа? Упор здесь делался на диагностическую экспертизу, что влияло на параметры терапии для различных уровней расстройства. Такой более узаконенный метод рассмотрения различных диагностических групп требует точной диагностики» суммы динамических признаков, сжатого клинического описания и определения особенностей последующего лечения.

Не вызывает сомнения, что в лондонском кляйнианском методе эти моменты сильно отличались, поскольку выводы делались на основе изучения отдельных долговременных случаев «глубинной» психоаналитической терапии. В Лондоне меньше внимания обращалось как на дифференциальную диагностику, так и на вариации параметров терапии, поскольку кляйнианцы в течение этого времени принимали пациентов большей или меньшей степени тяжести нарушений, независимо от диагноза - был ли то нарциссизм, пограничные нарушения или что-либо другое (О.Кернберг, 1969;1980).

В отличие от этого, описание нарциссизма Кернбергом явно несет бихевиоральные черты, что хорошо соотносится с Осью 2 «личностных расстройств» в американской классификации болезней (DSM 3), что делает его более удобным в использовании для американских практикующих терапевтов. В третьей версии классификации DSM в описании «нарциссического расстройства личности» указываются следующие признаки: мания величия; потребность в постоянном внимании; ощущение собственной правоты, стремление использовать других людей; колебания между идеализацией и обесцениванием во взаимоотношениях; недостаток эмпатии к Другим.

Верно также и то, что поскольку О.Кернберг (1975) в значительной степени находился под влиянием кляйнианской клинической работы, с точки зрения как аспекта 1, так и аспекта 2, я полагаю, что его деятельность в значительной мере представляла собой легитимизацию кляйнианского клинического мышле-

ния в Соединенных Штатах в конце 70-х гг. XX в. Из-за длительного негативного отношения со стороны эго-психологов, более неравнодушных к методу А.Фрейд в детском анализе, аура, окружающая работу М.Кляйн во многих американских институтах, обеспечивала ей звание «нефрейдистского раскольника» (Р.Гринсон, 1974; Д.Кирснер, 2002). Поскольку работа О.Кернберга в основном принималась позитивно, кляйнианская клиническая деятельность постепенно становилась более привлекательной для американских аналитиков в последовавший за 70-ми гг. период, особенно после того, как О.Кернберг подвел свои клинические описания нарциссизма под теоретическую эгиду эго-психологии.

Эта положительная оценка только возросла вследствие признания и распространения работ Ш.Кляйн и ее последователей другими американскими аналитиками, например, Томасом Огденом (1979), Джеймсом Гротштейном (1981) и Роем Шафером (1997).

С моей точки зрения, описания нарциссизма О.Кернбергом (в аспекте 1) в значительной степени резонирует с описаниями М.Кляйн, которые уже были опубликованы к 1975 году (М.Кляйн, 1927; 1946; 1957; Г.Розенфельд, 1964; 1971). Как эти описания могли бы звучать в аспекте 2? Изучая случаи О.Кернберга (1975), можно проследить характерные кляйнианские темы - устойчивый обесценивающий негативный перенос, атака на полезность терапии, когда пациент присваивает лучшие качества аналитика, касающиеся понимания, и одновременно помещает в объекты презираемые аспекты собственной самости; завистливые нападки, уменьшающие ощущение зависимости.

О.Кернберг также предостерегал аналитиков по поводу необходимости» отслеживать свой контрперенос и отдавать себе отчет относительно того, какие моменты субъективно способен всколыхнуть в аналитике нарушенный пациент, не доводя это до сведения пациента в анализе (там же). О.Кернберг всего лишь отчетливо сформулировал то, что кляйнианцы (П.Хейманн, 1950; У.Бион, 1955; Э.Маней-Кирл, 1956) уже давно обсуждали в терминах «расстройства, индуцированного пациентом», возникающего в психике аналитика. В этом не было ничего нового.

В исторической ретроспективе становится ясно, что концептуальные разногласия между кляйнианцами и О.Кернбергом не проявлялись, поскольку в 1970-80 г.г. он в основном боролся с положениями психологии самости Хайнца Кохута о нарциссизме. С моей точки зрения, небольшие стычки О.Кернберга с Лондонской кляйнианской группой были скорее побочным явлением, некоей разновидностью клинического нарциссизма малых различий. Однако в великой теоретической битве О.Кернберг видел себя в большей мере союзником кляйнианской группы, чем Х.Кохут (который крайне редко цитировал М.Кляйн или кляйнианцев).

В силу необходимости учета прогностических факторов, (рассмотрение аспекта 4) О.Кернберг проводил различие между поддающимися и не поддающимися терапии нарциссическими пациентами - менее сложными в лечении были невротические личности с нарциссическими защитами; более сложными для лечения являются пациенты с патологическим нарциссизмом, прогнозы для которых требуют осторожности.

Поскольку экспрессивная психотерапия не приносила им пользы, психоанализ оказывался единственным подходящим видом терапии, несмотря на опасность возникновения длительных тупиковых ситуаций (О.Кернберг, 1975).

Если говорить об общих у Г.Розенфельда и О.Кернберга моментах, то представление последнего о патологически грандиозных, «чрезвычайно сложных в терапии» нарциссических пациентах, я думаю, можно считать приблизительно эквивалентным «деструктивным нарциссическим пациентам»

Г.Розенфельда. Описывая свое понимание патологической нарциссической личности, О.Кернберг приходит к согласию с Х.Кохутом в обозначении «грандиозной самости», полностью разворачивающейся в переносе. Однако с точки зрения О.Кернберга, основное внимание следует уделять анализу негативных, агрессивных, связанных с завистью аспектов переноса - тех, которые обозначают потребность пациента в осуждении и обесценивании аналитика, особенно в качестве независимого объекта (там же). Без этой работы сложно представить, как перенос может быть смещен в невротические структуры, которые лучше поддаются анализу.

Для тех нарциссических пациентов, которые функционируют скорее на пограничном/психотическом уровне - с недостаточной переносимостью тревожности, слабым контролем за импульсами и примитивными мыслительными процессами (там же) - О.Кернберг рекомендовал экспрессивно-поддерживающую терапию. Это подразумевает создание более позитивного переноса, что может предотвратить негативную терапевтическую реакцию или внезапное прекращение терапии (там же).

О.Кернберг также вполне мог утверждать, что Лондонская кляйнианская группа не обеспечила посредством систематического отслеживания информации достаточно материалов для того, чтобы эмпирически подкрепить доказательствами свой особый подход к лечению нарциссических, «сложных для лечения» пациентов. Похоже, кляйнианская группа не ставила перед собой исследовательских целей: их метод продолжает основываться на изучении отдельных случаев, что, безусловно, создало богатый комплекс феноменологических описаний, обогативший работу О.Кернберга.

И последний момент, на котором я хочу остановиться: что касается Г.Розенфельда, он в ходе всей своей профессиональной деятельности относился к работе своих американских коллег серьезно и уважительно. Я бы сказал, что Г.Розенфельд был одним из немногих и самых первых сторонников межрегионального сотрудничества среди работающих в Лондоне. О.Кернберг также неизменно занимал «межрегиональную» позицию в диалоге с аналитиками, относящимися к разным теоретическим направлениям. И, возможно, характерной чертой обоих этих аналитиков является то, что оба они были евреями, эмигрировавшими из Германии из-за нацистского преследования, и этот фактор мог способствовать их повышенной чувствительности, благодаря чему их работа отличается от работы аналитиков, для которых принявшие О.Кернберга и Г.Розенфельда культуры были родными.

Лу Андреас-Саломе

ДВОЙНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ НАРЦИССИЗМА

Andreas-Salome L. The Dual Orientation of Narcissism// The Psychoanalytic Quarterly. 1962 (1921). Vol.31. P. 1-30.

1

Совсем недавно стала очевидной растущая значимость фрейдовской концепции нарциссизма, - что можно объяснить тем фактом, что термин мало обсуждался даже оппонентами и противниками, как если бы более ранние термины распространялись на эту же концепцию. Поначалу все так и было, в то время, когда нарциссизм был синонимом аутоэротизму. Позднее, когда З.Фрейд использовал его в описании той фазы либидо, в которой после аутоэротического смешения младенцем себя и мира выбор первого объекта падал на сам субъект. В дальнейшем он затронул более широкий аспект: «...Слово «нарциссизм» подчеркивает тот факт, что эгоизм - это также либидное явление; или, говоря другими словами, нарциссизм можно описать как либидное дополнение эгоизма» (Фрейд З. Метапсихологическое дополнение к теории сновидений /1917 г./ (The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud. Vol. 14. London: The Hogarth press; The institute of psycho-analysis. P.217-236. -Прим.ред.).

Таким образом, нарциссизм не ограничивается одной лишь фазой либидо, это еще и часть нашей любви к себе, которая присутствует на всех фазах. Это не просто примитивная точка пути развития, а непрерывно присутствующий элемент для всех последующих объект-катексисов либидо, которое, кстати, согласно метафоре З.Фрейда, протягивает ложноножки к объектам, как амеба, и отдергивает их только по необходимости. Согласно концепции нарциссизма З.Фрейда, психические энергии «существуют бок о бок в состоянии нарциссизма и неразличимы посредством нашего грубого анализа; и только при катексисах объектов можно отличить либидо, сексуальную энергию от энергии Эго-инстинктов». Значит, она определена как лимитирующая концепция, на которую не может натолкнуться анализ, пока не будет вынужден столкнуться с ней в ходе терапии, в тот момент, когда патологические нарушения начинают анализироваться и восстанавливается здоровье. «Больной» и «здоровый» обозначают ложные или верные взаимоотношения двух внутренних тенденций в то время, как они ограничивают или дополняют друг друга.

Так как обе тенденции подразумевают единую личность, они не ясно разграничиваются растущим сознанием Я. Это в дальнейшем затрудняет понимание того факта, что при включении либидо что-то начинает происходить в противовес индивидуальности: личная идентичность возвращается к предварительному состоянию, в котором она являлась всем, также как и всё в целом являлось ей. Если концептуально инстинкты самосохранения и самоутверждения должны быть отделены от сексуальных инстинктов, тогда либидо должно представлять собой связующее звено между желанием индивидуальности и противоположным движением к слиянию. При этой двойной ориентации нарциссизма отношения либидо будут выражены в нашей привязанности к первоначальному состоянию; мы остаемся погруженными в него на все время развития, как растения, вкопанные в землю, несмотря на противоположный рост в сторону света. Даже физические процессы секса и воспроизведения связаны с элементами, которые остаются недифференцированными, а эрогенные зоны - это остаточные явления инфантильного состояния, от чего органы давно были отделены в целях самосохранения.

Не возникает даже сомнений в одностороннем предубеждении в отношении

неоднозначности нарциссизма, - а именно, сделать либидо ответственным за Эго-инстинкты (как если бы, например, мы считали потребность в еде формой слияния с внешним миром), или же, наоборот, подчинить либидо агрессивным стремлениям (как если бы это было разновидностью скупости Эго). Нет сомнения в теоретической недопустимости этого. Скорее здесь включены знания внутренних различий, которые сохраняются по причине двойственной терминологии, а не насильно объединяются. Задача фрейдовского психоанализа - следовать за обстоятельствами существования как можно дальше и как можно глубже, и только для этой цели мы используем ежедневные полярности Эго-инстинктов и сексуальных инстинктов. Таким образом, мне кажется опасным не подчеркнуть неотъемлемую двойственность концепции нарциссизма и оставить вопрос неразрешенным, позволив нарциссизму означать только самосохранение. Я бы хотела остановиться на менее очевидном аспекте, постоянном чувстве идентификации с тотальностью, и хотела бы сделать это с учетом трех факторов: объект-катексиса, ценностного суждения и нарциссической трансформации в художественном творчестве.

Но сначала я бы хотела рассказать о маленьком мальчике, благодаря которому я смогла пронаблюдать с особой тщательностью, как формируется Эго не только удовлетворением сознательного самосохранения, но и депривацией удовольствия пассивного впитывания у еще не дифференцированной целостности. В процессе одновременной депривации и компенсации ребенок превратился из ранее ласкового и доверчивого в слезливого и раздражительного, ударил свою любимую мамочку, не играя, и был то взбешен, то тревожен. Сам он не мог выразить свои чувства словами, но они очень точно отражены во фразе такого же маленького страдальца, но уже умеющего выражать себя словами; вот как он горько упрекал своего разозлившегося отца: «Ты такой непослушный, а я такой грустный». Первопричина стала ясна, когда исчезла проблема после того, как ребенок перестал говорить о себе в третьем лице, и, как болезненно режущийся зуб, появилось первое «Я». Поначалу новое слово употреблялось только в бытовых столкновениях с окружающим миром, а в моменты былой гармонии «Я» заменялось словом «Мальчик». Когда его наказывали и ставили в тол, он говорил: «Я плохой», а после, когда радостно бежал в объятия своей мамы, кричал: «Мальчик хороший сейчас!» Несколько месяцев спустя слово «мальчик» полностью исчезло; в дверях появлялся совсем не похожий на озадаченного и раздражительного ребенок и с «чувством собственного достоинства заявлял: «А вот и Я».

И теперь глубоко сидящая болезнь - первоначальная рана каждого о нас - прекратила свое долгое существование; казалось, было внешне установлено непонимающее самоунижение обращения в личность, которое было вне рамок понимания. С каждым ударом, с каждым криком на любимого человека, каждой мстительной вспышкой тлеющее удовольствие вспыхивало заново, как если бы он снова получал через материнские слезы болезненное наслаждение от утерянного с ней единства. Порой, как мне кажется, такой детский садизм означает вторичную натуру садизма, реверсированного все еще бессознательными идентификациями, и показывает, как удивительно тесно связан с ним Эдипов комплекс. Он получает силу от фокусирования размытой эмоции на канале самосознания и на агрессии Эго.

Конечно же, генезис «Я» не положил конец внутреннему конфликту. Это произошло благодаря событию, которое бывает не так уж редко и имеет, возможно, иные источники происхождения, но которое в данном случае было явно необходимой ему компенсацией за потерю универсальности. Мальчик в своем новом мире познаний завел себе невидимого друга, физическое обличие которого взял из книги с картинками - веселый мальчик, выпрыгивающий из группы детей, с венком из цветов на голове; надпись под картинкой гласила:

«Пришел Май». «Май» с тех пор существовал как роковой двойник и дополнение самого мальчика. Теперь это было его обязанностью принимать по необходимости позицию, прямо противоположную позиции мальчика: быть счастливым или печальным хорошим или плохим, поощренным или наказанным, даже мертвым или живым. Если мечты ребенка удовлетворялись недостаточно, он в таком случае наслаждался беспрепятственным осуществлением желаний Мая, однако если изобилие счастья переполняло его (как, например, в Рождество при лицезрении новогодней елки и массы подарков), он коротко заявлял: «Сегодня для Мая ничего нет».

Понятно, что ни при каких обстоятельствах злобе и зависти не было места. Когда «Май» был счастлив, ребенок был утешен, а когда на «Мая» не обращали внимания, он сдерживал себя - с единственно истинной самоотверженностью, которая длится до тех пор, пока ребенок не добьется овладения собой. Как только подтверждается его самообладание, «Май» все реже появляется на сцене, так как ему приходилось проделывать долгий путь обратно к своему прежнему жилищу. Позднее он все-таки перебрался поближе, в итоге ему пришлось удовлетвориться тем, что он ездил на поезде согласно расписанию. Когда я ездила в Баварию, «Май» был моим ситником, и, так сказать, умер в моем доме, и Бавария стала последним его прибежищем. Таким образом, когда у мальчика спрашивали, где Я, он отвечал: «Лу сейчас на небесах». Достаточно сказать, что у него было сильное чувство самосознания и уверенности в себе, впоследствии такое сильное, что было бы нелегко отыскать равного его «Я». Однако, где-то в возрасте трех лет «Май» все-таки возвращался, но только ночью: когда этот необычайно музыкальный мальчик засыпал под колыбельную, которая никогда не принадлежала только его разностороннему «Я».

Позднее в жизни, когда либидо приобретает осознание через Эго, оно должно испытывать тревогу при сдерживании или подавлении борьбы за власть, может страдать оно и на более ранних стадиях тогда, когда возникают сомнения, принимать ли конструкции, диктуемые определенно сплоченной личностью. Последнее также приводит к репрессивным попыткам, как если бы в узкое русло реки нужно вместить содержимое, которое когда-то было океаном. Миссия «Мая» - это своего рода опыт, который надощ) сохраняется в детских фантазиях, и я отмечала это у детей, значительно старше, чем этот мальчик. Я вспомнила похожий случай из моей жизни, где-то в возрасте семи лет. Это произошло в то время, когда мне пришлось отказаться от глубокой детской веры, а это значит отказаться от божественного прибежища, которое может укрыть ребенка как последняя, духовная, зародышевая оболочка: только когда она разрывается, у Эго, в каком-то смысле, появляется возможность родиться. Это касалось моих впечатлений о моем отражении в зеркале. Я неожиданно осознала свое отдельное существование от всех остальных. В моей внешности не было ничего особенного - как, например, если бы я вдруг осознала, что я не такая красивая, как себе представляла - не было вины за грех сомнения. Это скорее был факт того, что я отдельная цельная личность, и это сделало меня бездомной и обнищавшей, словно до этого у меня было теплое местечко для себя самой как части всего и каждого.

У детей и страдающих пациентов чаще, чем у здоровых взрослых, появляется необъяснимое чувство сдавливания границами личности до призрачного подобия существования. Нормальные взрослые теряют самообладание при обратном осознании, что их индивидуальность может исчезнуть. В случае с детьми их неустойчивое Эго-чувство открывает другую сторону нарциссизма, в случае с психотиком - это дезинтегрированное Эго. Отсюда нарциссизм определяется как концепция, не попадающая под идею «самосохранения». Отсюда и тот факт, что психотик может рассказать нам об этом многое по причине утраты Эго-границ. Он отказывается от способности переноса и катексиса объектов, что возможно

только при отступлении от Эго, и регрессирует до уровня, когда уже нечего переносить на другую личность, даже на себя как на индивида. Как и у младенца, с которым он разделяет это состояние полу-существования, у него нет слов, чтобы описать его, в то время как мы со всей имеющейся у нас терминологией пытаемся соединить две части в неопределенное целое, на которое можем посмотреть только с одной стороны.

Несомненно, всегда найдутся люди, которые по необходимости подыщут название для неописуемого, но эти названия подчеркивают лишь то качество, которому нет названия, и эти люди считают, что используют простые слова как суть. Это старомодные метафизики. Но предположим, что нам бы пришлось использовать эти неясные формулировки в других целях - разграничить практические и реальные аспекты внутренних переживаний. Так же, как можно изучать природу религии, штудируя классический язык верующих, так и в терминах метафизических выражений можно найти соответствия с аспектами существующего опыта, которые иначе останутся скрытыми от Эго-психологии, как звезды от дневного света. Мастера религиозного слова и великие философы обладают силой выражения, посредством которой, и это хорошо известно психоаналитикам, они способны защищать импульсы, которые исходят из первоначального господства нарциссизма. Они могут обогатить думающего ученика так же, как и речь психотика.

То, что может дискредитировать крестного отца нашего термина, Нарцисса, героя зеркал, так - это акцент только на эротизме самонаслаждения. Не забывайте, что Нарцисс в легенде смотрел не в зеркало; созданное руками человека, а в зеркало Природы. Возможно, он видел не себя как такового в отражении зеркала, а себя как если бы он был Всем: разве не остался бы он перед зеркалом вместо того, чтобы бежать прочь от изображения. И разве на его лице помимо очарования не присутствовала меланхолия? Только поэт может нарисовать полную картину этого единства радости и печали, ухода от себя и поглощения себя, преданности и самоутверждения.

II

Психоаналитические исследования предоставили достаточное подтверждение яркому сравнению З.Фрейдом размещения любви к объекту в любви к себе, на примере акробатических действий амебы, которая может отдергивать свои ложноножки. Вот фраза св. Августина: «Я был влюблен в любовь». При более тщательном изучении объекты оказываются просто способом разгрузки излишней любви - любви, принадлежащей нам самим и не нашедшей выхода. На вопрос, как мы переводим нашу любовь к себе в объектное либидо, мы часто получаем ответ у З.Фрейда в концепции избытка и переполнения. Это «слишком много» с самого начала не придерживается границ Эго и даже противостоит им, что может означать, что этим управляет нарциссизм, и что он противодействует каждому защитному акту Я, рефлексивно аннулируя его. Конечно, аналогично существует истинная любовь к себе, сознательно направленная, и получающая наслаждение от преимуществ, предусмотренных для Эго, а не от чувственного удовольствия. Но даже истинную чувственность, включенную в Я, Я охотно скрывает от наблюдателя, ее избыток ставит Я в центр и окутывает его. Только в катексисе объектов либидо выражается как что-то само по себе, далее представленное в чертах объекта. На заднем фоне, однако, лежит почва, породившая его, и явная фигура объекта маячащая перед нами, может обмануть нас, нарядившись в «местные одежды». Я думаю, то, что З.Фрейд называет «сексуальной переоценкой» - попытка возвысить объект и наделить его атрибутами красоты и значимости. Она возникает как попытка сделать из объекта замену для основной всеобъемлющей целостности, что, в конечном счете, остается таким же недостижимым, как и объединенный объект-субъект. В

конечном счете, каждый объект - это субститут, и в строгом психоаналитическом смысле – символ, для всего того изобилия бессознательного смысла, самого по себе неописуемого, которого с ним связано. С точки зрения либидо, ни один объект-катексис не имеет реальности, кроме этой символической. Порция удовольствия, которое извлекается из него, сравнима с тем, что Ш.Ференци когда-то назвал «удовольствие переоткрытия - тенденция заново открыть любимого человека во враждебном внешнем мире, возможность объяснить формирование символов». К этому мы добавим само объектное либидо как существенно нарциссическое по содержанию и происхождению. Психоанализ утверждает, что более поздние либидные объекты являются переносами более ранних; по сути дела, это означает, что либидные объекты - это перемещение с более ранней недифференцированной целостности объекта и субъекта к индивидуализированному внешнему образу. Эта индивидуализация объектов — не абсолют, точно так же, как мы не подчиняем себя либидно нашей собственной индивидуальности, а наоборот вынуждены недооценивать наши границы и игнорировать их.

З.Фрейд учил нас, что по причине сексуальной переоценки от излишка нарциссического либидо личность щедро избавляется с последующим истощением или даже нанесением вреда, обратный процесс наступает только в случае опыта ответной любви. Это особенно заметно, когда либидо, мужского качества, вступает в безудержный конфликт с эгоистическими стремлениями к господству. Чтобы пронаблюдать, как нарциссизм расширяется посредством сексуальной переоценки и подавления Эго-импульсов, необходимо обратиться к ситуациям, где он не подвергся мускулинизации; когда уже произошла регрессия на инфантильную фазу на постоянном расстоянии от агрессивности Эго.

Я не буду слишком серьезно относиться к точке зрения З.Фрейда по поводу женского либидо, клиторальной сексуальности и вагинальной пассивности. Эта концепция не учитывает Эго сторону нарциссизма, но открывает нам другую сторону, которая в ином случае остается скрытой. Выходящая за границы чувственность, не блокирующая живительное восстановление Эго в своем примитивном состоянии, может вырасти до размеров мазохистического страдания, включая как физическую боль, так и психическое унижение. В противовес Эго «...трансформация ... из активности в пассивность и обратно никогда... не использует все запасы инстинктивного импульса» (Фрейд З. Инстинкты и их превращения /1915 г./). Именно такой парадокс характерен двойственному характеру нарциссизма, с одной стороны, вращающегося вокруг уверенности в себе, а с другой, - вокруг покинутости в первоначальном безграничном состоянии. З.Фрейд также отметил: «...у нас есть все причины, чтобы считать, что чувство боли, как иные неприятные ощущения, граничит с сексуальным возбуждением и доставляет удовольствие, ради которого субъект даже добровольно будет испытывать боль». З.Фрейд также утверждает, что мазохизм имеет вторичную реактивную природу, в силу чего наказание идет за прошлые поступки.

Под женским либидо я понимаю примитивное сексуальное проявление, не просто мазохистическое усиление, когда к тому же Эго все еще взаимодействует, хотя и отрицательно, - причиняя боль. Обратный поворот к пассивности позволяет эрогенным зонам играть свою первоначальную роль при господстве принципа сохранения и ожидания, в отличие от прямой тяги к активности. Они сохраняют отзывчивость, что стимулирует одухотворенность и изысканность физического процесса и одновременно связывает их с инфантильной эрогенностью, как при простом контакте между телами, не имеющем особого фокуса. Последнее, но не мене важное, это то, что клиторальная сексуальность считается рудиментом, невинностью, ненужным по отношению к генитальности - она живет до тех пор, пока женщина не родит «маленького», из себя в мир. В этот кульминационный

момент женственности она приближается к уровню, достигаемому мужчиной, - она одновременно и родитель, и няня, и учитель своего ребенка. Эта деятельность доводит ее почти до уровня бисексуальности, но в тоже время и удерживает в первичном нарциссизме: нигде больше в мире такого не увидишь, только в образе матери, которая породила себя же саму и держит себя у своей груди.

Как у женщин мы можем наблюдать зависть к пенису, так и у мужчин можно встретить желание порождать себе подобных (что необходимо отличать как от желания вернуться в любимую мать, которая его родила, так и от инцестуозного желания стать своим собственным отцом). Здесь, основываясь на своих собственных наблюдениях, я вижу акцент на женской модели клитора. В соответствии с инфантильным анальным эротизмом клитор считается отделяемым, как «Lumpf» (Это слово возводится к немецкому слову Lumpf («фекалии», «колбаска»), которое З.Фрейд называл анальным заместителем мужского полового органа, а также к английскому слову lump, которое означает «глыба, огромный кусок, урбан, обрубок, опухоль, шишка». На основании этого в работе делается вывод, что heffalump — это фаллос. Само это слово в тексте оставлено без перевода, как и ряд других слов и имён собственных. - Прим. ред.) в случае «Маленького Ганса» З.Фрейда, это можно заметить в фантазиях о беременности у мужчин-невротиков. Я ссылаюсь на это, так как мне часто кажется, что когда мальчик достигает зрелости, он ощущает это как чуждое и насильственное нападение, которое он лучше сам силой инкорпорирует, чем подчинится ему. В таких случаях это травмирует нарциссическое себялюбие, наносит вред единству либидо и Эго через катексис объектов либидным изобилием. Только позднее, в объектном катексисе, они снова объединяются в объекте.

Ни катексис объектов, ни сексуальная переоценка не представляют опасности для нарциссизма. Это нарциссизм ставит под угрозу объект и является виновником того, что его постоянное воздействие в итоге уничтожает объект С самого начала объект рассматривался как своего рода замена, поэтому, чем больше объект обожают, тем быстрее в реальности он исчезает. В этом и есть элементарные и неизбежные основы типичных разочарований в любви, а не в угасании любви с течением времени или в крушении иллюзий. Нет, объект постоянно подвергается испытаниям, чтобы доказать, что он больше, чем что-то живое, что у него есть свои уникальные черты, за которые, возможно, его и выбрали, в доказательство его реальной универсальности. В процессе экзальтированной любви, чем больше объект открыто превозносится, тем менее жизнеспособным и более истощенным становится сам объект на фоне четкой символической формы. Чем горячее фанатизм любви, тем холоднее его эффект искажения - до тех пор, пока кульминационно огонь и холод едины, счастливая любовь может иметь более тяжелую судьбу, чем несчастная, которая, по крайней, мере дает тепло любимому, даже если оставляет партнера холодным. Склонность к символизации объекта продолжается и после половой зрелости, используя сами гениталии для нарциссической идентификации - ей не требуется доступ к особым объектам, она распространяется на все, никаких ограничений не принимая во внимание.

Мне кажется, что большую часть того, что мы приписываем объектному либидо, напрямую возникает из нарциссизма, и связывается с объектами только по причине склонности к символизации. Это в основном относится к так называемой «дружбе» между представителями разного пола. В разговорах на эту тему я часто замечала, что даже объективные собеседники остерегаются называть такую дружбу - «пока еще не любовь», или любовь, борющаяся против своей собственной репрессии. Я полагаю, что в таких связях все-таки присутствует сексуальность, но она не с самого начала направлена на партнера и берет свое

начало где-то еще в дальнейшем ассоциируемая с отношениями, возникая под воздействием нарциссизма посредством сублимации инфантильных инстинктов. Конечно, между друзьями существует зона асексуальности, коренящаяся не во взаимном эротизме, а в чем-то третьем. Не имеет значения, возникает ли она из остатков инфантильных интересов, или достигает высочайшего символического расцвета не зависимо от того, являются ли они друзьями от Бога, или просто ходят вместе на рыбалку. Суть вопроса вот в чем: все то, что достигает в наших глазах наш друг - любовь, почет, даже преображение - все это исходит от этого «третьего», которое может укрепить связь сильнее, чем личный эротизм. Отделенное от цели сексуального обладания, все мыслимое, кажется досягаемым для либидо, и с сублимацией самого архаического аутоэротизма достигает спутывания Я и мира, переживаемых à deux. В обмен на узкие рамки, налагаемые генитальной любовью определенного человека, открываются более широкие возможности для нарциссизма, который успешное развивается за пределами генитальности.
Непритязательная шутка: наш добрый старый аутоэротизм, когда-то распределенный по всему телу ребенка, теперь, благодаря сублимации, может подняться от конечностей к голове - истинное «повышение». С этого трамплина делается первый мощный прыжок, который передает значительность либидо культурной жизни в целом; это перемещение с либидного акцента физического на мир объективного центрирования, от инфантильной самоозабоченности к конфронтации с миром. А мир не прикрыт символически, а оценен и используем. При нормальных или возможно идеальных обстоятельствах все-таки нарциссизм дает толчок максимальной символической обработке, и то, что тело кода-то вытолкнуло из себя, находит место у него под ногами. Объективность - это великая цель человечества, призывающая нарциссизм под маской Эроса, из грез детства на службу науки, прогрессу, искусству и культуре. Если нарциссизм остается в детских грезах и его прыжок не достигает цели, он без боя сдается и сползает в бездонные глубины болезни.

III

Что же тогда в реальности означает эта завышенная оценка объектов, которая толкает их от истиной индивидуальности к символу значения? И что соответственно позволяет первичному нарциссическому инстинкту подняться до сублимации? Оба зависят от факта того, что индивид, становясь сознательным, все чаще должен использовать свои инфантильные идентификации косвенно. То есть, ему необходимо спрятать за рядом символических выражений невозможность реальной разрядки. Он это делает путем завышения значения их воображаемых репрезентаций. За счет повышения значения субститут становится символическим возвратом к основе. Идея «значения» символически означает сам предмет. Вопросы значения в целом - это либидные вопросы; только при совместной работе с либидо существует возможность поднять завесу затворничества, которая окружает Других. Все объективные оценки борются с переоценкой и стараются избежать относительности отдельных обстоятельств. Они упорно стремятся к уверенности посредством веры, той веры, для которой «все возможно», даже не связывая ранние фантазии с опытом реальности. Таким образом, наш нарциссизм в своей борьбе за сублимацию и идеализацию превращается в легендарных Тоггенбургеров, которые должны любить своих избранников тем сильней, чем меньше возможность быть вместе с ними. Хорошо известно, что мы никогда не достигаем уверенности без нарциссического согласия внутри нас; если последнее удовлетворено, то ни что не сможет заставить нас изменить наше мнение. Мы можем признать, что наше мнение субъективно, но в то же время мы знаем, что оно абсолютно обосновано. По правде сказать, наш нарциссизм - это нечто иное, как мифическое знание,

укоренившееся в эмоциональной жизни, которое устанавливает предел в субъективности как главный принцип нашего объективного существования. Когда какое-либо метафизическое мнение пытается согласовать «Существование» с «Богом», как принцип абсолютного значения, оно не только представляет собой вид нарциссической мысли, но и является образом единства нарциссизма и объективности.

Это двойное содержание сразу же замечается в вопросах о смысле) жизни, вопросы, которые возникают только тогда, когда под угрозой оказывается само значение нарциссизма, хотя выводы о нем могут делаться, как если бы речь шла о конкретном внешнем объекте. Оптимист всегда будет упиваться жизнью - немного «опьянения» кровью, оказывает на разум здорового человека благотворное влияние - это упоение, в истоках взращенное нарциссизмом. Пессимист же, наоборот, предположительно оказывающийся без либидо и без любви, всегда выглядит сбившимся с курса человеком, пытающимся найти дорогу. Когда элемент нарциссизма слишком сильно овладевает человеком, то его огромная самоуверенность, изобилующая жизнеспособность толкает к болезненным столкновениям с реальностью. Если же он слаб и уступает реалистической оценке, то никакой успех не принесет ему радости. Жизнь «нормального» человека развивается в этих же двух направлениях, подразумевая, что маниакальные и меланхолические чередования включены в «нормальность». Даже в здоровом состоянии эти два противоположных нарушения преувеличивают факты, но даже тогда они имеют большее значение, чем при сдерживании, когда они остаются в стороне от любви и ненависти. Полнота жизни существует в своих преувеличениях в обоих направлениях, в абсолютных оценках значения; жизнь реальна только тогда, когда выходит за границы своих фрагментации.

Влияние нарциссизма на оценку значения становится проблемой только тогда, когда «выгодный» и «катектированный» не являются такими же синонимами, как при рассмотрении смысла жизни. В других случаях подразумевается, что если значение с чем-то связано, то, по крайней мере, самые инфантильные инстинкты, направленные на него, подвергаются трансформации с целью их удовлетворения. Другими словами, символическая идеализация объекта должна сопровождаться сублимирующей обработкой инстинктов - два процесса, которые требуют ясного разделения, как когда-то предупреждал З.Фрейд. В отношении нарциссизма весьма интересен факт того, что не только объект, но и субъект может «подняться» по шкале значений, - момент, обозначенный З.Фрейдом в его определении нарциссизма как «зародышевой стадии идеализации». Мы достигаем этой стадии, когда разочаровываемся в себе при встрече с воображаемой реальностью. «К этому идеальное Эго сейчас направило себялюбие, которым реальное Эго наслаждалось в детстве» (Фрейд З. О нарциссизме /1914 г./). Так как с течением времени инфантильные желания не осуществлялись, фактически ограниченные фактами реальности, возникает необходимость иерархического порядка в сфере инстинктов, градации и организации. Наш образ Я, хорошо бы идентифицированный с идеальным, существует вне этой структуры, какие-то его характеристики акцентированы, какие-то сглажены. Мы считаем себя красивыми и великолепными, но мы также должны признать, что существуют противоположные черты - незначительность и невзрачность, и должны обесценить себя при наличии того идеального образа, которым обладаем, но обладаем не полностью. Мы не должны упускать из виду реактивность по отношению к нарциссизму, какую бы форму она не принимала - религиозную, этическую и иную. Она остается даже при отсутствии влияния внесших факторов - указаний я запретов тех, кто нес ответственность за наше воспитание и учил нас дисциплине в нежной или жесткой форме. Она остается и после изъятия объектного либидо, которое связало нас с людьми, защищающими

нас, превратило их в те идеальные символы, которые заслуживают подражания. Мы сами во всем этом принимаем участие. Когда нарциссизм символически улучшает личные характеристики посредством объектной любви и еще больше самоутверждается с возросшей интеллектуальностью и абстракцией, он приближается к своей цели автономной оценки. Если вначале он горячо выразит свою уверенность («Жизнь сама по себе ценность!»), его зрелая оценка прозвучит так: «Единственная настоящая жизнь - это ценность!» И даже такая переоценка ценности, как абсолютная мера, подчиняющая Существование самому себе, хотя это значение и появилось в первую очередь благодаря Существованию, - это мораль в чистом виде, а также высшее проявление нарциссизма.

Важность всего этого для меня еще более поразительна, учитывая, на какие глубины основ и мотиваций этики может проникнуть психоаналитическое понимание. Фраза З.Фрейда «нарциссическая зачаточная стадия идеализации» настолько же далека от зависимости от метафизического понимания психологической реальности, как и от рациональной позиции, которая всегда предполагает внешнее воздействие, будь то выгода от совершаемого действия или соответственно проигрыш. З.Фрейд проникает до такой глубины понимания, которая только возможна при изучении человеческой природы - до уровня сознательного восприятия человеком самого себя, попытки восстановить тотальное единство даже вопреки своим инстинктивным влечениям к послушанию и любви - таким обходным путем пытаясь возродить первоначальный опыт универсального участия. Если Эго, становясь более дифференцированным, позволит влечениям обойти себя, то оно будет вынуждено ограничиться инфантилизмом, потеряет связь с окружающим миром, но не восстановит первоначального состояния «пока еще не сознательного» ребенка. Естественно, такая интернализация величайшего блага найдет свою реализацию в фантазиях, мы можем стараться достичь ее, но, с другой стороны, мы понимаем, что то, что мы настойчиво удерживаем, вследствие своего безусловного характера, должно выйти из нашей собственной сущности. Так оно и есть: мы сами себя разочаровываем и на себя же сердимся. Тот, который не одобряет, и тот, который убежден в своей идеальной оценке, неразлучно соединены внутри нас; нарциссический источник любви не исчерпан. Поэтому невротик, который живет с постоянной неуверенностью в себе, не многим отличается от того, чьи богоподобные претензии граничат с иллюзиями. Настоящая этика, нравственная автономия находит компромисс между указанием и желанием, несмотря на то, что по существу, пытается избежать этого компромисса. Желаемая цель становится недосягаемой из-за налагаемых строгих идеальных ценностей, но требования опираются на первоначальную фантазию о всеобъемлющем и обеспечивающем поддержку Существовании. Компромисс в явной форме нарушается в самых жестких моральных институтах и особенно в них - сформировавшихся в скрытой связи между долгом и желанием, этикой и религией. Как никакая религия не может существовать без сильного нравственного вектора (как, например, то, что ребенок должен уважать своего отца), так и ни одна независимая нравственная позиция не может обойтись без обещания теплых материнских объятий. Все, что мы называем сублимацией, зависит от этой возможности, - так мы можем сохранить что-то от этой последней близости либидной позиции в отношении самых абстрактных и в наименьшей степени личных вещей. Уже одно это запускает процесс, в результате которого «сексуальная энергия, вся или частично, сходит с сексуального пути и направляется на другие цели». В религиозной практике у человека, склонного к почитанию родителей, объектное либидо, поначалу обращенное на родителей, попадает в нарциссическую струю и является великолепным проявлением нарциссизма: две энергии объединяются во славу Бога, властелина всего, и в

тоже время самого близкого и дорогого. Требование, которое нанесло большой вред объекту любви, тем, что личное должно стать бесплотным, принять абсолютную символическую форму, - творит невероятное: Бог, символ символов любви, становится человеком.
Следовательно, даже человеку, освободившемуся от обычных религиозных идей, в его попытках сублимации требуется ориентир, элемент которого будет эффективным посредником в отношении религии, такой нарциссизм, который уверенно двигается в направлении идеализации. В ином случае его попытки могут просто привести к отдалению от себя. Искренне верящий в то, что когда-то было для него самым ценным, он может увидеть, как все это пролетает высоко над ним и поднимает его только до того уровня, чтобы он мог увидеть свое слабое Я, полное стыда и возмущения. И вместо полета, которого он так жаждал, ему придется тонуть в муках виновного сознания. Нужно серьезно воспринимать предупреждение З.Фрейда: сублимирование сверх чьих-то способностей приводит не к совершенству, а к неврозу.
Еще раз хотелось бы подчеркнуть, как глубоко и рассудительно подходит З.Фрейд к пониманию нравственных проблем, применяя психоанализ к сознанию вины. Ответ на вопрос может быть найден, не прибегнув к метафизическим предубеждениям и внешним утилитарным решениям. Остатки нашего нарциссического величия лежат в основе нашей моральной гордости, выше и дальше движений Я, адаптированного к реальности; тот, кто не успевает энергично двигаться, остается незамеченным в стороне. В итоге такой человек рассматривает себя с точки зрения того, что он считает стоящим, но не может достичь; ему придется подавить свою природу и отказаться от этого, но ему не удается освободиться от этого. Этот процесс относительно безобиден при условии, что это всего лишь результат дисциплины, самостоятельно устанавливаемой из страха наказания или по причине послушания в случае безответной любви к другому. Если вопрос касается нарциссических основ нравственного поведения, тогда чувство вины и покаяние - это всего лишь иное название для болезни. Значит все неврозы - это неврозы вины. Для этой болезни характерно то, что человек чувствует себя отделенным от своего самоуважения, которое базируется на здоровье и безопасности инстинктов; и это несмотря на то, что они вызваны сознательным желанием, скорее всего по причине сверхчувствительности их совести, по этой же самой причине они держат свои настойчивые импульсы под замком. У психотика дальнейшее расщепление приводит к разрушению, его совесть не работает, его инстинкты безудержны, и только его негативная диспозиция в отношении реальности препятствует его действиям и удерживает преступления в рамках фантазий. Но даже невротические страдания могут принять иронический оборот, если Эго слабеет и становится бессильным, безучастии обозреватель восстанавливает свою критическую функцию после того, как поддался репрессии и дезорганизации. Далее он обречен вместо реальных картинок мира созерцать механизм самой примитивной разновидности нарциссического загадывания желаний, проявляемого в бреде, чем-то напоминающего сновидения здорового человека.
Я сделала это кажущееся отступление, так как, на мой взгляд, можно провести аналогию между понятиями «невротик» и «психотик», существующую в пределах нравственного поведения. Совершенно независимо от чувства вины, Эго сталкивается с упущениями и вознаграждениями, а также чувством разочарования в жизни и существовании. Мы признаем свои недостатки не с лицемерием или смирением, как если бы они были внешними, мы ранены во время первой привязанности, которая выживает в нашем нарциссизме. Безусловно, это больше проявление инфантилизма, чем совести под властью Эго, которое может добиться своего собственными силами, и оба могут продолжать существовать бок о бок. Я помню из своего детства и из более позднего времени,

как это было абсурдно, но у меня на душе кошки скребли, когда я сталкивалась с разочаровывающими недостатками других; «морально» они доставляли мне больше боли, чем мои собственные. В чем польза от совершенствования себя самого, если совершенствование не является обязательством для каждого, включая тебя? Я была вне себя от радости и признательности всякий раз, когда такие убеждения подтверждались, и я молниеносно освобождалась от укоров совести по поводу того, как я сама выглядела.

Как бы по-детски это не звучало, все-таки это иронично, что наша другая сторона, сознательная, в своих моральных стремлениях освободиться от эгоизма, должна быть озабочена собой, ей никогда не позволено забывать о себе, ни в печали, ни в радости. С моральной точки зрения, поведение можно разделить на два вида: поведение, проистекающее в основном из ценностей, сознательно предписанных Эго, центром которого является причина Эго; и поведение на основе старых идентификаций, сконструированных нарциссизмом, пока еще нравственно не переработанное в желаемые фантазии. Последнее, без сомнений, выполняет важную функцию: становится очевидным, что любая мораль получает свои основные черты - безусловность, абсолютность, универсальность - из первичных нарциссических запасов, всегда готовых к расточительству, и поддерживающих наши «морали» на такой сомнительной основе. И эти две стороны нравственного парадокса сложно обойти. И аскетическая дисциплина, и строгое соблюдение, и окончательный отказ от реальности - всё возвращается к своему нарциссическому соучастнику, который научил нас соблазнительному, наглому заявлению: «Игнорируйте мир, он ничто!» С другой стороны, моральный абсолют должен принимать во внимание все возможности, все реальности, все перемены жизни, учитывать все сложности, так как он - абсолют - существует во имя человечества, его мечты о радости и спасении, от детского себялюбия до чистого эгоизма - первого после Бога, самого штурмующего Небеса. Эта особенность моральных норм заключается в ее абстрактности, в основе которой лежит нарциссизм, а строгая величественная манера нарциссизма в моральных формах создает путаницу противоречий, и мы можем утверждать, что тот, кто положил начало этому существованию, связав в единую нить все неопределенности, действовал весьма схематично.

Я бы хотела добавить еще кое-что: а именно то, как все это обуславливает мою высокую оценку и уважение к моральному явлению в человеке. Это единственный путь, которым оно может достичь уровня творения в поисках закона, правил и заветов. За счет конфликта внутри этого парадокса, а именно - реализации безусловной абсолютности только посредством индивидуального существования - оно становится творческой деятельностью, в основном исполняя то, что «нигде и никогда не происходит». Когда нравственное проявляется в бескомпромиссных правилах, во взаимопроникновении норм и запретов, тогда автономное существование получает основательные принципы. Не сложно понять, что акцент сильнее делается на установках и законе, когда необходимо блокировать тайные желания. Однако, мораль, в каком-то смысле этого слова, остается «неписаной», и, фактически, поэтичной, так как в своих проявлениях несет отпечаток мечты, которая является принадлежностью поэтического изобретения. Поэт поет, когда мечтает, а нравственный человек делает почти то же самое, осмеливаясь со своими мечтами придти в реальность, подвергаясь действию беспорядка и случайности. Здесь и есть чувство собственного достоинства, которого он достигает - фрагментарное и неполное, какое должно быть. Мораль - это авантюра, самая большая ставка нарциссизма и его величайшая отвага, его образцовый риск и прорыв в жизнь предельной смелости и безудержности.

В искусстве, художественном творчестве, в любой возвышенной деятельности, нежели практической, не приходится сразу определять следы инфантильного нарциссизма, как мы это делаем в случае объект-катексиса и ценностного суждения. Здесь след идет от самого начала и до конца, оценивая и катектируя с нарциссизмом. Этот метод будет в нашем распоряжении всю нашу жизнь, в любой момент, с каждым ощущением, как бы тщательно мы не старались избавиться от него, логически и практически адаптируясь к миру, определенному Эго и реальностью. Самое большое, что мы можем сделать, это с помощью воспоминаний вернуться в мир, где внутренний опыт и внешние события символизировали одно и тоже явление.

В данном случае «воспоминание» означает нечто иное, чем «память»; З.Фрейд так сказал о памяти: «Она полностью зависит от сознания, и должна быть строго разграничена от следов памяти, где фиксируется бессознательный опыт». Мы должны рассматривать следы памяти как функциональные объект-репрезентации, а не как абстрагированные от них репрезентации мира, которую являются просто семантическими условными обозначениями, которые мы удерживаем с помощью памяти. Наивысшая точность, которую способна достичь самая лучшая память, может быть обратно пропорциональна чистоте воспоминаний, которые существуют в актуальной связи с чувственными ощущениями и поднимаются в сознание только в процессе жизни. У нас «есть» память, но мы «являемся» воспоминанием. Отсюда и лишенная художественного вкуса природа простой копии, отсюда и отказ от нее ребенком и первобытным существом до тех пор, пока они все еще способны принимать реальность посредством фантазии или принимать фантазию за реальность. Заранее установленная иллюзия движения в кинофильме является противоположностью вспоминаемого движения. Может случиться даже такое, что фильм, прходя на помощь памяти с безупречно реконструированным прошлым, оказывает смертельное влияние на реальные воспоминания, дезорганизуя и разрушая их целостность. Воспоминание, в некотором смысле, никогда не является просто практическим достижением, оно всегда поэтическое. Это, так сказать, кусочек поэтического таланта, сохраненный для каждого из нас. Это одновременно и результат прошлого, которое, создавая дистанцию, подает нам сознательную перспективу и постоянно обновляемую активность и аффективность, даже если они не действуют в согласии, как это происходит в поэтической работе. Поэзия - это продолжение детства, той жизни, которую взрослый должен положить на алтарь практического существования. Поэзия - это усовершенствованное воспоминание.

Ничто так глубоко не проникает в отпечатки детства, как раскрытие вытесненного, и ничто так сильно не стремится к освобождению с помощью воспоминаний, как жизнь в детстве, даже если оно все еще ограничено требованиями и запретами взрослых. Более поздние вытеснения цепляются за младенческие, формируя сокровищницу следов памяти, куда нет доступа нашему сознанию, и притягивают к себе все то, что было изъято из сознательного выталкивающей силой вытеснения. Существует вероятность того, что истерической амнезии может и не быть без инфантильной амнезии.

В своей ранней работе «Поэт и фантазия» З.Фрейд рассматривал искусство как особый токсин вытеснения, что вызвало недовольство в творческой среде, в основном из-за поверхностного толкования. Слишком много внимания уделялось заявлению того, что искусство является гарантом исполнения желаний, которые в ином случае могли бы осуществляться в болезни и преступлении. Такая точка зрения полностью игнорирует разделение З.Фрейдом сознательных и бессознательных желаний. Художник в последнюю очередь достигает исполнения своих желаний и, как личность творческая, является нам из своего исполнения, а не в поисках его. Благодаря своему временному удалению в примитивное

укрытие, которое в ином случае расщеплено на субъект и объект, он абстрагируется от солипсистского уединения и погружается в творческую работу. Уже одно это делает возможным и подтверждает подъем вытесненного, это освобождает его импульсы до такого уровня, когда они были Эго-синтонны в пределах цензуры сознательного. «На основе совокупности этих факторов бессознательное становится Эго-синтонным... в ином случае без изменения занимает место в вытесненном. Эффект бессознательного в данном взаимодействии очевиден; укрепленные стремления проявляются… как отличные от нормальных - они дают возможность особой законченности.. .» (Фрейд З. Бессознательное /1915 г./).

Причина в том, что мы возвращаемся не к индивидуальному Эго, а к всеобъемлющим существенным элементам детства, на чем и базируется общественное наслаждение искусством. У поэта публика внутри его, она с ним. Удивительно, что в нравственном поведении универсальные ценности могут морально устанавливаться только в индивидуальном случае, и что в этой внешне парадоксальной манере может проявляться особая творческая значимость морали. Также странно то, что при большой личной включенности в работу художник полностью осознает универсальность, чтобы по-настоящему реализоваться. То, что казалось субъективным, становится звеном объективной реальности. Соответственно, и в творческой деятельности: чем легче ее по-бедное исполнение, тем решительнее достигается личная особенность, выраженная либо в физическом, либо в психическом виде. Таким образом, это сродни эмбриону, рост которого приводит к перемещению и давлению в материнском теле и может даже стать причиной того, что по его венам будет разливаться яд. Часто художник пробуждается от своего абстрактного состояния, как от навязчивости, получает возможность сосредоточиться на том, что ему нравится, и свободно вернуться к своим личным и объективным желаниям. Естественно, он может почувствовать изменения, произошедшие вследствие полученного опыта - словно большая часть того, что его до сих пор занимало, закончилось, словно процесс переоценки сделал заметным то, что ранее было едва различимо, превратив старое в новое, а новое в старое.

У данного вопроса интересные сексуальные аспекты. Сексуальность находится в центре творчества и участвует в концепции, но настолько, насколько она была переработана во что-то свободное от личной чувственности. Это центр, полностью перемещенный относительно личного окружения. Стоит этому процессу хоть немного измениться, как осуществление личной фантазии означает моментальное прекращение творческой деятельности. Художник должен быть способен регрессировать на инфантильный уровень, оставаясь полностью восприимчивым к телесным стимулам, но и здесь его поведение должно быть «творческим». Доля Эроса в духовной работе - то, что З.Фрейд продемонстрировал ценой жесткой цензуры - это часть нашего древнейшего опыта; само собой разумеется, что такое участие возможно тогда, когда сексуальность сохраняется в своей инфантильной форме. Но она может достичь творческой значимости только под щитом вытеснения, которое способствует освобождению первичных инфантильных полиморфных влечений вместо процесса созревания и генитализации. Кто-то может сказать, что художественная деятельность снимает кожуру материальности с плодородного семени, которое впоследствии прорастает и получает полное развитие в самой работе. Говоря словами Эрнеста Джонса, «рассматривая стремление художника к красоте, нельзя игнорировать фундаментальную роль, которую играют примитивные инфантильные интересы; реакция на них лежит за стремлением, а их сублимация за той формой, которую принимает стремление» (Джонс Э. Исследование связи между этикой и религией). Как желание, так и реакция должны играть важную роль.

А.Шопенгауэр на этой идее построил свой знаменитый эксперимент: поддаться сексуальному возбуждению, а потом на пике возбуждения резко перейти к умственному труду. Хочется верить, что подобные эксперименты возможны не только в отношении сексуальной активности, но и всех остальных инстинктивных действий, например, стимула, обозначенного как «плохой», которому мы можем безнаказанно уступить только в беззаботном младенчестве. Чисто аморальные желания, едва переведенные из недифференцированного состояния нарциссизма в жестокий лимитирующий эгоцентризм, могут в результате этого перевода сохранять возможность реализоваться не только на практике, но и в творческом воображении. Только в этом смысле «плохой» сексуальный элемент увеличивается в творческом человеке. Когда И.Гёте заявил, что он не знает «ни одного преступления, которого не мог бы совершить», это было замечание не какого-то конкретного человека, а самого типичного, принимающего инфантильную целостность, совершенно точно направленного по пути художественной формы и в то же время подвергающегося риску. «В связи с этим мы можем понять, как происходит так, что объекты, которым люди отдают предпочтение, их идеалы, происходят из тех же восприятий и того же опыта, что и объекты, к которым они питают отвращение, и что изначально они едва отличались друг от друга» (Фрейд З. Вытеснение /1915 г./). Если человек поскользнется и выпадет из творческой ситуации, он со страхом обнаружит, что находится между ничем и ничем: он не защищен ни своей работой, ни реальным миром, он становится сомнительным как в критериях других, так и в своих собственных, т. е. в практическом взгляде на свой собственный внутренний мир. Хотя из-за застоя и помех в работе художник может показаться невротиком, основная предрасположенность к эффективности находится в опасной близости с психотической организацией. Мне не раз приходилось сталкиваться в моих наблюдениях с тем, с какой легкостью происходит возвращение к сексуальному инфантилизму при непредвиденной остановке продуктивной деятельности, что подтверждает замечание З.Фрейда: «В сексуальности наивысшее и наинизшее наиболее взаимозависимы» (Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности /1905 г./). Отсюда и наши мыслительные способности, то, что мы видим, может быть не просто вопрос временного прекращения, а реальное выпадение из мыслительной активности. В такой ситуации требуется пауза, временная остановка, передышка сознательного в то время, как тайно продолжается работа; это сравнимо с отступлением зимы, когда внутри стволы деревьев наливаются соком, а внешне без листвы выглядят грустными. Мы судим себя с позиции того взгляда, который направили на себя, едва переступив порог младенчества; эти суждение, испытующий взгляд - самые резкие и безжалостные, так как на этом уровне наши инстинкты сдержаны и укреплены. Это сродни тому, что художник должен заново прожить весь рай и ад детства.

Для нас отдаление от Эго без каких-либо последствий возможно лишь в период наших незначительных ночных психозов, удивительной поры ночного творчества, сновидений, часто сравнимых с примитивными произведениями искусства. Сновидение своей объективностью представленного содержания напоминает творение, - пытаясь внести ясность убедительной формы в кажущийся беспорядок. Но даже и это не является его самой сильной творческой чертой: сила сновидения - отдавать должное вещам, не находясь под влиянием нашего личного предубеждения. Вспоминается вопрос, заданный Лихтенбергом: почему даже писателю не удается воплотить в жизнь иные черты со знанием дела, соответствующим образом и без влияния его собственных предрассудков в то время, как сновидение это делает без труда. Мне кажется, что это одно из убедительных доказательств того, что в здоровом, нетронутом нарциссизме действует транссубъективная сила; то есть посредством творческой деятельности путем исполнения желаний достигается неумышленная цель нашей

глубокой идентификации с тотальностью, так как только творческие способности соответствуют ее импульсам. Как в явных, так и в латентных сновидениях можно обнаружить такого рода элементы, выходящие за пределы личных желаний сновидца, которые заставляют его придти к финишу вторым из уважения к другим. Эти элементы ведут к универсальной емкости нарциссизма. Но во время сна Гомер спит - тот, который должен извлекать из этого всего выгоду. В мечтах, напротив, сила рефлексии не спит, и поэтому может облегчить наблюдения за содержанием мечты; но справедливо и то, что нарциссическая идентификация отсутствует, а вместе с тем без труда, хотя и ненамеренно, появляется объективность. Желания Эго берут верх и, пассивно отражая Я, прекращают активное стремление к форме. В искусстве также существуют моменты, когда сновидения или мечты выдают свое присутствие - сознание недостаточно оперативно, или в случае неэффективности вытеснения Эго. В это время весьма эффективно применение анализа, с учетом принятия во внимание того, что идеальная художественная реализация ускользает от наших предположений, мешает уловить направление и поворачивается обратной стороной много-цветного гобелена.

Независимо от вопроса о таланте, - к которому рассмотрение проблемы творчества должно вернуться, - понятно, что компульсивное влечение к объективизации в нарциссической идентификации - это основа всего творческого процесса. Производительная сила, стремление к форме появляется в его могуществе из недифференцированного единства пассивного и активного. Мы не осознаем этого процесса из-за промежуточного отвлекающего влияния нашего сознания. В языке единство раздвоено, хотя в биологии мы признаем «чувствительность к раздражителю» и «реакцию» тождественными понятиями, обозначающими живой процесс. Так как художественные произведения должны прокладывать себе путь за пределами практической жизни в рамках своей собственной реальности, их особым экспериментальным атрибутом становится воспроизводимость. Стать формой - это значит оставаться до самого конца структурно неизменным, существуя в реальности, так, чтобы в каждой внутренней копии и оценке все выглядело живым. Дети, исходя из живости своего фантазийного мира, понимают это лучше, когда настаивают на пересказе истории в прежних деталях, принимая любые изменения за «ложь», вызов реальному существованию. Такое уважение к форме, которое признает основной смысл, и наоборот, позволяет детям казаться художественно более одаренными, чем они есть на самом деле. У них в буквальном смысле больше «пространства для игры» в пределах логической и практической реальности, они еще не окружены реальностью со всех сторон, им не нужно убирать первоначальную концепцию из своего мира и изгонять свое Эго в совершенно иную категорию. Также и художник счастливо проживал бы свою работу в своей игре, в том виде, как она ему была дана, при условии, что ему не нужно было бы ее переделывать - на подобии того, как сновидения можно уберечь от исчезновения только посредством «вторичной обработки». Произведение искусства не появляется на свет благодаря частичной проработке, оно само по себе существо, которое необходимо очистить от пелены, скрывающей его, способной вмиг сгуститься и стать почти непроницаемой. Вот что делает работу изнурительной и является причиной спешки и беспокойства. Существует три элемента художественного творчества: борьба с вытеснением, которое необходимо преодолеть, опасность скатиться в инфантильную материальность, а также поспешность и чрезмерное напряжение. Иначе работа была бы проводником в блаженство, наслаждение невероятной полнотой единения упоения и умиротворенности. Недаром радость, как глашатай, объявляет о подобных событиях еще до того, как наше сознание узнает об их приближении, - в противовес иным радостям, которые мы признаем более или менее обоснованными; и, как и в случае с маниакальной радостью,

внезапное исключение его напоминает нам больше патологическую меланхолию, чем нормальное горе. Только в творчестве вы найдете цвета и формы, с помощью которых божественное приближается к земной форме. И если человек принимает Бога как создателя мира, он это делает не только для того, что объяснить существование мира, а также существование божественной - нарциссической реальности. Какими бы безнравственными и порочными не звучали бы наши слова, вера умерла бы только тогда, когда сам Бог отказался бы стать миром и его делом.

Первичный нарциссизм и первичная любовь

(Глава из книги М.Балинта "Базисный дефект: терапевтические аспекты регрессии")

М. Балинт

1. Три теории Фрейда

Тот факт, что в течение многих лет Фрейд придерживался трех взаимоисключающих точек зрения относительно наиболее примитивных отношений индивида и окружающей среды, кажется весьма курьезным, однако его легко проверить. Самая ранняя теория была сформулирована в работе Три очерка по теории сексуальности, впервые опубликованной в 1905 году, и оставалась неизменной во всех поздних изданиях книги, хотя именно эту работу и еще Толкование сновидений, Фрейд оставил открытыми для последующей корректировки - он перерабатывал их и вносил поправки с каждым новым переизданием, фиксируя находки, пополнявшие его багаж за те годы, что проходили с предыдущего издания. Довольно странно, что этот пассаж появился в последнем параграфе третьего и заключительного эссе, подзаголовок которого на немецком языке выглядит так: Die Objektfindung1), - замечательная выразительная фраза, перевод которой на английский выглядит довольно неуклюже: 'The Finding of an object' (Обнаружение объекта) (Standard Edition, VII, p. 222)

Фрейд писал: "Когда самое первое удовлетворение было связано с принятием пищи, сексуальное влечение имело сексуальный объект вне собственного тела ребенка, в материнской груди. Позже оно лишилось его, может быть как раз тогда, когда у ребенка появилась возможность получить общее представление о лице, которому принадлежит доставляющий ему удовлетворение орган. Обыкновенно половое влечение становится тогда аутоэротичным, и только по преодолении латентного периода снова восстанавливается первоначальное отношение. Не без веского основания сосание ребенком груди матери стало прообразом всяких любовных отношений. Обретение объекта представляет собой в сущности вторичную встречу."2) (Курсив мой)

Я бы добавил два замечания по поводу английского перевода, в других отношениях превосходного. Последняя фраза на немецком языке выглядит по-настоящему прекрасно: 'Die Objektfindung ist eigentlich eine Wiederfindung'. Английский вариант является бледной калькой убедительного и категоричного оригинала на немецком. Следующий вариант перевода, несколько вольный, хотя и не представляется вполне корректным, по-моему, находится ближе к истине: "Всякое открытие объекта представляет собой, в сущности, повторное открытие". Другое мое замечание касается упоминания о точке отсчета. В тексте Фрейда это передано посредством выражения anfanglichste Sexualbefriedigung, которое несравненно более выразительно, чем корректный, в других отношениях, перевод на английский: "первое начало сексуального удовлетворения"; возможно, более верным переводом был бы такой вариант: "самое первое удовлетворение"3).

Как уже было упомянуто, этот отрывок остался без изменений, однако в 1915 году Фрейд добавил примечание, для того чтобы привлечь внимание к своему открытию дополнительного, а именно нарциссического способа нахождения объекта. То, что Фрейд в течение многих лет, последовавших после появления психоаналитической теории нарциссизма, не намеревался отказываться от идеи первичных объектных отношений в пользу первичного нарциссизма, представляется очевидным.

В качестве доказательства этого утверждения я приведу два отрывка из его работ этого периода. Один отрывок взят из Двадцать первой лекции Лекций по введению в психоанализ, которые, как мы знаем, в последний раз были прочитаны в 1916-17 годах и опубликованы впервые в 1916 и 1917. Во-первых, Фрейд указывал на то, что у некоторых компонентов сексуального инстинкта, таких, например, как садизм, скопофилия и любопытство, с самого начала есть объект. "Другие, - продолжает он, - более явно связанные с определенными эрогенными зонами, имеют объект лишь в начале, пока они выполняют несексуальные функции, и отказываются от него, когда освобождаются от этих функций."4) Он упоминает здесь исключительно оральный компонент влечения; затем он утверждает: "Оральное влечение становится аутоэротическим, каковыми анальный и другие эрогенные влечения являются с самого начала. Дальнейшее развитие имеет, коротко говоря, две цели: во-первых, отказаться от аутоэротизма, снова заменить объект собственного тела на посторонний, и, во-вторых, объединить различные объекты отдельных влечений, заменив их одним объектом" (Standard Edition, XVI, pp. 328-329)5).

Другой отрывок взят из статьи Фрейда о психоанализе в Handworterbuch der Sexualwissenschaft М. Маркузе (M. Marcuse), - стоит обратить внимание на то, что это отрывок из параграфа, который называется "Процесс нахождения объекта". "В первую очередь оральный компонент влечения находит удовлетворение, прикрепившись к чувству насыщения пищей, а его объектом является материнская грудь. Затем он откреплялся, становится независимым и в то же время аутоэротическим, то есть обретает объект в собственном теле ребенка" (Standard Edition, XVII, p. 234. Курсив оригинала). Нам известно, что эта статья была написана в 1922 году, как раз перед самым Берлинским конгрессом, последним, в котором Фрейд принимал участие, представив свои новые идеи о структуре психики, легшие в основу направления, которое теперь называют Эго-психологией. Тем не менее, как подтверждает упомянутый выше отрывок, он не отказался от идеи первичного объектного отношения.

Две другие теории, касающиеся наиболее примитивных отношений индивида со средой, впервые были опубликованы в его работе " Введение в нарциссизм" в 1914 году, хотя в публикациях предшествующих лет появились отдельные фрагменты наиболее ранней концепции6). Положения этой, более ранней теории, были заявлены довольно категорично, без каких-либо разъяснений, в работе, опубликованной в 1914 году. В первом разделе этой работы Фрейд так сформулировал вопрос: "как относится [нарциссизм]7), о котором здесь идет речь, к аутоэротизму, описанному нами как [некая]8) ранняя стадия либидо?" Он предложил следующий ответ: "я намечу следующее совершенно неизбежное

предположение, что единство личности Я не имеется с самого начала у индивида: ведь Я должно развиться, тогда как аутоэротические влечения первичны; следовательно, к аутоэротизму должно присоединится еще кое-что, еще какие-то новые переживания для того, что бы мог образоваться [нарциссизм]"9) (Standard Edition, XIV, pp. 76-77. Курсив мой).

Кроме того, от Эрнеста Джонса мы узнаем (Jones, Sigmund Freud, II, p. 304), что 10 ноября 1909 года на собрании Венского психоаналитического объединения, впервые, когда упоминание Фрейда о "нарциссизме" было запротоколировано, он вкладывал в этот термин именно то значение, которое было упомянуто выше. Фрейд заявил: "Нарциссизм был необходимой промежуточной фазой на отрезке развития от аутоэротизма к аллоэротизму". Это вполне согласуется с отрывком из анализа Шребера (Standard Edition, XII, pp. 60-61. Курсив мой). "Недавние исследования направили наше внимание на стадию в развитии либидо, которую оно проходит, проделывая путь от аутоэротизма к объектной любви. Этой стадии было присвоено имя нарциссизм… Эта промежуточная фаза между аутоэротизмом и объектной любовью, возможно, является в норме неизбежной; но, видимо, многие люди задерживаются необычно долго на этой стадии, а многие ее черты переносятся ими в поздние стадии развития". Этот отрывок, опубликованный в 1911 году, кстати, представляет собой третий случай использования Фрейдом термина "нарциссизм" в печати. Второй был в работе о Леонардо, к первому случаю использования этого термина мы вернемся позже.

Я намерен обсудить здесь два момента. Во-первых, в этих отрывках описание Фрейда недвусмысленно. Наиболее примитивной формой взаимодействия индивида с окружающей средой является аутоэротизм. Он сменяется стадией нарциссизма, из которой впоследствии развиваются объектные отношения. Очевидно, этот путь развития ведет к тому типу выбора объекта, который позже в работе "О нарциссизме" назван нарциссическим. Такой вариант развития должен рассматриваться как альтернативный или параллельный тому, что был описан ранее - в Трех очерках и в других его работах, цитируемых выше - тому, который начинается с первичного объектного отношения и ведет к выбору объекта, который Фрейд назвал анаклитичным10).

Во-вторых, в только что упомянутых отрывках Фрейд утверждает, что нарциссизм по существу и происхождению является вторичным феноменом - "промежуточной фазой". Еще раз процитирую: " к аутоэротизму должно присоединится еще кое-что, еще какие-то новые переживания для того, что бы мог образоваться [нарциссизм]" Заметьте, что в этом утверждении отсутствует какое бы то ни было определение. Это вызывает еще большее удивление, если учесть, что данный отрывок взят из двух абзацев, следующих сразу же за пассажем, в котором Фрейд впервые11) привел свою знаменитую метафору амебы: " Таким образом у нас создается представление о том, что первично либидо концентрируется на собственном Я, а впоследствии часть его переносится на объекты; но по существу это переход либидо на объекты не окончательный процесс, и оно все же продолжает относится к охваченным им объектам как тело маленького протоплазматического существа связано с

псевдоподиями""12) (Standard Edition, XIV, p. 76). Я должен буду вернуться к обсуждению этого противоречия несколько позже, после изложения третьей теории Фрейда.

Примечательно, что в работе "О нарциссизме", в которой представлена эта теория, не содержится четкого описания первичного нарциссизма. Однако общеизвестно, что первичный нарциссизм стал нормативной теорией для объяснения наиболее примитивных отношений индивида с внешним миром, и что Фрейд неоднократно ссылался на нее в своих более поздних работах. Более того, эта теория совсем не претерпела изменений за последующие двадцать пять лет активной работы Фрейда. Для доказательства этого позвольте мне привести две цитаты. Одна взята из предисловия к его Трем очеркам, к третьему изданию этой работы, вышедшему в 1915 году: "Нарциссичное или Эго-либидо, видимо, является огромным резервуаром, из которого объектные катексисы посылаются вовне, и в который они затем отводятся обратно; нарциссический либидинозный катексис Эго суть исходное состояние вещей, реализующееся в самом раннем детстве, он просто скрыт за более поздним вытеснением либидо, но в самых основах, продолжает существовать за ними". (Standard Edition, VII, p. 218)

Другой отрывок взят из последней незаконченной работы Фрейда Очерк психоанализа, написанной в 1938 и 1939 годах, из второй главы, с подзаголовком "Теория инстинктов": "Трудно что-либо сказать о том, как ведет себя либидо в Ид и в Супер-Эго. Все, что мы знаем, относится к Эго, в котором помещается целостная часть либидо, открытая доступу. Мы называем это состояние абсолютным, первичным нарциссизмом. Так продолжается до тех пор, пока Эго не начинает катектировать либидо в идеи объектов; трансформировать нарциссическое либидо в объектное либидо. В течение всей жизни Эго остается величайшим резервуаром, из которого либидинозный катексис посылается объектам и в который он однажды возвращается, - так амеба обращается со своими псевдоподиями. Только когда субъект полностью поглощен чувством любви, основная часть либидо перенесена на объект и объект, до некоторой степени, занимает место Эго". (Standard Edition, XXIII, pp. 150-151. Курсив мой.), Приведенная здесь собственная формулировка Фрейда стала официальной версией этого определения, которая преподается во всех психоаналитических институтах по всему свету.

2. Изначальные противоречия

Три теории, первичной объектной любви, первичного аутоэротизма, и первичного нарциссизма, явно противоречат одна другой. Однако, насколько мне известно, Фрейд никогда не обсуждал данные противоречия в печатных работах; наоборот, есть печатное свидетельство, относящееся к 1923 году, что он придерживался трех теорий одновременно. Это может означать только одно: Фрейд не считал эти теории противоречащими друг другу или взаимоисключающими.

Перед тем, как приступить к обсуждению этой сложной проблемы, мы должны напомнить себе, что психоанализ, преданно следовавший за Фрейдом,

использовал термин нарциссизм для описания двух схожих, но далеко не тождественных состояний. Одно из них, то, которое Фрейд назвал основным или абсолютным нарциссизмом, является гипотезой, а не клиническим наблюдением; мы допускаем, что сначала все либидо сохраняется в Эго или в Ид. Другое, обычно называемое просто нарциссизмом, хотя правильнее было бы назвать его вторичным нарциссизмом, можно наблюдать в клинике; этот термин обозначает состояние, при котором некоторая, или даже очень большая часть либидо, прежде катектированная во внешние объекты, отводится от них и катектирует Эго - определенно не Ид. Это различие является очень важным для дальнейших размышлений в последующих главах второй части.

Фрейд, даже не упомянув о необходимости разрешения или, по крайней мере, примирения изначальных противоречий, о которых только что говорилось, уже в 1917 году, в Лекциях по введению в психоанализ, предпринял попытку синтеза всех трех концепций. В двадцать шестой лекции, озаглавленной "Теория либидо и нарциссизм", он пишет13): "До сих пор у меня было очень мало поводов говорить с вами об основаниях любовной жизни, насколько мы их узнали, я и теперь не могу этого восполнить. Хочу лишь подчеркнуть, что выбор объекта, шаг вперед в развитии либидо, который делается после нарциссической стадии, может осуществиться по двум различным типам. Или по нарциссическому типу, когда на место собственного Я [Эго] субъекта выступает возможно более похожий на него объект, или по типу опоры (Anlehungstypus, что на английский обычно переводится как "анаклитический тип"), когда лица, ставшие дорогими благодаря удовлетворению других жизненных потребностей, выбираются и объектами" (Standard Edition, XVI, p. 426).

Я бы добавил еще одну цитату из той же главы: "Таким образом, аутоэротизм был сексуальным проявлением нарцистической стадии размещения либидо "14) (там же, стр. 416).

Без сомнения, Фрейд дал нам в этом случае очевидно исчерпывающую теорию: самой примитивной фазой является первичный нарциссизм, из которого, как последующие фазы, развиваются все другие формы организации либидо. Несмотря на преимущества простоты и правдоподобия, эта концепция не решает фундаментального противоречия, упомянутого выше; более того, она создает новые проблемы. Для обоснования этого положения, я должен привести любопытное примечание, которое Фрейд добавил к третьей главе Я и Оно, впервые опубликованном в 1923 году (в этом же году появилась и его статья в Энциклопедии, в которой он еще раз упоминает о первичной природе объектной любви). Название подзаголовка этой главы - "Я и Сверх-Я", упомянутое примечание относится к первой части главы. Здесь Фрейд описывает изменения в Эго, - а именно, интроекцию и идентификацию - которые могут происходить после того как Ид - а не Эго, как утверждалось в выше цитированном отрывке из Очерка психоанализа, - вынуждено отказаться от своих объектов любви: " Согласно смыслу введения в нарциссизм, мы теперь, после отделения "Я" от "Оно", должны признать "Оно" большим резервуаром либидо. Либидо, протекающее к "Я" путем описанных

идентификаций, создает его "вторичный нарциссизм""15) (Standard Edition, XIX, p. 30).

Далее, в главе 4, Фрейд вновь формулирует эту идею, в еще более, если такое возможно, категоричной форме: " Первоначально все либидо накапливается "Оно", в то время как "Я" только еще начинает образовываться или еще не окрепло. Одну часть этого либидо "Оно" направляет на эротические объектные нагрузки, после чего окрепшее "Я" стремиться овладеть этим объектным либидо и навязать себя "Оно" в качестве объекта любви. Таким образом, нарциссизм Эго является вторичным, от объектов отвлеченным."16) (там же, стр. 46)

Очевидное предназначение этих двух отрывков стоит в прояснении неопределенной ситуации в свете новых открытий. Это до некоторой степени достигается - как мы вскоре увидим, только временно, - а вместе с тем возникают новые проблемы и противоречия. Мы узнаем, что огромным резервуаром либидо является Ид, а не Эго, как утверждалось до и после в Я и Оно; далее мы узнаем, что либидинозный катексис Эго, особенно тех его частей, которые изменены интроекцией и идентификацией, определенно классифицируется как вторичный нарциссизм, на каких бы ранних этапах жизни это не происходило. Несомненно, может возникнуть следующий вопрос: "А есть ли тогда первичный нарциссизм в Эго?" Интересно, что Фрейд не ставит этого вопроса.

Итак, где же тогда локализован первичный нарциссизм и какова его роль? Могут ли два приведенных здесь отрывка быть согласованы с общепринятым вариантом, как он представлен в отрывке из Очерка психоанализа, в соответствии с которым все, что мы знаем об этом (либидо), связано с Эго, где первоначально сохранено целостное доступное количество либидо? Мы называем это состояние "абсолютным, первичным нарциссизмом".

Джеймс Стрэчи (James Strachey) предпринял попытку разрешения этого противоречия в редакторском примечании к "Я и Оно", которое он озаглавил "Огромный резервуар либидо"17). Стрэчи считает, что Фрейд, возможно, не отметив этого, вкладывал два разных значения в выражение "огромный резервуар либидо": (а) характеристику функции, сходной с назначением хранилища и (б) характеристику близкой функции, т.е. функции источника снабжения. Очевидно, первое относится к Эго, тогда как второе - к Ид. Это очень правдоподобная гипотеза, во многом a la Фрейд и, будучи принятой, разрешила бы это противоречие. Однако факт состоит в том, что Фрейд никогда так не думал, и несмотря на то, что Ид здесь определяется как источник первичного нарциссизма, остается нерешенным вопрос, что именно катектировано первичным нарциссизмом. Это не может быть Эго - на ранних стадиях вообще проблематично существование какого-либо Эго, которое могло бы быть катектировано; это не может быть и Ид - такое предположение опять привело бы к путанице между "источником снабжения" и "хранилищем", которые Стрэчи только что так искусно разделил (Hartmann, 1953, p. 433).

Еще одну альтернативу предлагает Гартманн, решительно утверждая, что "Фрейд, как это делали другие, использовал термин "Эго" более чем в одном

значении, и не всегда в том смысле, в котором этот термин был определен. Порой… термин Эго становился взаимозаменяемым с выражением " личность субъекта", или "самостью""

Гартманн предлагает различать два значения термина "Эго": "одно относится к функциям и катексису Эго как системы (противопоставляя его катексису различных частей личности), а другое значение относится к противоположению катексиса собственной личности субъекта личности другого человека (объекта). Однако термин "нарциссизм" употребляется для обозначения либидинозного катексиса как Эго в качестве системы, так и собственной личности субъекта. Такое употребление термина коренится также в часто упоминаемом утверждении, что в начале жизни все либидо находится в Эго, а затем часть либидо посылается вовне, катектируя объект. В этом случае кажется совершенно ясным, что Фрейд имел в виду именно тот факт, что катексис личности субъекта предшествует катексису объекта - если только по каким-то иным соображениям в данном конкретном случае он не допускал, что с самого рождения существует некая структура, сопоставимая с Эго" Гартманн приходит к выводу, что это "означало бы, что для определения нарциссизма, отличие либидинозного катексиса личности субъекта в противоположность катексису объекта, является существенным элементом"

Есть несколько возражений по поводу этого утверждения. Во-первых, в нем обходятся разногласия, а спорный вопрос принимается как не требующий доказательств. Озадачивает следующее: наша современная теория психики, а также теория первичного нарциссизма, похоже, приводят нас к неразрешимым противоречиям; и вот Гартманн вместо того, чтобы исследовать, что же является ошибочным в этих двух теориях или, по крайней мере, в одной из них, предпринимает попытку спасения ситуации, выдвигая ad hoc (по этому поводу) еще одну концепцию. Мы должны будем вернуться к этому методологическому ходу несколько позже. Сейчас же давайте рассмотрим содержание новой концепции "либидинозный катексис собственной персоны". Для этого прежде всего нужно определить, что такое "собственная персона". Представляет ли она собой общая сумма сознания и подсознательного? Включает ли она в себя Эго и Супер-Эго целиком, или только те части этих двух структур, которые являются сознательными, при этом полностью исключая Ид? Или Ид также должно быть включено? В этом последнем случае мы должны задать вопрос, как такое может быть, - ведь сознание, вообще говоря, не имеет доступа в Ид, поэтому трудно представить себе, чтобы Ид воспринималось как самость. Довольно уверенно можно утверждать, что самость является таким же туманным понятием, как "характер", "личность" и так далее, - все эти слова представляют собой неопределенные расплывчатые термины, полезные, может быть, в острой критической ситуации, но неприемлемые в качестве путеводной нити в случае теоретических затруднений.

Если бы мы приняли новую терминологию, предложенную Гартманном, Крисом и Лёвенштейном, то исчезли бы многие - хотя и не все - внутренние противоречия в теории первичного нарциссизма. Однако, сразу же возникают два вопроса: не повлечет ли за собой новых осложнений эта пересмотренная

терминология? А принял бы эту терминологию Фрейд? На эти вопросы ответить нетрудно. Определение нарциссизма как либидинозного катексиса самости вынудило бы нас, в дополнении к основным формам нарциссизма самости, выделить специальные классы нарциссизма Ид, нарциссизма Эго и нарциссизма Супер-Эго - и, возможно, первичные и вторичные формы для каждого из них. Может быть в будущем эта более точная градация могла бы оказаться полезной - обеспечив адекватное определение самости, дифференцировав это понятие от Эго, Ид и Супер-Эго - однако в настоящее время я рассматриваю ее исключительно как излишнее теоретическое осложнение.

Новая терминология не устраняет наших клинических сомнений по поводу первичной природы всех этих нарциссических катексисов нового типа. Если мы не допускаем, что некоторые релевантные части Супер-Эго как Anlage18) возникают в филогенезе, то, как это представлено у Фрейда в Я и Оно, их катексис непременно является вторичным, - производным от катексисов объектов, которые должны быть интроецированы в онтогенезе. Если мы принимаем идею Фрейда о становлении Эго через некий процесс созревания, то и катексис Эго развивается примерно в соответствии с этим процессом, то есть такой катексис не может быть первичным. Таким образом, в качестве возможного первичного состояния нам остается только нарциссизм Ид. Не испытывая значительных затруднений можно представить себе Ид в качестве источника - или даже резервуара - всего либидо, как это сделал Джеймс Стрэчи, но трудно рассматривать Ид как его исходный объект. Либидо всегда описывают в терминах потока, течения; трудно предположить, что истоки и устье потока совпадают, разве что поток оставит свое начало, выйдет за пределы русла, а затем сменит направление и вернется туда, откуда он начал свой путь; однако этот образ лучше всего подходит к тому, что мы называем вторичным нарциссизмом. С другой стороны, накопление без возможности разрядки ведет к росту напряжения, и, по-видимому, именно это имел в виду Фрейд, когда писал: "но, в конце концов, мы необходимо начать любить для того, что бы не заболеть, и остается только заболеть, когда вследствие несостоятельности своей лишаешься возможности любить"19) (Standard Edition, XIV, p. 85).

Проблема топографического определения части психического аппарата, которая катектирована этим гипотетическим первичным нарциссизмом - в отличие от источника всего либидо - никогда не была решена Фрейдом. Утверждение же Гартманна, Криса и Лёвенштейна, с моей точки зрения, не предлагает решения этой проблемы, попросту игнорируя ее. В самом деле, если мы сопоставим два отрывка из "Я и Оно" с двумя другими отрывками, например, одним из Трех очерков, а другим - из Очерка психоанализа, цитировавшимся выше, то мы должны будем признать, что гипотеза Гартманна, Криса и Лёвенштейна по-видимому, хорошо обоснована. В этом смысле введение термина самость является полезным новшеством, поскольку привносит порядок в очевидно неаккуратную теорию. Однако мы должны спросить себя, дает ли нам это что-нибудь еще? В частности, можем ли мы предсказать, исходя из этой гипотезы, новые клинические факты? Может ли эта гипотеза помочь нам объяснить хорошо известные клинические феномены,

которые иначе остаются непонятными? Ответ на оба эти вопроса будет отрицательным. Более того, введение термина самость даже не предполагает попытки разрешения важного противоречия в вопросе хронологии, о котором говорится в главе 11.

Несмотря на острую критику Гартманна, Фрейда как автора трудно обвинить в небрежности; должны были быть какие-то причины для того, чтобы он упоминал о катексисе Эго всегда, когда говорил о нарциссизме. Здесь я согласен с Эдуардо Вейссом (Eduardo Weiss), который выражает серьезные сомнения в том, что Фрейд когда-нибудь согласился бы с гипотезой Гартманна, Криса и Лёвенштейна. Фрейд, я думаю, никогда не стремился к тому, чтобы играть роль одержимого теоретика, при этом он, без сомнения, был безупречным наблюдателем-клиницистом; и я всегда обнаруживал, что чем внимательнее изучаешь его клинические описания, тем большее впечатление производят их истинность и глубина. Таким образом, я утверждаю, что истоки внутренних противоречий теории первичного нарциссизма лежат не в небрежном использовании терминов или в отсутствии способности ясно видеть и точно определять, но в нежелании Фрейда изменить данные клинических наблюдений в угоду согласованности теории. Причина, по которой он, говоря о нарциссизме, всегда неизменно возвращался к либидинозному катексису Эго, заключается просто в том, что его можно наблюдать. Все же остальное является спекуляциями, - ложными или правдоподобными, а вовсе не наблюдаемыми клиническими фактами.20)

3. Клинические данные о нарциссизме

Я предлагаю последовать за Фрейдом, который в своей работе "О нарциссизме" подчеркивал, что не спекулятивные или теоретические "идеи образуют ту основу, на которой зиждутся все построения нашей науки; такой основой является исключительно наблюдение. Идеи же эти составляют не самый нижний фундамент всего научного здания, а только верхушку, крышу его, и могут быть сняты и заменены другими без всякого вреда для целого"21). ("On Narcissism", Standard Edition, XIV, p. 77). Следуя этому совету, я хотел бы рассмотреть клинические наблюдения, к которым Фрейд прибегал в работе, опубликованной в 1914 году для доказательства существования нарциссизма. Сторонники теории прежде всего будут утверждать, вслед за Фрейдом, что клинические наблюдения не могут ни доказать, ни опровергнуть первичный нарциссизм, поскольку это только теория; затем они, приведут клинические наблюдения для того, чтобы теория стала приемлемой, - как это делал Фрейд. В этой главе я хотел бы показать, что наблюдения, на которых Фрейд, а вслед за ним и эти теоретики, основали гипотезу первичного нарциссизма, доказывают только существование вторичного нарциссизма. Теория первичного нарциссизма может быть применена к ним, но не следует из них.

В своей работе "О нарциссизме", Фрейд перечислил пять клинических фактов, на которых он основал теорию нарциссизма - при этом в аргументации он использовал восемь клинических феноменов. Упомянув сначала об исследованиях шизофрении и гомосексуальности, он продолжает: "Некоторые

другие пути, ведущие к более близкому знакомству с нарциссизмом… составляет изучение психологии больного органической болезнью, психологии ипохондрии и проявления любовного чувства у обоих полов"22) (там же, стр. 82). Три других фактора, не упомянутых в перечне, но представленных в аргументации, представляют собой: (1) различную - как психотическую, так и нормальную - завышенную оценку самого себя и объекта, (2) сон, и (3) особенности поведения младенцев и маленьких детей. То, что в случае органического заболевания или ипохондрии нам приходится иметь дело с вторичным нарциссизмом, то есть, с либидо, отведенным от объектов, не может вызвать сомнений, однако что же можно сказать о других клинических наблюдениях?

Я хочу начать рассуждения с наблюдений, касающихся гомосексуальности и любовной жизни полов. После ссылки на теорию "нахождения объекта" из Трех очерков, Фрейд продолжает: "Наряду с этим типом и этим источником выбора объекта, который можно назвать ищущим опоры типом, аналитическое исследование познакомило нас еще с одним типом, которого мы вовсе не ожидали встретить. Мы нашли - особенно ясно это наблюдается у лиц, у которых развитие либидо претерпело некоторое нарушение, как, например, у извращенных и гомосексуальных, - что более поздний объект любви избирается этими лицами не по прообразу матери, а по их собственному. ". Здесь он имеет виду нарциссический тип выбора объекта. Он заканчивает параграф так: "Это наблюдение и послужило самым решающим мотивом, побудившим нас выставить положение, что [нарциссизм] составляет определенную стадию развития либидо"23) (Standard Edition, XIV, p. 87).

О какой форме нарциссизма здесь говорит Фрейд? Фраза, выделенная мной курсивом, наводит на мысль о вторичном нарциссизме. С этим предположением хорошо согласуются то, что Фрейд, характеризуя анаклитический тип, упоминает о развитии, которое может быть названо нормальным, тогда как при описании нарциссического типа, он вынужден использовать термины, относящиеся к тяжелой патологии. Если принять первичный нарциссизм как стадию нормального развития, то представляется довольно странным, что производным этой стадии, видимо, является анормальный тип.

Другое подтверждение моего тезиса о том, что нарциссический тип объектного выбора зависит от вторичного и не зависит от первичного нарциссизма, можно найти в историческом отрывке, в котором Фрейд впервые использует слово "нарциссизм" в печатной работе. Речь идет о примечании, добавленном к Трем очеркам в 1910 году: "… Во всех исследованных случаях мы установили, что инвертированные в более позднем возрасте проделали в детстве фазу очень интенсивной, но кратковременной фиксации на женщине (большей частью на матери), по преодолению которой они отождествляют себя с матерью и избирают себя самих в сексуальные объекты, т.е., исходя из [нарциссизма], ищут мужчин в юношеском возрасте похожих на них самих, которых хотят любить так, как любила их мать ". (Standard Edition, VII, p. 145. Курсив оригинала).24) Здесь опять мы имеем довольно категорическое утверждение. Более того, оно основано на клинических наблюдениях, которые подтвердит

любой, анализировавший гомосексуалистов. Оно составляет самый сильный аргумент в пользу вторичной природы нарциссического типа объектного выбора.

Кроме того, есть еще одна группа клинических наблюдений, которая, хотя и не упоминается явно в перечне, широко использовалась Фрейдом для доказательства существования нарциссизма. Эта группа содержит все виды нереалистичных завышенных оценок от психотических грандиозных преувеличений к завышенной оценке себя и своего объекта любви вплоть до идеализации. Очевидно, что в каждом случае завышенной оценки внешнего объекта первый катексис образован объектным либидо, который, на следующем этапе, может быть усилен нарциссическим либидо - конечно же это не является доводом prima facie25) в пользу первичного нарциссизма. Аргументация в пользу (case for26)) вторичной природы нарциссизма при психотической мегаломании является еще более неоспоримой. Подобным образом легко показать, что образование Эго-идеала и фактически любая идеализация зависит от вторичного нарциссизма.27) Любой идеал берет свое начало в интернализации какой-то производной от внешнего объекта, - обычно родительской фигуры, - и смоделирован по его образцу. Такая работа называется интроекцией; мы не можем не согласиться с тем, что интроецированы могут быть только важные внешние объекты, то есть те, которые сильно катектированы либидо.

Завышенная самооценка, которая наблюдается у примитивных народов и детей и является феноменом, рядоположенным с феноменом идеализации, в аналитической теории обычно обозначается как "всемогущество". Иногда это выражение намеренно смягчают, добавляя такие определения, как "иллюзорное" или "галлюцинаторное", однако, где бы ни использовался термин "всемогущество", его значение неизменно одно и то же. Само по себе это наводит на мысль, что данный вполне достоверный клинический факт является по своей природе вторичным явлением, последствием фрустрации. Более того, если проходящие в анализ взрослые люди, не говоря уже о детях, выказывают тенденции всемогущества, то оно неизменно обнаруживает себя как отчаянная попытка защиты от крушения чувства собственной важности. Насколько мне известно, данные антропологии относительно примитивных народов согласуются с этой точкой зрения. Более того, поскольку наши представления о детском всемогуществе основаны по большей части на экстраполяции наблюдаемых у взрослых и старших детей фактов, то я полагаю, что они подтверждают только существование вторичного нарциссизма, привлечение же их для доказательства первичного нарциссизма требует более глубоких оснований.

Следующим клиническим феноменом, который Фрейд использовал в качестве подтверждения существования нарциссизма, является сон - примечательно, что сон не был включен в перечень феноменов, приведенный выше; Фрейд упомянул его - почти как запоздавшую мысль, пришедшую в последнюю очередь - в конце обсуждения темы распределения либидо при органических заболеваниях. Здесь он говорит: "В обоих случаях мы имеем дело не с чем

другим, как с изменением распределения либидо вследствие изменения Я-комплексов"28) (Standard Edition, XIV, p. 83). Это безупречное клиническое описание подразумевает, что данные нарциссические состояния являются вторичными по своей природе.

Несомненно, с биологической и с психологической точек зрения, состоянию сна присуще множество весьма примитивных черт. Поэтому уже начиная с публикации "Толкования сновидений" (Interpretation of Dreams), сон выступал в качестве наиболее часто упоминаемого примера регрессии. Также обычно указывалось, что состояние сна, особенно глубокого сна без сновидений, должно рассматриваться как одна из ближайших аппроксимаций к гипотетическому состоянию первичного нарциссизма у нормальных индивидов. В качестве другого примера первичного нарциссизма приводилось пренатальное состояние. Фрейд, Ференци и многие другие отмечали, что эти состояния выступают как наиболее впечатляющий аргумент, поскольку они обладают множеством схожих черт.

Никто не оспаривает регрессивную природу сна, однако при этом возникает вопрос: к какой именно точке фиксации соскальзывает спящий человек? Можно сказать, что такой точкой является первичный нарциссизм, однако является ли это единственно возможным вариантом? В качестве ответа я приведу цитату из очень интересной и стимулирующей, но, к сожалению, отвергнутой и почти забытой книги, из первого параграфа главы, озаглавленной "Коитус и сон": "Мы слишком часто и настойчиво обращались к далеко идущей аналогии между стремлениями, которые реализуются в коитусе и в состоянии сна, чтобы теперь позволить себе отказаться от задачи более тщательного исследования характеристик сходства и различия этих двух состояний, столь важных для биологической адаптации. В моей работе Стадии развития чувства реальности я назвал первый сон новорожденного - окруженного заботливой опекой, в теплых объятиях матери или няни - аналогом внутриутробного состояния. Плачущий ребенок, напуганный и потрясенный травматическим опытом рождения, вскоре затихает, погружаясь в состояние сна, которое создает у него впечатление - как на основе реальности, так и на галлюцинаторной, иллюзорной основе - будто бы шока такой огромной силы вовсе не было. Фрейд утверждал (Лекции по введению в психоанализ), и его точку зрения разделял и Ференци, что, строго говоря, человеческие существа не являются рожденными вполне; человек не рождается в полном смысле этого слова, поскольку половину своей жизни проводит, так сказать, в утробе матери, отправляясь каждую ночь в постель (Ferenczi, 1924, p. 73).

Очевидно, что и оргазм при коитусе, и засыпание возможны только в состоянии "гармонии" или, по меньшей мере, согласия между индивидом и его окружением. Состояние такой умиротворенности возникает при условии, что окружение защищает субъекта от любой беспокоящей стимуляции извне и при этом само не оказывает какого-то нежелательного воздействия, вызывающего у субъекта возбуждение или дистресс. С этой идеей хорошо согласуется тот клинический факт, что одним из первых симптомов сексуальной неудовлетворенности является бессонница. Исходя из этого мы можем сделать

вывод, что спящий человек в состоянии регрессии стремится приблизиться не к состоянию первичного нарциссизма, а к некоему примитивному состоянию согласия со своим окружением, в котором - используя современное выражение - окружение "поддерживает" индивида.

Из весьма обширной литературы, посвященной сну, я позволю себе выбрать работу еще одного автора, Марка Канцера, поскольку его наблюдения соответствуют теме нашей дискуссии. Он пишет: "Засыпание не является просто нарциссической регрессией… на самом деле спящий не одинок, он "спит вместе" с интроецированным хорошим объектом. Подтверждение этому мы находим в повторяющихся действиях и требованиях людей, отходящих ко сну, таких, как физическое требование ребенком присутствия родителей, взрослым человеком - своего сексуального партнера, невротиком - зажженного света, игрушек или ритуалов как предварительных условий сна" (Kanzer, 1955, p. 261). Канцер приводит и другие интроективных модусы поведения взрослых людей перед сном: еда, питье, прием лекарств, принятие ванны; а также требование опеки, убаюкивания или колыбельных песен у детей. Я полагаю, экран сновидения Бертрама Левина (Bertram Lewin) аналогичен партнеру по сновидению. "Сон является феноменом скорее вторичного, а не первичного нарциссизма. По крайней мере, после младенческого возраста спящий субъект разделяет свой сон с интроектированным объектом" (p. 265) - подводит итог Канцер.

Таким образом, столь убедительный на первый взгляд аргумент в пользу первичного нарциссизма, каким является сон, представляется весьма сомнительным. Действительно, пытаясь заснуть, субъект уходит из мира объектов и, судя по всему, остается один. Однако при внимательном исследовании ухода и одиночества, которые могут быть поняты как нарциссизм, оказывается, что спящий субъект стремится к избавлению от напряжений, возникающих в его обыденных отношениях; он возвращается к более примитивным, более удовлетворительным формам отношений с объектами, интересы которых совпадали с его собственными. Примерами таких объектов являются удобные кровати, подушки, дома, комнаты, книги, цветы, игрушки и другие переходные объекты (Winnicott, 1951). Конечно, они являются репрезентантами или символами внутренних объектов, которые, в свою очередь, являются производными ранних контактов с окружением, - достаточного кормления, теплого мягкого пеленания, безопасной "поддержки" и материнских объятий, укачивания и убаюкивания, и т.п. Наблюдения, о которых говорилось выше, показывают, что спящий субъект регрессирует именно в этот мир, а не в состояние первичного нарциссизма, где невозможны отношения с внешним окружением.

4. Шизофрения, злокачественная зависимость и другие нарциссические расстройства

Предпоследняя группа клинических фактов, которую Фрейд использовал для обоснования введения термина нарциссизм, касается шизофренической регрессии. Все согласны с тем, что внешний мир не представляет интереса для

больных шизофренией - во всяком случае, они производят именно такое впечатление. Я уже отмечал, что Фрейд, обсуждая динамику шизофренической регрессии, неизменно начинал свою аргументацию с утверждений, подобных следующему: "либидо, освободившись вследствие несостоятельности данного лица в жизненной борьбе, не останавливается на объектах фантазии, а возвращается в Я"29) (Standard Edition, XIV, p. 86). К этой формуле Фрейд прибегал всякий раз, обсуждая проблему шизофрении. Спустя несколько лет после публикации работы "О нарциссизме", появилось другое утверждение, которое довольно часто упоминалось наряду с предыдущим. В Лекциях по введению в психоанализ Фрейд говорит о точках фиксации, к которым регрессируют различные неврозы, заявляя, что при шизофрении " вероятно, на стадии примитивного нарциссизма, к которому, в своем конечном итоге, возвращается Dementia praecox "30) (Standard Edition, XIV, p. 421). Это утверждение является теоретической формулой. Более того, оно несет в себе все противоречия, свойственные теории первичного нарциссизма. Каковы же клинические наблюдения?

Относительно вопроса, могут ли быть излечены шизофреники при помощи психоанализа, мнения расходятся; однако достигнут всеобщий консенсус по поводу того, что эти пациенты не так уж недоступны для нашего метода. Конечно, обычная, то есть стандартная, аналитическая техника должна была быть в значительной степени изменена для того, чтобы ее можно было применить к лечению этих пациентов. Сформулированный в теоретических категориях, этот довольно известный клинический факт означает, что (а) впечатление, будто шизофреники покинули внешний мир, верно лишь от части; они покинули мир нормальных - то есть тройственных или эдиповых - отношений, но (б) они способны к другому типу отношений, ради которых и осуществляются все изменения техники.

У меня нет возможности привести здесь подробный обзор обширной литературы, которая посвящена этому вопросу. Достаточно будет указать, что такой тип отношений - или техники - требует от аналитика гораздо большего, нежели отношения в рамках стандартной аналитической техники. Имеется в виду не то, что аналитик обязан немедленно и безоговорочно удовлетворять все потребности пациента; предполагается, что он должен быть в состоянии подтвердить, что может понять пациента, а может работать в "гармонии" с ним, быть "настроенным" на него.

Это, кстати, верно не только для больных шизофренией, но и для всех регрессивных пациентов. Все они, по-видимому, чрезвычайно чувствительны к настроению аналитика. Чем больше пациент регрессирует, тем чувствительнее он становится, то, что обычно нормальный или невротический пациент даже не замечает, регрессировавшего пациента глубоко задевает и волнует . Учитывая это, аналитик должен "настроиться" на своего пациента. До тех пор, пока ему это удается, имеется возможность постепенного продолжения аналитической работы, сопоставимой с постепенным ростом; однако если аналитик не способен поддерживать свой "настрой", то пациент может отреагировать тревогой или отчаянием, проявляя, например, явные агрессивные симптомы.

Эта гармония, или настроенность, должны относиться ко всей жизни регрессировавшего пациента, а не только к его отношениям с аналитиком. Для аналитической ситуации свойственно то, что гармонию можно сохранить только в течение короткого периода; время от времени аналитик должен дистанцироваться от пациента, чтобы "объективно" оценить ситуацию и, возможно, дать хорошо обоснованную интерпретацию. Такие пациенты, как правило, могут устанавливать отношения с реальными внешними объектами только на непродолжительный период времени, и эти периоды не должны пропадать для аналитической работы. Если внешнее окружение, то есть повседневная жизнь, предъявит пациенту слишком большие требования, то значительная часть его либидо, к которому сохранился доступ, будет отнято, а оставшегося количества либидо будет недостаточно для анализа. Потому-то аналитики, работающие с такими пациентами, и требуют от окружения пациентов - порой может быть и чрезмерно - "поддержки" пациентов, настаивая на том, чтобы окружение находилось с ним "в согласии". Тогда пациент может концентрировать оставшееся в его распоряжении либидо на более определенных - терапевтических - отношениях со своим аналитиком.

Осознав важность этого условия, мы можем легко понять, почему так много описаний лечения больных шизофренией заканчиваются меланхоличными пассажами, подобного рода: "С этого момента под давлением внешних обстоятельств пришлось прервать " или "К сожалению, вмешались родственники, и лечение пришлось прекратить".

Теоретическим аспектом необходимости состояния гармонии является идея "шизофреногенной матери", то есть матери, которая не может быть в гармонии со своим ребенком. Хилл, мудрый и опытный клиницист пишет по этому поводу: "Любовь этих матерей к своим детям, которые затем становятся шизофрениками, чрезмерна, но вместе с тем и обусловлена. Ребенок никогда не может соответствовать этому условию... Эти матери видят только внешнюю нормальную оболочку детей и нечувствительны к тому, что происходит у них внутри" (Hill, 1955, pp. 108-109). В книге Статона и Шварца (Staton & Schwarz, 1954) содержится очень интересное клиническое обоснование важности условия гармонического окружения для лечения больных шизофренией. Авторы убедительно показали, что любая дисгармоничность между персоналом, принимающих то или иное участие в лечение такого пациента, приводит к ухудшению его состояния.

Отсюда следует, что общеизвестные факты клинических наблюдений шизофренического ухода нельзя использовать в качестве доказательства первичного нарциссического состояния. На самом деле более правильным было бы считать, что больные шизофренией в гораздо большей степени связаны с окружением, и более зависимы от него, чем так называемые "нормальные" люди или "невротики". Однако поверхностные наблюдения за поведением шизофреника не позволяют увидеть эту тесную связь и отчаянную зависимость; наоборот, создается впечатление ухода и отсутствия контакта. В этом отношении шизофреническая регрессия может считаться подобием младенческой или эмбриональной фазы, где мы обнаруживаем схожие черты:

внешние проявления независимости нарциссического типа, отсутствия осознания внешнего мира, скоротечных и, по-видимому, незначительных контактов с частичными объектами, которые образуют лишь тонкий покров, скрывающий отчаянную зависимость и огромную потребность в "гармонии". Все это было продемонстрировано в современных исследованиях, например в исследовании Шпица (Spitz, 1946), последствий ранней депривации. Эта тема будет еще обсуждаться в следующей главе, а также в частях III и V.

Рассмотрев странные противоречия в отношениях больных шизофренией к их окружению, мы могли бы добавить, что эти отношения представляют собой лишь преувеличенную форму того рода отношений, которые наблюдаются у так называемых нарциссических личностей. Хотя их интерес сосредоточен на собственном Эго - или, согласно Гартманну, - самость, хотя в их распоряжении явно недостаточно любви, которую они могли бы дать другим людям, - их никак нельзя назвать уверенными и независимыми, так же как и стабильными, хорошо владеющими собой или самостоятельными. Как правило, они очень чувствительны к любому рассогласованию между своими ожиданиями и тем, как их окружение в действительности обращается с ними; их легко ранить и обидеть, и эти обиды терзают их долгое время. Кроме того, вряд ли мы сможем наблюдать, чтобы в реальной жизни эти нарциссические люди могли существовать автономно. Обычно они образуют пары со своими отщепленными двойниками, по типу таких известных пар, как Фауст и Мефистофель, Дон Кихот и Санчо Пансо, Дон Жуан и Лепорелло, и т. д. Во всех этих случаях - как было показано много раз в аналитической литературе, начиная с Отто Ранка (Rank, 1924) и заканчивая Хелен Дойч (Deutsch, 1937) - только необаятельный и не-нарциссический партнер, способный к объектной любви, может справиться с опасностями повседневной жизни и является действительно независимым. Без его помощи и руководства обаятельный и с виду независимый нарциссический герой окончил бы свои дни в убожестве. В реальной жизни достаточно часто в роли несимпатичного партнера выступает действительная мать нарциссического героя.

Таким образом, мы приходим к выводу, что истинно нарциссические мужчины или женщины, в действительности являются своего рода мнимыми величинами. Они в крайней степени зависят от своего окружения, и их нарциссизм может быть сохранен только при условии, что их окружение желает или почему-то вынуждено заботиться о них. И это, в общем-то, верно как для величайшего диктатора, так и для обыкновенного кататоника.

Анализ алкоголиков, особенно запойных пьяниц, дает нам хорошую возможность для наблюдения за динамикой отношений, довольно быстро сменяющихся в такой последовательности: от взрослых объектных отношений к нарциссизму, затем к примитивным отношениям и обратно. Обычно довольно интенсивные объектные отношения этих пациентов являются тем не менее шаткими и нестабильными. Поэтому эти люди, как правило, легко теряют равновесие, что обычно вызывается конфликтом интересов между ними и кем-то из их важных объектов любви.

Этот конфликт подавляет их настолько, что они остро чувствуют свою неспособность исправить ситуацию; тогда они частично отводят все свое объектное либидо, - теперь уже ничего не имеет значения, кроме их нарциссизма. С одной стороны, они чувствуют себя центром всякого внимания как дружественного, так и враждебного, а с другой - совершенно несчастными и покинутыми.

Именно в таком состоянии обычно начинается запой - хотя, конечно, бывают и другие триггеры. Однако интоксикация прежде всего, независимо от причины, вызвавшей запой, приносит чувство благополучия в отношениях между алкоголиком и его окружением . Из своего опыта я знаю, что страстное желание обрести это чувство "гармонии" представляет собой наиболее сильную и значимую причину алкоголизма, как, в сущности, и всех прочих форм злокачественной зависимости. С этого момента все разновидности вторичного процесса содержат угрозу чувству "гармонии", и для того чтобы удержать его или, по меньшей мере, сохранить хоть что-то от этого состояния, алкоголик в отчаянии пьет все больше и больше.

Самая важная характеристика состояния гармонии, в которое погружается интоксицированный пьяница, состоит в отсутствии людей или объектов любви или ненависти, в первую очередь людей или объектов, предъявляющих какие-либо требования. Желанная гармония сохраняется лишь до тех пор, пока пьющий человек в состоянии устраниться от всего и всех, что или кто может что-либо потребовать у него; многие запойные пьяницы либо запираются и пьют одни, либо бегут из привычного мира объектов и людей туда, где у них не было контактов и где от них не могут ничего потребовать, особенно же привлечения либидо на длительный период. (В образах фильма Чаплина Огни большого города мы видим впечатляющее изображение этих двух миров - нормального мира, с продолжительными привлечением либидо и мира пьяниц с непрерывной быстрой сменой катексисов). Люди, обитающие в этом новом мире, созданном алкоголем, терпимы только до тех пор, пока они проявляют сочувствие и дружелюбие; а так как пьяница отчаянно нуждается в сохранении своей гармонии с этим миром, то малейшая критика или столкновение интересов провоцируют у него реакции насилия.

К данной проблеме имеет отношение и другая группа клинических наблюдений. Речь идет об аналитической атмосфере, которая, по-видимому, необходима для лечения некоторых трудных пациентов. "Трудным" пациент может быть из-за регрессии, тяжелым нарциссизмом, природой заболевания или складом характера; обычно для описания таких пациентов в аналитической литературе используют такие, например, характеристики, как "глубоко нарушенный". О примитивных отношениях с окружением я впервые узнал как раз из работы с такими пациентами. Легко можно возразить мне, что феномены, встречающиеся в процессе терапии, о которых я здесь говорю, обусловлены не столько особенностями пациентов, сколько моей техники. Чтобы поколебать почву под ногами моих критиков, я позволю себе процитировать описание Филлис Гринакр, которая, без сомнений, использовала классическую технику (Greenacre, 1953, p. 48). Вот ее слова: "Я должна указать на методы, с

помощью которых, по моему убеждению, можно справиться с крайним нарциссизмом и тревогой, возникающими в ходе анализа - методы, необходимые для того, чтобы мог продолжаться "правильный" анализ, главный упор в котором ставится на решение проблемы нарушения развития либидо. Избыток нарциссизма в этих случаях представляет для аналитика очевидную и сложную проблему. Однако я склонна полагать, что в воспитании нарциссизма можно достичь такого уровня, что пациент будет в состоянии переносить боль, связанную с анализом, если только соблюсти достаточную осторожность и уделить должное внимание той слепой тревоге, которая является краеугольным камнем непрочной структуры характера этого пациента". Если сравнить этот отрывок с моим описанием потребностей шизофренического пациента, находящегося в регрессивном состоянии, то станет ясно, что мы говорим об одном и том же клиническом опыте.

Описывая пациентов, которые приходят в анализ в состоянии паники, Гринакр говорит: "На ранних стадиях чрезвычайно важно заручиться осознанным сотрудничеством с людьми, которые все оставшиеся двадцать три часа в сутки находятся в ближнем окружении пациента, будь то в больнице или дома; многое из достигнутого во время терапевтического часа может быть утрачено из-за враждебности, чрезмерной опеки или слишком активного вмешательства друзей или родственников" (там же, стр. 54-55). Разумеется, я полностью разделяю это мнение.

Немного далее (там же, стр. 57-60) Гринакр, по-видимому, ставит знак равенства между "воспитанием нарциссизма" и усилением Эго. Я не возражаю против этих формулировок, но хочу только указать на то, что аналитик, следуя подходу, который отстаивает Гринакр, прежде всего должен "настроиться" на своего пациента настолько, насколько это возможно, и лишь после этого постепенно и осторожно попытаться стать для него нормальным объектом, - тем, кто предъявляет требования.

Конечно, "настройка" вовсе не означает, что аналитик всегда должен автоматически удовлетворять вожделения, желания и потребности пациента, однако, это определенно означает, что аналитик должен полностью отдавать себе отчет в том, что он и его пациент в своих отношениях должны максимально близко подойти к тому состоянию, которое я называю "гармоничным скрещиванием (сочетанием - mix up; перев.)". Более подробно об этом будет сказано в главе 12.

Здесь я хотел бы внести важное дополнение. Описание наблюдаемого в клинических условиях феномена, сделанное Гринакр, как оно есть, без внесения каких-либо изменений может быть расценено и как терапевтическая рекомендация, и как иллюстрация событий, происходящих в области базисного нарушения, о которой говорилось в части I. В этой области происходят отношения между двумя персонами, здесь действует абсолютное требование к одному из партнеров (аналитику) всегда быть "настроенным" на другого (пациента), здесь отсутствует конфликт и в некотором смысле не имеют значения обычные формы интерпретаций и т.д. Я полагаю, что в исследовании

клинической картины нарциссических расстройств, их метапсихологии и прежде всего их терапии, был бы сделан значительный прогресс, если бы они были рассмотрены в свете теории базисного нарушения. Такая попытка будет предпринята в последующих частях III и V.

В недавней работе В. Г. Йоффе и Джозефа Сандлера (Joffe,Sandler, 1965) "Нарциссические расстройства", превосходной работе, если не считать полного игнорирования всей критики концепции первичного нарциссизма, показано, насколько важным может оказаться этот новый подход. Авторы главным образом стремились показать, что для понимания нарциссизма и связанных с ним расстройств необходимо принимать во внимание, помимо удовлетворения (по-немецки, Befriedigung - буквально "умирение") влечений, так же и "отклонение от идеального состояния благополучия… в его аффективном и идеаторном аспектах". Это "идеальное состояние благополучия" является, как это будет обсуждаться в главе 12, окончательной целью первичной любви, а по сути, и всех человеческих влечений. Поэтому всякое его серьезное нарушение в ранних фазах развития ведет к образованию специфического базисного нарушения. Авторы без каких-либо доказательств отождествляют "идеальное состояние благополучия" и первичный нарциссизм; им не удается распознать его объектную природу, так как они упускают из внимания динамическую структуру этого состояния. В остальном, хотя об этом и не говорится явно, дискуссия касается только явлений, принадлежащих к сфере вторичного нарциссизма; поэтому я могу добавить, что согласен со всеми выводами этих авторов.

Подводя итоги размышлениям, представленным в этой главе, мы отмечаем, что больные шизофренией, вопреки теоретическим прогнозам, способны реагировать на свое окружение даже находясь в наиболее регрессивных состояниях, и таким образом, они доступны для аналитической терапии. Однако неодолимая потребность этих пациентов в "гармоничных" отношениях делает реакцию на окружение трудно различимой и неустойчивой. Это дает основания полагать, что их нарциссический уход в качестве последствия фрустрации является вторичным. Другие состояния, вкратце рассмотренные в этой главе, наблюдаемые у алкоголиков и "глубоко нарушенных" или "нарциссических" пациентов - представляют аналогичную картину. Здесь наличествует та же самая первичная потребность в гармонических отношениях, фрустрация, вызванная настоятельными требованиями партнера вообще и аналитика в частности, и уход во вторичный нарциссизм.

5. Пренатальные и ранние постнатальные состояния

Рассмотрев клинические факты, использованные Фрейдом для обоснования введения понятия нарциссизм, мы пришли к выводу, что все они, за исключением двух, представляют собой очевидные случаи вторичного нарциссизма. Мы увидели, что только два феномена - регрессивные состояния у шизофреников и глубокий сон без сновидений - не могут быть объяснены, исходя только из представлений о вторичном нарциссизме. Да и в этих двух случаях, по-видимому, регрессия не обязательно направлена к первичному

нарциссизму. Точкой фиксации являются, скорее, такие примитивные отношения, в которых недифференцированное окружение интенсивно катектировано.

Фрейд верно предвидел это затруднение, - клиницист, который уже в 1914 году утверждал: " Предполагаемый нами первичный [нарциссизм] ребенка, составляющий одну из предпосылок нашей теории либидо, легче подтвердить путем заключения, исходя из другой точки зрения, чем опираясь на непосредственное наблюдение"31) (Standard Edition, XIV, p. 90. Курсив мой). Убедительная картина внутреннего состояния Фрейда: теоретик оптимистичен и продолжает оперировать своими построениями, тогда как клиницист, мягко говоря, осторожен, если не скептичен.

Более того, в этом отрывке Фрейд говорит о первичном нарциссизме у детей, тогда как общепринятая психоаналитическая теория отсылает нас к первичному нарциссизму пренатального состояния. В психоаналитической теории вообще довольно распространена тенденция относить все непонятное к прошлому: если гипотеза не согласуется с данными клинических наблюдений, то вместо того, чтобы отказаться от этой гипотезы как от неверной или подвергнуть ее пересмотру, мы, следуя этой тенденции, ссылаемся на еще более ранние фазы развития, настолько ранние, что они находятся за пределами возможностей клинического наблюдения.

Простоты ради я вкратце обращусь к идеям Филлис Гринакр, касающимся этой темы. Поскольку она является признанным авторитетом в этой области и в своей книге Травма, рост и личность (1953) она широко осветила эту тему, мое обращение будет оправданным. Хотя не все идеи, обсуждаемые в этой главе, принадлежит ей, я приведу их, на сколько это возможно, в ее формулировке. Ради простоты изложения, я сгруппирую обсуждаемые идеи в три блока: (1) те, что в большей степени касаются внутриутробной жизни плода; (2) те, что относятся к изменениям, происходящим при рождении ребенка; (3) те, что касаются самой ранней фазы вне-утробной жизни.

Гринакр довольно категорично заявляет: "С биологической точки зрения нарциссизм может быть определен как либидинозный компонент роста" (там же, стр. 20). Затем, вслед за Фрейдом, она утверждает: "Нарциссизм вообще свойственен жизни… на самом деле мы обнаруживаем нарциссическое либидо повсюду, где есть искра жизни", или более определенно: "В утробе нарциссизм редуцирован к простейшим элементам, будучи отчасти или полностью лишенным психического содержания" (там же, стр. 45).

Я вижу здесь проблему в том, что утверждения Гринакр, в целом правдоподобные и имеющие смысл, остаются только предположениями, которые не могут быть ни подтверждены, ни опровергнуты данными наблюдения. Она - а вместе с ней и очень многие аналитики - полагают, что заявления такого рода являются допустимой экстраполяцией, основанной на различных клинических и биологических наблюдениях. Однако ей, без сомнения, следовало бы согласится с тем, что мы располагаем только предположениями и туманными идеями, а не твердыми фактами по поводу

распределения либидо во внутриутробной жизни, "либидинозного компонента роста" или "нарциссизма, всецело лишенном психического содержания". Я отдаю себе отчет в том, что вырывать отдельные фразы из контекста означает поступать по отношению к автору довольно некорректно, однако я настаиваю на том, что употребление формулировок такого рода, без четкого указания на то, что они не претендуют на объяснение клинических данных, но представляют собой теоретические спекуляции, по отношению к читателю является нечестным.

В своей книге Гринакр приводит превосходные образы, используемые людьми для того, чтобы выразить чувства или "воспоминания", связанные с рождением, которое, например, могло восприниматься как "мост между разными модусами бытия", "хиазма",32) "хиатус",33) "какой-то провал, очень похожий на смерть" и т.д. (там же, стр. 20-21).

Гринакр приходит к выводу, что опыт рождения, вероятно, включает в себя все эти образы как исчерпывающие факторы, однако наиболее фундаментальной его характеристикой, видимо, является стремительный, но успешно завершенный переход от одного модуса жизни к другому. Она пишет: "Я могу только представить, каким образом происходит нарушение в общей организации нарциссического либидо плода в процессе рождения: оно состоит в неком переходе от почти полной зависимости внутриутробной жизни к самому началу индивидуации или, по крайней мере, от полной зависимости внутри утробы к квазизависимости за пределами тела матери" (там же, стр. 45).

Она повторяет высказывание Фрейда, о том, что опыт рождения, по-видимому, структурирует паттерн тревоги индивида, и добавляет: "Если формирование паттерна тревоги является защитой от опасности, то при организации нарциссизма образуется инструмент позитивной атаки, вызывающий агрессивное влечение" (там же, стр. 19).

Все эти соображения могут быть - не без труда - интерпретированы как намек на состояние первичного нарциссизма, и именно этот смысл вкладывает в них Гринакр. Однако, по моему мнению, они могут быть интерпретированы без искажения сути как довольно сильные аргументы в пользу гипотезы о раннем взаимодействии между ребенком в утробе матери и его окружением. Рождение означает внезапное прекращение удовлетворяющих до этого момента отношений с окружением, представляющим собой некий неструктурированный "океан", в котором пока еще нет объектов. Мы вернемся к этим рассуждениям несколько позже.

Возвращаясь к книге Гринакр, я опускаю большинство клинических наблюдений относительно связи - предполагаемой или реальной - между травмой рождения и симптоматикой, появляющейся во взрослой жизни, потому что это довольно далеко вышло бы за рамки моей темы. С другой стороны, я бы отметил, что все приведенные Гринакр клинические наблюдения, касающиеся влияния коллизий постнатального периода, могут быть приняты в качестве аргументов в пользу вторичной природы нарциссизма, как следствия фрустрации, исходящей от внешней среды. Для доказательства этого я приведу

один отрывок из ее работы "Формирование паттернов на догенитальной фазе " (1952): "Вернемся к вопросу об усилении первичного нарциссизма, вызванном ранней повторяющейся избыточной стимуляцией младенца: как было отмечено, такое усиление подразумевает более сильную пролонгированную тенденцию к примитивной идентификации, нарушение в формировании чувства реальности, и, наряду с этим возрастание способности тела реагировать на стимулы и регистрировать их ". (стр. 414)

Младенчество часто описывают как недифференцированное состояние, в котором еще отсутствуют границы между индивидом и окружением - приемлемый взгляд, который будет обсуждаться далее в главе 12. Согласно альтернативному - или аналогичному - описанию, младенчество является фазой первичного нарциссизма и примитивной идентификации, которая позднее часто определялась как функциональный аспект первичного нарциссизма. Я бы хотел подчеркнуть, что есть логическое противоречие в допущении сосуществования этих двух состояний - если только термин "идентификация" сохраняет здесь свое обычное значение. Как было отмечено выше, Фрейд вполне сознавал этот факт и обсуждал это в главе 3 "Я и Оно". Любая идентификация - в обычном смысле - означает изменение Эго под влиянием некоего, ранее сильно катектированного, внешнего объекта или элемента окружающей среды. Даже самая простейшая идентификация относится к чему-то вне индивида, и для того, чтобы что-то изменить в Эго в соответствии с неким внешним паттерном, этот паттерн должен быть очень важным для индивида. Таким образом, я считаю, что не может быть какой-то простейшей (или первичной) идентификации. Все идентификации должны быть per definitionem (по определению) вторичными по отношению к катексису какого-то объекта или окружающей среды. Следовательно, первичный нарциссизм и простейшая (первичная) идентификация не могут существовать одновременно - если они, конечно, вообще существуют по отдельности.

В качестве другого аргумента в пользу первичного нарциссизма часто приводят тот факт, что в самые первые дни своей жизни младенец не способен осознавать окружающий мир. Считается, что младенец пребывает в состоянии первичного нарциссизма, так как внешнего мира, который мог бы быть катектирован, для него просто не существует. То, что этот аргумент противоречит наблюдаемым фактам, часто игнорируется. Ребенок либо засыпает в состоянии удовлетворения и находится, таким образом, "вне" влияния мира, либо бодрствует, и тогда необходимо принять - как, например, это сделал В. Хоффер (Hoffer, 1959) - "что окружение-мать оказывает поддержку первичному нарциссизму ребенка, и поэтому там все еще нет Эго, отсутствуют представления об опасности, тревога или защита…" (стр. 8). Таким образом, "необходимо сохранять состояние первичного нарциссизма как эквивалент поддерживающих качеств пренатальной матери" (стр. 9).

В этой же работе Хоффер поднимает вопрос о возможном влиянии на формирование концепции Фрейда о ранних состояниях общепринятых в те дни форм ухода за ребенком, а именно, пеленания. Пеленки, согласно Хофферу, "являются для развивающегося Эго чем-то вроде нарциссического панциря"

(стр.10), то есть младенцы защищены от внешней стимуляции, следствием чего, вероятно, является замедление формирования их объектных отношений. "С прекращением пеленания первичный нарциссизм младенца подвергается угрозе, конечно не на самом деле, а в глазах внешнего наблюдателя, который начинает замечать привязанность к объектам, которая заслоняет первичный нарциссизм". Далее он добавляет: "Интересно… не объявляем ли мы прогрессом в науке психоанализа то, что, в сущности, является приспособлением наших концепций к доминирующим взглядам современности (а именно к способу ухода за детьми) " (стр. 11).

Все эти аргументы едва ли являются чем-то большим, чем претензией на то, чтобы считать спорный вопрос решенным. Во-первых, постулируется существование состояния первичного нарциссизма. Для того, чтобы оградить этот постулат от посягательств, далее постулируется, что (а) для защиты состояния первичного нарциссизма окружение-мать должна "поддерживать" ребенка; (б) ребенок не осознает изменений, которые происходят в этом "поддерживании" (holding), и (в) любые наблюдаемые отношения с окружением, и любая наблюдаемая реакция на изменения в "поддерживании" (например, отсутствие пеленания), должны быть отвергнуты как ложные - так как в противном случае все это теоретическое построение рухнет.

Я думаю, что гораздо проще было бы принять идею о том, что сразу, с первых дней жизни ребенка, у него имеются примитивные формы отношений с внешним миром, что младенец может осознавать любые значимые изменения в окружении и реагировать на них. Однако это означало бы, используя аргументы Хоффера, что теория первичного нарциссизма вытекает главным образом из наблюдений за детьми, с которыми обращались равнодушно, туго пеленая их, исполняя рутинные ригидные манипуляции, и т. д., и которые вследствие этого на гораздо более ранней стадии были вынуждены развить вторичный нарциссизм, главным образом в ответ на нарушение отношений со своим окружением.

6. Первичная любовь

Предположение о первичном нарциссизме - хотя и предлагает нам изящную, аккуратную и последовательную концепцию - приводит к неразрешимым противоречиям и неопределенностям. В наших теоретических выкладках мы легко смогли назвать источник либидо, то есть Ид. Топологическое же определение "огромного резервуара либидо", а также точки фиксации первичного нарциссизма, оказалось невозможно. Различные формулировки, приведенные самим Фрейдом, являются противоречивыми и непоследовательными, новые гипотезы Гартманна, Криса и Лёвенштайна, а также Джеймса Стрэчи, решая некоторые проблемы, создают новые. Другое неразрешимое противоречие касается хронологии: Фрейд поочередно определил с одинаковой степенью категоричности первичные объектные отношения, первичный аутоэротизм и первичный нарциссизм как самые ранние, наиболее примитивные формы отношений индивида с его окружением.

В этой затруднительной ситуации аналитическая теория следует по проторенной дорожке: отсылка к более ранним периодам развития. Если Фрейд упоминал о "первичном нарциссизме у детей", то современные теоретики сочли необходимым отнести первичный нарциссизм к внутриутробной стадии. В предыдущей главе я старался показать, что плодом этой попытки является своего рода "чемоданная теория", в которой вы можете найти только то, что вы в нее вложили.

На протяжении всех пятидесяти лет, прошедших после создания психоаналитической концепции нарциссизма, не было приведено новых данных клинических наблюдений, подтверждающих существование или приемлемость первичного нарциссизма. Этот исторический факт наводит на определенные размышления. Тогда как литература, посвященная первичному нарциссизму, скудна и не отходит далеко от повторения различных утверждений и предположений, сделанных Фрейдом, то литература о вторичном нарциссизме весьма обширна и опирается на великолепные клинические наблюдения.

Хорошая теория должна обладать, по крайней мере, следующими тремя качествами. Во-первых, она должна быть свободна от внутренних противоречий; как мы уже видели, теория первичного нарциссизма с самого начала не отвечает этому требованию, а настойчивые попытки исправить этот изъян терпят неудачу. Во-вторых, она должна представлять собой эстетическую структуру, позволяющую интегрировать разрозненные наблюдения, так чтобы мы могли понять их более точно; теория первичного нарциссизма претендует на это, но, как показано в предыдущих главах, безуспешно. И в-третьих, теория должна давать возможность делать выводы, заключения или гипотезы, которые затем могли бы быть подтверждены или опровергнуты; насколько мне известно, из теории первичного нарциссизма следуют только теоретические спекуляции - некоторые из них обсуждались выше - эти спекуляции, от которых нужно было бы отказаться, либо не поддаются возможной верификации, либо оказываются ложными, как, например, в случае предположения о недоступности больных шизофренией для аналитического лечения.

Какова же альтернатива? Мое предложение состоит из двух частей. Во-первых, я намерен показать, что теория первичного нарциссизма оказалась внутренне противоречивой и непродуктивной. Она создает больше проблем, чем помогает решить; более чем пятьдесят лет напряженных размышлений и критических наблюдений не привели к разрешению внутренних противоречий, свойственных этой теории. Поэтому я не вижу оснований цепляться за нее. Во-вторых, я утверждаю, что необходимо привлечь клинический опыт работы с пациентами для создания новой теории, вместо теории первичного нарциссизма, которую более легко, по сравнению с последней, можно было бы проверить или опровергнуть при помощи данных непосредственных наблюдений.. Те, кто знаком с моими работами, догадываются, что я имею в виду теорию первичных отношений с окружением, или кратко, теорию первичной любви.

Чтобы избежать возможного непонимания, я хочу сразу оговориться, что из названия моей теории - "теория первичной любви" - вовсе не следует, что я считаю, будто садизм или ненависть не имеют места в человеческой жизни либо то, что они играют весьма незначительную роль. Просто я убежден, что они представляют собой вторичные феномены, являются последствиями неизбежной фрустрации. Цель всех человеческих стремлений состоит в установлении - или в восстановлении - тотальной гармонии с окружением, в обретении ничем не нарушаемой любви. Хотя ненависть и садизм, очевидно, несовместимы с этим стремлением, вполне вероятно, что на стадиях, которые непосредственно предваряют вожделенную гармонию, агрессивность - и возможно даже насилие - могут использоваться и даже доставлять удовольствие. Главные аргументы, которые подвигли меня назвать мою теорию "первичной любовью", a fortiori fiat denominatio, состоят именно в этом.

Мне потребовались многие годы клинической практики для того, чтобы придать моей теории ее настоящий вид - хотя первые предварительные сообщения я сделал в 1932 году. Здесь, ради краткости изложения, я приведу ее в довольно аподектической34) форме, более подробно о ней говорится в моей книге Нервное возбуждение и регрессия (Thrills and regression, 1959).

Согласно теории первичного нарциссизма, у новорожденного совсем или в большей степени отсутствуют отношения с окружением. В этом мире до времени существует только один объект: самость, Эго, или Ид - как возможные варианты - и все либидо сконцентрировано в одном из них, или во всех трех сразу. Уже из биологии нам известно, что плод чрезвычайно сильно зависит от своего окружения, - гораздо сильней, чем младенец или взрослый человек. Следовательно, для благополучия плода и его правильного развития необходимо в первую очередь, чтобы окружение все время как можно полнее отвечало на потребности эмбриона. Значительное расхождение между потребностью и предложением может иметь тяжелые последствия и даже угрожать жизни.

Приняв эту биологическую ситуацию как модель распределения либидо в жизни эмбриона, то есть модель психического состояния, мы приходим к утверждению, что эмбрион, должно быть, интенсивно катектирует окружение- его катексис гораздо более сильный, чем у детей или взрослых. Однако, это окружение, по-видимому, является недифференцированным; с одной стороны, в нем еще нет объектов; с другой стороны, едва ли оно обладает какой-нибудь структурой. Здесь отсутствуют четкие границы между индивидом и окружением; они пронизывают друг друга, находятся вместе в состоянии" гармонического скрещения (сочетания; mix-up - перев.) ". Примером этого гармоничного скрещения является рыба, обитающая в воде (один из наиболее архаичных и широко распространенных символов). Попытки определить, принадлежит ли вода во рту и в жабрах рыбы морю или же рыбе, представляются праздным занятием; то же самое можно сказать и в отношении плода. Плод и окружение-мать находятся в таком сложном взаимопроникающем переплетении эмбриона, околоплодных вод и плаценты, что вопросы на эту

тему в экзаменационных билетах медицинских учебных заведений наводят ужас на студентов и преподавателей.

Наконец, стоит вспомнить о том, что наше отношение к окружающему нас воздуху строится в рамках точно такого же паттерна. Мы используем воздух для поддержания жизнедеятельности и не можем без него обойтись; вдыхая, мы вбираем в себя какую-то его часть и пользуемся ей по своему усмотрению; затем, выделив в него те вещества, от которых хотим избавиться, мы выдыхаем его - не уделяя этому процессу никакого внимания. В самом деле, воздух просто должен быть в наличии для наших нужд, и пока он есть в достаточном количестве и подходящего качества, мы совсем не замечаем его. Такое окружение просто должно быть рядом, и пока оно здесь - например, если у нас достаточно воздуха для дыхания - мы принимаем его существование как само собой разумеющееся, мы не воспринимаем его как объект, то есть как нечто отдельное от нас; мы просто используем его. Ситуация меняется кардиальным образом, если в окружении происходят изменения - когда, например, человек испытывает недостаток воздуха - в этом случае окружение, которое как будто бы было некатектированным, обретает вдруг огромную важность, а это значит, что истинный латентный катексис становится явным.

В нашем отношении к воздуху, как и в примере отношений рыбы с водой, отсутствуют четкие границы. Попытки определить является ли воздух, находящийся в наших легких или во внутренностях, нами или нет, представляются праздным занятием; мы просто живем с воздухом в почти гармоничном сочетании. Значимость состояний, схожих с отношениями такого типа, для аналитической техники будет обсуждаться в частях III, IV и V.

Согласно моей теории, индивид рождается в состоянии сильной привязанности к окружению, как биологической, так и либидинозной. До рождения имеет место гармоничное "скрещение" внешней среды и самости, - по сути, они проникают друг в друга. Как уже было отмечено, в этом мире пока еще нет объектов, есть только субстанции и пространства без границ.

Рождение представляет собой травматическое событие, нарушающее это равновесие. Оно радикально изменяет окружение и принуждает - под угрозой смерти - к новым формам адаптации. Это дает мощный толчок разделению между индивидом и окружением или, по крайней мере, значительно его ускоряет. Из смешения субстанций и нарушенной гармонии безграничных пространств начинают появляться объекты, в том числе Эго. Объекты, по сравнению с более благорасположенными субстанциями, обладают прочными очертаниями и четкими границами, которые отныне нужно признавать и уважать. Теперь либидо уже не изливается из Ид в окружение гомогенным потоком; в его потоке под влиянием возникающих объектов появляются сгущения и разрежения.

Когда развивающиеся отношения с элементом окружения или объектом составляют болезненный контраст с прежним состоянием безмятежной гармонии, как результат принуждения к новой форме адаптации, либидо может быть отведено в Эго, что дает начало развитию или ускоряет его, - в этом

состоит своего рода попытка возврата чувства "тождества", свойственная первым стадиям. Безусловно, эта часть либидо будет нарциссичной, но по отношению к исходному катексису окружения - вторичной.

Таким образом, возможны четыре вида либидинозного катексиса, наблюдаемого в раннем младенчестве: (а) часть исходного катексиса окружения переносятся на появляющиеся объекты; (б) другая часть исходного катексиса окружения, в качестве вторичных средств смягчения фрустрации отводится в Эго - это нарциссический и аутоэротический катексис; и (в) повторный катексис, исходящий из вторичного нарциссизма Эго. Кроме этих довольно хорошо изученных форм катексиса есть еще четвертый, в результате которого формируются окнофилические и филобатические структуры мира (Balint, 1959). Хотя первичный катексис окнофилической структуры мира и соединен с изрядной долей тревоги, он, по-видимому, остается прочно связанным с появляющимися объектами, которые воспринимаются как безопасные и комфортные, тогда как пространство между ними является источником угрозы и ужаса. В филобатическом мире пространства без объектов удерживают исходный первичный катексис, они воспринимаются как безопасные и благорасположенные, тогда как объекты полны угрозы и вероломства.

Так как в отсутствие объектов окнофил чувствует себя потерянным и подвергающимся опасности, то при их появлении, он цепляется за них, интроецирует их; по-видимому, он выбирает избыточное катектирование своих объектных отношений. Другой тип, филобат, чрезмерно катектирует функции Эго, он весьма преуспевает на этом поприще, так как его объекты оказывают ему незначительную помощь, либо вовсе не оказывают ее, поэтому он должен быть в состоянии поддержать себя без посторонней помощи. Именно на этом основании формируется как эдипов комплекс, так, возможно, и область созидания (см. главу 5). Это последнее обстоятельство может повлечь за собой регрессию к состоянию гармонического скрещения, присущего более ранним стадиям, в качестве первого шага ухода от объектов, которые оказались слишком грубыми и фрустрирующими. За этим следует попытка созидания чего-то лучшего, более доброго, понятного, прекрасного и прежде всего более последовательного, стойкого и гармоничного по сравнению с реальными объектами. К сожалению, не всегда эта попытка бывает успешной; гораздо чаще то, что создается, бывает не лучше - но даже хуже - горькой реальности.

Возможно, что большинство объектов являются безразличными (индифферентными) или даже фрустрирующими, но некоторые из них приносят удовлетворение; если забота о ребенке не отличается дефицитом внимания и тепла, то исходный первичный катексис элементов окружения может быть сохранен. Эти элементы становятся тем, что я называю первичными объектами, отношения субъекта с такими объектами или с их производными в более поздние периоды жизни всегда представляют собой нечто особое, точнее, нечто более примитивное, чем отношение к чему бы то ни было еще в этом мире. Первичным объектом является прежде всего мать субъекта, - примечательно, что для многих людей такие объекты представляют собой

большинство символов архаичной матери: воду, землю, воздух и, реже, огонь. Я хотел бы, забегая вперед, высказать предположение, что на определенных фазах удовлетворительного аналитического лечения аналитик принимает - должен принять - качества первичного объекта. Я вернусь к этой теме в главе 13 и в частях IV и V.

Прежде чем продолжить изложение дальше, я хочу привести некоторые клинические и лингвистические наблюдения Т. Дои (T. Doi, 1962). Он сообщает, что в японском языке есть очень простое, повседневное слово, amaeru, непереходный глагол, обозначающий "желать любви или надеяться на нее", при этом имеется в виду первичная любовь. Существительным, производным от этого глагола, является amae, а прилагательное amai означает "сладкий". Эти слова настолько общеупотребительны, что "японцы с трудом могут поверить, что в европейских языках отсутствует слово аналогичное amaeru". Более того, в японском языке есть богатая лексика, описывающая отношения и настроения, возникающие при фрустрации или необходимости подавления желания amaeru. Все эти коллизии известны и на Западе, но мы не можем выразить их при помощи простых слов, - разве что прибегая к таким, сложным фразам, как например: "он мрачен или дуется, потому что чувствует, что ему не позволено выказать свое желание amaeru таким способом, каким ему хотелось бы сделать это; поэтому он затаил в себе душевную боль, имеющую, возможно мазохистскую природу" и т.д. Дои добавляет, что, согласно его информации, в составе корейского языка, языка айнов35) и, возможно, китайского, есть аналогичные слова.

Теперь вернемся к нашей основной теме. Не исключено, что поддержание примитивных отношений исключительно между двумя персонами требует от младенца на ранних стадиях постнатальной жизни крайнего напряжения его развивающихся способностей. Как обсуждалось в главе 10, возможно, именно здесь находится точка регрессии при шизофрении. На протяжении многих лет я считал, что есть только один тип примитивных отношений между двумя персонами, тип, который теперь я называю окнофилией. В рамках этих отношений, в точном соответствии с описанием, объект представляется жизненно необходимой поддержкой. Любая возможность сепарации вызывает интенсивную тревогу, в качестве защитной меры в такой ситуации наиболее часто прибегают к цеплянию. С другой стороны, катексис в объект, отвлеченный от первичных субстанций, настолько велик, что от объекта начинают ожидать, что он не станет причиной беспокойства и озабоченности, не будет обладать своими, отличными от индивида интересами, - объект просто должен быть в наличии и это принимается как само собой разумеющееся. Последствиями такого типа объектных отношений являются (а) завышенная оценка объекта, не обязательно связанная с избыточным катектированием нарциссическим либидо, и (б) некоторая задержка в развитии тех навыков индивида, которые могли бы способствовать его независимости от его объектов.

За последние примерно пятнадцать лет я пришел к выводу о существовании второго типа примитивных объектных отношений, точнее, отношений с

окружением. Для этого типа я предложил термин "филобатизм". В этом случае объекты предстают безразличными или даже коварными и ненадежными, несущими угрозу, - их лучше избегать. Поэтому индивид вынужден развивать собственные навыки - то есть свое Эго - для того, чтобы сохранить или снова обрести состояние гармонии или свободу перемещения в просторах, где нет объектов, в таких как, горы, пустыня, море, воздух и т.п., относящихся к классу потенциально первичных объектов или, более правильно, первичных субстанций. Однако объектные отношения субъекта, вместе с тем, могут нарушиться.

Общая черта всех примитивных форм объектных отношений состоит в том, что объект в этих отношениях принимается как нечто само собой разумеющееся. Возможность существования нейтрального объекта, который через "работу овладения", должен стать сотрудничающим партнером, даже не подразумевается. В этих гармоничных отношениях между двумя персонами только одна сторона может иметь свои собственные желания, интересы и запросы; то, что другая сторона, объект или поддерживающее пространство автоматически будет обладать теми же самыми желаниями, интересами и ожиданиями, принимается как некая данность, не требующая проверки. Видимо, поэтому такое состояние часто называют всемогуществом. По-моему, это определение звучит диссонансом, ведь здесь нет чувства власти, и по сути нет нужды ни в могуществе, ни в усилии, потому что все состоит в гармонии.

Реакция на любую нестыковку или дисгармонию между субъектом и объектом будет состоять в резких и интенсивных внешних проявлениях, которые наводят на мысль об агрессивной, деструктивной и абсолютно дезинтегрирующей природе стоящих за ними процессов, - будто и "я" и весь мир разбиты вдребезги, будто индивид затоплен чистыми абсолютными агрессивно-деструктивными импульсами. Напротив, при отсутствии значительных внешних воздействий, нарушающих состояние гармонии, реакция заключается в чувстве покоя, тихого благополучия, которые весьма неприметны, - их трудно наблюдать.

Это отличие, выраженное средствами языка взрослого человека, звучало бы приблизительно так: "Меня должны любить и заботится обо мне все те, кто имеет для меня большое значение. Никто не может требовать от меня усилий или какой-то платы за это. Люди, которые так много значат для меня, не должны иметь интересов, желаний и потребностей, отличающихся от моих. Если же это почему-то не так, то они должны подчиняться моим потребностям. При этом у моих близких не должно возникать чувство негодования или напряжения, потому что, подлаживаясь к моим желаниям, они должны получать удовольствие и радость. Имеют значение только мои желания, интересы и потребности. Если все происходит именно так, я чувствую себя хорошо, мне приятно, я счастлив, и в этом полнота. Если этого не происходит, мне обеспечен кошмар, а вместе со мной ужаснется и весь мир".

Помня о том, что продолжающиеся на этой фазе гармоничные отношения между субъектом и объектом или между субъектом и пространством так же важны, как

и стабильное снабжение воздухом, мы поймем, отчего имеют место эти резкие, неистовые и агрессивные внешние проявления, когда нарушается гармония между субъектом и его первичным объектом или субстанцией. Первичные отношения настолько важны для субъекта, что всякое вмешательство со стороны, противоречащее его потребностям или желаниям, будет невыносимо для него, и он будет просто вынужден прибегнуть к отчаянным мерам.

Каким образом в этих отношениях возникает ненависть? Ненависть означает ту же фиксацию безусловной зависимости от первичной любви, - с одним отличием: ее знак изменяется на противоположный. Как я отмечал в своей работе "О любви и ненависти" ("On Love and Hate", 1951), одних только внутренних изменений вряд ли будет достаточно для того, чтобы освободить индивида от фиксации на его ненависти, здесь необходимо содействие со стороны окружения. В редких случаях какие-нибудь внешние события могут случайно привести к изменениям в окружении индивида, однако для этого необходимо столь редкое стечение обстоятельств, что вероятность такого варианта в реальности очень мала. Единственной ситуацией, в которой от внешнего окружения можно ожидать намеренного и последовательного согласия с придирчивыми требованиями, является аналитическая ситуация, особенно в фазе "нового начала". Только в том случае, если аналитику удается правильно реагировать на примитивные, нереалистичные желания пациента, пациент получает поддержку в преодолении тягостного неравенства между ним и его окружением. При этом зависимость пациента от его первичного объекта, которая отыгрывается на начальной фазе аналитического процесса, может существенно ослабеть, или даже вовсе исчезнуть. Когда неравенство и зависимость преодолены, необходимость в какой-либо защите против них отпадает. Только тогда, по большому счету, возможно отказаться от ненависти, в результате чего может быть снижена интенсивность агрессивных, деструктивных импульсов.

Если моя теория верна, то можно ожидать, что в каждом случае аналитической терапии, в котором позволена регрессия за определенные границы, можно встретить все три вида объектных отношений - наиболее примитивное гармоничное взаимное скрещение, окнофилическое цепляние за объекты и филобатическое предпочтение безобъектных пространств. На самом деле я пришел к моей теории окружным путем: я построил эту концепцию, взяв за основу наблюдения из своей аналитической практики, где и обнаружил эти три типа отношений ко мне и к окружению.

Какое же место в этой теории занимает нарциссизм? Я полагаю, что всякий нарциссизм является вторичным по отношению к самому примитивному типу отношений, а именно, гармоничному взаимному сочетанию. Непосредственной его причиной всегда являются трения между индивидом и его окружением. Это ведет к фрустрации, вследствие чего индивид приходит к дифференциации того, что прежде было гармоничным скрещением самости и окружающей среды, - он отводит части своего катексиса от окружения и инвестирует их в развивающееся Эго.

7. Взрослая любовь

В работе "О нарциссизме" Фрейд писал: "… быть любимым составляет цель и дает удовлетворение при [нарциссическом] выборе объекта"36) (Standard Edition, XIV, p. 98.) Это, конечно же, еще одно безупречное клиническое наблюдение, однако, с точки зрения теории, оно несколько non sequitur.37) Нарциссический выбор объекта означает, что в качестве объекта любви субъект выбирает самого себя, или кого-то, кто представляет субъекта либо является производным от него. В то же время из теории нарциссизма не следует с необходимостью, что субъект должен желать быть любимым другими. Напротив, поскольку он отвел свое либидо от внешнего мира - или, выражаясь иначе, не катектирует внешний мир, - только он сам или некто, представляющий его, может иметь значение. Логично было бы предположить, что оставшаяся часть его окружения будет более или менее безразличной для него. В этом состоит еще одно внутреннее противоречие, присущее теории первичного нарциссизма.

Вся клиническая литература, посвященная нарциссизму, то есть, вторичному нарциссизму, представляет знакомую картину превосходных, легко поддающихся проверке наблюдений, с трудом размещающихся на прокрустовом ложе первичного нарциссизма. Анни Райх (Annie Reich, 1953), например, говорит, что на догенитальном уровне сексуального развития объекты "эгоистически" используются субъектом для собственного удовлетворения; интересы объектов еще не могут быть учтены, "называем ли мы такое поведение фиксацией на догенитальном уровне, объектными отношениями или нарциссическим поведением, - это вопрос терминологии". Она добавляет: "На этих ранних уровнях чаще встречаются пассивные установки, чем активное стремление к объекту" (стр. 22-24).

Я сомневаюсь в том, что между такими клиническими фактами, как пассивное желание быть любимым, "эгоистическое" использование объектов, неспособность соблюдения их интересов, а также преобладание установок пассивного ожидания над активным стремлением к удовлетворению и теорией первичного нарциссизма, которая утверждает, что все либидо сконцентрировано либо в Эго, либо в Ид - либо в самости - могут быть обнаружены логические связи.

Мне также не понятно, почему с точки зрения нашей теории не имеет значения, описываем ли мы эти клинические факты как фиксацию на догенитальном уровне как объектные отношения или как нарциссизм, и почему все это должно сводиться только к вопросу терминологии. Наряду с последним утверждением я позволил бы себе повторить, что здесь мы сталкиваемся с естественным следствием применения "чемоданной теории", какой и является теория первичного нарциссизма. Перед тем как отправиться в путешествие, необходимо определиться с тем, что нужно сложить в чемоданы, и упаковаться в соответствии с этим перечнем. Если же впоследствии вдруг окажется, что имеется необходимость в чем-то еще, то не остается ничего другого, как приобрести необходимое уже en route.38)

Перечисленные выше факты хорошо согласуются с теорией первичной любви. Фактически они могут быть предсказаны ею и, таким образом, эти факты можно принять в качестве подтверждающих доказательств. "Пассивные установки" и потребность быть любимым, наряду с "эгоистичными" формами любви и неспособностью учитывать интересы или благополучие объекта, представляют собой неотъемлемую часть отношения к первичному объекту. Как я уже отмечал, претензия субъекта, во всех трех формах примитивных отношений - гармоническом взаимным скрещении, окнофилии и филобатизме, -состоит в том, чтобы ему было позволено относиться к своим объектам или окружению как к чему-то само собой разумеющемуся. Первичные объекты просто не могут иметь своих собственных интересов; единственная их забота, чего бы это им не стоило, должна заключаться в сохранении состояния гармонии.

Таким образом, окончательная цель всех либидинозных устремлений состоит в сохранении или восстановлении изначальной гармонии. Я позволю себе еще раз процитировать Анни Райх, которая так описывает чувство экстаза, сопровождающее оргазм: "В этом состоянии женская индивидуальность будто бы прекращает свое существование, женщина чувствует себя слившейся с мужчиной" (там же, стр. 27). Она сравнивает это unio mystica (мистическое соединение) с тем, что Фрейд назвал океаническим чувством - "слиянием себя с миром, с первичным объектом, и это связано с временным отказом от разделяющих границ" (там же, стр. 27). Я позволю себе повториться, что это клиническое наблюдение, являясь естественным следствием теории первичной любви, также должно было бы занять свое место в чемодане теории первичного нарциссизма.

Именно это unio mystica, восстановление гармоничного скрещения между индивидом и наиболее важной частью окружения, объектом его любви, и составляет стремление, разделяемое всем человечеством. Чтобы достичь его, нейтральный или даже враждебный объект должен быть преобразован в сотрудничающего партнера посредством того, что я назвал работой завоевания (1948). Так, объект, теперь выступающий в роли партнера, на некоторое время понуждается к тому, чтобы позволить принимать себя как нечто само собой разумеющееся, то есть, имеющего только совпадающие с субъектом интересы. Люди значительно различаются по своим навыкам, требующимся для этого "завоевания" и, как следствие, не каждый способен к периодическому достижению оргазма или гармоничных партнерских отношений. Все же существует наиболее распространенный способ восстановления первичного гармоничного скрещения.

В жизни взрослого человека есть и другие пути для достижения этой окончательной цели, все они требуют определенных навыков и талантов. Это и религиозный экстаз, и возвышенные моменты творчества художника, в конце концов, - определенные периоды регрессии во время аналитического лечения, хотя это в большей степени касается пациентов. Несмотря на то, что во всех этих состояниях создается впечатление нарциссического ухода, - так как индивид сосредоточен на самом себе, - общая их фундаментальная черта состоит в том, что индивид в эти очень краткие промежутки времени может

испытать переживание истинного и фактического исчезновения всякой дисгармонии, ощутить на мгновение ненарушимое понимание, слияние в совершенном гармоничном сочетании с остальным миром.

РЕЗЮМЕ

1. Фрейд предложил с одинаковой степенью категоричности три теории, объясняющие наиболее примитивные отношения индивида и его окружения. К ним относятся теория первичных объектных отношений, теория первичного аутоэротизма и теория первичного нарциссизма. Хотя эти три концепции находятся во взаимном противоречии, Фрейд никогда не обсуждал этого факта в своих публикациях.

2. Вместо того чтобы предпринять попытку синтеза этих концепций, Фрейд отдал предпочтение теории первичного нарциссизма. Аутоэротизм был определен как характеристика удовлетворения на фазе первичного нарциссизма, тогда как любые объектные отношения, независимо от того, к какому типу они относятся, анаклитическому, или нарциссическому, рассматривались как вторичные. Это теоретическое построение содержит в себе несколько внутренних противоречий, и ни одно из них не было признано Фрейдом. В последние годы эти противоречия были замечены, на них указывали Гартманн, Крис и Лёвенштейн, помимо этого, они предложили новую терминологию, хотя и разрешившую некоторые старые проблемы, но, видимо, создала новые.

3. Пересмотр аргументов в пользу существования первичного нарциссизма, которые приводил Фрейд и следом за ним другие авторы-аналитики, показал, что эти аргументы доказывают только существование вторичного нарциссизма. Регрессивные состояния при шизофрении и во время сна являются двумя исключениями, которые не могут быть объяснены исходя только из представлений о вторичном нарциссизме; оказалось, однако, что даже в этих двух случаях регрессия относится в большей степени к примитивным формам отношений, чем к первичному нарциссизму.

4. Так как клинические наблюдения не могут предоставить достаточно надежного основания для принятия теории первичного нарциссизма, аналитическая теория прибегает к приему отнесения этого феномена к периоду эмбриональной фазы. Тщательное исследование имеющихся данных позволяет предположить, что теория первичного нарциссизма не следует с необходимостью из данных этих наблюдений, хотя и согласуется с ними. Предложена теория первичной любви, которая, по-видимому, более соответствует наблюдаемым фактам.

5. Эта теория дает возможность более глубокого понимания большего числа клинических фактов, открывая путь к их интеграции, что составляет убедительный аргумент в пользу надежности этой теории. К этим клиническим фактам относятся: опыт терапии больных шизофренией, алкоголизмом, "нарциссических" пациентов, а также различные модификации техники,

предложенные несколькими авторами, которые позволяют пациенту установить терапевтически эффективные отношения в аналитической ситуации.

6. И, наконец, в данных исследования эротической жизни человека мы имеем некоторое дополнительное подтверждение теории первичной любви.

Перевод с английского: Агарков В.А., Кравец С.В.

Примечания

1) Objektfindung (нем.) обретение объекта (прим. научн. ред.)

2) Скорректированный текст (см. пред. ссылку) приводится по изданию З. Фрейд "Я и Оно. Труды разных лет", т. 2б стр. 86, Тбилиси, Изд. "Мерани", 1991 (прим. перев. и научн. ред.)

3) 'the very first sexual satisfaction' Приведенный выше русский перевод с немецкого совпадает с вариантом, который предлагает Балинт. (прим. пер).

4) З. Фрейд Введение в психоанализ. Лекции. М.: "Наука", 1989, перевод с немецкого Г.В. Барышниковой, стр. 209 (прим. перев.)

5) Ibid

6) См. анализ случая Шребера, приведенный ниже, а так же Воспоминания детства Леонардо да Винчи (1910) (Standard Edition, XIII, p. 100) и Тотем и табу (1913) (Standard Edition, XIII, pp. 88-90) (прим. авт.)

7) В тексте перевода с немецкого М. Вульфа везде - "нарцизм". З. Фрейд "Очерки по психологии сексуальности" // З. Фрейд ""Я" и "Оно"". Труды разных лет. Т. 2, Тб., "Мерани", 1991, стр. 110. (прим. перев.)

8) В английском переводе, приведенным Балинтом: "… as an early state of the libido?" (прим. перев.)

9) Ibid. Перевод английского варианта этого отрывка таков: "Мы должны предположить, что структура, сопоставимая с Я не может существовать в индивиде от рождения. Я должно быть сформировано. Однако с самого начала присутствуют аутоэротические влечения; поэтому для того, чтобы вызвать появление нарциссизма, нечто - новое психическое действие - должно быть добавлено к аутоэротизму" (прим. перев.)

10) У Фрейда - Anlehnungswahl (нем.) - наиболее адекватный перевод с немецкого: "выбор по типу опоры". Термин "анаклитический" появился в английских переводах работ Фрейда. (прим научн. ред.)

11) Хотя сравните Тотем и табу, цитата из которого приведена выше (прим. авт.)

12) Ibid. стр. 109 Перевод английского варианта цитируемого текста Фрейда: "Так мы подходим к идее о существовании исходного либидинозного катексиса Я (в англ. оригинале - "ego"), часть которого позже перемещается на объекты.

Вместе с тем катексис Я, в сущности, сохраняется и относится к объектным катексисам как тело амебы к выпущенным ею псевдоподиям." (прим. перев.)

13) Нижеприведенный отрывок приводится в переводе с немецкого Г.В. Барышниковой по изданию: З. Фрейд Введение в психоанализ. Лекции // М.: "Наука", 1989, стр. 272 (прим. перев.)

14) Ibid. стр 265

15) З. Фрейд "Я и Оно. Труды разных лет", т. 1, Тбилиси, Изд. "Мерани", 1991, перевод с немецкого Л. Голлербах; стр. 366, примечание 1 (прим. перев.)

16) Ibid. стр. 380

17) Я хочу выразить мои благодарности за возможность ознакомиться с этим примечанием в рукописи. Затем оно было опубликовано в Стандартном собрании сочинений. (Standard Edition, Volume XIX).

18) Anlage (нем.) 1) задатки, предрасположение; (прим. перев.).

19) З. Фрейд "Очерки по психологии сексуальности" // З. Фрейд "Я и Оно". Труды разных лет. Т. 2, Тб., "Мерани", 1991, стр. 118. (прим. перев.)

20) Также возможно, что идея первичного нарциссизма представляла собой попытку разрешения психологического конфликта. Бессчетное количество раз Фрейд, в своих записях упоминает о сильной привязанности к матери - объектном выборе анаклитического типа. Нам также известно о его глубокой привязанности к мужчинам, мощном влечении, которое он пронес через всю свою жизнь, и которое появилось, без сомнения, когда ему было два года, если не раньше, в отношении его племянника, Йона,- нарциссический тип объектного выбора. В жизни Фрейда есть много свидетельств, к которым относятся длительная помолвка и поздняя женитьба, говорящие о значительных трудностях, с которыми он сталкивался, пытаясь найти удовлетворительное решение этого конфликта. Вероятно, теория первичного нарциссизма помимо ее научного значения служила для того, чтобы отодвинуть на периферию эти две конфликтующие тенденции, на освободившемся же месте появлялась удобная теоретическая конструкция, свободная от конфликта, по крайней мере, для ее создателя (прим. авт.)

21) Текст приведен по переводу с немецкого М. Вульфа из издания: З. Фрейд "Очерки по психологии сесуальности" // З. Фрейд ""Я" и "Оно"". Труды разных лет. Т. 2, Тб., "Мерани", 1991, стр. 111. (прим. перев.)

22) Ibid, стр. 115 (прим. перев.)

23) Ibid, стр. 120 (прим. перев.)

24) Ibid, стр. 14. В переводе с нем. выделение курсивом отсутствует (прим. перев.)

25) Prima facie - (юр.) прежде всего, с первого взгляда, первоначально, предположительно, судя по имеющимся данным, судя по имеющимся

доказательствам, в порядке опровержимой презумпции, поскольку не будет опровергнуто надлежащими доказательствами, при отсутствии доказательств в пользу противного, если не явствует иного намерения. Prima facie evidence - презумпция доказательства, доказательство, достаточное при отсутствии опровержения (прим. перев.).

26) Case for - термин из области юриспруденции, обозначающий дело, выигранное кем-либо; аргументация в пользу (кого-либо, чего-либо). (прим. пер)

27) См. также Я и Оно, Глава III. (прим авт.)

28) Ibid, стр. 116 (прим. перев.)

29) Ibid, стр. 119

30) З. Фрейд Введение в психоанализ. Лекции. М.: "Наука", 1989, перевод с немецкого Г.В. Барышниковой, стр. 269 (прим. перев.)

31) Текст приведен по переводу с немецкого М. Вульфа из издания: З. Фрейд "Очерки по психологии сексуальности" // З. Фрейд ""Я" и "Оно"". Труды разных лет. Т. 2, Тб., "Мерани", 1991, стр. 123. (прим. перев.), стр. 123. Перевод английского варианта цитаты: "Первичный нарциссизм у детей, который мы приняли, и который составляет один из постулатов нашей теории либидо, легче вывести умозрительно, чем увидеть при непосредственном наблюдении"

32) Chiasma (англ.) (а) участок пересечения, скрещивания зрительных нервов; (б) перекрест конъюгирующих гомологических хромосом в мейозе, обуславливающий обмен их участками; (в) вообще перекрестное соединение, слияние (прим. перев.)

33) Hiatus (англ.) (а) разрыв, возникший в результате утраты или пропуска некой части, как, например, разрыв последовательности или лакуна в манускрипте; (б) вообще провал, расщелина, зияние (прим. перев.)

34) аподектический [гр. apodeiktikos] - достоверный, основанный на логической необходимости, неопровержимый; а-ское суждение (или суждение необходимости) - в логике - суждение, в котором выражается необходимая связь вещей и явлений (в противоп. ассерторическому суждению) (прим. перев.)

35) Айны - народность, ранее населявшая Японию, теперь обитающая на островах Хоккайдо и Сахалин. Язык айнов не относится ни к одной из известных групп языков. (прим. перев.)

36) Текст приведен по переводу с немецкого М. Вульфа из издания: З. Фрейд "Очерки по психологии сесуальности" // З. Фрейд ""Я" и "Оно"". Труды разных лет. Т. 2, Тб., "Мерани", 1991, стр. 130. (прим. перев.)

37) Non sequitur - (лат.) непоследовательно (прим. перев.)

38) En route - (франц.) В дороге, по дороге (прим. перев.)

Перевод с английского: Агарков В.А., Кравец С.В.

Нарциссизм и нарциссические расстройства

Р. Бриттон

обучающий психоаналитик и супервизор Британского психоаналитического общества; в прошлом - руководитель отделения для детей и родителей Тэвистокской клиники в Лондоне, президент БПО; автор книг "Эдипов комплекс сегодня" (в соавторстве с М. Фельдманом и Э. О'Шонесси), "Вера и воображение: психоаналитическое исследование" (1998), "Секс, смерть и Супер-Эго" (2003), статей по теории и технике психоанализа, истории психоаналитических идей, психоанализу художественного творчества и другим темам.

Не так давно я решил сделать обзор психоаналитической литературы о понятии нарциссизма и описании нарциссических расстройств, чтобы посмотреть, насколько они отвечают моему клиническому опыту. Вероятно, нет области психоаналитической литературы более обильной, чем та, что посвящена нарциссизму: она казалась бесконечной, когда я разбирался в данной теме. Я избавлю вас от большей части этой литературы, и буду цитировать только то, что непосредственно относится к моему исследованию - однако за его пределами осталось широкое поле работ. Эта литература не только обширна, в ней царит полная неразбериха. Существуют различные модели развития, что затрудняет всякое обсуждение нарциссизма - но путаница усугубляется еще и тем, что сам термин «нарциссизм» используется в различных смыслах.

Поэтому прежде чем двигаться дальше, я хотел бы прояснить мое использование этого термина. Я решил, что слово нарциссизм используется в психоаналитической литературе трояко.1) Во-первых, оно описывает нарциссизм как явление: видимое отсутствие интереса к другим в сочетании с зацикленностью на себе. Это можно наблюдать при различных психологических расстройствах, а также в повседневной жизни. Во-вторых, оно используется для описания подразумеваемой здесь силы или врожденной тенденции в личности, которая препятствует отношениям вне пределов самости. В-третьих, оно используется для обозначения особой группы случаев личностной дисфункциональности, называемых нарциссическими расстройствами. В этой главе я буду рассматривать второе и третье значения термина «нарциссизм». Я попытаюсь ответить на следующие вопросы: какую роль нарциссизм как сила играет в нарциссических расстройствах, и есть ли различие между либидинозным и деструктивным нарциссизмом.

Развитие понятия нарциссизма

Зачатки различения между либидинозным и деструктивным нарциссизмом можно обнаружить в истории развития понятия нарциссизма. С самого начала в рассуждениях о клиническом нарциссизме контрапунктом проходили две темы. Одна - это нарциссизм как защита против неблагоприятных объектных отношений; другая - нарциссизм как проявление фундаментальной враждебности к объектным отношениям. Даже исходный миф о Нарциссе существует в двух вариантах: в одном дается солипсистское изложение, в

другом - травматическое объяснение. В известном пересказе Овидия Нарцисс расплачивается за то, что считает недостойным своей любви всех, кроме себя самого; но Павсанию оказался известным другой вариант, в котором Нарцисс утратил сестру-близнеца и ошибочно принимает свое отражение в пруду за эту утраченную сестру.

Можно сделать полезное, однако неточное обобщение, что ход мысли Фрейда приводит нас к концепции либидинозного нарциссизма, тогда как идеи Абрахама, в действительности предшествовавшие фрейдовским, ведут к понятию деструктивного нарциссизма. Фрейд прояснил, что считает вторичный нарциссизм средством сохранения или восстановления любви, когда объектная любовь кажется невозможной, тогда как Абрахам делал акцент на враждебности к объектам переноса в нарциссических расстройствах. Фрейд описывал себялюбие как заместитель материнской любви (mother-love) в нарциссических характерах; Абрахам же считал, что зависть содействует нарциссизму и задерживает объектную любовь.

С самого начала Абрахам связывал поглощенность собой с «негативизмом». «Негативизм dementia praecox (шизофрении) - самая полная противоположность переносу», - писал он в первой психоаналитической статье, посвященной данной теме (Abraham, 1908, p. 71). Впервые Абрахам отметил это в письме Фрейду, личная встреча с которым ему еще только предстояла. Абрахам предположил, что, в отличие от истерии, «dementia praecox разрушает способность человека к сексуальному переносу, т. е. к объектной любви» (Abraham, 1908, p. 69). Термин «нарциссизм» в то время еще не был запущен в обиход, и Абрахам говорил об аутоэротизме. Он полагал, что больной шизофренией отворачивается от всех объектов любви, вместо этого возвращаясь к аутоэротизму. Фрейда это безусловно впечатлило и убедило в справедливости теории Абрахама.

Фрейд перенял и развил термин нарциссизм у Пауля Накке и Хэвелока Эллиса, которые использовали его, чтобы описать человека, трактующего свое тело как сексуальный объект. Собственная разработка Фрейдом понятия нарциссизма началась со сноски, добавленной им в 1910-м году к «Трем очеркам по теории сексуальности» (Freud, 1905d) и описывающей нарциссические объектные отношения. Рассуждая о гомосексуалах-мужчинах, Фрейд писал:

«в раннем детстве [они] пережили кратковременную, но очень интенсивную фиксацию на женщине (как правило, своей матери), по преодолении которой они отождествляют себя с женщиной и избирают самих себя в качестве своего сексуального объекта. То есть исходя из нарциссизма, они ищут молодых мужчин, похожих на них самих, которых могли бы любить, как их самих любила мать» (Freud, 1905d, pp. 144–145 fn.).

В статье «О нарциссизме», датируемой 1914-м годом (1914c), Фрейд далее развивает мысль об этом стремлении к идеалу любви матери и младенца. Обычно влюбленность, по его мнению, истощает Эго в пользу объекта, чья взаимная любовь - единственное средство исцелить эту геморрагию либидо. Те несчастные, чья любовь безответна, лишаются не только любви другого, но и

самолюбия, и потому страдают от боли и утраты самоуважения. Однако вторичный нарциссизм, согласно Фрейду, возникает только когда существует некоторое препятствие осуществлению объектной любви по внутренним причинам. Он писал:

«удовлетворение любви невозможно, и обогащение Эго вновь может быть обеспечено только путем отвода либидо от объектов. Возврат объектного либидо к Эго и его превращение в нарциссизм представляет как бы снова счастливую любовь; с другой стороны, справедливо также, что настоящая счастливая любовь отвечает изначальному состоянию, в котором объектное либидо и Эго-либидо неразличимы» (Freud, 1914c, pp. 99–100).

Внезапно в этом последнем предложении Фрейд дает нам понять, что состоявшийся либидинозный нарциссист влюблен в себя точно так же, как кто-то может быть «влюблен» в другого человека. Но действительно ли это другой человек, если «счастливая любовь отвечает изначальному состоянию, в котором объектное либидо и Эго-либидо неразличимы»? Здесь Фрейд предполагает, что эта «изначальная» - «счастливая любовь» - это по сути нарциссическая объектная любовь, независимо от того, разворачивается она с другим человеком во внешнем мире или же оказывается любовной связью с самостью в мире внутреннем. В обеих ситуациях, будь то объект внешний или внутренний, позитивное отношение обусловливается устранением различия.

Если это действительно так, «нарциссическое состояние» - это не просто отход от внешних объектов к объекту внутреннему. Это особый тип внутреннего объектного отношения, в котором отдельное существование и собственные качества внутреннего объекта отрицаются, и путем проективной идентификации создается внутреннее нарциссическое отношение. Это звучит как описание идеального отношения между самостью и Эго-идеалом, заместившего отношение между Эго и Супер-Эго: внутренние души-близнецы, объединенные нарциссической любовью, из-за которой может оказаться избыточной потребность Эго в той любви Супер-Эго, которую Фрейд считал необходимым условием жизни. Не является ли нарциссическое состояние уклонением от Супер-Эго? Не служат ли нарциссические объектные отношения альтернативой стремлению к любви Супер-Эго? И в этом случае - не побуждает ли к ним страх перед враждебным Супер-Эго или зависть к мощному, безупречному Супер-Эго? В справедливости этого предположения меня убедил ряд случаев, один из которых я опишу в этой главе ниже.

Последовав за рассуждениями Абрахама о нарциссизме, мы обнаружим, что исследуем тему, которая достигнет своего логического завершения в концепции деструктивного нарциссизма Розенфельда. В своей статье 1908-го года Абрахам связывает отход от объектной любви к аутоэротизму при dementia praecox с негативизмом пациентов. При следующем подходе к данной теме он высказывает предположение, что чрезмерное самоуважение некоторых пациентов сопровождается презрением и враждебностью к их любовным объектам. В своей статье о преждевременной эякуляции (Abraham, 1917) Абрахам описывает нарциссизм как источник сексуального сопротивления: «их

объектная любовь очень несовершенна. Истинный их любовный объект - они сами. В соответствии с мнением Фрейда, мы обнаруживаем /…/ особенно высокую и аномально эмоциональную оценку пениса». Абрахам идет дальше и связывает этот фаллический нарциссизм с враждебным презрением к женщинам: «он мстит каждой женщине за разочарования любви, которым его в детстве подвергла мать» (ibid., p. 297). В своей работе, посвященной психогенезу меланхолии, он описывает клинический нарциссизм, существующий как в позитивной, так и в негативной форме: позитивной, когда он проявлен как восхищение собой, и негативной, когда он проявляет себя как самоочернение (Abraham, 1924).

Через два года после того, как он дал описание фаллического нарциссизма, Абрахам пишет первую статью, в которой нарциссическое расстройство описывается как понятие, обладающее психоаналитическим смыслом и подтверждаемое клинической практикой (Abraham, 1919). В этой статье он обсуждает небольшую группу пациентов, которые не способны соблюдать правила психоаналитического метода, хотя кажется, что им это удается, и отмечает, что «среди моих пациентов это были те, у кого нарциссизм был наиболее выражен» (Abraham, 1919, pp. 304–305).

Эта статья Абрахама 1919-го года стала стартовой точкой для первой большой статьи Розенфельда о нарциссических расстройствах (Rosenfeld, 1964). Также она повлияла на две важные работы, опубликованные в 1936-м году и связывающие абрахамовское описание нарциссического расстройства характера с негативной терапевтической реакцией. Одна из них принадлежала Джоан Ривьер, а другая - Карен Хорни. Статья Ривьер (Riviere, 1936) привносит в прежнее понимание негативных реакций в анализе новую теорию депрессивной позиции и маниакальной зашиты, предложенную Кляйн, и добавляет к ней авторскую концепцию «защитных организаций». Хорни (Horney, 1936) подчеркивает компульсивное соперничество таких пациентов с аналитиком, а также их требование безоговорочной любви. Эта любовь им необходима, чтобы устоять против двойной тревоги: тревоги, связанной с осознанием и выражением их собственной враждебности, а также тревоги, связанной с возмездием извне.

Розенфельд подхватил и развил данное Хорни описание реакции пациента на работу аналитика и концепцию защитных организаций, выдвинутую Ривьер (Riviere, 1936). Он разработал собственную теорию «нарциссической организации» в личности, которая противопоставлена истинным объектным отношениям и добивается преданности пациента путем соблазнения, контроля и тирании.

Розенфельд полагал, что важно различать нарциссические состояния, в которых преобладают либидинозные аспекты, и те, в которых преобладают деструктивные аспекты нарциссизма. Хотя в первом, либидинозном случае, когда нарциссическая система убеждений получает повреждение, действительно вспыхивают зависть, негодование и месть, анализ улучшает понимание и ослабляет негативизм. Однако при преимущественно

деструктивном нарциссизме зависть отличается большей силой и меньше признается, и возникает непреодолимое желание разрушить аналитика или самость. В этом, деструктивном случае, как замечает Розенфельд, «смерть идеализируется как решение всех проблем» (Rosenfeld, 1987, pp. 106–107).

Ханна Сигал отмечает, что расходится с Розенфельдом в вопросе о различении деструктивного и либидинозного нарциссизма: по ее мнению, существует только деструктивный нарциссизм. Однако при этом она ограничивает охват термина «нарциссизм» той силой в нарциссических организациях, которая фундаментально враждебна объектным отношениям: «при нарциссизме животворные (life-giving) отношения и здоровое себялюбие подвергаются равному нападению, - пишет она. - Зависть и нарциссизм подобны двум сторонам одной медали» (Segal, 1997, pp. 75, 85). Любовь к самости - и, косвенно, фрейдовское описание «счастливой любви» нарциссических отношений - Сигал относит к категории инстинктов жизни, которые считает в их основе объектно-любовными, а не нарциссическими. В рамках ее определения нарциссизма как силы, направленной против объектных отношений в личности, - я совершенно согласен с Сигал. Но если говорить о нарциссических расстройствах - я полагаю, что они включают в себя целый ряд феноменов - и деструктивных, и либидинозных, и защитных.

Джон Стайнер охватывает их своим более широким понятием «патологические организации»: по его мнению, защиты в них объединены с деструктивными и либидинозными нарциссическими силами (Steiner, 1987). Понимая, что нарциссическими системами с неизбежностью движут смешанные мотивы, он не считает нужным разделять их (личное общение с Дж. Стайнером). Тем не менее, на мой взгляд, каков бы ни был и как бы ни варьировался набор мотивов, в каждый конкретный момент главный мотив либо либидинозный/защитный, либо враждебный/деструктивный. Образование нарциссических объектных отношений может мотивироваться желанием сохранить способность к любви, придавая объекту любви подобие самости, или же оно может быть направлено на аннигиляцию объекта как представителя инаковости. Агрессия может порождаться либо преимущественно защитным, либо преимущественно деструктивным нарциссизмом. Но есть различие между борьбой за удержание любви и необузданным насилием враждебности к объектам. В общественной сфере война может быть защитной, и патриотическая агрессия может оказаться неправильно направленной любовью, но геноцид - никогда: он вызван желанием аннигилировать инаковость, исходящим от импульса ксеноцида.

Чтобы проиллюстрировать свое понимание этого разграничения, я вкратце опишу двух пациенток. Первую я бы назвал страдающей от преимущественно деструктивного нарциссического расстройства, вторую - от преимущественно либидинозного нарциссического расстройства. Общее у них - это порождение посредством проективной идентификации нарциссических отношений с Эго-идеалом в целях избегания отношений с деструктивным, родительским Супер-Эго. При этом в первом случае деструктивность переводится в отношение между близнецами, которое затем становится смертоносным альянсом; с другой

стороны, во втором случае деструктивность становится психическим убежищем, где во взаимопонимании ищется изначальная «счастливая любовь».

Г-жа Л.: самость–близнец против старухи

Я хотел бы привести короткий пример из супервизии анализа г-жи Л., нарциссической пациентки. Доктор А. особенно жаждала этой супервизии, поскольку, хотя анализ только начался, она уже чувствовала значительные затруднения. Доктор А. - добросовестный и умелый аналитик с опытом анализирования нарушенных и трудных пациентов; она не могла понять своей неспособности установить и поддерживать аналитический сеттинг с этой пациенткой.

Доктор А. описала ряд нехарактерных для нее промашек, в результате которых она призналась пациентке в том, в чем не собиралась признаваться, о чем немедленно пожалела. Поэтому она почувствовала, что анализ вышел из-под ее контроля. Г-жа Л., привлекательная молодая женщина, обратилась к аналитику после расстроившего ее окончания отношений с одним мужчиной. В ее истории также были подростковые нарушения и эпизоды анорексии. Она покинула город, в котором жила со своим бывшим мужчиной, и возвратилась в другой, где со своей второй женой жил ее богатый отец и где ей предстояло проходить анализ. Все было оговорено, но когда в день ее отбытия пришли рабочие, чтобы устроить переезд, она отказалась от их услуг и пропустила свой самолет.

Прибыв в свой новый дом и организовав начало анализа, она пропустила первый сеанс. Она позвонила и объяснила, что потеряла номер кабинета аналитика. Доктор А., ощущая необходимость установить свою аналитическую позицию и метод работы с самого начала, «твердо решила» обсудить вопрос оплаты за пропущенный сеанс. Тревожным сигналом для аналитика стала необъяснимая утрата «твердой решимости» и некоторые другие моменты. Когда г-жа Л., которая в конце месяца должна была оплатить пропущенный сеанс чеком, не сделала этого, доктор А., к своей досаде, не смогла привлечь к этому внимание. Вслед за этим сеансом пациентка, по любым критериям очень обеспеченная, позвонила доктору А., чтобы сказать, что не сможет продолжать анализ, поскольку не в состоянии себе это позволить. Доктор А. предложила пациентке прийти на следующий сеанс вовремя, и они смогут обсудить этот вопрос. Пациентка согласилась, а затем на сеансе доктор А., к своему ужасу и отчаянию, обнаружила, что втянута в дальнейшую бесплодную беседу с пациенткой. На следующий сеанс пациентка пришла на двадцать минут раньше, что внесло некоторый беспорядок в процесс.

В ходе этого сеанса г-жа Л. лежала на кушетке беспокойно, постоянно елозила и несколько раз вставала то за сладостями, то за салфетками. Однако больше всего аналитика обеспокоило ее собственное поведение. На этом сеансе она удивила себя тем, что согласилась уменьшить оплату для этой пациентки. Ощущение, что ее контрперенос вышел из-под контроля, еще более усилилось, когда вместо того, чтобы рассмотреть эту проблему в самоанализе, готовясь к следующему сеансу, она нечаянно затянула текущий сеанс - что с ней

происходило редко. Тем не менее, именно на этом сеансе пациентка рассказала сон, который пролил некоторый свет на эти события.

«Очень странный сон я видела, - сказала г-жа Л. - Я находилась в доме - этом странном доме - в каждой серии снов я вижу повторяющиеся сны о новом доме. Этот был новым - но ощущения (sensory experience) подсказывают мне, что я была здесь сотню лет назад. Рядом со мной другой человек, который был моим любовником - или сестрой - или братом, не уверена, какого пола был этот человек. Я же не была ни мужчиной, ни женщиной - или была и мужчиной, и женщиной. Я защищала этого другого человека - мы жили вместе со старой дамой - мы сговорились убить ее. В этом как-то участвовали лестницы и нечто написанное, что-то вроде письма. По-видимому, мы дали ей письмо так, чтобы она этого не видела, что и привело к ее смерти. Ради себя самих нам нужно было это сделать. Но через шесть-семь лет нас арестовали. Я знаю, что это я была во сне - обычно я не лгу (она лжет все время, добавила аналитик) - я помню, как подумала, что это первый раз - они не разоблачат меня, они не обнаружат, что мы совершили убийство. Если бы она, старуха, знала, она бы мстила. Она была эдакой злобной старухой - губительной силой. Это было убийство не по злому умыслу, но вопросом жизни и смерти для меня. Причиной была эта внутренняя борьба. Я ощущала во рту такой вкус, как от огромного куска жевательной резинки - это был каннибализм - как жевание безвкусного мяса».

«Когда я проснулась этим утром, меня тошнило, - продолжила пациентка. - Наконец меня вырвало». Сама пациентка узнала в злобной старухе свою мать.

Несомненно, в этом сне много чего сгущено, и соблазнительно исследовать такие темы, как каннибализм и оральный садизм. Но полагаю, что лучше всего использовать этот сон для объяснения того, что на самом деле происходило в анализе и какой свет это могло пролить на проблему повторяющихся разыгрываний (enactments). Я предложил считать, что доктор А. во сне представлена и как «душа–близнец/любовник», и как злобная старуха, - тогда последние события обретают смысл. Бессознательная контрпереносная идентификация доктора А. с пациенткой представлена во сне «душой–близнецом» пациентки. Тогда заговор душ–близнецов с целью убийства «злобной старой дамы» можно рассматривать как бессознательный сговор между пациенткой и аналитиком с целью уничтожить профессиональную самость доктора А. Уже произошло несколько малых убийств, которые для душ–близнецов выглядели оправданными, поскольку те верили, что находятся под угрозой того, что их накормят отравленным мясом посредством загадочных практик психоанализа.

Аналитик восстановила свою привычную аналитическую позицию и утрачивала ее лишь время от времени, когда пациентка драматическим образом вносила в анализ какие-нибудь неожиданные осложнения. Возникла стереотипная модель, в которой за движением вперед следовали негативные терапевтические реакции. По мере продвижения анализа стал более очевидным полный масштаб нарушений пациентки. У нее были проблемы с наркотиками, а

эпизоды булимии и рвоты повторялись уже давно. Раскрывающаяся история и перенос пациентки указывали на ее бисексуальность. В частности, наблюдались периоды осцилляции между гомосексуальным эротическим переносом и негативным, параноидным переносом.

Я хотел бы подчеркнуть свою точку зрения - что нарциссические объектные отношения, выработанные этой пациенткой, отношения «души–близнеца», были сговором, образованным для противостояния смертоносному Супер-Эго, представленному «старухой». Однако деструктивность перешла в нарциссические отношения. Назначение либидинозной связи, выраженной в эротическом переносе, заключалось в создании альянса, целью которого было убийство. Сон, приснившийся пациентке через полтора года после описываемых событий, пролил больше света на эту комплексную нарциссическую организацию.

Г-жа Л. кормит ребенка с ложечки - ее мать находится в комнате - г-жа Л. не уверена в том, чей это ребенок. В ходе кормления ложка становится вилкой, которая отрывает куски кожи от губ ребенка, а он затем эти куски поедал. Пациентка обращается к матери за помощью. Мать говорит: «делай вот как», - и отрывает больший кусок ото рта ребенка, приговаривая при этом: «вот что он ест».

Г-жа Л. возражает, что должен быть другой способ, чтобы ребенок не ел сам себя. Губы ребенка очень красные и крепко стиснуты, по виду они напоминают гениталии. Затем пациентка понимает, что это не ее мать, а Х, ее бывшая любовница, и они не кормят ребенка, а занимаются сексом.

«В настоящей жизни, - отметила пациентка, - у меня были гомосексуальные сексуальные отношения с Х». «У Х, - продолжала она, - было идеальное тело, я его обожала. Когда я говорю “идеальное”, вот что я имею в виду: мой отец, по моему представлению, хотел бы, чтобы у женщины было именно такое тело».

«Мы были вместе в колледже, - добавила г-жа Л. - Мне это напомнило, что в то время у меня часто повторялась одна мастурбационная фантазия: будто я наблюдаю за мужчиной в ботинках с обитыми сталью носками, который бьет ногами в гениталии женщины, пока у нее не отваливается клитор».

«Когда я была маленькой, то думала, что женщина беременеет оттого, что проглатывает что-то большое и круглое».

«Еда попадает в нас хорошей, а выходит - дерьмом. Я видела другой сон, - сказала она, - в котором дерьмо покрывало все, за дерьмом не было ничего видно; невозможно было никуда пробраться, все было покрыто дерьмом».

Попадающее внутрь может быть хорошим, но когда оно вновь появляется снаружи, - это дерьмо, покрывающее все вокруг. Более удачного описания тому, как аналитик переживала сеансы, я не могу вообразить. Вновь и вновь я усматриваю здесь модель, в которой сеанс начинается ясно и понятно, что приводит к прямолинейным интерпретациям и позитивному отклику пациентки.

Затем все это теряется в неразберихе обескураживающей и спутанной информации от пациентки.

У этого анализа и сна - много аспектов. Но сейчас я бы хотел сосредоточиться на сексуальных отношениях пациентки с ее идеальным Эго, представленным Х, которая была сконструирована из собственного Эго-идеала пациентки, - то есть женщиной с точно таким телом, которого хотел бы ее отец. Так Х узурпирует место матери в первичной сцене, а пациентка занимает место отца с Х. Таким образом выстраивается и разыгрывается идиллическая, иллюзорная, основанная на нарциссизме гомосексуальная первичная сцена. Однако это связано со всплывшей в памяти садистической мастурбационной фантазией о сношении, которая похожа на сцену кормления ребенка во сне такой же заменой удовлетворения изувечиванием. Так что в данном случае мнимо защитный уход от устрашающих отношений со смертоносной кормящей фигурой в аутоэротическую генитальную фантазию влечет за собой те же деструктивные элементы. Каннибальская грудь-вилка, которая кормит ребенка им же самим, становится обитым сталью пенисом, который кастрирует женские гениталии.

Г-жа Д.: преимущественно либидинозный нарциссизм

Второй мой случай - г-жа Д., профессор и глава успешной университетской кафедры, женщина раннего среднего возраста. Она обратилась к анализу через год после того, как по взаимному согласию с терапевтом был прекращен ее длительный курс психотерапии. Ко времени этого завершения она чувствовала себя в хорошей форме. Теперь она пришла к аналитику потому, что боялась, по ее словам, «полностью сломаться». По ее описанию, она постоянно страдала, будучи одержимой отношениями с молодым мужчиной - отношениями не сексуальной, но интеллектуальной близости. Она считала свои чувства совершенно иррациональными и сказала мне, что такое уже происходило раньше с другим молодым мужчиной в ходе ее предыдущего курса лечения. Оба молодых человека были ее младшими коллегами на возглавляемой ею кафедре. Оба случая развертывались по одной схеме. Сначала пациентка чувствовала, что у них с другом полное взаимопонимание, душевное единство. Затем, когда это взаимопонимание невозможно было сохранять, она начинала страдать.

Пациентка считала свой брак счастливым; дети занимали центральное место в ее жизни. Но как только в ее душе возникали отношения с молодым человеком, они полностью поглощали ее внимание. Ее донимали страхи, что дети перестанут ценить ее и то, что она им дала. Когда случалось что-либо, подтверждавшее эту идею, она начинала полагать себя плохим и никчемным человеком. Любовь, восхищение, уважение и одобрение со стороны мужа, детей и друзей ее успокаивали, но никоим образом не смягчали власть отношения молодых людей над ее самоуважением.

Становилась более понятной конфигурация, обусловливающая обсессивные отношения с молодыми людьми. Пациентка была единственным ребенком родителей, живших раздельно. Ее мать страдала от тяжелого нарциссического

расстройства, а отец отличался легендарным эгоцентризмом и тщеславием. В ходе анализа ее захватили врасплох сны, в которых фигурировал брат. В этих снах ее не удивляло присутствие брата. Она никогда раньше не видела этого человека, но знала, что это ее брат. В детстве у нее был воображаемый товарищ, а в подростковом возрасте, как она рассказала, возникла близкая, но платоническая дружба с молодым человеком.

Эта глубокая эмоциональная зависимость от восприятия со стороны молодых людей контрастировала с ее отношениями с теми, от кого она действительно зависела - например, с мужем. Ее отношения с ним были взаимно теплыми. Однако их оберегала ограниченность ее ожиданий относительно понимания со стороны мужа - и таким образом относительно болезненности разочарования и выражения неудовольствия. Ее перенос на меня следовал той же модели. Хотя мое понимание очевидно приносило ей пользу, она не стремилась к нему, но и не сопротивлялась ему - она просто избегала его ожидать. Аналитический перенос, как и ее отношения в браке, следовал модели отношений с родителями. Отношения с ними сохранялись благодаря сильному ограничению ожиданий со стороны г-жи Д. и поиском ею родственной души где-то на стороне. Обращение ожиданий понимания на родительский объект, с ее точки зрения, не имело шансов на успех и привело бы к отрицанию ее собственного субъективного существования.

У родственной души-близнеца, на которую взамен г-жа Д. обращала надежды, был еще и дополнительный аспект - она служила идеалом ее самости. Пациентка полагала, что идеальный молодой мужчина должен быть первичным любовным объектом идеальной матери, подобной которой она не знала. Поэтому в отношениях близнецов пациентка могла исполнять обе роли - играть идеальную мать и посредством проективной идентификации переживать (за другого) любовь, которой никогда не получала.

* * *

Я считаю, что у обеих пациенток были катастрофические отношения Эго (ego-relationships), - но с некоторым различием. У г-жи Л., первой пациентки, фигурой Супер-Эго была смертоносная женщина; у г-жи Д. это место обычно занимал внутренний родитель, кажущийся пустотой - не просто отсутствием, но отрицающим присутствием (negating presence). От отношения с Супер-Эго они обе уклонялись путем образования привязанности к Эго-идеалу, - что создавало нарциссическую организацию. Это реализовывалось внешним образом в отношениях с идеализированным двойником. У первой пациентки при этом возникали перверсивные, садомазохистские отношения; у второй авторитетность суждений Супер-Эго инвестировалась в нарциссический объект, чье одобрение таким образом становилось вопросом жизни и смерти. Я думаю, что нарциссические объектные отношения в первом случае приводили к чему-то наподобие печально известной пары Бонни и Клайд, а во втором - к подобию пары Ромео и Джульета. Смерть таится в обоих сценариях, но в одном партнерство основывается на общей любви к убийству, а в другом - смерть предпочитают жизни без любви другого.

Предыстории обеих пациенток похожи. У обеих родители развелись; у обеих матери затруднялись выполнять материнскую функцию; у обеих были успешные отцы, отличающиеся беспощадным эгоцентризмом. Однако эти неблагоприятные родительские черты были гораздо более выражены у родителей пациентки с преимущественно либидинозным расстройством, г-жи Д. Ее собственные нарушения были значительно меньше и менее нарциссичны, чем у каждого из ее родителей. Нарушения г-жи Л., страдавшей от преимущественно деструктивного нарциссического расстройства, наоборот, были существенно сильнее, чем у каждого из ее родителей. В ее случае можно отметить усугубление ситуации в следующем поколении, а в случае г-жи Д., наоборот - улучшение ситуации.

Заключение

Итак, я считаю, что нарциссические расстройства возникают при сбое контейнирования в младенчестве и детстве, что дает начало Эго-деструктивному Супер-Эго. Развивается нарциссическая организация, использующая нарциссические объектные отношения - внутренние, внешние или и те, и другие - для того, чтобы уклоняться от враждебного Супер-Эго. Это может приводить к преимущественно либидинозной организации или преимущественно деструктивной нарциссической организации. Далее я полагаю, что либидинозная, защитная организация возникает, когда главный фактор в исходном сбое контейнирования находится на стороне родителей; а деструктивная организация - когда основным фактором является чрезмерность враждебности к объектам у младенца. Если мы используем слово «нарциссизм» для обозначения такой тяги к аннигиляции инаковости, ответ на вопрос о роли, которую играет нарциссизм в нарциссических расстройствах, будет таков: это зависит от того, насколько эти расстройства деструктивны. Если организация преимущественно деструктивна, нарциссизм, видимо, играет важную роль; если же она преимущественно либидинозна, большую роль, по-видимому, играет младенческая и детская травма. Во втором из рассмотренных мною случаев (г-жа Д.) можно предположить, что именно нарциссизм родителей сыграл главную роль в развитии нарциссического расстройства у пациентки.

Примечания:

1) В своем обзоре использования этого понятия Фрейдом Вилли Баранже (Barranger, 1991) предлагает девять смыслов, в которых этот термин используется, разбивая их на три группы по три. Его три группы не похожи на те, к которым прибегаю я: в одной нарциссизм описывает вид либидо, во второй - природу объекта, а в третьей - характер личности (pp. 109–111).

Ш.Ференци

БОЯЗНЬ СЦЕНЫ И НАРЦИССИЧЕСКОЕ САМОНАБЛЮДЕНИЕ

Ferenczi S. Stage-fright and narcissistic self-observation// Ferenczi S. Further contributions to the theory and technique of psycho-analysis. London: Karnac books, 1994. P.421-422.

У людей, которые страдают от «боязни сцены», когда они выступают перед публикой или участвуют в музыкальных или драматических постановках, можно обнаружить, что в такие моменты они часто впадают в состояние самонаблюдения: они слышат свои собственные голоса, замечают каждое движение своего тела и т.д., и это разделение внимания между объективным интересом к представляемой вещи и субъективным интересом к своему собственному поведению нарушает нормальное, автоматическое, моторное, фонетическое или ораторское действие. Ошибкой будет полагать, что такие люди становятся неловкими в результате своей излишней скромности; напротив, их нарциссизм требует от их исполнения слишком многого. В дополнение к негативно-критическому (тревожному) наблюдению за своим собственным поведением имеет место позитивно-наивное, в котором актеры впадают в состояние опьянения от своих собственных голосов или других действий, и забывают о необходимости достижения с помощью них определенного эффекта. «Удвоение личности» при говорении часто также является симптомом внутреннего сомнения об искренности того, что говорится.

А. Грин
МОРАЛЬНЫЙ НАРЦИССИЗМ

«Добродетель не только похожа на бойца, для которого единственная задача в борьбе - сохранить свой меч незапятнанным, она начала борьбу также, чтобы уберечь свое оружие; и она не только не может использовать свое оружие, но должна к тому же сохранить нетронутым оружие своего врага и защитить его от его собственной атаки, потому что все это - благородные части добра, ради которого она вступила в войну».
Г.Гегель, Феноменология духа

«Ничего не чувствовать - вот, вот самое сладкое время жизни.
Оно заканчивается, как только мы узнаем, что такое радость и горе». Софокл, Аякс.

Нарциссизм, которому во Франции в последние годы было посвящено столько теоретических работ, был объектом лишь немногих клинических исследований. Предшествующая работа о фаллической нарциссической позиции (Une variante de la position phallique-narcissique) привела нас к уточнению состояния, наблюдаемого в клинике, первое описание которого дал В.Райх. Теперь мы хотели бы попытаться более четко очертить другую фигуру, обнаруженную в процессе лечения, проверить ее опытом каждого и, если возможно, присвоить ей некую структуру. Мы рассмотрим вопрос о моральном нарциссизме.

Эдип и Аякс

Легендарные герои античности представляют для психоаналитика источник, к которому он не может не обращаться. Обычно он прикасается к этим высоким личностям, чтобы украсить работу соблазни тельным орнаментом. Что же касается нас, то мы будем исходить и противопоставления, которое позволит каждому, призвав на помощь память, обратиться к общему примеру, способному попутно напомнить ему того или иного из его пациентов. Э.Доддс в своей книг «Греки и Иррациональное» (Les Grecs et l'irrationnel, chap, II, trad, par M. Gibson, Aubier) противопоставляет культуру стыда культуре вины. Здесь было бы нелишним напомнить, что, согласи Э.Доддсу, идея вины связана с интериоризацией понятия проступка или греха; она является результатом божественного нарушения. В то время как стыд есть удел, данный судьбой, знак гнева богов, то некая Ата - беспощадное наказание, едва связанное с объективной виной, если только это не вина чрезмерности. Стыд неумолимо настигает свою жертву; наверное, его скорее нужно отнести не к богу, а к демону - инфернальной силе: Э.Доддс связывает культуру стыда с племенным общественным строем, в котором отец всемогущ и не знает никакого авторитета, который был бы выше его собственного, тогда как культура вины, на пути к монотеизму, ставит Закон выше Отца. Он не доходит до репарации провинности, которая не различается в обоих случаях. Переход от стыда к вине сопоставим с путем, ведущим от идеи грязи, запятнанности, к сознанию нравственного зла. Другим словами, стыд есть аффект, в котором ответственность человека едва задействована, это удел, данный богами, поражающий человека, наделенного гордыней, тогда как вина есть последствие ошибки, в которой воля человека направлена на нарушение. Первое соответствует этике возмездия, второе - этике более понимающей справедливости.
Мне показалось, что можно противопоставить две эти проблематик - стыда и вины, противопоставляя случаи Аякса и Эдипа. Аякс - сами храбрый из греков

после Ахилла, надеется после смерти сына Фетид получить его оружие. Но этого не случается. Оружие подарено Улисс, что происходит по-разному в зависимости от мифологической версии. В самых старых из них присвоение совершают побежденные греками троянцы: они должны сказать свое слово по поводу врага, которого они опасаются больше всех. Троянцы указывают на Улисса, который, возможно, не является самым храбрым, но наиболее опасен, так как наиболее хитер. По другим версиям - этой традиции придерживается и Софокл - сами греки голосуют и указывают на Улисса.
Аякс ощущает этот выбор как несправедливость и оскорбление. Он решает отомстить насилием, казня Атридов - Агамемнона и Менелая, взять в плен аргийцев и поймать Улисса, чтобы захлестать его до смерти. Но Афина, которую оскорбил Аякс, отказавшись от ее помощи в боях против троянцев, делает его безумным. Вместо того чтобы совершить боевой подвиг, наказав тех, кого он хочет наказать, в состоянии безумия он в кровавой бойне уничтожает отряды греков. Виновник гекатомбы приходит в себя только после того, как зло совершилось. Вновь обретя рассудок, он понимает свое безумие. Дважды обезумевший - от боли и от стыда за то, что он не смог победить ни правом, ни силой, оскорбленный в своем самолюбии, он кончает с собой, бросаясь - Ж.Лакарьер говорит, и это кажется правдоподобным, накалывая себя на меч Гектора, который он получил в качестве трофея.
Читая Софокла (В переводе П.Мазона, Les Belles-Lettres), понимаешь, что «стыд» - ключевое слово его трагедии. «О, страшная молва - мать моего стыда», - говорит хор, узнав о бойне. Безумие само по себе ничего не оправдывает: оно - худший из видов стыда, знак осуждения Бога. Безумие, которое здесь приобретает значение позора, так как оно влечет за собой акт убийства без славы. Оно делает смешным героя, претендующего на высшую отвагу, заставляя его зверски уничтожить безобидных и питающих животных. Оно накладывает на него груз «тяжкой иллюзии отвратительного триумфа». Как только разум возвращается к нему, смерть начинает представляться единственным возможным решением. Аякс, потерявший честь, не может больше жить при свете дня. Никакие узы не противостоят этому соблазну небытия. Родители, жена, дети, которых его смерть практически обрекает на рабство, не способны его удержать. Он жаждет ада, призывая в своих желаниях ночь смерти: «Мрак, мое солнце». Он оставляет свое тело как грязь, чтобы те, кто станет его презирать, решали его судьбу: отдать ли его стервятникам или похоронить во спасение. Этика меры дается нам Вестником: «Ненормальные и бесполезные существа гибнут, - говорил пророк, - под тяжестью несчастий, которые им посылают Боги. То же случается со всеми, кто, будучи людьми, строит планы, не подобающие человеку».
Мне кажется, что пример Аякса может выдержать сравнение примером Эдипа. Преступление Эдипа не менее велико. Его оправданием является незнание, обман Бога. Наказание, которое он на себя наложит, тем не менее заставит его согласиться лишиться глаз, которые хотели слишком много видеть, устранить себя с помощью своей дочери Антигоны, пережить свой позор среди людей, исчерпать его. Наконец, он согласится стать перед смертью объектом распри и разбирательства между своими сыновьями (которых он проклянет), своим зятем и дядей Креоном и Тесеем, под покровительство которого он себя отдал. Он будет ждать в Колонском лесу близ Афин, пока Боги не подадут ему знак. Жизнь после обнаружения своей вины не сможет принести ему никакого удовольствия. Но это жизнь, которую дали боги, и которую боги и отнимут, когда сочтут нужным. И, главное, Эдип дорожит тем, что у него есть. Это составляет его жизнь, так как помогает удержаться в жизни. Он не может это покинуть, даже если для своих детей он станет зловещей ставкой. Он будет ненавидеть некоторых из них — своих сыновей, естественно. Он будет отечески

любить своих дочерей, являющихся, однако, плодами его инцеста.
Понятно, что мы противопоставили две проблематики, отвечающие двум типам выбора объекта и инвестирования объекта: в случае Эдипа - объектное инвестирование объекта, путем нарушения, порождают го вину; в случае Аякса - нарциссическое инвестирование объект путем разочарования порождающего стыд.

Клинические аспекты нарциссизма: Моральный нарциссизм

Притча об Аяксе, послужившая нам вступлением, сразу заставляет задать вопрос психоаналитику. Не является ли очевидным, что эта форма нарциссизма имеет некоторую связь с мазохизмом? Не находится ли здесь самонаказание на первом плане? Прежде чем решительно утверждать, что мазохизм, в конечном счете, не является тем, что наилучшим образом характеризует тему Аякса, который не ищет наказания, но налагает его на себя, чтобы спасти свою честь - другое ключевое понятие феномена нарциссизма, - остановимся на мгновение на отношениях мазохизма и нарциссизма.
В своем исследовании «Экономическая проблема мазохизм» З.Фрейд пришел к разделению мазохизма как выражения импульса смерти на три субструктуры: эрогенный мазохизм, женский мазохизм, моральный мазохизм. Нам показалось, что, исходя из клиники, можно выделить несколько вариантов и субструктур нарциссизма:
- телесный нарциссизм, который относится либо к чувству (аффекту) тела, либо к его репрезентациям. Тела как объекта взгляда Другого, для которого он является внешним, так же, как нарциссизм чувства тела - обжитого тела - есть нарциссизм пристального разглядывания Другого, для которого он является внутренним. Сознание тела, восприятие тела являются элементарной базой этого вида нарциссизма1 (Cf. plus chapitre II «Le narcissisme primaire»);
- интеллектуальный нарциссизм - на котором у нас нет необходимости останавливаться, так как аналитическая литература изобилует его примерами. Интеллектуальный нарциссизм проявляется в инвестировании владения интеллектом с чрезмерным доверием к нему, часто опровергаемым фактами. Его настойчивость неустанно напоминает, что «это не мешает существовать». Эта форма, на которой мы не будем здесь задерживаться, напоминает нам иллюзию интеллектуального мастерства. Это вторичная форма всемогущества мысли. Это всемогущество мысли, подчиняющее второстепенные процессы своей задаче;
- моральный нарциссизм, наконец, который мы будем описывать и который мы сейчас оставим лишь ненадолго, чтобы немного далее развить его тему (Само собой разумеется, что мы не рассматриваем соответствия между тремя формами мазохизма и тремя формами нарциссизма).
З.Фрейд, с момента написания «Я и Оно», дает различным инстанциям специфический материал. Тем, чем импульс является для Оно, восприятие будет являться для Я и для функции Идеального - функции отказа от удовлетворения импульса и открытия неопределенно отодвигаемому горизонту - Супер-Эго. Таким образом, получается, что моральный нарциссизм, в той мере, в какой взаимоотношения морали и Супер-Эго четко установлены, должен пониматься в тесной связи Эго/Супер-Эго, или, точнее, поскольку речь идет о функции Идеального, Эго-идеала/ Супер-Эго. То, что Оно ничуть не чуждо этой ситуации, покажет продолжение нашей работы. Если мы понимаем, что над Оно доминирует антагонизм импульсов жизни и импульсов смерти, что Эго переживает постоянный обмен инвестированиями между Эго и объектом и что Супер-Эго разделено между отказом от удовлетворения и миражами иллюзии, мы понимаем, что Эго в его состоянии двойной зависимости от Оно и

от Супер-Эго, должно служить не «двум господам», а четырем, потому что каждый из господ раздваивается. Именно это происходит обычно с каждым, и никто не лишен морального нарциссизма. Таким образом, привлекательность наших отношений происходит от общей экономики этих отношений. Главное, чтобы импульс жизни одерживал победу над импульсе смерти, а утешения иллюзии - над гордыней импульсного отказа. Но так случается не со всеми. Патологическая структура нарциссизм которую мы хотим описать, характеризуется экономикой, которая отягощает Эго двойным последствием: победы импульса смерти, дающей «принципу Нирваны» (принципу снижения напряжения до нулевого уровня) относительное превосходство над принципом удовольствия, и победы импульсного отказа над удовлетворениями иллюзии.
Доминирующий эффект импульса смерти и импульсного отказа. Не подводит ли это нас вновь к суровости мазохического Супер-Эго? Приблизительно - да. Точно - нет.

Фантазмы мазохистические и фантазмы нарциссические

«Как только появляется удар, который можно получить, - говорит З.Фрейд, - мазохист подставляет щеку». Не таков случай морального Нарцисса. Перефразируя З.Фрейда, мы скажем: «Как только нужно отказаться от какого-либо удовлетворения, моральный нарцисс выступает добровольцем». Действительно, сравним мазохистические фантазмы, столь показательные, с фантазмами нарциссическими. В мазохизме речь идет о том, чтобы быть побитым, униженным, опороченным, принужденным к пассивности, но пассивности, которая требует присутствия Другого. Это требование мазохистом присутствия другого - Ж.Лакан говорит, что оно вызывает беспокойство Другого - существует до того момента, пока садист может поддерживать свое желание, не разрушая объект своего наслаждения.
С нарциссом ничего подобного не происходит. Здесь речь идет о том, чтобы быть чистым, то есть быть одиноким, отказаться от мира от своих удовольствий, как и от неудовольствий, ибо мы знаем, что из неудовольствия можно извлечь удовольствие. Разрушить субъекта путем инверсии удовольствия доступно многим. Более сложно и более соблазнительно поставить себя вне удовольствия-неудовольствия, дав обет стойкости, не ища боли, бедности и нужды, одиночества, отшельничества - то есть любых условий, которые приближают к Богу. Испытывает ли Бог голод или жажду, зависит ли Бог от любви, от ненависти людей? Случается, что люди верят в это, но те, которые так думают, не знают, что есть истинный Бог: это Неназываемое. Этот глубокий аскетизм, который Анна Фрейд описывает в нормальном развитии индивида как защитный механизм, свойственный подростковому возрасту, и к которому Пьер Маль возвращался много раз в своих исследованиях о подростках, может принимать патологические формы. Впрочем, страдание не ищется, но и не избегается, какую бы энергию субъект ни использовал, чтобы ее сэкономить. З.Фрейд говорит о мазохисте, что на самом деле он хочет, чтобы с ним обращались, как с маленьким ребенком. Замысел морального нарцисса противоположен: он хочет, как ребенок, походить на родителей, которых некая часть его представляет как людей, для которых владение собственными импульсами не составляет проблемы; он хочет быть взрослым. Последствия будут различными в обоих случаях. Мазохист маскирует под своим мазохизмом ненаказанную провинность, результат нарушения, из-за которого он чувствует себя виноватым. Моральный нарцисс не совершил никакой провинности кроме той, что застыл в своей инфантильной мегаломании и по-прежнему в долгу перед своим Идеалом Я. Последствие таково, что он не чувствует себя виноватым, но ему стыдно, что он - лишь то, что он есть, или что он претендует

на то, чтобы быть большим, чем он есть. Возможно, мы могли бы сказать, что мазохист находится на уровне отношения, связанного с понятием «иметь» то, что добыто недолжным образом («неправедно нажитое добро не пойдет на пользу»), тогда как нарцисс находится на уровне отношения, связанного с понятием «быть» («Мы такие, какие мы есть...» (Не находится ли пример Аякса в противоречии с мыслью, которую мы только что развили? Аякс убивает себя, потому что оружие Ахилла достается другому. Казалось бы, в его случае речь действительно идет об отношении с «иметь», которого он лишен. Не будем обманываться на этот счет. То, от чего страдает Аякс, это обида, нанесенная «быть». Это то, что он не получил признания как самый опасный из воинов, свидетельством которого является обладание оружием Ахилла, выкованным Гефестом. Не хватает фаллического аттрибута, но постольку, поскольку тот добыл бы ему восхищение друзей и врагов. Поэтому его реакция - это реакция стыда, как если бы передача оружия другому подписывала его поражение в правах и его недействительность. Различие между самым храбрым (каким он является) и самым опасным (каким является Улисс, благодаря своей хитрости) для него «мертвая буква». Бесчестью он может противостоять, лишь покинув жизнь и все объекты, которые его в ней удерживают)). В моральном мазохизме субъект наказан не столько за свою вину, сколько за свой мазохизм, - напоминает З.Фрейд. Совместное либидинозное возбуждение использует путь неудовольствия только как один из потайных путей, ведущих к наслаждению, неизвестному субъекту, так же, как Человек-Крыса, излагая З.Фрейду свои терзания, вызывавшие у него ужас и осуждение, переживал «неизвестное ему наслаждение». В моральном нарциссизме, цели которого не осуществляются, как и в мазохизме, наказание - в данном случае стыд - осуществляется путем неутолимого удвоения гордыни. Честь никогда не остается невредимой. Все потеряно, потому что ничто не может смыть позор с запятнанной чести, если только это не новый отказ, который обеднит объектные отношения ради единственной славы нарциссизма.

Здесь обнаруживается доминирующая черта противопоставления: мазохизм через негативизацию удовольствия и поиск неудовольствия сохраняет богатую связь с объектом, то есть то, от чего нарциссизм старается отказаться. Возможно, термин «богатый» будет подвергнут критике, потому что мы привыкли придавать ему нормативные свойства. Мы скажем, если это предпочтительнее, субстанциальная связь с объектами постольку, поскольку эти объекты взамен «питают» фантазматические объекты, которыми субъект в конечном счете насытится.

В качестве решения конфликта, нарциссизм будет пытаться все более обеднять свои объектные отношения, чтобы довести Я до его жизненно необходимого объектного минимума и подвести таким образом к освободительному триумфу. Эта попытка постоянно проваливается по вине импульсов, которые требуют, чтобы удовлетворение проходило через объект, который не является субъектом. Единственным решением будет нарциссическое инвестирование объекта, о котором мы знаем, что когда объект отсутствует, потерян или, например, разочаровывает, последствием будет депрессия (Паш в своей работе о депрессии неполноценности описал случаи, входящие в кадр, который мы пытаемся уточнить. Cf. A partir de Freud, p. 181 sqq.. Payot.).

Это замечание помогает нам понять особенности лечения таких пациентов. В то время как пациенты-мазохисты представляют рассмотренные З.Фрейдом проблемы негативной терапевтической реакции, извечно основанной на потребности в самонаказании, моральные нарциссисты - преданные и безупречные пациенты - путем постепенного разрежения своих инвестирований являют нам поведение зависимости, в котором потребность в любви, а точнее, в уважении аналитика является кислородом, без которого они

не могут выйти на свет божий. Более того, речь идет о потребности в особой любви, так как она нацелена на признание принесения удовольствия в жертву.
Но, как говорит З.Фрейд, «саморазрушение не может совершаться без либидинозного удовлетворения». Какое же удовлетворение находит моральный нарцисс в своем обеднении? Чувство, что он становится лучше с помощью отказа - основа человеческой гордыни. Это не может не напомнить отношения между этой клинической нарциссической формой и превоначальным нарциссизмом детства в его связи с аутоэротизмом.
Если З.Фрейд смог сказать, что мазохизм ресексуализирует мораль, мы хотим в продолжение добавить: нарциссизм превращает мораль в аутоэротическое наслаждение, в котором могущественность саморазрушится.

Частные и производные аспекты морального нарциссизма

Противопоставление фантазмов мазохистических и нарциссиче-ских позволило нам обозначить главный аспект этой структуры. Теперь мы вкратце рассмотрим некоторые ее производные или частные аспекты, а затем сделаем набросок ее метапсихологии.
Мы уже упоминали аскетизм, говоря о случаях, когда он продолжается после подросткового возраста и становится стилем жизни. Этот аскетизм очень отличается от того, в основе которого лежат религиозные убеждения или управление опять же в религиозном смысле слова. Он на самом деле является бессознательным и использует в качестве предлога ограничения материального порядка, чтобы подвести Я к принятию постепенного сужения своих инвестирований так, чтобы связь между желанием и необходимостью превратилось в сведение первого до уровня второй. Пить и есть, чтобы выжить, но не ради удовольствия. Исключить зависимость в отношении объекта и желания с помощью скудного аутоэротизма, лишенного фантазмов, цель которого - освобождение от тяжести, как гигиеническое опорожнение. Осу-ществить массированное перемещение на работу и без передышки использовать псевдосублимацию, имеющую ценность больше как реактивное образование, чем как судьба импульса путем подавления, перемещения цели и второстепенной десексуализации. Эта псевдосублимация будет иметь характер - мы настаиваем на этом пункте вместе с Эллой Шарп - делирия. Почему — мы увидим далее.
Эти последние замечания подводят нас к тому, чтобы рассмотреть зторой аспект этого морального нарциссизма. Мы воспринимаем его в виде синдрома, о котором мало упоминается и который, тем не менее, часто встречается. Это синдром аффективной отсталости. Аффективная отсталость, которую мы постепенно научились распознавать, далеко не является мягкой формой улаживания конфликтов. С одной стороны, она вполне заслуживает своего названия «отсталость», последствия ее так же опасны для аффективных инвестирований субъекта, как последствия умственной отсталости опасны для когнитивных инвестирований. С другой стороны, она базируется на отказе от желания и его импульсного основания, а это оправдывает то, что старые авторы, такие, как Лафорг, ставили ее в один ряд с психотическими формами под названием шизонойи. Часто человек бывает поражен почти параноической формой поведения. Аффективная отсталость далеко не является прерогативой молодых девушек и также встречается у молодых людей с прогнозом столь же, если не более, тяжелым. Нам известны ее банальные аспекты: сентиментальность вместо чувствительности; ужас перед оральными или сексуальными человеческими аппетитами вместо их сублимации, которая предполагает их принятие; боязнь полового органа, особенно пениса, которая скрывает желание (присутствующее у обоих полов) абсолютного и неизмеримо-

го характера и привязанность к мечтаниям детского типа, эмфатическую и - с удовольствием - мессианскую. Таких существ легко узнать в жизни по тому, что они часто ставят себя в положение козлов отпущения; это их не смущает, так как они убеждены в своем превосходстве над обычными людьми.

Возможно, эти поверхностные представления не позволяют провести различие между истерией и аффективной отсталостью. Главное различие, как нам кажется, заключается в той непомерной части дани, что в аффективной отсталости выплачивается Идеалу Я. Здесь следует вспомнить замечания Мелани Кляйн об идеализации. Она видит в идеализации защитный механизм из числа самых примитивных и самым фундаментальных. Идеализация, направленная на объект или на Я. Именно это различие экономического порядка позволяет лучше обосновать разделение между истерией и аффективной отсталостью, как если бы эта последняя была продуктом предельной нарциссизации перед растущим объектным дезинвестированием.

Со всеми вариантами такого поведения легко попасться в ловушку, видя в нем лишь оборонительную позицию против импульсных инвестирований; этот выбор характеризует главным образом непомерная гордыня, скрывающаяся за обманчивыми формами большого смирения, без какого-либо сравнения с обычными результатами нарциссизма (Конечно, это нарциссическое сверх-инвестирование является последствием поправимой нарциссической обиды. - Прим. авт.). Возможно, было бы полезным дать некоторые объяснения по поводу оспаривания оборонительной ценности этого обеднения инвестирований. Действительно, у этого укрывания превратностей импульса и его объектов есть оборонительное значение. Можно подумать, что эта организация предохраняет субъекта, и иногда возникает впечатление, что анализ испытывает сильное беспокойство, потому что кажется, что инвестирование несет в себе значительный риск дезорганизации Я. Таким же образом, как противостояние внешним стимуляциям, подвергающим опасности своей интенсивностью хрупкую организацию Я, защищает его отказом за пределами определенного количества стимулов, так же здесь отказ от импульса нацелен на подобную защиту. Верно, что такие пациенты чувствуют в себе крайнюю хрупкость и испытывают чувство, что принятие сознанием импульса предполагает для них опасность извращенного или психотического поведения. Одна пациентка говорила нам, что если бы она постоянно за собой не следила и позволила бы пассивности завладеть собой, то прошло бы немного времени и она превратилась в клошара. Но каждый хоть немного (по воскресеньям или в отпуске) бывает клошаром и принимает это более или менее хорошо. Моральный нарцисс не может этого допустить. Поэтому представляется необходимым настаивать на нарциссическом инвестировании гордыни.

Мы говорили о мессианстве, и речь об этом действительно заходит довольно часто. У женщин это сопровождается идентификацией с Девой Марией, которая «зачала без греха». Какая фраза, чреватая последствиями для женской сексуальности, гораздо более опасная, чем фраза о «грехе без зачатия», которого также желают женщины! У мужчин эквивалентом является идентификация с пасхальным Агнцем. Речь идет не только о том, чтобы быть распятым или дать перерезать себе горло, но о том, чтобы в момент холокоста быть невинным, как Агнец. Но мы знаем, что невинные часто бывают обременены историей преступлений, которым они позволили совершиться, чтобы самим остаться чистыми.

Эти виды поведения идеализации, всегда обреченные на неудачу отрицанием реального, как мы уже говорили, влекут за собой стыд больше, чем вину, и зависимость больше, чем независимость. Они имеют ряд особенностей в аналитическом лечении:

- трудное достижение объектного аналитического материала, зарытого под

нарциссическим покровом того, что Д.В.Винникотт назвал бы здесь ложной Самостью;
- нарциссическая обида, переживаемая как взлом, как неизбежное условие приведения в порядок объектного материала. Демистификация здесь обращается к нарциссизму субъекта, к хранителю своей нарциссической целостности, главному условию желания жить;
- внедрение во время лечения в активно-пассивное сопротивление, чтобы удовлетворить желание зависимости субъекта; зависимости, которая имеет достаточную власть, чтобы остаться с аналитиком на вечные времена и пригвоздить его к его креслу, как бабочку, которую поймали в сети аналитической ситуации;
- желание безусловной любви как единственное желание таких субъектов. Эта любовь принимает форму абсолютного уважения, неисчерпаемой потребности нарциссической валоризации, непременным условием которой является «закапывание в землю» или заключение в скобки сексуального конфликта и доступа к удовольствию, связанного с функцией эрогенных зон;
- проекция как необходимое следствие этого желания, вводимая в игру с тактической целью - вызвать успокаивающую трансмиссию аналитика. «Уверьте меня, что вы не видите во мне падшего ангела, порочного, изгнанного, потерявшего всякое право на уважение».

Метапсихология морального нарциссизма

То, что мы только что набросали в описательных выражениях, должно теперь получить свой метапсихологический статус. Для этого мы должны рассмотреть отношения морального нарциссизма с контринвестированием, с другими аспектами нарциссизма, с развитием либидо (эрогенные зоны и отношения с объектом) и, наконец, с бисексуальностью и импульсом смерти (То есть, мы не рассматриваем метапсихологию с трех взятых отдельно точек зрения - динамической, топической и экономической. Но в каждой рубрик; будет удобно отдать должное каждой из них. - Прим. авт.).

Варианты контринвестирования

Понятие защитного механизма после З.Фрейда значительно расширилось. При этом множество защитных форм, список которых можно найти в работе Анны Фрейд «Психология "Я" и защитные механизмы», не позволяет представить себе структурные особенности высших форм нозографии, из которой тщетно пытаются сделать абстракцию. Помощи можно ожидать лишь от размышления о контринвестировании: вытеснение из сознания является защитой не первой, но, тем не менее, самой главной для психического будущего индивида (Здесь мы находим противопоставление между первым и самым главным, Prima и Summa, отстаиваемое Дюмезилем. - Прим. авт.). З.Фрейд описывает серию форм, которые теперь следует повторить по пунктам и функция которых состоит в том, чтобы упорядочить все другие виды защиты, ввести их в определенные рамки. Таким образом, мы бы имели:
1.Отбрасывание, или Verwerfung, которое некоторые вместе с Лаканом переводят как форклюзия. Можно спорить о слове, но не о вещи, которая предполагает отказ знать, которая исключает в той или иной форме, прямой или замаскированной, импульс или его репрезантантов, возврат которых совершается через реальное.
2.Отказ или отрицание (непризнание), в зависимости от перевода, или Verleugnung, вытеснение из сознания восприятия (см. случай фетишизма).
3.Собственно вытеснение из сознания или Verdrangung, которое специфически

направлено на аффект и на репрезентант импульса (Мы, со своей стороны, вопреки мнению, принятому в последние годы, думаем, что аффект вытеснен, а не только подавлен. - Прим. авт.).
4.Наконец, отрицание или негация, так называемое Verneinung, которое направлено на способность суждения. Оно является (мы упрощаем) допуском к сознанию в негативной форме. «Это не есть...», соответсвующее выражению «это есть».
Нам кажется, что моральный нарциссизм в его самых чистых и самых характерных аспектах отвечает промежуточной ситуации между отбрасыванием и отказом, между Verwerfung и Verleugnung: то есть мы подчеркиваем здесь опасность структуры, которая сближает ее с психозами.
Многие аргументы подкрепляют это мнение. Прежде всего, идея, «что речь идет о «нарциссическом неврозе», который клиника приучила нас рассматривать с беспокойством. Затем, сама динамика конфликтов, которые предполагают отказ от объектных импульсов, ассоциируемый с отказом от реального. Отказ видеть мир таким, какой он есть, то есть как замкнутое поле, в котором человеческие аппетиты вступают в бесконечный бой. И, наконец, мегаломания лежит в основе морального нарциссизма, который предполагает отказ от инвестирования объекта Я. Тем не менее, речь не идет, как в случае психоза, о вытеснении реальности, но скорее об отказе, отрицании порядка вещей в мире. З.Фрейд описывает отрицание, говоря о фетише, в связи с констатацией кастрации. Подобной функции наполнения отдается моральный нарцисс как жертвенный объект, затыкающий дыры, через которые видно отсутствие защиты мира всемогущественным божественным образом, чтобы попытаться заполнить этот невыносимый пробел. «Если Бога нет, то все позволено», - говорит герой Достоевского. «Если Бога нет, то мне позволено заменить его и быть примером, который заставит поверить в Бога. Таким образом, я стану Богом по доверенности». Имеется в виду, что провал предприятия влечет за собой, как заметил Паш, депрессию по типу «все или ничего» - без середины.

Другие аспекты нарциссизма

Три аспекта нарциссизма, которые мы индивидуализировали: моральный, интеллектуальный и телесный - представляются как варианты инвестирования, каждому из которых, по причинам защиты или идентификации, отдается предпочтение в зависимости от индивидуальной конфликтной конфигурации. Но так же, как нарциссические отношения неотделимы от объектных отношений, различные аспекты нарциссизма связаны между собой.
В частности, моральный нарциссизм находится в тесной связи с нарциссизмом интеллектуальным. Мы напоминаем, что под интеллектуальным нарциссизмом понимаем такую форму самодостаточности и одинокой валоризации, которая заменяет главное в человеке интеллектуальным господством или соблазном. Нередко моральный нарциссизм сочетается с интеллектуальным нарциссизмом и находит в этом способе смещения поддержку псевдосублимации. Гипертрофия десексуализированных инвестирований, которые обычно дают возможность смещения парциальных прегенитальных импульсов, скопофилии-эксгибиционизма и садизма-мазохизма, поддерживает моральный нарциссизм. Нам известна близость некоторых религиозных орденов с интеллектуальной эрудицией. Такое интеллектуальное исследование морального, философского характера имеет целью найти у философов резоны обоснования этики, искомые также у Бога, против импульсной жизни, которую нужно любой ценой не преодолеть или вытеснить, а погасить. Стыд быть одаренным импульсной жизнью дает чувство лицемерного отношения к непризнаваемой цели работы.

Этот стыд переносится на интеллектуальную деятельность. Последняя в этом случае оказывается в высшей степени наполнена чувством вины. Здесь этот термин недостаточен; нужно было бы сказать, что она становится бесстыдной. Как если бы бдительное Супер-Эго становилось ясновидящим гонителем, который вспоминает и угадывает за интеллектуальным оправданием желание отпущения грехов для остатков импульсной жизни, продолжающих мучить Я. Наказана также фантазия величия, которую включает исследование, направленное на рациональное и интеллектуальное обоснование морального превосходства субъекта.

В других случаях интеллектуальная активность - синоним отцовского фаллоса - терпит эволюцию, при которой усилия, делаемые во время обучения в школе и приводящие к удовлетворительным результатам в детстве, являются объектом блокировки в подростковом возрасте.

Здесь следовало бы глубже войти в анализ сублимации и регрессии от акта к мысли. Это вывело бы наше поле за рамки, которые мы для себя обозначили. Тем не менее, сделаем несколько замечаний:

- Интеллектуальная деятельность, сопровождаемая или несопровождаемая деятельностью фантазматической, очень сильно эротизирована и проникнута чувством вины, но главное - ощущается как постыдная. Она сопровождается цефалгиями, бессоницей, трудностями концентрации при чтении, невозможностью использовать имеющиеся навыки и т.д. Постыдной она является потому, что субъект при том, что он отдается этой деятельности, ставит ее в отношения с сексуальностью, часто мастурбационной: «Я читаю произведения высокой человеческой или моральной ценности, но это для того, чтобы обмануть мой мир и выдать себя за то, чем я не являюсь. Потому, что я - не чистый дух и имею сексуальные желания». В таком случае нередко оказывается, что мать обвиняла ребенка в нездоровых притязаниях или любопытстве.
- Интеллектуальная деятельность представляет выход для выброса агрессивных импульсов: читать - значит инкорпорировать силу разрушительного характера. Это значит питаться трупами родителей, которых, читая, убиваешь обладанием знанием. Элла Шарп связывает сублимацию и инкорпорацию с фантазматической репрезентацией.
- Интеллектуальная деятельность и упражнение мысли имеют в основе реконструкцию мира - установление морального управления, - настоящую параноическую деятельность, которая постоянно переделывает, перемоделирует реальное по выкройке, в которой все инстинктивное опущено или решено без конфликта. Элла Шарп хорошо установила связи между сублимацией и делирием.

В целом система восприятие-сознание, когда она инвестируется нарциссически, оказывается в состоянии «наблюдения», сильно контролируемого и притесненного Я, как в делирии наблюдения, в экономическом равновесии, которое, тем не менее, имеет свои отличия.

Но мы подозреваем, что моральный нарциссизм находится в самых тесных отношениях с нарциссизмом телесным. Тело как внешность, источник удовольствия, соблазнения и покорения других - отвергается. У морального нарцисса ад - это не другие, от которых нарциссизм избавился, - это тело. Тело - это Другой, который вновь возникает несмотря на попытку стереть его след. Тело - это ограничение, принуждения, ограниченность. Поэтому недомогание - это прежде всего телесное недомогание, которое превращается в то, что эти субъекты чувствуют себя неуютно. И сеанс анализа, который позволяет говорить телу (кишечные шумы, вазомоторные реакции, потоотделение, ощущения холода или жара), является для них в этом отношении мукой, потому что если они могут заставить молчать или контролировать свои фантазмы,

перед собственным телом они безоружны. Тело - их абсолютный хозяин - их стыд (Эта телесная нетерпимость могла бы напомнить то, что М.Балинт описывает в своей работе о трех уровнях психической активности, в частности, то, что он называет базисным дефектом (basic fault) (cf. La psychanalyse, №6, p. 183 et sqq.). Я как телесное Я, как «проекция поверхности» является, как и система «восприятие-сознание», объектом особого наблюдения - по причине возврата вытесненного желания рассеянной эрогенности - с головы до ног, как если бы эрогенные зоны были дезинвестированы ценой растекания, рассеивания по всему Я того, что субъект пытается разрушить. По прошествии пяти лет анализа одна пациентка сказала нам после интерпретации, направленной именно на нарциссическое инвестирование ее речи: «Впервые то, что вы мне говорите, отозвалось не во всем моем теле целиком, а только в голове». Следует упомянуть голос. Речь монотонна, как заклинание, сеанс - это долгая жалобная песнь, в которой кажется, что субъект слушает себя. Это ошибка: он убаюкивает себя и аналитика вместе с собой. Ловя свою монотонную речь, нарцисс еще раз сумел поймать в ловушку колдовства аналитика, которого он обездвиживает в мире своего нарциссизма. - Прим. авт.).

Поэтому на кушетке такие объекты оказываются окаменевшими, неподвижными. Они ложатся стереотипным образом, не позволяют себе ни перемены положения, ни какого-либо движения. Понятно, что перед этим двигательным молчанием жизни отношений разыгрывается висцеральная функция. Но, разумеется, это лишь перемещения сексуального тела, того, кто не смеет сказать свое имя: во время сеанса вазомоторный доступ заставит краснеть субъекта, эмоция вызовет у него слезы, которые говорят об унижении желания. Так же, противостоя зову тела, внешние проявления станут отталкивающими, неуживчивыми, обескураживающими аналитика, самого нетребовательного в смысле критериев привлекательности.

Здесь мы показываем аспекты, которые кажутся оборонительными. Но также не будем оставлять без внимания скрывающееся за этим смирением тайное горделивое удовольствие. «Я ни мужчина, ни женщина, я - среднего рода», - говорила мне такая пациентка. Тем не менее, примечательно, что это болезненное состояние, каким бы оно ни было мучительным, есть признак жизни. Страдание - это еще и доказательство того, что что-то существует в живом состоянии. Когда, даже если удалось - а это не так невозможно, как считается - овладеть тревогой во всех ее формах, включая формы висцеральные, наступает молчание, анализанд испытывает ощущение жуткого мрака. Свинцовому облачению психического страдания уступает место крышка гроба. Потому что в этом случае это - чувство несуществования, небытия, внутренней пустоты гораздо более невыносимое, чем то, против чего нужно было защищаться. Раньше, по крайней мере, что-то происходило, тогда как господство тела есть прообраз окончательного сна, предзнаменование смерти.

Б. Грюберже

ОЧЕРК ПО ИССЛЕДОВАНИЮ НАРЦИССИЗМА ЖЕНСКОЙ СЕКСУАЛЬНОСТИ

Grunberger Bela. Outline for a Study off Narcissism in Female Sexuality// Female sexuality: new psychoanalytic views. London: Maresfild library; Karnac boob, 1992. P.68-83.

Предварительные замечания

Исследование женской сексуальности - сравнительно мало разработанная область психоанализа. Узловой точкой этой дисциплины является Эдипов комплекс, «центральный комплекс невроза», и ее метод - исследование нормального через изучение патологического. Понятие Эдипова комплекса применимо в отношении обоих полов, однако З.Фрейд постоянно испытывал затруднения в обосновании его симметричности для мужчины и женщины. В 1931 г. он задался вопросом о том, возможно ли, что «то, что мы знаем об Эдиповом комплексе, верно только по отношению к развитию мальчика, но не по отношению к девочке». З.Фрейд ощущал неуверенность перед лицом проблемы феминности, что проявляется во всем, что было написано им по данному вопросу. Он всегда подчеркивал умозрительную природу этого предмета и обозначал как его неудовлетворительные результаты, так и то, что эту задачу только предстоит решить. Неуверенность З.Фрейда относительно проблемы феминности усиливалась его желанием совместить свои революционные исследования с научной ориентацией, не характерной для его времени.

З.Фрейд утверждал, что мать является первым сексуальным объектом как для мальчика, так и для девочки, так как их первые сексуальные ощущения возникают во время кормления и купания, действий, которые стимулируют эрогенные зоны. Вышеизложенное совершенно верно, но маловероятно (мы вернемся к этому положению позже), что качество этих ощущений идентично для обоих полов, даже если они возникают в результате одинакового воздействия. Действительно, все затруднения З.Фрейда в эдиповой теории проистекают из этой чисто гипотетической симметрии. Можно также усомниться, является ли материнский уход сам по себе источником таких ощущений. Мы можем заменить утверждение на обратное и предположить, что потенциальная сексуальность мальчиков и девочек уже существует и является различной с самого начала - мать ее всего лишь пробуждает.

Авторы работ по психоанализу обычно осторожны в вопросе манифестации сексуальности и признают только наблюдаемую или верифицируемую реальность (следуя фрейдовскому анатомо-патологическому обоснованию и вышеупомянутой научной ориентации). Эти авторы отвергают, например, то, что маленькая девочка осознает существование своей вагины до достижения определенного возраста (по мнению разных авторов, от восьми до двенадцати лет). Клинические наблюдения определенно показывают значение подавления этого знания, иначе мы должны были бы его принять. (Мы только допускаем некоторый вид примитивного инстинкта, который, так или иначе, в этом контексте существует в животном мире). Кроме того, сам З.Фрейд неоднократно ссылается (как указывает Э.Джонс) на «элементарные фантазии», то есть на бессознательные представления, которые до некоторой степени делают это знание независимым от актуального опыта (аналитики относят их к различным стадиям психосексуального развития). От этого зависит кастрационный комплекс и психосексуальное развитие ребенка в целом.

Я не хочу преуменьшать значение научного метода, основанного на точных

лабораторных наблюдениях. Этот метод превосходен для биологических исследований, в которых сексуальность изучается лишь как составляющая. Однако мы знаем, что изучение сексуальности, особенно женской, выходит за грань биологических фактов. Изучение мужской сексуальности согласуется со сравнительно ясной и простой системой, в то время как изучение женской сексуальности сталкивается с проблемами, для разрешения которых классический психоаналитический метод оказывается несовершенным. В соответствии с этим, ей отводится второе место, и она рассматривается в качестве производной по отношению к мужской сексуальности, с которой постоянно сравнивается.

Исследователям женской сексуальности слишком хорошо известна ограниченность нашего научного знания о предмете. Тем не менее, они не уделяют этому внимания, что ведет к новому затруднению: принятию чрезвычайно субъективной позиции, которая, ввиду отсутствия строгой научной дисциплины, часто происходит из неосознаваемых личностных проблем. Таким образом, мы стараемся следовать курсом между Харибдой научного материализма и Сциллой ненаучной или псевдонаучной субъективности. Каким должен быть в таком случае наш подход к рассмотрению объекта?

Прежде всего, представляется, что мы должны отступить от нашего привычного подхода, основанного строго на теории инстинктивных побуждений. Феномен, который мы хотим исследовать, не встраивается в эту ригидную теорию. Тем не менее, эти феномены существуют, и, несмотря на сложно определяемые нюансы, мы должны пытаться понять их как по отдельности, так и в связи друг с другом как части инстинктивной системы.

В наибольшей степени оправдывает себя подход к изучению женской сексуальности, который может быть достигнут, если в качестве исходной точки рассуждения мы возьмем теорию нарциссизма. З.Фрейд снова и снова отмечал его значение в женской сексуальности, и даже в статье «О нарциссизме: введение» описал отдельный тип нарциссической женщины, черты которой, по его мнению, характерны для женщин вообще. Его ученики, в частности, миссис Лампл де Грут, также подчеркивали значение женского нарциссизма; это было представлено как неоспоримый факт, но еще не сделалось частью фрейдовской системы в целом.

Здесь будет предпринята попытка интеграции теории нарциссизма и теории инстинктов, хотя это и влечет за собой необходимость некоторых изменений в фрейдовской системе.

В своих прошлых публикациях я подчеркивал значение нарциссизма, придавая ему статус организующего компонента (в том же смысле, в каком Ид, Эго и Супер-Эго являются компонентами), и особенно акцентировал внимание на диалектическом взаимодействии между нарциссизмом и другими частичными влечениями, особенно анально-садистическими. Эти идеи становятся более значимыми, когда мы рассматриваем женскую сексуальность, где нарциссический фактор является основным. Принцип рассмотрения женского бессознательного исключительно с объектно-ориентированной точки зрения должен был бы вскоре завести в тупик.

З.Фрейд утверждал, что нарциссическая женщина хочет «быть любимой». Это в первую очередь означает «быть выбранной» и, более всего, быть любимой «за то, что она такая, какая есть». Она хочет быть особенно ценимой в нарциссическом смысле. Без сомнения, на то существует множество причин, включая потребность освободиться от вины, порождающей конфликт (которую рассматривает Ж.Шассге, и к которой мы вернемся позже).

Но это лишь один аспект женского нарциссизма. Мы должны попытаться понять эту специфическую особенность женственности, с которой сталкиваемся на

этом пути рассуждения. Мы должны попытаться понять, почему женщины в первую очередь ищут нарциссическое удовлетворение даже в ущерб силе собственного сексуального желания. И почему они предлагают себя как сексуальный объект ради того, чтобы быть любимыми, в то время как мужчины преимущественно стремятся искать сексуальное удовлетворение, давая своим партнершам нарциссическое вознаграждение только ради того, чтобы самим получать сексуальное удовлетворение. (Мужчины любят для того, чтобы быть удовлетворенными).

Под воздействием общественной тенденции к сокращению разницы между полами женщина может стремиться к такой же сексуальной свободе, какой пользуется мужчина, но она оказывается не способной инвестировать свою любовь иначе, чем нарциссически. Ее телесная самость становится все более значимой, распространяясь с тела на одежду и аксессуары и ее «домашнее» - дом и материальное обеспечение любовной жизни.

Конечно, это расширение ее телесной самости будет охватывать ее партнера и детей, обозначая их всех в качестве единства, характерного для нарциссических вложений, в отличие от тех, которые лежат в основе примитивных тенденций мужской поливалентности. (Здесь мы соприкасаемся с проблемой полигамии и взаимозаменяемости мужского «объекта»). В то время как сексуальная жизнь мужчины сосредоточена на непосредственном инстинктивном удовлетворении, любовь женщины тоже имеет свои временные рамки, однако она мечтает о вечности и поэтому подавляет материальные компоненты и истинные инстинктивные производные своей любви.

В целом женская сексуальность ориентирована нарциссически. «Любовь» обнаруживает признаки этой ориентации особенно потому, что это наиболее значимый момент в жизни женщины. По крайней мере, в нашей цивилизации любовь - это сердцевина существования женщины, в то время как в жизни мужчины - это ступень (его более или менее продолжительный подростковый период, преимущественно возраст нарциссизма), в будущем он предполагает заниматься более важными вещами. Влюбленный мужчина считается слабым и робким любовником, в той или иной мере вызывающим насмешки.

Любовь как нарциссическая форма сексуальности должна обогащать женщину; нравиться, быть любимой, иметь определенное очарование или определенное влияние - это все нарциссически притягательные факторы. Что, в таком случае, является основой для тревоги женщины, ее постоянных жалоб о том, что она женщина, о ее женской доле? Я отношу это, с одной стороны, за счет предпосылок женской психосексуальности (оставляя в стороне ее социальный статус, так как полагаю, что оба фактора связаны с бессознательными мотивациями, общими как для мужчины, так и для женщины) и, с другой стороны за счет форм тревожности, уходящей корнями в бессознательное: зависть к пенису, мазохизм, женский комплекс вины.

Согласно З.Фрейду, эдипальное развитие является идентичным для мальчика и девочки вплоть до фаллической стадии, точки, в которой кастрационный комплекс ориентирует их различным образом, приводя к завершению Эдипова комплекса у мальчика и к эдипальной ситуации как таковой у девочки. Но до этого времени они оба воспринимают мать в качестве сексуального объекта. Это согласуется с идеями З.Фрейда о том, что мать, физически заботясь о ребенке, неизбежно вызывает его сексуализированное возбуждение, что является источником зависимости в объектных отношениях. Стоит в первую очередь спросить, достаточно ли одного телесного ухода для установления сексуального объекта (и в этом контексте мы можем сослаться на изучение Р.Спитцем феномена госпитализма)? Во-вторых, во взаимоотношения мать-ребенок возникает то, что в предыдущих публикациях я назвал «нарциссическим подкреплением». В ходе длительного психомоторного

развития ребенок интегрирует частичные влечения, которые должны быть нарциссически катектированы для того, чтобы привести к гармоничному инстинктивному взрослению. Этот нарциссический катексис (означающий, что ребенок должен распознавать эти инстинктивные потребности как свои собственные и принять их в качестве таковых) обеспечивается матерью, которая любит своего ребенка во всех его жизненных проявлениях. С этой точки зрения, мать как сексуальный объект играет различную роль для маленькой девочки и мальчика. Это имеет важные последствия. Как отмечал З.Фрейд, по-настоящему удовлетворяющими могут быть только взаимоотношения матери и маленького сына. Мы имеем все основания полагать, что даже самая любящая и заботливая мать будет проявлять амбивалентное отношение к своей дочери.

Более того, я полагаю, что сексуальность всегда является сексуальностью - оральная она или анальная, и материнская забота может только активировать ее. Однако истинный сексуальный объект может быть только противоположного пола, и (исключая определенный тип врожденной гомосексуальности) мать не может быть таким же удовлетворяющим сексуальным объектом для девочки, как для мальчика. Психоаналитики часто утверждают, что женщины в большей степени фиксированы на прегенитальных стадиях, чем мужчины. Это спорная точка зрения. Хотя я допускаю существование эдиповых причин, заставляющих ребенка регрессировать на ранние стадии, тем не менее, соглашаюсь с мнением Ж.Шассге относительно существования изначально бессознательного знания о генитальных органах, причем прегенитальные стадии по определению оказываются фрустрирующими. Даже прегенитальное удовлетворение является фрустрирующим, так как оно всего лишь замещение генитального удовлетворения.

Прегенитальные стадии оказываются гораздо более фрустрирующими для девочки, поскольку мать как объект является всего лишь замещением истинного адекватного сексуального объекта. Я полагаю, что одно это отличие женской ситуации является достаточной причиной для формирования многих нарушений.

З.Фрейд утверждал, что девочка сталкивается с трудностями при смене сексуального объекта, то есть при смещении от матери к отцу. С точки зрения нарциссического подкрепления, я полагаю, что девочка не меняет объект, поскольку, фактически, она его никогда не имела. Или, скорее, она имела объект, который был по своей природе фрустрирующим. По этой причине ей ничего не остается, кроме как выбрать отца в качестве своего идеала Эго и либидинозного объекта.

Жизнь девочки, следовательно, начинается с фрустрации, которая, в свою очередь, оказывает значительное влияние. Ребенок обеспечивает сам себе нарциссическое подкрепление, когда становится достаточно взрослым, чтобы делать это, но до того времени источник такого подкрепления - это мать. Однако похоже, что маленькая девочка стремится получить это подкрепление каким-либо образом гораздо раньше, чем мальчик. Тот, кто работает с детьми, имеет возможность наблюдать, что девочки взрослеют быстрее мальчиков. Многочисленные игры в куклы, например, дают возможность присваивания материнской роли и получения с помощью куклы (с которой девочка также себя идентифицирует) нарциссического подкрепления, которое в ином случае являлось бы обязанностью матери.

Мать действительно осуществляет это подкрепление, но часто без глубокой любви и нарциссического катексиса, которые требуются маленькой девочке. Она, следовательно, стремится их дать самой себе, становясь, тем самым, по существу нарциссической в стремлении восполнить дефицит материнской заботы. Эта попытка, лишенная прочного базиса материнской любви, обречена

на неудачу, и именно поэтому маленькая девочка более зависима от объекта любви, чем мальчик. (Я полагаю, что более раннее интеллектуальное развитие девочки обусловлено этой ситуацией.)
Эдипово развитие девочки из-за такого положения дел в некотором смысле задерживается; это может быть лучше понято в сравнении с развитием мальчика. Мы могли бы сказать, что мальчик имеет сексуальный объект и при этом - объект адекватный. Он сможет получить от него нарциссическое подкрепление, так же как и союзника в эдиповой схватке с отцом. Но эти преимущества оборачиваются отдельными проигрышами. Вместо некоторого прегенитального удовлетворения он будет особым образом фрустрирован эдиповым генитальным удовлетворением. Это случается очень рано, на стадии, когда он еще недостаточно взрослый, чтобы справиться с этим, что наносит ему раннюю нарциссическую травму. Это трудно компенсировать, так как он скоро изменит привязанность к матери на фиксацию с негативными (то есть фрустрирующими) аспектами объекта вследствие многочисленных фрустраций и принуждений этого периода.
С другой стороны, получив опыт прегенитального удовлетворения в раннем возрасте, причем, в некотором смысле, аутентичного гетеросексуального качества, он будет стремиться «генитализировать» этот опыт, создавая, таким образом, полиморфно-перверзные фиксации.
Если мы вновь обратимся к маленькой девочке, то увидим, что ее прегенитальное удовлетворение не является аутентичным из-за того, что его источник - всего лишь замещающий объект. Это заставляет ее презирать прегенитальные компоненты сексуальности, а позже - ведет к появлению вины за прегенитальный опыт. Это, в частности, оказывает влияние на эдипову привязанность к отцу, которого она будет винить за его относительное отсутствие на протяжении прегенитального периода и за полученные вследствие этого фрустрации.
Благодаря необходимой дистанции между ней и ее истинным любовным объектом (отцом), и, несмотря на упреки в его адрес, у девочки есть достаточно времени, чтобы повзрослеть и корректно достичь эдиповой позиции, сформировать идеальный образ отца, который ей уже давно нужен, и которого она хотела бы любить, особенно если она отвергает прегенитальное удовлетворение, предлагаемое матерью. Фрустрация и долгое ожидание обостряет ее нарциссизм, компенсируя ее каким-то образом и одновременно давая возможность усилить чувства, которые она испытывает к отцу. Поэтому, как правило, ее любовь окажется более идеализированной, но, тем не менее, будет обнаруживать дефекты интеграции прегенитальных компонентов. Это объясняет своеобразие проявления ее эдиповой привязанности, ее тенденции формировать расщепление (а именно, между идеальной эдиповой любовью и доэдиповой привязанностью, противопоставляемым друг другу), так же как и тенденцию испытывать Чувство вины за свои любовные отношения. Со времени формирования Эдипова комплекса интенсивность аффектов у девочки постепенно достигает полного развития, она несравненно больше, чем у мальчика. Это частично объясняет, почему инцест случается чаще между отцом и дочерью и менее патологичен, чем инцест между матерью и сыном.
Как мы увидели, мальчик, неспособный исполнить свои эдиповы желания, испытывает раннюю нарциссическую травму, которую затем полностью подавляет в пользу преждевременной, прегенитальной сексуальности. Это прегенитальное акцентирование негативно сказывается на его нарциссическом образе, заставляя его презирать свои нарциссические потребности так же, как женщина отвергает частичные влечения, особенно анально-садистические составляющие любви. Девочка, тем не менее, имеет преимущества перед мальчиком: она научилась ждать, что позволяет ей овладеть навыком

смягчения боли от нарциссических ран. Но она пока еще не знает, нужно ли с ними примириться, или можно надеяться, что однажды эти раны будут залечены, и она сможет обладать фаллосом как символом целостности. Эта неопределенность, вероятно, влияет на ее отношение к реальности, но она также и является источником гиперсенситивности и ведет к усилению фрустраций. Она ищет кого-то, кто ее поддержит и обеспечит нарциссическое подкрепление, которого она не получила ранее и которое постоянно ищет. Трагедия этой ситуации состоит в том, что тот, кто мог бы дать ей это подтверждение, ее сексуальный партнер - это именно тот, кто, как мы только что увидели, презирает нарциссичесшю потребности в попытке освободиться от них через жесткое катектирование анально-садистических инстинктивных компонентов.

Мной уже отмечалось, что женщина имеет глубокие нарциссические потребности и ищет нарциссического удовлетворения даже за счет инстинктивного вознаграждения. В удовлетворительных случаях ей удается достичь синтеза этих двух аспектов и получить, таким образом, определенную степень нарциссической целостности. Иначе говоря, инстинктивную зрелость вместе с нарциссическим подкреплением, что в ее бессознательном символизировано фаллосом. Обретение этого фаллоса может быть связано с идентификациями. (Однажды у меня была пациентка, образы сновидений которой вращались вокруг фаллических проблем: фаллос, репрезентирующий совершенную женственность, также приравнивался к матери, с которой она стремилась идентифицировать себя. Однако для того, чтобы эта идентификация была полной, она должна была интроецировать отцовский фаллос). Излишне говорить, что эта идентичность репрезентаций неизменно становится источником конфликта, особенно когда фаллический образ (фаллос-пенис) постоянно является центром женской бессознательной предиспозиции. Отцовский ли это пенис, которым обладает мать (тогда мать достигает образа нарциссической интегральности «контейнированного и контейнирующего», в котором отказано ее дочери) или это собственный пенис отца, который она надеется получить через эдипов союз с ним.

Фактически, это своего рода равнозначность между обладанием отцовским пенисом и успешным нарциссическим катексисом. Женщина, которая любима, тем самым в своем бессознательном обладает фаллическим эквивалентом. Временами она сама становится этим фаллосом и, таким образом, достигает состояния нарциссической автономии через нарциссическое катектирование самой себя: становясь великолепной, очаровательной и желанной. Это развитие зависит от ее нарциссического вложения в себя, но часто - и от недостаточности ее объектных отношений и инстинктивной жизни. (З.Фрейд отмечал, что для мужчины притягательна женщина, которая напоминает ему о его собственных нарциссических тенденциях. Мы могли бы добавить, что такой мужчина видит в этой женщине успешную нарциссическую интегральность, которой он сам не способен достичь из-за своей специфики переживания кастрационного комплекса).

Этот нарциссический катексис не может быть полностью успешным по причине конфликта, и женщине часто не удается достичь удовлетворительного баланса между нарциссизмом и ми потребностями. Рассуждая с позиций экономической модели, мы можем понять, как фрейдовская нарциссическая женщина, которая вкладывает все свое нарциссическое либидо в собственный нарциссический катексис, не может более катектировать свои сексуальные инстинкты и становится фригидной. (Ориентация женщины нарциссически-оральная, с оральным выражением столь же значимой части ее либидо). Необходимо добавить, тем не менее, что нарциссический катексис может использовать различные элементы в качестве своего субстрата, и поэтому женщины могут

достигать разными путями нарциссической целостности, которая представляется им такой необходимой. Так одна женщина может воплотить свой нарциссический идеал через катектирование красоты и способности к обольщению, в то время как другая, лишенная этих качеств, может катектировать их негативно и развить «антилибидинозное» Супер-Эго, которое она нарциссически катектирует, как ранее катектировала свое Эго. Возможности для нарциссических вложений беспредельны, и даже существует идеальный нарциссический катексис, который не нуждается в подобном подкреплении, как упоминалось ранее.

В анализе мы шаг за шагом можем проследить высвобождение нарциссического катексиса, который был связан посредством чувства вида. Таким образом, обеспечивается нарциссическое наполнение посредством катексиса инстинктов, позволяющее человеку доставлять удовольствие самому себе (любить самого себя). Очевидное ограничение сексуальной жизни женщин, которые имеют исключительно низкое самоуважение (например, при нимфомании) снижается в ходе анализа, когда у них появляется самоуважение и исчезает обесценивание себя в виде самодеструктивности через выбор негативных объектов.

Мы отметили, что одиночество - это примета нарциссизма, и оно действительно является концентрическим аспектом, характеризующим женский либидинозный катексис; она всегда в его центре, но одновременно центром является фаллос, который также имеет уникальное значение.

Женщины обычно требовательны в своих объектных катексисах и предпринимают одновременно несколько попыток интроекции и идентификации. Однако когда они пытаются достичь вопреки очевидному единства объекта, их идеал стремится стать роботообразным, тем, что объединяет все элементы, присущие различным моделям идентификации, связанным нарциссическим катексисом. Так партнер женщины, не способный удовлетворить все эти требования, обязательно разочарует ее. Она будет принимать свое разочарование, однако только до тех пор, пока может рассчитывать на обязательное условие того, что ее любят. Я не подразумеваю, что эта потребность в любви - непременный признак нормальности или взрослости; я всего лишь пытаюсь сформулировать некоторые гипотезы, которые могли бы объяснить эту потребность у столь многих женщин, проследив ее, начиная с взаимоотношений мать-дочь, взаимно фрустрирующих ввиду отсутствия удовлетворительного объекта у них обоих.

В соответствии с психоаналитической теорией, психосексуальное развитие женщины проходит две различные стадии, противоположные друг другу: маскулинно-клиторальную и феминно-вагинальную.

По З.Фрейду, либидо является в сущности мужским, и единственный сексуальный орган - пенис. Женская сексуальность, следовательно, вряд ли существует, и женщина не имеет другого сексуального органа, кроме вагины, «дыры», иначе говоря, ничего. Здесь необходимо обозначить ошибочность этого утверждения, так как в действительности женщина имеет полноценный сексуальный орган, полностью работоспособный и ясно представленный в ее образе тела.

Женская сексуальность, вероятно, более богата, чем мужская, хотя в анализе мы сталкиваемся исключительно с аспектами ее недостаточности, торможения и комплексом вины, который, в свою очередь, свидетельствует о ее силе, ведь то, чего не существует, не может быть негативно катектировано.

Аналитики не пришли к согласию относительно двух предполагаемых стадий развития женской сексуальности; некоторые из них считают, что восприятие вагины возникает прежде восприятия клитора. (Этот вопрос достаточно подробно обсуждается в других работах, так что здесь я его касаться не буду).

Прежде чем продолжить наши рассуждения, нам следует отметить, что женщина не имеет два сексуальных органа. Ее эрогенные зоны распространены по значительной части тела, и оно в целом может рассматриваться как сексуальный орган. В анализе это часто встречается как бессознательная фаллическая репрезентация телесной самости. Такую ситуацию не следует путать с патологической фаллической идентификацией, в которой фаллос является символом целостности, а не вирильности. Фактически, женщины обладают мощной сексуальностью, которая обеспечивает им ощущение нарциссической интегрированности (символизируемой фаллосом), однако существует резкий контраст между этим образом фаллоса и клитором. Если настаивать на важности клитора как сексуального органа, одновременно приписывая ему преимущественно мужские качества, это будет означать - именно по этому признаку - всего лишь кратковременный катексис. В соответствии с классической теорией, в определенный момент клитор должен быть заменен на вагину, которая с этого момента является единственным сексуальным органом, или, как мы только что увидели, ничем. Предполагается, что клитор теряет свой либидинозый катексис (Мари Бонапарт обозначает его как рудиментарный орган, на манер «pronephros of the thymus»).

Большинство аналитических авторов настаивают на том положении, что женщина должна отбросить свой интерес к клитору, в то время как мой аналитический опыт, напротив, заставляет уделять особое значение стремлению интегрирования побуждений и их катексисов, а вовсе не обеспечению их исчезновения.

Мне хотелось бы особо остановиться на загадочном чувстве вины, которое сопровождает все проявления нарциссизма. Если мы рассмотрим характерные особенности клитора как органа, приговоренного к исчезновению, мы заметим его преобладающую нарциссичность, обусловленную его единственной функцией — доставлять удовольствие. В противоположность пенису - органу, существующему не только для удовольствия, но и для репродукции и экскрекции, не говоря уж о его динамическом бессознательном значении.

Похоже, клитор осуждается именно за свои нарциссические качества. Это орган нарциссического удовольствия, то есть удовольствия самоудовлетворения, удовольствия одиночества. Клитор не требует участия другого человека, в противоположность вагине, органу удовольствия, который мы могли бы назвать социальным из-за того, что он не присутствует сам по себе, столько как вмещающий в себя нечто.

В каком-то смысле, клитор является наиболее типичным для женщины сексуальным органом. И это происходит не из-за того, что в ходе эмбрионального развития он происходит от пениса (филиация, чье значение было скорректировано Э.Джонсом), а скорее из-за того, что он инвестирован таким же нарциссическим наполнением, каким женщина инвестирует свое тело в целом. Нарциссический катексис никоим образом не отрицает фаллическое значение клитора в бессознательном.

Существует соперничество между мужчиной и женщиной за обладание этой нарциссической интегрированностью и целостностью, символизированной фаллосом в бессознательном. Исторически источники этого инвестирования связаны с пенисом отца. Это приводит нас к важному вопросу «войны полов», но обсуждение его не входит в задачи данной статьи. Однако хотелось бы отметить, что мужчины иногда обвиняют женщин в том, что те «ведут себя так, будто бы у них есть пенис», и в то же время, обвиняя клитор за то, что «он ведет себя так, как будто бы он пенис». (В обществах, где практикуется обрезание клитора, это объясняется тем, что он имеет мужское значение и, следовательно, является прерогативой исключительно мужчины).

Эти рассуждения подводят нас к другой проблеме, которая, хоть и иным

образом, имеет большое значение для нашего исследования: гармонии, или, скорее дисгармонии в сексуальных отношениях. Женщины часто жалуются на своих партнеров, и популярная литература с ними в этом вопросе заодно: кажется, мужчина ведет себя как хам; он неуклюж; не понимает женщину, не способен сексуально удовлетворить ее. Есть ли в этом хоть частица правды? Естественно, это чрезмерное упрощение, но ведь в этом что-то есть?

Понятно, что с психофизиологической точки зрения коитус происходит по-разному для мужчины и для женщины, в частности, женский организм имеет другой ритм, что подтверждают сексологические исследования. Тем не менее, представляется, что в норме эти небольшие различия не препятствуют любовникам находить счастье в половом акте, им не требуются синхронизации, специальных техник или подготовки партнеров.

Каждый случай дисгармонии имеет свою специфику; анализ обычно приводит к спонтанному улучшению и любовной жизни, в которой не требуется высокотехничных ухищрений. Однако я должен еще раз подчеркнуть, что не рассматриваю особые случаи расстройств с их генетическими, историческими или прочими разъяснениями, так же как и случаи нормы, не требующие особого внимания или изучения. Я исследую здесь именно тенденции, которые существуют у большого количества людей, и о которых я могу говорить как о характерных для женщин (в противоположность мужчинам). Эти тенденции проистекают из женского бессознательного, характеризуя, таким образом, всех женщин, по крайней мере, в нашем обществе. Даже если существуют женщины, чья сексуальность не является сложной, чей организм адаптирован к активности партнера, и чье сексуальное удовлетворение достигается без потери спонтанности партнером, их сексуальность, тем не менее, фундаментально отличается от сексуальности мужчин. Иными словами, эта фундаментальная разница существует даже между партнерами в хорошо сочетающейся паре и обусловлена базовым различием между полами. Что это в точности означает? Среди скрытых или явных обид женщины есть та, что мужчина недостаточно заботится о ней, не показывает, что он ценит ее и нуждается в ней. (Можно было бы добавить к списку «любит ее», но мы знаем от З.Фрейда, что быть любимой относится к нарциссическим желаниям; женщине требуется удовлетворение ее нарциссизма, а мужчина оказывается неспособным это выполнить.) Женщина нарциссична прежде всего. Девиз нарциссизма - «все или ничего», поэтому совершенство не может быть разделено или ограничено; оно либо существует, либо нет. Женщина катектирует свое Эго. Этот катексис распространяется концентрически (как круги на воде от брошенного камня) обязательно с самой женщиной в центре: ее собственная любовь и любовь вообще вмещают все ее вложения, и женщине также хотелось бы, чтобы этот центр зеркальным образом также инвестировал ее партнер. Женщины живут в любви и для любви. Поскольку они лишены адекватного нарциссического подкрепления с самого начала жизни, то проецируют свой плохо интегрированный, неудовлетворенный нарциссизм на взаимоотношения со своими партнерами. В определенном смысле вся их жизнь является историей этого проецирования, его неполных и мимолетных успехов и неизбежных поражений.

В чем отличие мужской позиции? Преднамеренно упрощая или преувеличивая, можно сказать, что она отличается фундаментально. Конечно, есть нарциссические мужчины, обладающие неинтегрированным и неудовлетворенным нарциссизмом - этой прерогативой женщин, но такие мужчины имеют значительный феминный компонет, и их сексуальность несет в себе дефекты, отличающиеся от таковых у ненарциссических мужчин. Позиция мужчины имеет под собой инстинктивный базис, который сформирован на основании анально-садистического направления: что-либо существует для него

в иерархии реальной действительности, в точно обозначенных связях с другими подобными элементами. Женщина и ее любовь являются, вероятно, первым объектом его катексиса, но определенно не единственным. Более того, нарциссическая часть его катексиса подчинена истинно инстинктивной части. Он катектирует не свое отношение к Эго и его объекту (который приносит инстинктивное удовлетворение), но инстинктивное удовлетворение как таковое. Именно поэтому мужчина только частично вовлечен в любовь, и поэтому его меньше ранит разрыв любовных отношений. Так как его включенность более инстинктивна, чем нарциссична, нарциссическая рана должна быть менее глубокой, и, вероятно, быстрее излечимой. Теперь мы можем вновь обратиться к проблемам сексуальной дисгармонии, и, в особенности, проблеме подготовки женщины к сексуальному акту. Эта проблема будет затронута исключительно в аспекте интеграции в коитусе тех моментов, относящихся к нарциссизму мужчины и женщины, которые мы уже обсудили.

В классической психоаналитической теории приготовление к генитальному акту включает в себя частичные инстинктивные потребности и ожидание удовольствия. Эти инстинктивные потребности ауто-эротичны, но в норме они возникают в коитусе (см. теорию Ш.Ференци об амфиксимисе). Генитальное событие - это кластер прегенитальных компонентов. Коитус начинается с появления партнеров; сексуальная интимность, как и время между началом акта и реальными сексуальными отношениями зависят от совершенства и быстроты, с которой организуется кластер. Все это, вероятно, зависит от силы организующих анально-садистических компонентов и энергетических источников сексуального акта. Иными словами, чем выше сохранность и сила анально-садистических компонентов, тем быстрее в лучше организуется кластер до возникновения полового акта, приносит инстинктивное удовлетворение и снятие напряжения у обоих партнеров. (Я, конечно, не рассматриваю в качестве обсуждаемых компонентов прежевременную эякуляцию или тяжелые случаи отсроченное эякуляции, свидетельствующие о функциональном расстройстве в обсуждаемом компоненте, что соответствует поверхностному клиторальному оргазму или полной фригидности у женщин).

Утверждение о том, что женщина по преимуществу нарциссична означает, что она независима от всех инстинктивных компонентах кластера. Она вводит в свою сексуальную жизнь дополнительные элемент (нарциссизм), чье воздействие многозначно. Безусловно, инстинктивное созревание достигается через нарциссическое катектирование инстинктов и нарциссизма, обеспечивая хорошо интегрированный инстинктивный базис для гармоничного развития. Однако в неврозе этот синтез разрушен, что приводит к конфликту; то, что должно быть синтезировано, становится источником помех. Чем более нарциссизм увеличивается в значимости при нормальных объектных от ношениях, тем больше будет интенсивность объектной любви. В неврозе процесс обратили: чем больше выражен нарциссизм, тем мене значимыми становятся объектные отношения. До тех пор, пока все хорошо, нарциссизм и инстинкты сотрудничают, но когда возникает конфликт, они становятся антагонистическими. Иными словам, если женщина в слабо невротичной паре инвестирует слишком много в нарциссические аспекты этих взаимоотношений, ее либидо (поглощенное этими аспектами) будет менее способно быть инвестированным в инстинктивную сторону этих отношений. Вместо облегчения синтеза прегенительных элементов, состояние ее либидо будет блокировать их адекватное слияние, уменьшая и даже препятствуя этому полностью. У женщины, следовательно, имеется нарциссическая стадия между инстинктивной и истинно генитальной стадиями; эта промежуточная стадия может служить связью, но также быть и помехой, в зависимости от

обстоятельств.
В невротическом контексте, нарциссизм приводит к «меньшей сексуальности». Под этим я подразумеваю изоляцию частичного влечения, особенно анально-садистического компонета, который описывался мной ранее как наиболее значимая составная часть в комплексе вины у женщины (что является верным, хотя и в меньшей степени, для комплекса вины мужчины).
Это заставляет женщину не только идеализировать сексуальность и придавать большое значение асексуальным элементам любви, но и презирать «плотские отношения» (так, что даже само по себе это название имеет для нее уничижительную коннотацию).
Такое нарциссическое сопротивление анально-садистическому компоненту препятствует полной и удовлетворяющей сексуальной реализации.
Иногда все, что связано с клитором, оказывается изолированным от остальной части сексуальности женщины. В этих случаях нарциссизм, вклиниваясь между частичными влечениями и генитальностью, становится скорее помехой, чем связующей частью. Если женская сексуальность должна пройти через нарциссическую стадию (постоянно включенную в сексуальный акт), это приводит к нарциссическому тупику: клитор не может выполнять свою функццю индуцирования истинного сексуального или вагинального удовольствия.
Все это выглядит совершенно по-другому, когда женщина менее сексуально заторможена. Какую роль в этом случае должен играть клитор? Мы знаем, что генитальная сексуальность возникает из прегенитального кластера, и что все компоненты кластера выполняют определенную роль для достижения генитальности. Не все компоненты одинаково важны: например, может доминировать оральность или анальность. Возбуждение эрогенных зон (или эквивалентная функция) может вызывать истинно сексуальное возбуждение при их преобладании - это, несомненно, может быть их прерогативой. Здесь следует упомянуть роль поцелуев в генитальном возбуждении, так же как и различных эрогенных зон и функций анально-садистического компонента, включая различные движения тела. Стоит упомянуть об избирательной генитальной индукции, особенно в тех случаях, когда генитальные функции приобретают прегенитальный характер этого компонента, например, оральный или анальный. Не следует путать это с перверзиями, где прегенитальные компоненты не вносят вклад в генитальность, а замещают ее. Следовательно, когда сексуальность женщины сравнительно нормальна, главными индукторами являются клитор и нарциссическое сексуальное возбуждение, в чем и состоит специфическая функция клитора. Импульс проходит из этого очевидного источника, клитора, в сексуальную область, более инстинктивную и обладающую большими возможностями инвестирования сексуальности нарциссически, поддерживая тем самым катексис инстинктивной сексуальности. Эту «сексуализацию» нарциссизма следовало бы, вероятно, назвать «ресексуализацией», то есть, возвращением к аутоэротизму, интегрированному в инстинктивное объект-связанное Эго, которое в начале развития идентично эротизму в широком смысле. Позднее это приведет к завершенной сексуальности после прохождения через стадию облигатной полиморфно-перверзной сексуальности, на которой могла бы произойти задержка на неопределенное время, если бы существовала нарциссическая перверзия.
Нарциссизм имеет различные формы, поскольку корни его скрыты в недифференцированных слоях психической жизни, которые, согласно З.Фрейду, с одинаковой легкостью могут превратиться как в либидо, так и в агрессию. Это положение обуславливает возможность большой вариабельности, которую здесь мы рассматривать не будем.

Дети, а иногда и взрослые, часто испытывают соблазн заняться мастурбацией немедленно, как только они остаются одни, не только из-за одиночества, позволяющего самоудовлетворение, но и из-за нарциссического ощущения, ассоциирующегося с нахождением в одиночестве, которое вызывает специфическое сексуальное возбуждение у ребенка. Это требует адекватного мастурбационного удовлетворения, если ребенок не задействует связь с объектом - сексуальные взаимоотношения с кем-то еще. И женщины, из-за их неотъемлемого нарциссизма, специфического нарциссического катексиса своего тела, занятий, семьи и друзей, своего «внутреннего пространства», до некоторой степени всегда находятся на этой стадии нарциссического сексуального возбуждения, даже если оно не имеет истинно эротического качества. Такое возбуждение в норме должно было быть индуктором сексуального взаимодействия, и часто это действительно является его ролью. Но это не всегда так, и в этих исключительных случаях сексуальный партнер может достичь того, чего не способна сделать собственная индуктивная нарциссическая стимуляция женщины сама по себе.

Я сказал, что клитор как нарциссический сексуальный орган должен направлять нарциссический катексис на вагину, истинный центр инстинктивного драйва, но также во всю внешнюю и внутреннюю, анальную и перинеальную области. Конечно, существуют и другие возможные индукторы (мускульные, садистические, оральные и т.д.). Здесь я рассматриваю только пример клитора в качестве доминирующего индуктора как наиболее общего, стремясь таким образом объяснить не бисексуальность, а только нарциссизм, который, по моим наблюдениям, по большей части связан с клитором.

Я не касаюсь здесь чисто инстинктивной подготовки женщины к коитусу - это вывело бы нас за пределы предмета данного исследования. Позвольте мне, таким образом, вновь обратиться к исследованию нарциссической «подготовки», которая в анатомическом и физиологическом смысле состоит из возбуждения области клитора: мы отметили, однако, что она не является достаточной и что нарциссическая сексуальность не может быть ею ограничена.

Мы знаем, и это было нашей отправной точкой, что женщина ощущает определенный недостаток нарциссического подкрепления и ожидает его от мужчины. Мы также знаем, что это подтверждение должно быть достигнуто способом, сочетающим в себе как эротизм, так и его обратную сторону - агрессию. Эти аспекты усиливают друг друга, когда они объединяются, и это то, что отсутствует в нормальном развитии женщины, поскольку первый объект, мать, является гомосексуальным. Мужчина обеспечивает женщине нарциссическое подтверждение, и в контексте ее потребности в признании (то есть быть любимой) это означает любовь, так как любовь есть нарциссическое вложение.

Действительно, что означает «ухаживать» за женщиной? Чтобы получить ее расположение, мужчина ведет себя как придворный, льстящий и восхваляющий повелителя. Разве ухаживание не означает наделение женщины владычеством? Ухаживающий мужчина отыскивает самые приятные, льстивые слова и использует любой случай, чтобы заверить женщину в ее уникальности и ценности. Он преподносит ей подарки, чтобы продемонстрировать, как высоко он ценит тот дар, который надеется получить от нее, выражая таким образом, поклонение и компенсируя ее нарциссическую ущербность настолько, насколько он способен сделать это. Хотя это и нельзя назвать в полной мере сексуальным возбуждением, женщина в таких случаях испытывает чувство удовлетворения и получает долгожданное нарциссическое подкрепление.

В конце концов, даже хладнокровно рассчитанные приемы, направленные исключительно на инстинктивную «подготовку», в значительной степени

обязаны своей эффективностью тому, что благодаря им демонстрируются влечение и интерес мужчины к женщине. Иными словами, это подразумевает нарциссическое подкрепление. Таким образом, нарциссическая подготовка означает нечто гораздо большее, чем клиторальное или эротическое возбуждение, и охватывает всю сложность взаимоотношений между мужчиной и женщиной.

Б. ГРЮНБЕРЖЕ

ЭССЕ ОБ АНАЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ И ПРОЦЕССЕ ВЫЗДОРОВЛЕНИЯ (ДИНАМИКА)

Статья написана на основе доклада, представленного на Конгрессе психоаналитиков романских языков, г. Париж, 10 ноября 1956 г. Впервые опубликована «Журнале Французского психоанализа», май-июнь 1957 г.

Grunberger B. Essai sur la situation analytique
et le processus de guerison (la dynamique)//
Grunberger B. Le Narcissisme. Paris: Payot, 971. P.53-72.

I

Введение

Человек не знает, в какой ряд ему встать. Он явно заблудился, потерял свое настоящее места и не может его найти. Он ищет его повсюду, с беспокойством и безуспешно, в непроницаемой мгле.
Паскаль

Название, которое носит наша работа, позволяет нам сразу оставить в стороне проблему аналитической ситуации в целом, так как
Этот вопрос должен разрабатываться нашим выдающимся коллегой доктором де Соссюром. Что касается нашей темы, то на первый взгляд кажется, что мы должны были бы оправдать ее выбор. Действительно, «изучение динамики аналитической ситуации обычно не отделяют от изучения аналитической практики в целом и изучают отдельно динамику факторов, которыми пользуется аналитик в процессе своей работе: перенос, интерпретация, различные комплексы и т.д. Вопрос специфической аналитической динамики не рассматривается, подразумевается, что терапевт, анализируя «в переносе» один за другим различные конфликты анализируемого, освобождает его ipso facto (Ipso facto (лат.) — в силу самого факта), тем самым от невроза после того, как больной реагирует эмоциями на свои конфликты, в то же время отдавая себе отчет в их иррациональном и анахроническом характере.
Можно рассматривать эту концепцию как теорию аналитического «содержимого». Некоторые, не колеблясь, окончательно закрепили эту теорию, и Л.С.Пенроз думает, что, возможно, «вызывает сожаление тот факт, что психоаналитическая доктрина была названа психоанализом, а не перенос-анализом» исторического содержимого, освобожденного от неудовлетворенности Интерпретацией после сокращения сопротивлений, пережитого в переносе и анализе. Однако, что заставляет задуматься, так это то, что существуют некоторые анализы, которые начинаются, продолжаются, заканчиваются и заканчиваются хорошо, так и не позволив или почти не позволив аналитику проанализировать хоть малейшее содержимое. Есть больные, которые говорят так, что невозможно использовать поверхностный материал, который они приносят, другие даже не говорят. И оба эти типа больных выздоравливают. Таким образом, некоторые авторы опровергают классическую теорию (впрочем, не выраженную формально), потому что у них сложилось четкое впечатление, что, помимо того, что анализируется или может анализироваться, в аналитической ситуации существует неизвестный, но не менее действенный фактор, который важно уточнить. Так К.П.Оберндорф говорит о «неуловимых, не поддающихся наблюдению и определению феноменах, которые возникают между аналитиком и анализируемым».
П.Люке (К вопросу о невербализуемых фактах выздоровления в аналитическом лечении, 1957) говорит о «подземном действии» и об «очень примитивных механизмах, которые действуют в процессе аналитического лечения, в некотором роде между строк, как бы позади опыта как его обычно определяют, вербализованного и сделанного сознательным».
У.В.Силверберг считает, что «из вербализованной и невербализованной категорий самое большое терапевтическое значение имеет последняя», а Г.Зилбург (The Emotional Problem and the Therapeutic Role of the Insight// The Psychoanalytic Quarterly. 1952.) констатирует «действие в анализе и элементы, которые никогда не были сознательными».
Другие атакуют историческую концепцию переноса, отдавая себе отчет в ее недостаточности.
Например, Д.Лагаш убежден, что «психоаналитическое отношение имеет оригинальные качество и ценность, не сводимые ни к какому прошлому опыту» (Фрейдовская доктрина и теория переноса, Международный конгресс по психотерапии, Цюрих, 1954)
Аналитический процесс мобилизует нечто помимо материального конфликтного, получая за счет этого некоторую автономию. Э.Гловер (Фрейдовская доктрина и теория переноса, Международный конгресс по психотерапии, Цюрих, 1954 (The technics of Psycho-Analysis) говорит, что «аналитический процесс состоит в приведении в действие динамической ситуации, которая развивается обычно по идентичному пути, приобретая, однако, индивидуальную форму».
Речь идет о глубоком специфическом процессе, не зависящем от материального конфликтного и от аналитической нозологии. Но не зависящем также - в определенной мере - от драматического развития лечения, с которым он не совпадает. Некоторые анализы, очень насыщенные, очень богатые освобождением от подавленных стремлений и интенсивно переживаемые в переносе, дают лишь минимальные улучшения, тогда как другие, очень мало динамичные и очевидно обреченные на провал, так сказать, застигают аналитика врасплох своей крайне удовлетворительной эволюцией, которой ничто не предвещало. В начале своей профессиональной деятельности каждый аналитик проводит случаи лечения, в процессе которых он скорее следует за больным, чем предвосхищает его, и делает это немного вслепую. Тем не менее, эти попытки эффективны, иногда даже превосходны. Эти анализы идут с грехом пополам, но все-таки идут, как если бы они подчинялись неким силовым линиям, умея при необходимости обходить подводные камни. Впрочем, это относится к психоанализу вообще. Действительно, Э.Гловер напоминает нам, что первые аналитики не знали определенного количества фантазматических позиций, которые с тех пор были открыты, но, тем не менее, это незнание не мешало им добиваться великолепных результатов.
Теория переноса оказывается причастной к этому спорному вопросу, и если аналитическая ситуация включает экстра-трансференциальные элементы (которые не могут выразиться в переносе), то напрашивается переработка нынешней концепции роли переноса.
Некоторые авторы хотели учесть «аналитическую атмосферу» в качестве динамического фактора анализа. Так Э.Бибринг (The conception of the repetition compulsion// The Psychoanalytic Quarterly. 1943)
настаивал на том, чтобы установить различие между собственно переносом и «аналитической атмосферой», приписывая последней собственно аналитические изменения. Что касается У.В.Силверберга, то он вводит понятие множественности переносов, ставя себя таким образом в оппозицию понятию переноса как основного и исключительного кадра аналитического процесса. Филлис Гринэйкр вводит в том же смысле термин фундаментальный перенос («basic transference»), основывающийся, по ее словам, на отношении мать-ребенок материнский доэдипов перенос, для которого она считает возможным сохранить значение «всегда», широкое и исключительное для переноса, который таким образом сохраняет свое почти абсолютное господство в аналитической ситуации.
Решающий шаг в направлении четкого разделения того, что является трансференциальным в аналитической ситуации, и

того, что таковым не является, был, по нашему мнению, сделан Бодуэном (Перенос и проекция в аналитической ситуации, Международный конгресс по психотерапии, Цюрих, 1954). Этот автор напоминает случаи, когда в конечном счете уже нет настоящего повторения и, как следствие, настоящего переноса, потому что соответствующее пережитое не было по-настоящему пережито. В другом месте (Реактивация прошлого, Французский журнал по психоанализу, 1950) он делает различие между переносом анализа и отношением анализа (Анализировать «перенос анализа», то есть сопротивление, и предоставить действовать «отношению анализа» - это, конечно, хорошая формула, еще следовало бы признать второй фактор и отделить его от первого), причем «первое является в строгом смысле воспроизведением пережитого, второе - оригинальным отношением, и одно в некотором роде обратно пропорционально другому».
«Отношение анализа» Бодуэна приводит нас к концепции аналитической ситуации, которую мы рассматриваем как не зависящую от переноса. Случаи «без содержимого», на которые мы намекнули выше (так же, как другие) эволюционируют прежде всего в зависимости от аналитической ситуации, фундаментальные технические основы которой были разработаны доброкачественным эмпиризмом, основанным на полувековом опыте. Эта ситуация приводит в действие аналитический процесс. Последний, со своей стороны, собственной динамикой приводит в движение процессы бессознательной фантазматизации и механизмы переноса. Мы пытаемся выявить силы, которые дают этой динамике ее энергетическую опору, так как этот процесс является двойным, а силовые линии - параллельными. Наше исследование будет сосредоточено на нарциссизме как основном энергетическом факторе аналитичекого процесса; одновременно мы стараемся выявить синергию нарциссизма и объектного отношения, а также их роль в рассматриваемом процессе. В ходе нашего исследования мы будем вынуждены быстро пройтись по некоторым аналитическим понятиям, находящимся, однако, в непосредственной связи с нашей темой, и вломиться — несколько глубже — в некоторые открытые двери. Наша точка зрения будет выходить за психопатологический кадр как таковой, так мы будем постоянно обращать взор к генетическому и клиническому факторам в самом широком смысле слова (3. Фрейд, который пришел к нарциссизму в результате исследования ранней деменции, рассматривал главным образом регрессивную нарциссическую форму. Поэтому он считал нарциссизм («Нарциссизм: введение») препятствием к анализу, каковым он действительно является в некоторых случаях, которые остается определить; что касается нарциссизма, который мы имеем в виду, то мы думаем о более позднем определении З.Фрейда («Лекции по введению в психоанализ», 1916-1917): «...фиксация либидо не на объект, а на саму сущность субъекта как психической и физической единицы»).

II

Нарциссические аспекты аналитической ситуации

Сидя в траве, обхватив колени руками, Пьер смотрел реку, на удочку, на пробку. Что-то новое случилось с ним: он находил удовольствие в том, чтобы говорить о себе. Воспоминание детства само собой оказалось у него на устах, наверное, потому что это не было счастливое воспоминание. Эта непринужденность не была лишена иронии: так говорить было сладко, но особенно приятно было то, что тебя не понимают, говорить с этим человеком, как он говорил бы с рекой или с эхо, потому что значение имел только звук его собственного голоса. Слова, которые он произносил, не приобрели бы ничего нового, если бы были услышаны. «Если однажды, - думал Пьер, - я буду должен найти друга, это произойдет именно так. При случайной встрече человек любезно предоставит мне свои уши. Ему я скажу все, чего не осмелился бы сказать кому-то, кто меня знает. Когда я закончу, я уйду, надеясь никогда больше его не увидеть. Любая новая встреча могла бы только разочаровать, потому что все будет прекрасно с первого раза.
Жан Блок-Мишель, «Тротуар справа»

Большинство больных - поскольку все мы имели такой опыт - быстро осваиваются в аналитической ситуации, говоря много и легко на всем протяжении сеансов, и это происходит в течение некоторого времени анализа, более или менее продолжительного в зависимости от случая. Они говорят скороговоркой и находят в этой быстроте и гладкости речи удовольствие столь же аутентичное, сколь и очевидное. Я заметил, что эти больные - о других мы поговорим позже - в жизни поддерживают постоянную переписку с партнерами, роль которых -по сути - сводится именно к роли партнеров или почтовых ящиков между больным и им самим. У меня в анализе был пациент, который пришел ко мне по поводу невроза тревоги и ипохондрических симптомов; на всем протяжении сеансов он говорил так, что его невозможно было прервать. Этот больной, в профессии которого не было ничего интеллектуального, любовно поддерживал переписку, содержание которой - даже субъективное - безусловно, не оправдывало тех хлопот, которые он этому посвящал. Другие ведут дневник, который для них представляет точную эквивалентность анализа. У меня на лечении была писательница, которая заявляла без обиняков, как если бы речь шла о чем-то очевидном: «Писать или приходить на анализ - это одно и то же».
Удовольствие, которое эти субъекты черпают в анализе, является, вне всякого сомнения, удовольствием нарциссическим; оно происходит - в форме специфической конфронтации с аналитиком «своим alter ego» - от нарциссического самосозерцания, которому предается субъект (Нарциссические (в числе многих других) «эквивалентности», о которых мы только что говорили, а именно факт ведения дневника или поддержания эготической переписки (используя термин такого великого нарцисса, как Стендаль) являются фактом подросткового периода, возраста, нарциссического по определению (О.Ранк)). Что касается роли аналитика, то это роль зеркала, по классическому и не потерявшему своей ценности сравнению З.Фрейда. Чтобы иметь возможность выполнить свою задачу, это зеркало должно оставаться чистой функцией, без материальной опоры и оставаться невидимым (У меня был больной, который - после двух лет анализа - не знал, какую форму имеет, кресло, которое я использовал; другими словами, он меня никогда не видел. Несмотря на мое присутствие, аналитическая ситуация в его глазах никогда не оставляла своего нарциссического характера) (аналитик позади анализируемого), потому что в противном случае присутствие объекта вывело бы анализируемого из нарциссической позиции, являющейся его позицией. В аналитической ситуации он один, хотя, впрочем, и не совсем один; это позиция, которая виртуально содержит другую позицию, позицию отношения объекта. Эта последняя может установиться постепенно, пройдя через различные фазы созревания. Она будет устанавливаться медленно и ценой трудностей, которым анализируемый должен будет научиться противостоять. Аналитическая ситуация - это промежуточная позиция, это ее уникальная (относительно других психотерапий и аберрантных «психоанализов») и характерная особенность (Это позиция Нарцисса, созерцающего себя в воде, с нимфой Эхо (еще одно зеркало) на заднем плане, как аналитик - как ее изображают, например, помпейские художники, произведения которых сохранились в Неаполитанском музее).
Другое наблюдение, которое мы все делаем, касается специфического поведения больного в конце сеансов, особенно самых первых. В тот момент, когда больной встает с кушетки, он безотчетно оглядывается вокруг, кажется дезориентированным, неуверенным, как будто у него легкое головокружение. Некоторые пошатываются, проводят руками по лбу, как люди, которым необходимо собраться с мыслями. Эта дезориентация не только пространственная; у них также отсутствует понятие времени, и, вставая, они говорят: «Надо же, час прошел? Я бы поклялся, что это продолжалось всего несколько минут». Все это абсолютно не зависит от содержания сеанса, который их очень утомляет, но лишь a posteriori. «Для меня это страшная встряска, - говорила одна больная, - я готова упасть в обморок; и однако, я

говорю вам только те вещи, которые я говорила другим, не испытывая ни малейшего неудобства». Впрочем после того, как этот небольшой приступ проходил, она чувствовала себя очень хорошо, пребывала в эйфории и, возвращаясь домой, прогуливалась и покупала себе красивые вещи. Другая (тоже женщина, так как у мужчин такие случаи менее ярко выражены, иногда едва заметны) говорила мне: «После сеанса я убитая, обессиленная, опустошенная», и это впечатление соответствовало истинному недомоганию. Однажды она должна была зайти в кафе, чтобы освежиться, и официант, который обслуживал ее, спросил: «Вам не хорошо, мадемуазель?»

Больные испытывают это ощущение после сеанса, который проходит скорее в эйфории (Д.Лагаш (Международный конгресс по психотерапии «Фрейдовская доктрина и теория переноса», г. Цюрих, 1954.) говорит об эляции с новым чувством внутренней свободы и способности самореализоваться, что имеет определенный нарциссический резонанс, но он приписывает это переносу), они формулируют его по-разному в зависимости от случая - «у меня было странное ощущение, как будто мои кости дрожали», или «это - как будто я выпил», или еще - «меня, как подменили, воздух лучше входил в мои легкие».

Один больной, которого я видел всего один раз - речь шла об ипохондрии на основе параноидного делирия (Я уложил больного после самых общих расспросов, поскольку его прислали "ко мне с диагнозом «легкий невроз»), выдал этот синдром с совершенно особой остротой. Вставая с кушетки (я велел ему встать после какой-нибудь четверти часа), он начал с того, что споткнулся, едва не рухнул на месте, и я был вынужден его поддерживать, потом буквально тащить до передней. Только через десять минут, в остолбеневшем состоянии, он смог переступить порог и броситься в проходившее мимо такси. В течение этих десяти минут его лицо не выражало никакого страдания, наоборот, на нем читалось только это несколько похотливое отупение, которое можно наблюдать на лицах, похожих на застывшие маски, некоторых душевнобольных.

Таким образом, мы видим, что рассматриваемый феномен имеет ту же природу, что и в случае неврозов переноса или нарциссических (пользуясь последним определением З.Фрейда, более или менее заброшенным психиатрами, указывающим на тех, кого мы называем просто «психотиками») неврозов. Разница является лишь количественной, как заметил З.Фрейд по поводу «здоровых индивидов и невротиков». В сущности, речь идет о двух формах одной и той же нарциссической регрессии (Однако из соображений практического порядка и чтобы не создавать путаницы, мы будем говорить о позиции, состоянии или о нарциссической связи или отношении и оставим термин нарциссической регрессии в принципе для тяжелых случаев, для психотиков).

Регрессия во время аналитического лечения является классическим понятием, так как в процессе лечения больной обращается к прошлому, чтобы вновь пережить свои эдиповы и доэдиповы конфликты. Эта концепция также связывает регрессию с отношением объекта (эдипова и доэдипова), тогда как мы только что видели, что пациент занимает нарциссическую позицию, по крайней мере, в той фазе и той аналитической ситуации, которую мы только что рассмотрели. Регрессия, которую описывает классическая концепция, является объектной и конфликтной регрессией, приверженцы этого положения также оставляют без внимания фактор «эйфории» (эляция) (Либо он обычно приписывается «переносу» - термин, по нашему мнению, чрезмерно широкий (на самом деле перенос предполагает существование объектного конфликта, «переносимого» с одного объекта на другой) - настоящей служанке «на все руки», используемой для выполнения любой работы», аналитической теории, понятию, в которое входит «все, что происходит между аналитиком и анализируемым», а это практически равноценно тому, чтобы сказать «все, что происходит в анализе»), впрочем, очевидный, даже разительный, со всей своей феноменологией сопровождения, причем все это является типично нарциссическим (Мадам Ида Макальпин (The Development of the Transference, The Psychoanalytic Quarterly, 1950) удивляется, что перенос может приобретать в аналитической ситуации интенсивность, которую мы за ним знаем, и может рассматриваться как общий феномен.

Для нее «регрессия переноса» индуцирована аналитиком так же, как и аналитическая ситуация, в которой она понемногу развивается, и т.д. Настоящий перенос, действительно, развивается мало-помалу, тогда как рассматриваемые нарциссические феномены возникают сразу на первом сеансе; именно это их и характеризует. Это специфическая нарциссическая регрессия, свойственная не переносу, который устанавливается позже, но аналитической ситуации как таковой.

Нарциссическое удовольствие, которое больной испытывает в течение сеанса с «синдромом окончания сеанса», можно сравнить с сексуальным удовольствием, сопровождаемым усталостью и регрессией; в определенном слое бессознательного это даже наверняка является его смыслом (в числе прочих), поскольку оно кажется обусловленным большим количеством факторов).

Это «нарциссическое состояние», самые разнообразные проявления которого можно увидеть, если только подумать об этом (Иногда случается, что больной во время сеанса отдается бессознательному фантазму мастурбации, даже более или менее бессознательному мастурбационному акту в прямой форме или в форме «эквивалентности» и проецирует это на аналитика: например, «вы сейчас мастурбируете». Тем не менее, когда больной осмеливается выразить это проецирование, он оказывается в стадии, предвосхищающей аналитика, и проекция служит одновременно для того, чтобы ликвидировать агрессивную составляющую, которую также содержит мастурбационный акт и которая в этот момент находится совсем рядом с сознательным), проявляется в начале анализа задолго до установления переноса и в противоположность переносу, который в этой фазе анализа мог бы скорее составлять препятствие (Тенденция заставлять свои конфликты действовать вместо того, чтобы их вспоминать, - источник сопротивления переноса), оно раскрывается как primum moven (Primum moven (лат.) - «первое движущее», первопричина) аналитического процесса. Это эляция, соответствующая аналитической ситуации, которая позволяет проникновение, медленное, спорадическое, вначале поверхностное (Так как сопротивление все время присутствует и тормозит движение), затем более ярко выраженное, эдиповых элементов в сознательном (Что доказывает, в скобках, то, что регрессия не имеет ничего связанного с переносом, этот перенос начала анализа (М.Буве, «Типовое лечение», цитирует В.Райха, «который отрицает всякий характер аутентичности в положительных проявлениях переноса в начале анализа»), эти аналитические «медовые месяцы» обычно интерпретируются как материнский догенитальный перенос (см., например, Филлис Гринэкер, Trauma, Growth and Personality), тогда как реальное «содержание», если можно так сказать, этого переноса обычно является реально эдиповым, до такой степени, что - как мы знаем - этот факт был возведен в правило: «Все начинается с поверхностного эдипова анализа и т.д.» Больные сами отдают себе отчет в важности нарциссического элемента в том. Что касается Эдипа; и одна очень умная истеричка говорила мне: «Мне кажется, что я люблю вас все больше и больше. И, однако, я ничего о вас не знаю, в общем я вас люблю относительно себя самой (вы любезны, понимающи и т. д.) То есть я люблю себя через вас. По этому вопросу можно заметить - рассматривая его под эти углом зрения, - что можно было бы найти много нарциссизма в самой любви. Это определенно, и многие авторы придерживаются этого мнения. (См., например, «Transference and Love «(The Psychoanalytic Quarterly, 1949), de Jekels et Beroler). Нарциссическая эляция действует, дезингибируя больного, как алкоголь, и ликвидирует цензуру. (С другой стороны, эта эляция сохраняет свою специфику, свою полную узаконенность (валидацию), зависящую от более или менее параллельного процесса созревания, процесса объектной связи. Поэтому не имеет смысла пытаться нарушить процесс, это может принести только вред (нарко-анализ или гипноз). Гипноз - это нарциссический синтез, искусственно вызванный за пределами генитального созревания и формирования Я. Что касается наркоанализа, то он является регрессией, также искусственной, находящейся за пределами той же нормальной эволюции. Конечно, нужно следить за тем, чтобы эта

нарциссическая регрессия, в зависимости от форм, которые она приобретает) не превратилась бы в патологическую регрессию, хотя бы даже с аналитической точки зрения (нарциссическая фиксация). Кажется, впрочем, что эти эдиповы элементы постепенно исчезают в нарциссической глубине и приобретают ее характеристики в том смысле, что в них недостаточно существенности.

Объекты на этой стадии являются скорее фантазмами, и анализ Эдипа - в начале лечения - кроме некоторых исключительных случаев — составляет обычно лишь подготовительную работу. Эдип эффективно анализируется начиная с того момента анализа, когда анализ обогащен доэдиповыми «вложениями». Фр.Александер (Die Psychoanalyse der Gesamtpersonlichkeil) приводит случаи, в которых поверхностный и исключительно эдипов анализ смог привести к очень удовлетворительным результатам; речь шла об «актуальных травматизмах», по выражению автора, при которых небольшая корректировка оказалась бы достаточной. Иногда можно спросить себя: видимо анализируя Эдипа, не анализируем ли мы опосредованно догенитальные конфликты?

З.Фрейд говорил, что анализ должен разворачиваться под знаком фрустрации и что больной не должен извлекать удовольствия из аналитической ситуации. Конечно, если рассматривать его под эдиповым углом зрения, больной фрустрирован во время анализа - от начала до конца. Но с нарциссической точки зрения, которая в рассматриваемый период является его точкой зрения, он далек от этого (Отчасти аналогичная констатация, хотя и увиденная под объектным и трансференциальным углом зрения, это констатация П.Люке (К вопросу о невербализуемых факторах выздоровления в аналитическом лечении), который говорит о «человеческой связи, вызывающей фрустрацию в том, что касается объектных связей, относительно развитых, но доставляющих удовольствие на крайне примитивном уровне»).

Это нарциссическое удовольствие, которое больной извлекает из аналитической ситуации, собственно и является условием прочного установления последней и успеха лечения, поскольку судьбы этих двух вещей отныне связаны. Это удовольствие не должно отвергаться в анализе, кроме тех случаев, когда по прошествии некоторого времени становится очевидно, что регрессия по-прежнему остается на том же уровне, что больной прочно обосновывается в ней и культивирует ее, занимаясь, так сказать, «искусством для искусства»; кроме того существуют ситуации, в которых следует быть осторожными, так как больной может иметь причины, которые он раскроет лишь позднее, чтобы увековечить эту ситуацию («Функционирование Я немыслимо без нарциссизма» (Г.Нюнберг), и аналитический процесс, одна из целей которого - оздоровить Я, еще больше в нем нуждается). В том, что касается проникновения эдиповых элементов в сознательное, оно может быть ранним, даже одновременным с нарциссической регрессией. Впрочем, мы уже напоминали об их характере. Так, у нас часто бывает возможность зафиксировать некоторые эдиповы сны наших больных, которые к тому же содержат целое созвездие их конфликтов, и иногда это происходит во время первого сеанса лечения. В таком случае для серьезного анализа часто требуются годы. Так, одна пациентка с «большой истерией» (и навязчивыми защитными реакциями) приносит нам на первый сеанс следующий сон:

«Я лежу в постели, мой отец и домработница (мать) сидят в углу потолка и чистят его большой черной щеткой; Я испытываю нетерпение, и тут отец бросает мне щетку». И она добавляет, используя фразу Короля-Солнце, что она тут же замечает: Наконец, мне чуть было не пришлось ждать! (нарциссическое всемогущество).

Самый исторически эдипов перенос может оказаться нарциссическим отношением: «Я люблю вас, потому что у вас голубые глаза, как у моего отца; честно говоря, это у меня голубые глаза. У моего отца они были черные». «Перенос», который мы сравнивали с любовью, гораздо более слеп, чем этот, он почти бредовый, и З.Фрейд уже удивлялся гротескным ситуациям между анализируемым и аналитиком, которые могут возникать в результате его. Отсутствие «чувства реальности» к тому же показывает, что мы находимся в глубокой регрессии, управляемой примитивным процессом, принципом удовольствия, и что в этом нет ничего переносимого, то есть нет объектного конфликта.

Не случайно аналитическая техника, самая скромная и самая пассивная из всех психотерапий и вообще техник лечения, больше всех благоприятствует нарциссическим инвестированиям пациентов. Эти последнее, действительно, находят в отношении аналитика, которое не стесняет их и никогда наступает с ним в противодействие, идеальное условие для своего нарциссического расцвета. Человек делает перенос (З.Фрейд показал, что перенос является общим феноменом и что в жизни перенос происходит везде и всегда (мания повторения).

на своего дантиста или своего кардиолога, так как в этом случае речь идет о настоящей связи, объектной связи. В процессе анализа вначале инвестируется аналитическая ситуация, и это инвестирование будет противостоять всем превратностям объектного переноса, который позднее установится с аналитиком (В случае «негативного переноса» у анализируемого возникнет враждебное чувство пренебрежительного обесценивания, направленное против аналитика, но только против аналитика как объекта; при этом аналитическая ситуация останется защищенной от этого чувства и будет инвестирована положительно. Так, например, если больной уйдет, потому что больше не может переносить свою вину перед аналитиком как объектом, он будет искать другого аналитика. Он даже пойдет ко многим, к одному за другим, как те больные, которым необходимо поддерживать свою нарциссическую регрессию, заставляя за собой ухаживать, но которые постоянно меняют врача, потому что они неспособны поддерживать стабильные объектные отношения). К тому же это инвестирование будет интенсивным, и важность, которую приобретет в жизни больного его анализ, обнаружит первоначальный архаичный источник его инвестирования. Из всех медицинских методов только анализ сможет приобрести ценность инициации, обращения, искупления или первой любви. Именно больной выбирает не только своего аналитика, но, главное, анализ как таковой, и его нарциссизм не должен быть уязвлен в этом позитивном или негативном выборе. Мы знаем, что анализировать можно лишь того, кто на это согласился по доброй воле, и самый объективно «показанный» анализ может провалиться (и, впрочем, чаще всего проваливается), если он навязан анализируемому.

Именно анализируемый направляет анализ, потому что именно он управляет его ходом, открывая шлюзы своего бессознательного, чтобы дать выйти материалу, именно он облегчает и готовит интерпретации и иногда совершает открытия. Э.Джонс рассказывал, как З.Фрейд открыл метод свободных ассоциаций, благодаря одному из своих больных. Когда З.Фрейд готовился прервать его, чтобы вставить интерпретацию, пациент вскричал: «Не прерывайте меня».

Что касается выбора аналитика, больной делает свой выбор, который может иметь совершенно особое значение, например, в случае дидактического анализа. Можно иметь свое четко установившееся представление по этому поводу даже до знакомства с аналитиком. Должны ли мы в этом случае говорить о «дистанционном переносе»? Определенно нет. Что можно сказать в этом случае, так это то, что анализируемый дарует аналитику в том числе благосклонный предрас-судок, в результате чего тот становится его аналитиком и, с этого момента, он будет его переоценивать и одаривать мощным нарциссическим инвестированием. Его аналитик будет лучшим и останется таким, что бы он ни делал. Все, что его аналитик сделает или не сделает, скажет или не скажет, будет интерпретировано им благосклонно, как если бы речь шла о нем самом. Речь на самом деле будет идти о нем самом, поскольку инвестирование является нарциссическим. Впрочем, таким же нарциссическим образом ребенок инвестирует своего отца, которому он приписывает свое собственное потерянное нарциссическое всемогущество (З.Фрейд), вновь обретая его таким образом. (Это напоминает нарциссическую формулировку влюбленного: «С ним (или с ней) все было бы для меня возможно» или формулировку родителя: «Мой ребенок добьется успеха там, где я потерпел неудачу»).

Нарцисс любит себя, потому что он получает удовольствие от себя самого и потому что он всемогущ и уникален. Он вновь обретет все эти чувства через посредничество своего аналитика, не идентифицируя себя с ним, так как идентификация является частью другого процесса, процесса объектной связи, но проецируя на аналитика свое Идеальное Я. Если «субъект постоянно ощущает общность натуры между собой и аналитиком» (М.Буве, «Типовое лечение»), это может быть

только результатом его проекции. Что касается рассматриваемой натуры, то речь может идти только о его натуре: роль аналитика сравнима с ролью священника, посредника (зеркала) между субъектом и его собственной идеализированной нарциссической проекцией, возвеличенной и прославленной или ненавистной, отвергнутой и позорной в зависимости от случая. Роль аналитика является, несмотря на видимость, теоретически несущественной, что нисколько не опровергается огромной ролью, которую он, как кажется, играет в анализе; верующий хорошо живет в тени и полной зависимости от того (Бога или дьявола), кто является лишь проекцией его собственного Идеального Я и его «всемогущества» (Невротик нуждается в этой нарциссической проекции, и Анна Фрейд (The Aidening Scope of Psychoanalysis, Journal of the Amer. Psychoan. Assoc, oct. 1954) смогла констатировать выраженный тревожный эффект, произведенный приходом гитлеровского режима на ее больных, для которых она из аналитика-Бога вдруг превратилась в отверженную парию. Правда «вера» некоторых из ее больных из-за такой мелочи не пошатнулась, и один из них продолжал считать ее такой же сильной и даже более сильной, чем Гитлер и английское правительство вместе взятые. Это был какой-то чиновник).
С.Нахт («Психоаналитическая техника») сказал, что «причина эффекта перестрахования меньше в том, что говорит аналитик, чем в том, чем он является». В перспективе, которую мы сейчас развиваем, аналитик, простое отражение анализируемого, не мог бы быть тем, чем является или, особенно, чем хочет являться анализируемый. Впрочем, он не знает аналитика, и ему не нужно знать его как такового. Иначе как бы он мог сохранять свои проекции, либо перфекционистские и идеализирующие, либо проникнутые почти параноидной враждебностью (Параноидный в смысле «интерпретирующий» - во французской психиатрии середины XX века было принято называть «параноический»)? Аналитик является опорой импульсов и защитных реакций анализируемого, и только этим. Когда больной борется с импульсом, аналитик является для него ограждением, на которое он проецирует свое строгое Сверх-Я; когда он желает поддаться импульсу, аналитик становится «позволяющим», даже соблазняющим. Однажды у меня в анализе был молодой извращенец, который, войдя, сказал мне: «Доктор, я пришел к вам, потому что я пьяница, игрок, гомосексуалист и сутенер, но я хотел бы измениться». Через несколько сеансов после начала его анализа, он сказал мне: «Вы знаете, доктор, теперь я больше не играю, не пью, я веду совершенно другую жизнь, как вы мне говорили». Но я, разумеется, ничего ему не говорил, по крайней мере, в этом смысле. Другой больной интерпретировал все мои (истинные или мнимые) жесты в почти бредовом нарциссическом смысле. Все, что я делал, было для него каким-то образом связано с его лечением; жесты, которые я тонко и со знанием дела просчитал, также для его блага. Что касается негативного переноса, то анализируемый регулярно интерпретирует все, так сказать, параноидным образом, проекция, которая должна быть регулярно исправляема, то есть интерпретируема как таковая. Нарциссизм анализируемого всегда настороже, и не нужно его ущемлять, споря с ним или критикуя его; даже если он его не показывает, он отреагирует созданием новых бессознательных садистских фантазмов, которые увеличат его вину. Нарциссическая свобода больного должна быть полной в том смысле, что он всегда должен быть единственной активной стороной. Аналитик не имеет собственного существования по отношению к анализируемому. Он не должен быть ни хорошим, ни плохим, он не должен быть (Здесь, конечно, речь идет о трудно достижимом идеале, и трудность эта - контрпереносной природы. Некоторые исключения из этого правила будут, впрочем, рассмотрены в дальнейшем). Если бы он побуждал себя жить в анализе для себя самого, он мог бы только мешать свободной фантазматизации анализируемого, как взрослый мешает в их игре детям, также живущим в нарциссическом мире. Таким образом, аналитик не имеет ничего общего с диалогом, в лучшем случае речь идет о монологе на два голоса, когда один говорит, а другой отражает звук, повторяет, выясняет, правильно интерпретирует; зеркало без помутнений (Поскольку процесс, который связывает анализируемого с аналитиком, является главным образом нарциссическим, мы также понимаем, почему аналитик не должен быть поражен не слишком заметным недугом, реальное существование которого рискует помешать проекциям анализируемого. Зеркало, которым является аналитик в руке анализируемого, должно удовлетворить последнего образом его совершенства, отраженным в зеркале; в искаженном аналитике он увидит свою собственную кастрацию. Но весь процесс - для него лишь средство, чтобы ликвидировать эту кастрацию. Это аналитическое зеркало можно также сравнить с конвергентной линзой, в фокусной точке которой находится анализируемый; при каждой его попытке уклониться, аналитик - безжалостный - вновь поставит его напротив себя). Случай, который происходит в некотором количестве анализов и который мы напомним, имеет свои корни из этого же нарциссического источника: я думаю о тех больных, которые сразу делают очень эйфорический, даже страстный «перенос». Эти анализы проходят под «барабанный бой», больной переходит от восхищенной завороженности к экстазу, он счастлив, переполнен и делает из лечения центральное событие своей жизни. Затем однажды, после нескольких недель анализа, он вдруг объявляет себя выздоровевшим, более чем выздоровевшим, и, как следствие, делится с аналитиком своим намерением оставить лечение. Это трудный момент, который подвергает испытанию умение аналитика справиться с таким осложнением как это «выздоровление», относящееся за счет переноса. Парадоксально то, что импульс, которого надо избежать, также приписывается переносу (страх переноса). На самом деле этот кризис проходит и вскоре уступает место совершенно отличной аналитической ситуации, когда больной свидетельствует о заметно изменившемся поведении. Так что же произошло?
Больной сразу обосновался в специфическом состоянии, являющимся источником очень удовлетворительных нарциссических волнений. Эта «эляция» позволяет ему победить некоторые ингибиции, но не сопротивление, которое остается нетронутым, неначатым. Доказательством является то, что интерпретации, даваемые в этот момент анализа, не вызывают никаких структурных изменений. Больной, интерпретирующий свои эйфорические ощущения (состояние, которое можно было бы - сохранив все пропорции - сравнить с маниакальным состоянием), тем не менее, убежден, что он выздоровел. На самом деле - как мы знаем - это нарциссическое псевдовыздоровление, соответствующее тому архаичному нарциссическому удовлетворению, которое ребенок пытается реализовать галлюцинаторным образом, и которого анализируемый ищет в лечении, как мы еще скажем в дальнейшем. Как мы также увидим, оригинальность фрейдовского аналитического лечения состоит именно в отказе поддерживать эту нарциссическую иллюзию всемогущества и, наоборот, подвести больного к развитию более продвинутого отношения, отношения объекта. Потому что речь идет именно об этом.
Больной в этом состоянии эляции в общем получает от аналитика только возможность смотреться в него, как в зеркало, и извлекать удовольствие из аналитической ситуации, которая ему это позволяет (ситуация, содержащая однако - в зародыше - элементы всей терапевтической эволюции). Впрочем, субъект в определенный момент отдает себе отчет в том, что за этим безконфликтным (до-амбивалентным) удовлетворением аналитическая ситуация заставляет его медленно скользить к другой намечающейся позиции, позиции объектного отношения. Эта позиция пугает его, и именно этот страх толкает его и иногда заставляет его оставить лечение. Короче говоря, то, что происходило до этого момента было чем-то вроде игры, тогда как теперь нужно будет втянуться в ситуацию переноса и начать анализ, при том, что две эти позиции различны по существу. В определенном смысле, выходит, что правы те, кто говорит, что он боится переноса; ошибочным является связывание этого бегства с увеличением силы этого страха. На самом деле страх внушает начало переноса, так как предыдущее состояние является экстра-переносным. Что показывает, в скобках, что из этих двух факторов именно нарциссизм питает аналитическую ситуацию с энергетической точки зрения, тогда как перенос поступает на службу сопротивления («перенос сопротивления») (М.Балинт (Das Endziel der psychoanalytlschen Behandlung Internationale Zcitschrifl, 1935) описал примерно аналогичную аналитическую последовательность, но которая происходит к концу анализа и из которой он извлек выводы, отличные от наших («Neubeginn»). Однако он тоже подчеркивает нарциссическую тональность, характеризующую рассматриваемый эпизод).

Нарциссизм анализируемого позволяет ему и побуждает его реализовать вместе с аналитиком двойной образ себя самого (зеркало). Вероятно, именно это было интерпретировано как «тенденция к переносу» (Transference readiness, Nunberg G. Transference and Reality, Internat. Journal of Psychoanalysis, 1951)
или «страсть переноса» («Uberfragungssucht» S.Febenczi, O.Rank. Die Entwicklungsziele der Psychoanalyse), тогда как настоящее отношение переноса, более позднее, должно быть связано с «объектным отношением». На самом деле речь идет о процессе исключительно поверхностном, несущественном, преходящем (Мы говорим о процессе вообще; нарциссизм выходит за психопатологический кадр и следует за индивидом от рождения до смерти), и который будет изменен (по причинам, которые мы изложим позднее) только в анализе. Нарцисс всегда находится в поисках зеркала и всегда набросится на любую новую возможность нарциссического удовлетворения именно потому, что он хотел бы выйти за пределы этой позиции (если только речь не идет о нарциссе-извращенце или о полностью регрессировавшем) и установить объектную связь, на которую он не чувствует себя способным. Поскольку нарциссизм составляет начало процесса и намек на следующий, он начнет и будет вновь и вновь начинать, но так и не сможет эволюционировать дальше определенной точки. Когда мы говорим об идентификации, нужно отдавать себе отчет в том, что есть разные виды идентификаций и даже псевдоидентификаций. Нарциссическая псевдо-связь является одной из них. Это очень хорошо видно у некоторых великих нарциссов (артистов, политических деятелей и т.д.)- которые очень легко завязывают знакомства с кем угодно, не имея ничего общего с этими людьми, лишь бы они давали им возможность нарциссического удовлетворения, в котором они постоянно нуждаются. Эти связи, однако, являются по большей части поверхностными; в них нет объектного отношения, нарцисс не любит, он позволяет любить себя.
Именно это происходит в нарциссической аналитической связи; в начале лечения анализируемый погружается в нарциссическое опьянение и, чтобы стабилизировать свою позицию в отношении аналитика, он будет в некотором роде играть в идентификацию просто для того, чтобы обеспечить себе его расположение. Впрочем, иначе бы и быть не могло, учитывая, что, объективно говоря, анализируемый ничего не знает об аналитике (за исключением некоторых дидактических анализов), что именно и является препятствием и составляет проблему (Если «субъект постоянно ощущает общность натуры между аналитиком и собой» (М.Буве, «Типовое лечение»), это могло бы быть лишь галлюцинаторное проективно-бредовое ощущение. Кажется, что этот автор, который ставит обозначенную позицию в конец лечения и считает, что от нее зависит выздоровление («в этом случае разговор идет на одном языке, и аналитик становится "тем хорошим объектом", длительное обладание которым является отправной точкой, необходимой для эволюции, я должен был бы сказать - для роста - Я»), противоречит себе, потому что одновременно он делает ее отправной точкой эволюции (роста Я), что он, кстати, считает главным в аналитическом процессе)).

Р.Д. Хиншелвуд

НАРЦИССИЗМ И «ГЛУБИННЫЕ СЛОИ»

Доклад на 46-м конгрессе Международной психоаналитической ассоциации «Психоаналитическая практика: конвергенция и дивергенция», г.Чикаго (США), 29 июля - 1 августа 2009 г.

...но в то же время и на
другом уровни

Джеймс
Гротштейн, 2009

Резюме

В этой статье я представлю аргумент, доказывающий, что кляйнианский подход основан на внимании к глубинным слоям личности, которые являются, по существу, нарциссическими, и касаются адекватного функционирования Эго и в меньшей степени его содержания и конфликтов. В результате этого, помимо прочего кляйнианцы считают, что имеют дело с более тяжелыми и глубокими расстройствами, включая психозы; а также то, что многие другие интересующиеся идеями М.Кляйн и придерживающиеся другой концептуальной структуры склонны обсуждать ее наследие и описание примитивных механизмов, как если бы она работала только с невротическим уровнем. Без признания вклада М.Кляйн в понимание глубинных слоев бессознательного попытки интегрирования невротического и психотического слоев оказываются поверхностными.

Работы М.Кляйн берут начало от исследований К.Абрахамом примитивных психотических механизмов и ставили своей целью переосмысление невротических проблем в параметрах специфической глубинной тревоги и примитивных защит. В 1958 г. она размышляла том, что «...хотя у старших детей и взрослых эта тревога модифицируется, изменяется по форме, блокируется жесткими защитами и, вследствие этого, делается менее доступной для анализа, чем у маленьких детей, тем не менее, когда мы проникаем в более глубинные слои бессознательного, то находим те опасные и преследующие фигуры, которые все еще сосуществуют с идеализированными фигурами» [11, с.8].

Она полагала, что проникла через верхние слои к более глубинным, где залегают основы вызывающих психоз процессов. И, следовательно, изучая нарциссические состояния, как, например, психоз, она все время исследовала нарциссизм.

В 1929 г. М.Кляйн анализировала 4-х летнего психотика Дика и вслед за К.Абрахамом исследовала влияние садизма и садистических фантазий на ранних стадиях развития, соответствующих этим глубинным слоям.

«После того как я объяснила, что сломанная тележка представляет его мать, он снова вытащил ее и маленькие кусочки угля и положил их между дверями. В ходе анализа стало ясно, что этим выбрасыванием за пределы комнаты он обозначал оторжение как поврежденных объектов, так и собственного садизма (или задействованных им механизмов), что таким образом проецировалось во

внешний мир» [12, с.32].
Садизм приводит не только к повреждению объектов, но и к разрывам в его самости, с отторжением ее частей - механизм, который М.Кляйн позже исследует и обозначит как «проективная идентификация». Это внимание к самости и ее частям, а также к объектам, характеризует образ мыслей М.Кляйн с середины 30-х г.г. Вследствие этого кляйнианцы ставят в центр внимания эти неотъемлемые трудности и несостоятельность Эго в гораздо большей степени, чем конфликты внутри Эго. В результате можно сказать, что уровень работы М.Кляйн соответствовал нарциссической симптоматике, близкой к психотическому фукнционированию и другим сложным личностным проблемам.
Эта разница между содержанием и архитектурой Эго в настоящее время является важнейшим критерием, определяющим специфику различных психоаналитических подходов. Особенно хорошо это сформулировал У.Бион: «Непсихотическую личность беспокоят невротические проблемы, то есть те, которые концентрируются вокруг разрешения конфликта идей и эмоций, порожденного деятельностью Эго. Психотическая же личность занята проблемами восстановления Эго» [1, с.57].
Этот преимущественный интерес к ассоциируемому с психозами восстановлению (репарированию) Эго согласуется с представлением о нарциссическом повреждении, от которого необходимо защищаться» что становится главным смыслом жизненных усилий личности. Акцент М.Кляйн на «глубинных слоях бессознательного» подразумевает последовательную работу с постоянно активными нарциссическим уровнями бессознательного. Следовательно, вопрос не в том, что какая-либо личность является нарциссической, а какая-то - нет; положение дел таково, что нарциссический уровень у некоторых личностей проявляется больше, чем у других. Эта точка зрения основывается на допущении, что тревожность является препятствием для развития Эго, которое в таком случае достигается за счет активного использования примитивных механизмов. Это отличается от модели, согласно которой способность справляться с Эго-конфликтами возникает посредством специфических для каждого возраста механизмы, так же как и другие функции. Проще говоря, разница заключается в том, что это либо экзистенциальная тревожность идентичности, либо нравственная тревога выбора. З.Фрейд писал в 1914 г.: «Психоаналитические наблюдатели были впоследствии поражены тем фактом, что индивидуальные признаки нарциссического состояния обнаруживаются у многих людей, которые страдают от разных расстройств, например, как указывает Садгер, при гомосексуальности. И впоследствии оказывается вероятным, что локализация либидо, которую необходимо описывать как нарциссизм, могла быть представлена гораздо более широко, и что она может претендовать на свое место в ходе обычного сексуального развития человека» [6, с.73] (Вполне правдоподобно, что М.Кляйн, только заинтересовавшись психоанализом во время Первой мировой войны, читала эту статью именно тогда, руководствуясь рекомендациями Ш.Ференци).
В этом смысле нарциссизм является не фазой развития, а способов видения себя в мире. Эти колебания между нарциссическим и связанным с объектом состоянием были отражены в описании «позиций» М.Кляйн двадцать лет спустя. Кляйнианская точка зрения, может быть, остается более верной, чем идея З.Фрейда о непрерывном взаимодействии инстинктов жизни и смерти; иначе говоря, на фундаментальном уровне происходят непрерывные колебания между самозащищающими и саморазрушающими процессами. Это динамика, которая находит свое разрешение у некоторых личностей посредством структурирования, описанного Г.Розенфельдом (1971) как «всемогущественные нарциссические объектные отношения». Однако в менее патологическом структурировании Эго, тревожность относительно агрессии служит связующим

звеном на путях, причиняющим меньший вред, но являющихся более конфликтным, например, при обсессивно-компульсивном расстройстве. Начиная с 30-х г.г., М.Кляйн интересуется тем, что она определила как «психотическая тревожность», имеющую отношение к интегрированности, функционированию и характеру собственно Эго (Акцент на ощущении тревоги присущ кляйнианской теории и практике в отличие от многих других школ психоанализа, фокусирующих внимание на инстинктах/драйвах, анализе защит, привязанности и т.д.).
Если сама М.Кляйн и не говорила много именно о нарциссизме, то причина здесь в том, что она все время в этой области работала. Ее деятельность основывалась на формировании понятий, относящихся к внутренним составляющим нарциссизма. Она представляла его в терминах специфической тревожности, примитивных защит и характеристик объектных отношений двух позиций.

Нарциссизм и многообразие

Эта конкретная заинтересованность М.Кляйн вела ее в направлении, отличном от классического психоанализа, и акцентирование внимания на глубинных нарциссических уровнях у нее оставалось отчетливым. З.Фрейд в «Недовольстве культурой» обозначил проблему многообразия как изначально присущую человеческой цивилизации, и коренящуюся в бессознательных процессах. Он ссылается на «нарциссизм малых различий», в котором «...несомненно, что сообщества с сопредельными территориями, а также связанные между собой каким-либо еще образом, вовлечены в непрерывную междоусобную вражду и насмехаются друг над другом - как, например, испанцы и португальцы, южные и северные немцы, англичане и шотландцы и так далее» [4].
Сейчас эти проблемы лежат в области бессознательной групповой динамике. Однако сейчас мы обсуждаем не столько богатое многообразие психоаналитических идей и школ, сколько вопросы их взаимодействия и плодотворного совместного проживания. Если групповое соперничество среди психоаналитиков подразумевает такой нарциссизм, а не рациональную дискуссию, мы можем использовать понимание этих глубинных нарциссических слоев для обсуждения наших собственных малых различий.
По-видимому, то, что имеющееся различие может так легко становиться противостоянием, соперничеством и, наконец, войной, является свойством человеческого опыта. И психоаналитическому миру не чужды довольно острые противоречия между членами различных групп. В то же время, мы могли бы согласиться и подчеркнуть, что различие может также вести к взаимодополняемости, приносящей выгодные, плодотворные результаты.
В своей статье «Отрицание» З.Фрейд писал: «Выраженное языком наиболее старых — оральных — инстинктуальных импульсов, оценивание звучит как: "я хочу это съесть» или «я хочу это выплюнуть» В более общем смысле — "это я хочу забрать себе, а это пусть останется вовне». Иначе говоря, "это будет внутри меня" и "это будет вне меня ". Как я показал в других работах, первичное содержание Я, связанное с удовольствием, хочет поглотить все, что является хороший и отторгнуть все плохое. Плохое и чуждое для Я является прежде всего идентичным внешнему» [5, с. 237].
Это описание орального нарциссизма примечательно и. также содержит зерно истины о нем, особенно верным в отношении динамита групп, когда мы оцениваем, что и кто находится в группе, а что и кто - вне ее. Знакомая динамика «наших/ненаших».
Это может быть важным для понимания положения дел в наших собственных

группах. Мы оцениваем, кто в нашей группе, а кто нет. Хотя мы можем принять противоположную позицию, как будто оставаясь выше всех этих споров и соперничества, такая позиция, тем не менее, также будет нарциссической. Одним из признаков нашей межгрупповой динамики является то, что теории часто становятся важным признаком групповой идентичности и принадлежности.

Аналитик находится в замкнутом круге сопротивлений, с которыми сталкивается в своей работе, и ему постоянно нужно подпитывать уверенность в собственном профессионализме. Неуверенность является характерной чертой его работы. Р.Бриттон и Дж.Стейнер [2] описывают интерпретирование и демонстрируют соблазн использования переоцененных идей, вместо ожидания того, чтобы бессознательное творчески выбрало факт, вокруг которого кристаллизуется интерпретация. Переоцененная идея - это идея, за которую аналитик цепляется, когда испытывает сомнения, с целью восстановить нарциссическую самоуверенность, необходимую для профессиональной работы.

Р.Бриттон и Дж.Стейнер пишут: «...интеграция [переоцененной идеи] является кажущейся и происходит в результате того, что факты подгоняются под гипотезу или теорию, в которой нуждается аналитик с целью защиты <...> К переоцененной идее чаще всего прибегают, когда неуверенность не может быть адекватно контейнирована» [2, с. 1070].

Идеи, за которые цепляются - это почти всегда теории, которым мы особенно сильно преданны, это теории нашей собственной психоаналитической школы. Стресс от нашей клинической работы способствует тому, что мы идеализируем процессы, которые поддерживают уверенность в «правильности» - они могут часто усиливаться из-за групповой динамики знания, в соответствии с которой некоторые из теорий других групп «ложны». По поводу этой ситуации М.Фельдман отмечал: «...наличие чувства убежденности представляет собой не только возможность появления "переоцененной идеи", но и обозначение маниакального, нарциссического вложения со стороны аналитика в его "интерпретацию ". Уровень, на котором это происходит, отражает момент, когда аналитик неуловимо теряет контакт со своим пациентом, самим собой и динамикой сессии в этот момент» [3, с.248].

Потребность в уверенности, которая временами насущно необходима, приводит к тому, что мы способны довольствоваться сомнительной псевдоуверенностью, цепляясь за теорию в моменты, когда аффективная динамика оказывается слишком сбивающей с толку или угрожающей.

Противоположности и сходства

Крайняя необходимость быть уверенным, выслушивая страдающих и часто назойливых пациентов, и вследствие этого цепляние за наши теории как систему взглядов, затрудняет восприятие идей других психоаналитиков. Это досадная проблема - именно желание помочь пациентам может вносить разобщенность между нами и многими из наших коллег. Способность объединяться, придерживаясь различных идей, может возникнуть только на основе принятия того, что мы уже думаем. Как отмечал О.Кернберг, «...поверхностные комбинации несовместимых теорий могут быть как обнадеживающими, так и разрушительными. Как избежать преждевременной закрытости и сохранить способность к диалогу - это волнующая задача для обучающих психоанализу» [10," с. 51].

Я предполагаю, что это вызов в первую очередь нарциссическому уровню нашей групповой идентичности, придерживаясь которого, мы нуждаемся в том, чтобы наша группа была концептуально права, это необходимо для

уверенности в нашей сложнейшей работе. Однако сам О.Кернберг, по-видимому, пропускает вызов, когда в недоумение ссылается на «неопределенность и неоднозначность кляйнианской терминологии» [9, с. 44]. Если бы только кляйнианцы прекрасно понимали свою теорию, кажется, говорит О.Кернберг, проблемы бы не было. И он прав. Если все, что смущает эго-психологов, было бы сглажено, кляйнианские идеи стали бы гармоничны; но, согласно его же собственной терминологии, это чревато тем, что он назвал «поверхностными комбинациями» несовместимых теорий. Фактически при этом мы избегаем сложной задачи оценивания того, являются ли теории действительно несовместимыми, и если да, то в каком смысле. Переводя в порядке дискуссии бессознательные конфликты в термины объектных отношений, О.Кернберг [8] не учитывает проблему с термином «объектные отношения». Понимание этого термина в современной, принимающей культуре отличается такового в культуре уходящей. Представления об объектных отношениях, берущие начало от теории побуждений, расходятся с теми, что происходят из теории объектных отношений. В теории побуждений под объектом подразумевается нечто внешнее, что удовлетворяет инстинкт. В кляйнианской теории «объект» представляет собой совершенно другую сущность - прежде всего фантазию, и, следовательно, часть примитивного аппарата и соответствующего механизма, который обеспечивает нарциссически сфокусированную стабильность Эго. Иными словами, если не признать важность «глубинных слоев» кляйнианского исследования, существует реальная возможность того, что будут создаваться преимущественно поверхностные комбинации, позволяющие каждой стороне продолжать двигаться точно в том же направлении, что я раньше, благополучно провозглашая при этом важность интеграции.

Выводы

Я утверждаю, что М.Кляйн мало говорила о нарциссизме, поскольку была склонна думать, что работает все время на этой территории - ранних фазах орального и анального садизма, как и К.Абрахам. Это восприятие глубинного нарциссического уровня бессознательного представляет «нарциссизм» как сложную, запутанную и чрезвычайно важную для развития область, которую невозможно описать как просто «либидинозный аспект эгоизма» [7, с. 433]. Мой основной вывод заключается в том, что вследствие особого вида групповой динамики, вызов, содержащийся в кляйнианской теории, может оказаться выхолощенным при упущении глубинного содержания и игнорировании важности глубины, против чего всегда протестовала М.Кляйн. Гармония может быть достигнута за счет возможности услышать друг друга.

Литература:

1.Bion W.R. Differentiation of the psychotic from the non-psychotic personalities// The international journal of psycho-analysis. 1957. Vol.38. P.266-75.
2.Britton R., Steiner J. Interpretation: Selected fact or overvalued idea?// The international journal of psycho-analysis. 1994. Vol.75. P. 1069-1078.
3.Feldman M. Doubt, Conviction and the Analytic Process. London: Routledge. 2009
4.Freud S. Civilisation and its discontents. (1930)// The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud. Vol. 21. London: The Hogarth press; The institute of psycho-analysis, 1974.
5.Freud S. Negation (1925)// The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud. Vol. 19. London: The Hogarth press; The institute of psycho-analysis, 1974.

6.Freud S. On narcissism: An introduction (1914)// The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud. Vol. 14. London: The Hogarth press; The institute of psycho-analysis, 1974.
7.Hartmann H. The development of the ego concept in Freud's work// The international journal of psycho-analysis. 1956. Vol.37. P.425-438.
8.Kernberg O. Convergences and divergences in contemporary psychoanalytic technique// The international journal of psycho-analysis. 1993. Vol.74. P.659-673
9.Kernberg O. Internal World and External Reality. New York: Jason Aronson. 1980
10.Kernberg O. The current status of psychoanalysis// Journal of the American Psychoanalytic Association. 1993. Vol.41. P.45-62
11.Klein M. On the development of mental functioning. (1958)// The Writings of Melanie Klein, Volume 2: Envy and Gratitude. London Hogarth.
12.Klein M. The importance of symbol formation in the development of the ego. 1930// The Writings, Volume 1: 219-232. London: Hogarth.
13.Klein M. The Psycho-Analysis of Children. (1932). London: Hogarth.

Дж. Кафка
АНАЛИЗ ФАЛЛИЧЕСКОГО НАРЦИССИЗМА

Kavka J. The analysis of phallic narcissism// The International Review of Psycho-Analysis. 1976. Vol. 3. P.277-282.

Труднопреодолимые нарциссические защиты представляют серьезную проблему даже в психоаналитической терапии неврозов. Жесткие прегенитальные фиксации и ригидность структуры характера препятствуют не только разрешению лежащего в основе невроза, но также и воскрешению ядерного эдипального конфликта в переносе. Исчерпывающий анализ Эго в ходе длительного анализа в сочетании с увеличивающейся интроспекцией контрпереноса не всегда обеспечивает необходимые движущие силы для достижения желательных терапевтических результатов. Подобный тупик требует некоторого пересмотра психоаналитической метапсихологии.

В данный момент набирает силу теоретическое представление о том, что основной тормозящий фактор в психоаналитическом лечении многих наших пациентов связан с особенностями их нарциссической структуры. Опираясь на свою работу с нарциссическими личностями, которые он отделял от невротиков и психотиков, Х.Кохут [7; 8; 9] прояснил роль нарциссизма в ментальном развитии и предложил способ понимания и методы интерпретации, которые облегчают ослабление нарциссических фиксаций. Основное применение в практике, которое следует из его метапсихологической переоценки, - это важность анализа нарциссических конфликтов как предварительное условие для дальнейшего анализа структурного эдипового конфликта.

Несмотря на расхождение во мнении относительно определений нормального и патологического нарциссизма, обозначилось соглашение (к примеру, на коллоквиуме «Technique and prognosis in the treatment of narcissism» Американской психоаналитической ассоциации, 1972 [2; 5; 6; 12; 13; 16; 17]) относительно того, что анализ нарциссических конфликтов в значительной степени прокладывает путь для разрешения эдипового конфликта в рамках так называемых неврозов переноса. Таким образом, подразумевается, что неверная оценка нарциссических конфликтов может ограничивать продвижение в анализе эдиповых неврозов переноса и даже препятствовать их разрешению.

Несмотря на то, что Х.Кохут делал упор на расширении сферы психоаналитической терапии для пациентов с преимущественно нарциссической патологией, по-видимому, его теории могут успшно применяться в отношении невротиков как таковых и обеспечивают определенный способ рассмотрения нарциссических фиксаций для всех пациентов, затрагивая все уровни развития инстинктов и защит. Основным инструментом исследования остается, как всегда, перенос, но включающий в себя нарциссические его аспекты.

Краткая клиническая виньетка иллюстрирует ослабление нарцис-сической фиксации, которая затем облегчает анализ нижележащего эдипового конфликта у невротического пациента, чьей преобладающей фиксацией был фаллический нарциссизм.

Происхождение понятия «put-down» («отторжение»)

Анализанд, взрослый мужчина, который крайне стесняется собственного тела и в буквальном смысле избегает прикосновение к другим людям, вспоминает в связи с недавними унижениями, как мать держала его в детстве на руках,

будучи одета в белую шелковую блузку. Когда он положил свою руку ей на грудь, она почувствовала неловкость и отстранилась от него. «Это отторжение должно быть первопричиной!» - восклицал он.
Хотя описанный инцидент должен был относиться к сравнительно недифференцированному периоду развития - одному или двум годам, пациенту казалось более вероятным, что это случилось в четырех-пятилетнем возрасте. Это стержневое переживание детства, отторжение со стороны матери, испытывающей чувство брезгливости, по всей вероятности, в связи с возбуждением из-за пениса мальчика и его маскулинности, определило его конфликт в фаллическо-эдипальной фазе и внесло вклад в развитие фиксации его фаллического нарциссизма.
Первоначальное «отторжение ребенка» (put-down) и последующее отстранение (pulling away) его матери от проявляемых им попыток контакта становятся парадигмой его дальнейших отношений с любовными объектами, которые состояли из бесконечного отвержения с их стороны. В обычной жизни даже потенциальное притяжение к любовному объекту неизбежно вступало в конфликт с его собственным властным внутренним импульсом, что это (а именно - быть отвергнутым) никогда не должно случиться с ним вновь. Парадоксальное последствие этого - он сам отвергал других.
Поскольку этот пациент вел себя как собственный идеализированный объект самости, отвергающий других, которые, по-видимому, являлись self-объектными идеализациями, катектированными нарциссическим либидо. Его способность к объектному дифференцированию самости, которая позволила бы катектирование других с объектом либидо, оказалась ограниченной, и это неизбежно стало основой преобладающего сопротивление в анализе.
В его ограниченных контактах с любовными объектами аффективным компонентом являлось чувство общего телесного дискомфорта и того, что он не достоин ничьей любви, что проецировалось на других и позволяло ему отрицать свою привлекательность. Это чувство собственной никчемности существенно ограничивало установление терапевтического альянса и не активизировало мотивационные факторы относительно дифференциации самости, необходимые для эффективного аналитического процесса.
Мотивационные факторы также серьезно осложнили его вовлечение в аналитический процесс. Он искал помощи не из-за своих характерологических ограничений, а скорее поддавшись влиянию идеализируемого родственника, которому персональный анализ принес значительную пользу (Замечание А.Эйсница [2] относительно нарциссических пациентов: «...необходимо повышение мотивации, т.е. пациент должен желать что-то самостоятельно. По крайней мере, до некоторой степени, лечение должно быть для "меня", а не для пациента, который функционирует исключительно как продолжение родителя или партнера или кого-либо еще». Тем не менее, поскольку уступчивость сама по себе является бессознательной формой «отзеркаливания» других, именно в ходе проработки и анализа нарциссического переноса с аналитиком пациент может прийти к пониманию того, что он это делает и как он это делает. А.Эйсниц отразил общую тенденцию ожидания от пациента большего, чем тот способен в данный момент претворить в жизнь). Он ожидал, что те затруднения, которые он открыто признавал, как, например, склонность откладывать решения, мешавшая его работе, и стыд за неудачи попыток жениться, который заставлял его задуматься о том, не является ли он бессознательно «гомосексуалом», разрешатся как по мановению волшебной палочки.

Анализ переноса слияния

Попытка этого пациента сохранить гармонию через слияние с идеализированным объектом самости дала форму для сопротивления переноса так же, как и для невроза переноса. Он был буквально счастлив, когда мог отвергнуть других, в том числе, аналитика. Все в аналитическом опыте - приход на сессии, свободные ассоциации и интерпретационная работа аналитика - переживалось им как угроза слиянию с аналитиком, идеализированным объектом самости.

Чрезвычайная чувствительность пациента к пренебрежению в свой адрес и неустойчивый терапевтический альянс, сохранявшийся, несмотря на преимущественно негативный перенос, предполагали, что он страдает по меньшей мере от нарциссической регрессии, если не от нарциссического расстройства личности - состояния, отличающегося, с одной стороны, от невроза переноса, и пограничного состояния, с другой [9]. Однако небольшая, но характерная разница в объектной дифференциации самости и некоторая степень наблюдаемых расщеплений Эго [14] позволили продолжить аналитическую работу. Вопреки длительному молчанию и невероятному сопротивлению свободным ассоциациям постепенно происходили успешные попытки вербализации мыслей, фантазий, сновидений и чувств; это подтверждало наличие нижележащего невроза переноса, почти полностью «замурованного» нарциссической защитой повышенной чувствительности и активного отвержения. В контексте этого невроза содержались активные кастрационные желания по отношению к отцу и реактивная кастрационная тревожность пациента (Л.Шварц делает акцент на отделении нарциссических личностей от пациентов с фаллическим и эдиповым неврозом и указывает, что вынося свои оценки, необходимо более тщательно взвешивать описания самими пациентами их психологического состояния. Пациент Л.Рангелла [10], на которого ссылается Л.Шварц, может быть лучше понят в системе взглядов Х.Кохута, которая позволяет избегать тупиковых ситуаций, когда пациенты с базовой проблемой самооценки рассматриваются в строго структурных понятиях или когда проблемы нарциссического характера беспомощно выкидывается в концептуальную мусорную корзину архаизмов).

Неизменная эмпатия со стороны аналитика компенсировала первоначальную ранимость пациента, и оптимальное нарциссическое равновесие, пусть и ненадежное, установилось и поддерживалось.

Один из наиболее надежных методов для содействия подобно рода альянсу - дать понять пациенту, что вы понимаете его нежелание изменяться и в особенности - его страх перед быстрыми изменениями. И в то же время - постепенно интерпретировать каждый маленький признак желания сохранить слияние, а не дифференциацию. Но делать это таким образом, чтобы минимизировать возможность того, что пациент почувствует осуждение или унижение. Акцент в интерпретациях - на «позволении» переживания нарциссического слияния, до того как будут сделаны попытки его анализа. Мы все знаем, насколько склонны пациенты в большинстве случаев воспринимать интерпретации как благожелательне маневры, организованные для изъятия чего-либо - в лучшем случае, кастрационных переживаний или аннигиляции самости - в худшем.

В конечном итоге, пациент понимает, что аналитик не форсирует преждевременно индивидуацию, так же как и не старается перекроить его согласно собственному образу. Скорее, аналитик способен выдержать использование себя пациентом в течение значительного периода времени, для каких бы фантастических целей этого не требовалось. Аналог в истории развития, который отражает терпение и выносливость, обычно требующиеся от поддерживающих родительских фигур при переходе от ползания к стоянию и

хождению, эффективен относительно изменений и предусматривает некоторую идентификацию с более объективной способностью аналитика к наблюдению. Распознание и интерпретативная конфронтация этих слияний обеспечивает то, что небольшая степень фрустрации, теперь связанная с возможностью непосредственного выражения и с тестированием реальности в аналитической ситуации (что часто не было возможно во время развития в детстве) оказывается тем, что облегчает интернализацию и построение структуры и, таким образом, возобновляет развитие с точки нарциссической фиксации.
В некотором смысле, необходимый интерпретативный подход напоминает «фасилитацию» А.Айхорна [1] и использование нарциссического переноса с делинквентными личностями. Таким же образом силовая конфронтация с нарциссическими чертами характера В.Райха [11] оказалась бы заведомо неудачной из-за преждевременности и отсутствия достаточной подготовки Эго.

Некоторые пришиты интерпретации нарциссизма
Хотя точные детали анализа переноса слияния в этой работе не описываются, необходимо упомянуть основные принципы интерпретации, которые включают в себя множество неспецифических факторов.
Молчание может быть проинтерпретировано как единение с аналитиком. Эмпатическая конфронтация относительно мыслей об аналитике и аналитической ситуации способствует уменьшению чувства стыда. Временами - всего лишь на короткие периоды, за которыми следует признание, что он ощущает себя в качестве продолжения меня, или, чаще, что я являюсь продолжением его, и это оказывается точным воспроизведением такого же ощущения в отношении его матери так давно, насколько он помнит (Энид Балинт в научной программе в ходе подготовки к Конгрессу Британского психоаналитического общества описывала подобные зеркальные переносы, отражающие грандиозную самость, как характеристику активно гомо-сексуальных нарциссических женщин). В ходе одного из подобных периодов исследования стало ясно, что тяжелая фобия его детства, включающая в себя панику, пережитую когда он в возрасте пяти лет потерялся во время похода с матерью по магазинам, имела в своем основании угрозу слияния с матерью, что повторялось сейчас в анализе по отношению к аналитику. Эта угроза легла в основу любых межличностных социальных взаимодействий, и, таким образом, ограничила его нормальное общение с теми, кто находил такое слияние не-выносимым.
Проговаривание само по себе означало признание нашей раздельности. А именно, в то время, когда не говорил он, говорил я. Он не стремился к спонтанности в речи, и это создавало впечатление скуки. Большинство его взаимодействий с людьми происходили в виде любезной болтовни, призванной замаскировать его сопротивление сепарации.
Аналитику важно проявлять терпимое отношение, т.е. избегать контрпереноса при наличии фантазий о «величии» со стороны относительно неопытных, и, как правило, не слишком одаренных людей с невысоким уровнем образования.
Необходимо выработать оптимальную позицию относительно фаллической гордости пациента. Следует избегать чрезмерного подчеркивания или слишком прямого фокусирования на отщепленное, но интенсивное фаллическое соперничество. С другой стороны, подкрепление фаллической гордости иногда необходимо и может быть осуществлено путем эпизодического регулярного признания атлетического совершенства и талантов, если они имеются в наличии.
Аналитику необходимо избегать неподобающей, т.е. ранней или интенсивной, фокусировки на проблемах с женщинами у мужчин. Иногда даже минимальное внимание в этой области может установить параллель с настояниями матери по

поводу брака, которые вызывали ужас и были смягчены посредством фрагментации, что в случае моего пациента проявлялось как резкие перепады настроения, а именно приступы нарциссического гнева.
Проявление обеспокоенности собственной «гомосексуальностью» может быть объяснено в понятиях естественного человеческого развития и как защита против сепарации.
Аналитик постоянно подчеркивает значение вербальной коммуникации, которая в случае этого отдельного пациента либо наталкивалась на препятствия, либо была наказуема в повседневной жизни его семьи. Возможность для вторичного процесса переработки опыта первичного процесса является адаптивно полезной и необходимой.
Постоянное подчеркивание аналитиком важности «поиска правды» может иметь значительное влияние, особенно для таких пациентов, как этот, в семье которого поддерживались делинквентные паттерны и манипулятивное использование других людей в собственных эгоистических интересах.

Возникновение эдиповых конфликтов характера

Вскоре после анализа нарциссических составляющих ставшего парадигмой «отторжения» («put-down») моего пациента два сновидения, в которых проявлялась враждебность к отцу, позволили пациенту на сознательном уровне впервые на его памяти действительно ощутить враждебность к своему отцу. Так как это нанесло удар его фаллической нарциссической гордости, еще большее количество эдиповых конфликтов характера было пережито заново, и он смог связать ощущение по поводу своего собственного «неполноценного пениса» с завистливым разглядыванием отцовского, гораздо большего по размеру.
Конечно, его фаллическим сравнениям и соответствующим воспоминаниям из детства предшествовал анализ в переносе зависти к способности аналитика угрожать его попыткам слияния посредством осознания и вербализации.
В ходе этого анализа оказалось чрезвычайно эффективным актуальное воспроизведение эдиповых конфликтов в ходе наших реконструкций. В аналогичном случае фаллических нарциссических защит у женщины, анализ слияния в переносе был также необходим до того, как эдипов конфликт мог быть катектирован и заново воспроизведен в форме эдипального невроза переноса (Следы нарциссической фиксации будут, разумеется, проявляться в ходе любого анализа, даже в его финальной стадии. К примеру, последний сон заканчивающего анализ пациента-мужчины, касающийся благодарности за оказанную помощь, приравнивал аналитика к эдиповой матери, которая гордилась фалличностью своего мальчика, однако содержание сна обнаружило желание орального союза, для которого фаллическая гордость являлась угрозой).
Так в случае моего пациента анализ нарциссического унижения из-за отторжения («put-down») со стороны матери позволил раскрыть другие, более развитые нарциссические конфликты, связанные с отцом, что способствовало быстрому анализу. В этом случае - эдипового соперничества с отцом и регрессивной гомосексуальной защиты, которая была представлена как исходный симптом.
Поскольку чувство отторжения («put-down») является до некоторой степени сверхобусловленным и содержит элементы разочарования размером его пениса в контексте эдипового соперничества как такового, только анализ преждевременного разочарования в поддержании идеализированного слияния со стороны матери позволил проявиться полному раскрытию более структурированного эдипова комплекса.

Анализ переноса слияния открыл невротическую структуру пациента, неприятные черты характера и упорное сопротивление которого, казалось, указывали на то, что он страдает от нарциссического расстройства личности как такового.
Решающим доказательством того, что это не так, было отсутствие эпизодов временных (и обратимых) фрагментарных колебаний, которые были патогномоничными для переноса в случае нарциссических расстройств личности (Х.Кохут, личное сообщение).

«Неоптималъная» фрустрация в раннем развитии как источник идеализированного переноса

Что могло случиться в детстве этих пациентов, что вновь и вновь воспроизводит себя в отношении к потенциальным любовным объектам, и сейчас становится паттерном переноса в анализе? Мягкое отталкивание («put-down»), сопровождаемое сигналом матери о том, что она все еще воспринимает близость ребенка, было бы оптимальной фрустрацией, так как привело бы к малой степени разочарования, что дает возможность интернализации и формирования структуры. В противном случае, описываемый способ резкого, грубого и даже холодного отторжения заставляет Эго удерживать в себе большое количество ярости для того, чтобы защитить слияние с идеализированным объектом самости. В то же время, такая ярость препятствует близости с другими в настоящем.
Во взрослой жизни то, что семья подталкивает этого пациента к браку, когда он даже еще не выбрал подходящий объект, воспроизводит опыт отторжения «неэмпатичным» объектом в детстве. Таким же образом, преждевременные интерпретации или недостаточная эмпатия со стороны аналитика переживались как принуждение, не соответствующее фазе развития, и ответом на них являлись ярость или производные ярости, например, гробовое молчание.
Демонстрация в анализе упорных поисков правды и неманипулятивной позиции аналитика облегчила ослабление нарциссических позиций слияния, которые существовали в различных видах социальных отношений. В частности, стал возникать вопрос прерывания учебы пациента, что на протяжении многих лет являлось расстраивающей родителей загадкой и порицалось как «лень». В контексте анализа это стало рассматриваться как вызов скрывающим правду родителям в их обыденной коммуникации с сыном.

Полет и падение: нарциссические варианты

З.Фрейд [4] и П.Федерн [3] определяли сновидения о полетах как отражение фаллического возбуждения. З.Фрейд приписывал «источник типичных сновидений о полетах ощущениям малыша от года до трех, которого взрослый, играя, подбрасывает и ловит в свои надежные руки». Тем не менее, З.Фрейд поостерегся делать однозначные выводы относительно сновидений о полетах; он был бы рад заполнить пробел с помощью тщательного анализа конкретных примеров, но у него не было собственных сновидений о полетах для анализа.
В конечном счете, анализ нарциссизма и его трансформаций позволил Х.Кохуту [7; 9] определить фантазии о полете и падении как идеаторную функцию грандиозно-эксгибиционистской самости Такие фантазии о грандиозности могут «способствовать здоровью или болезни, успеху индивидуума или его падению, что зависит от степени его реинстинктуализации и уровня его интеграции в реалистичные стремления Эго» (М.Толпин [15], любопытным образом используя концепцию грандиозной самости ребенка и анализируя творчество Х.Кохута, описывает несколько благоприятных превратностей в ходе развития

фантазии грандиозности). Согласно Х.Кохуту, «фантазия о полетах часто оказывается признаком немодифицированной инфантильной грандиозности. Ее ранние стадии являются общими для обоих полов, и, вероятно, подкрепляются экстатическим чувством в то время, когда маленького ребенка носит на руках всесильный идеализированный объект самости» [9, с. 144].
Мы также читаем, что «фантазии о полетах проигрываются ребенком для того, чтобы убедить себя в собственном физическом существовании в отсутствии всемогущего объекта самости» [9, с. 99].
Уверенность моего пациента в том, что он потерял расположение матери из-за своего фаллического возбуждения, возможно, даже эрекции и некоторых осознаваемых сексуальных фантазий относительно нее, без сомнения, свидетельствует о фиксации на фаллической грандиозности. Его собственная гордость, так же как и терапевтическое стремление аналитика максимально задействовать возможности, привели к преждевременным интерпретациям фазы эдиповых конфликтов, сопровождающихся кастрационной тревожностью, которые стали по-настоящему эффективными только позднее, когда перенос нациссического слияния и сопутствующие разочарования и унижения были озвучены и интерпретированы. Его центральный опыт переноса не включал угрозы временной фрагментации самости при отторжении, как это происходит при истинных нарциссических расстройствах личности. Для него отторжение («put-down») скорее реактивировало истинную эдипову фрустрацию, а не то, что обычно ощущают нарцисси-ческие личности, т.е. особенно мучительный или легко возникающий в воспоминаниях символ более глубокого или длительного отторжения.
Страх пациентов быть униженными новыми любовными объектами, т.е. того, что отторжение («put-down») произойдет снова, оказывается акрофобическим вариантом, который реактивируется в ситуации переноса. Фактически, ошибочная или несвоевременная интерпретация действует как повторение нарушений безопасного слияния с идеализированными объектами самости, как это описывает Х.Кохут. Такая же акрофобия возникала в начале анализа в виде страха регрессии, связанного с обнаружением его инфантильных фантазий эксгибиционистского величия, которые Х.Кохут также описывал.
Точно так же, как пациент функционировал в качестве части защит своей матери, он хотел функционировать в качестве части защит аналитика. Однако последовательный анализ не-интегрированных аспектов его грандиозной самости с помощью оптимальной эмпатии со стороны аналитика облегчил разрешение эдипова невроза и лежащей в его основе нарциссической фиксации. В то же время, фантазия о грандиозности преобразовалась в ходе ее реактивации в переносе и была постепенно интегрирована в структуру самости. Те нарциссические катексисы, которые питали немодифицированные фантазии о полетах, были, в конце концов, встроены во взрослую структуру личности, что привело к большей удовлетворенности своим телом, гибкости аффектов и в значительной степени - активации его фантазийной жизни и креативности интеллекта.

Резюме

Воспоминания об унижении тем или иным образом связаны с инфантильными грандиозными фантазиями о полетах, которые отражают неинтегрированные аспекты нарциссического развития пациента. Анализ лежащих в основе этого неудач объектного дифференцирования самости через реактивацию грандиозных фантазий в переносе позволяет преобразовать эти фантазии и интегрировать их в структуру самости, облегчая, таким образом, более полное

разрешение конфликтов фаллической и эдиповой стадии.

Литература:

Aichhorn A. Delinquency and Child Guidance. New York: Int. Univ. Press, 1964.
Eisnitz A. On the metapsychology of narcissistic pathology// Journal of the American Psychoanalytic Association. 1974. Vol.22. P.279-291.
Federn P. On dreams of flying (1914)// R.Fliess (ed.) The Psychoanalytic Reader. London: Hogarth Press, 1950.
Freud S. The interpretation of dreams (1900)// The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud. Vol. 4-5. London: The Hogarth press; The institute of psycho-analysis, 1957.
Goldberg A. On the prognosis and treatment of narcissism// Journal of the American Psychoanalytic Association. 1974. Vol.22. P.243-254.
Kernberg O. (1974). Contrasting viewpoints regarding the nature and psychoanalytic treatment of narcissistic personalities: a preliminary communication// Journal of the American Psychoanalytic Association. 1954. Vol.2. P.255-267.
Kohut H. Forms' and transformations of narcissism// Journal of the American Psychoanalytic Association. 1966. Vol.14. P.243-272.
Kohut H. The psychoanalytic treatment of narcissistic personality disorders: outline of a systematic approach// Psychoanalytic Study of the Child. 1968. Vol.23. P.86-113. Kohut H. The Analysis of the Self. New York: Int. Univ. Press, 1971.
Rangell L. The psychology of poise// The international journal of psycho-analysis. 1954. Vol.35. P.313-332.
Reich W. Character Analysis. (1933). New York: Orgone Institute Press, 1949.
Schwartz L. Narcissistic personality disorders - a clinical discussion// Journal of the American Psychoanalytic Association. 1974. Vol.22. P.292-306.
Spruiell V. Theories of the treatment of narcissistic personalities// Journal of the American Psychoanalytic Association. 1974. Vol.22. P.268-
278.
Sterba R. The fate of the ego in analytic therapy// The international journal of psycho-analysis. 1934. Vol.15. P.117-126.
Tolpin M. The Daedalus experience: a developmental vicissitude of the grandiose fantasy (1973)// Annual of Psychoanalysis 1974. Vol. 2. P.213-228.
Wanoh M. Concluding remarks on technique and prognosis in the treatment of narcissism// Journal of the American Psychoanalytic Association. 1974. Vol.22. P. 307-309.
Wylie Jr. H. Threads in the fabric of a narcissistic disorder// Journal of the American Psychoanalytic Association. 1974. Vol.22. P.310-328.

Кернберг О.Ф.

ПАТОЛОГИЧЕСКИЙ НАРЦИССИЗМ И НАРЦИССИЧЕСКОЕ НАРУШЕНИЕ ЛИЧНОСТИ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА И ДИАГНОСТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

Kernberg O.F. Pathological narcissism and narcissistic personality disorder. Theoretical Background and Diagnostic Classification// Disorders narcissism: diagnostic, clinical and empirical implications/ ed. E.Ronningstam. New York: International Universities Press, 1998. P. 29-52.

Разъяснение понятия нарциссизма затруднено двумя параллельными и дополняющими способами формирования этого термина. Первый способ - психоаналитическая теория психологии (т.е. структурных, динамических, экономических, адаптивных и генетических принципов умственного функционирования) определяет нарциссизм как либидное выражение себя. В Эго-психологии самость является одной из структур системы Эго, отражающей взаимодействие всех составляющих компонентов представлений о себе, которые развиваются посредством опыта и взаимодействий с другими людьми (объектами на метафизическом языке).
Проникновение либидо в подобные объекты и их психические проявления (объектные репрезентации) составляет объектное либидо. Объектное либидо - это динамичные отношения с нарциссическим либидо, помещенным в самость.
Ко второму способу определения нарциссизма относится клинический, имеющий дело с клиническим синдромом, характеризующим пациентов с искажением регуляции самооценки. Самооценка и отношение к себе обычно колеблются в зависимости от того, удовлетворяют или расстраивают нас отношения с окружающими, а также в зависимости от наших целей, ожиданий и достижений. Помимо этих общих наблюдений, клинические опыты указывают, что существуют сложные отношения между самооценкой с одной стороны, и доминирующими аффектами настроения, в диапазоне которых существуют различные представления о себе, воплощенные или разобщенные, а также пластичность внутренних объектных отношений (взаимные отношения между представлениями о себе и об объекте).
Как соотносятся психологическое и клиническое формирование понятия нарциссизма? Почему речь идет о двух способах? Первое, наиболее сложное, определение обеспечивает нас моделью бессознательного функционирования психики, объясняющей клинический феномен, который мы наблюдаем.
Теоретико-психологический анализ полагает, что регуляция самооценки зависит, помимо других факторов, от давления, которое Супер-Эго оказывает на самость: чем более требовательно Супер-Эго (чем избыточнее инфантильные принципы поведения бессознательного, требующего совершенства и запреты), тем ниже самооценка. На самом низком уровне такое занижение самооценки отражает преобладание агрессии, направленной на себя (сопротивление Супер-Эго), над концентрацией энергии либидо на себе.
Снижение самооценки может быть связано с нехваткой удовлетворения инстинктивных потребностей как либидинозного, так и агрессивного происхождения (выражаемой в сексуальных, агрессивных или зависимых стремлениях). Другими словами, защиты бессознательной самости, подавляющие осознание и выражение инстинктивных потребностей, лишают самость (личность) доставляющего радость опыта и, таким образом, истощают либидинальные проявления Эго и уменьшают самооценку.
Вдобавок, поглощение любовно наделенного объекта формой любовно наделенного представления усиливает любовное наделение себя - присутствием в нашем рассудке образов тех, кого мы любим и тех, кто нас любит, усиливает нашу любовь к себе. Как поется во французской песенке Жоржа Брассена: «Друзья мои в лесу моего сердца». И наоборот, когда чрезмерные агрессивные конфликты ослабляют наши любовные проекции других, а следовательно, их соотносимые образные представления, страдает также либидное проявление себя и любви к себе.

История

Термин нарциссизм в психиатрическом значении впервые использованный Х.Эллисом [10] и для описания сексуального извращения П.Некке [42], вошел в психоаналитический лексикон посредством работы И.Садгера [56]. Кратко упомянув нарциссизм в различных работах, З.Фрейд опубликовал в 1914 один из своих крупнейших вкладов в психоаналитическую теорию. В своей работе «О нарциссизме» З.Фрейд [11] описал нарциссизм как 1) форму сексуального извращения, так же, как характеристику всех извращений; 2) стадию развития либидо; 3) одну из характеристик шизофрении (благодаря удалению либидо от внешнего мира); 4) ссылаясь на вид объектного выбора, где объект отбирается на основании того, чем субъект являлся, является или хотел бы являться. Такое разнообразное применение слова облегчило значительные психоаналитические открытия, но также стало причиной существенной путаницы с определением нарциссизма. Однако постепенно нарциссизм как понятие психоаналитической теории выделился из клинического использования термина. Как упоминалось ранее, последний стал употребляться для обозначения нормального и патологического регулирования самооценки. Описания нарциссического расстройства личности (НРЛ) постепенно выделились из второго контекста, диагностическая категория появилась из наблюдения совокупности сопротивлений в психоаналитическом лечении некоторых пациентов - совокупности сопротивлений, соотносимых с определенным типом патологии характера, проявляемых в реальной жизни пациентов.
Э.Джонс [22] написал первое определение черт патологического нарциссического характера. К.Абрахам [1] первым описал переносное сопротивление пациентов с подобными чертами характера; он указал на необходимость постоянной интерпретации склонности этих пациентов снисходить к аналитику и использовать его в качестве аудитории для их «независимой» аналитической работы, а также он привлек внимание к связи между нарциссизмом и завистью. Дж.Ривьер [50] заметил, что нарциссические сопротивления были важным источником негативных терапевтических реакций; такие пациенты не выносили саму идею улучшения, потому что улучшение означало бы признание получения посторонней помощи. Дж.Ривьер предположил, что подобные пациенты не могут принять ничего хорошего от аналитика из-за непереносимой вины перед своей глубинной агрессией.
Развивая идеи книги М.Кляйн [32] «О зависти и благодарности», Г.Розенфельд [52; 53; 54; 55] представил первое детальное описание психоструктурных характеристик нарциссических личностей и их переносного развития в ходе психоанализа.
Значительный вклад в понимание классификации явления и психопатологии нарциссической личности внесли А.Райх [47], Э.Якобсон [18; 19; 20; 21], Г. ван дер Валь [61] и Г.Тартакофф [60]. На основе формулировок Якобсона, а также в попытке объединить британский и американский вклад в диагностику и лечение нарциссической личности в рамках Эго-психологического формата, О.Ф.Кернберг [24; 25; 26; 27; 28] предложил альтернативную теоретическую и клиническую систему классификации. В то же время Х.Кохут [33; 34; 35; 36; 37] предложил совершенно иные теоретические рамки, клинические объяснения и терапевтические процедуры НРЛ.
Увеличение количества работ по теории нарциссизма в Великобритании и Соединенных Штатах нашло отклик в работах Б.Грюнберже [14]. Б.Грюнберже, чьи работы были впервые опубликованы во Франции в 1950-х - 60-х, сосредоточился на более широких аспектах нарциссизма, наблюдаемого в ходе психоаналитического лечения широкого ряда

психопатологий.
С.Э.Пулвер [46] внес ясность в это пугающее разнообразие концепций нарциссизма. Наиболее свежие работы по изучению нарциссической личности и психоаналитическому лечению подобных пациентов были написаны А.Моделлом [41], В.Волханом [62; 63] и С.Бахом [5; 6]. С.Ахтар и А.Томсон [3] провели более полный анализ НРЛ и связи этого нарушения с ББМ -III. Труд по НРЛ, выпущенный О.Ф.Кернбергом [30], включает обновленные описания НРЛ С.Ахтара [3], А.М.Купера [9], М.Горовица [17], Е.Роннингстама и Дж.Гундерстона [51], а также исследование о взаимоотношениях между НРЛ и антиобщественным нарушением личности П.Ф.Кернберга [30] М.Стоуна [58], Т.Макглашана и Р.Хайнсена, [40] и В.Берстена [7]. В той же работе Е.Плакун [45], М.Стоун [58; 59] и Д.Ринзли [49] опубликовали клинические наблюдения и практическое исследование по этиологии и дифференцированной диагностике с последующим изучением пациентов с НРЛ. Разнообразные психоаналитические подходы к лечению таких пациентов были собраны Ж.Шассге-Смиржель [8] и О.Ф.Кернбергом [23], А.Голдбергом [13] и Р.Стейнером [57].
Дальнейшие разработки по психопатологии и лечению патологического нарциссизма представлены в книге Е.Плакуна [45].
Одной существенной темой является то, что З.Фрейд, при всех его практических целях, не затрагивает нарциссизм как патологию характера. Он ссылается лишь на один тип патологии характера, связанной с нарциссизмом, а именно, нарциссический выбор объекта среди своих мужчин пациентов. Эти пациенты выбирают других мужчин, обозначающих их самих, идентифицируясь с собственной матерью, и любят этого мужчину так, как хотели бы быть любимы ею.
О.Ф.Кернберг предложил классифицировать нарциссизм, в зависимости от серьезности изменения, от нормы до патологии. Он выделил четыре основные категории [29, с. 192-196].
Нормальный взрослый нарциссизм характеризуется нормальной регуляцией самооценки. Он зависит от нормальной структуры самости, связанной с частично или полностью поглощенным представлением об объекте, интегрированным, сильно индивидуализированным и абстрагированным Супер-Эго, а также от вознаграждения инстинктивных потребностей в контексте стабильных контекстных отношений и систем ценностей.
Нормальный детский нарциссизм является важным, потому что фиксация или регрессия к детским нарциссическим целям (детские механизмы регуляции самооценки) является важной характеристикой всех патологий характера. Нормальный детский нарциссизм состоит из регуляции системы самооценки теми типами удовлетворения, которые соответствуют возрасту, включающими нормальную детскую систему ценностей, требования или запреты.
Патологический нарциссизм описывается трех типов: 1)регрессия к детской системе регуляции самооценки, отражающая самый мягкий тип нарциссической патологии характера. Она включает в себя именно фиксацию или регрессию к этому уровню нормального детского нарциссизма. Этот тип представлен частыми случаями нарушений личности и характера, в которых регуляция самооценки сильно зависит от выражения или защиты от детских типов удовлетворения, обычно не нужных во взрослом состоянии. В этом случае проблема заключается в том, что Эго-идеал контролируется детскими ожиданиями, ценностями и запретами. Можно сказать, что З.Фрейд [12], описывая невротическое снижение самооценки, связанное с чрезмерным подавлением сексуального стремления, косвенно описывал то, что позже будет обозначено как структурная характеристика психо-невроза или невротическая патология характера. Это частое и - в свете современных знаний о более серьезных патологиях нарциссизма - относительно мягкое нарушение обычно разрешается в ходе обычного психоаналитического решения.
2)Второй, более серьезный, но относительно редкий тип патологического нарциссизма - тот, который З.Фрейд описал как иллюстрацию нарциссического выбора объекта. В этом случае, самость пациента идентифицируется с объектом, в то время как репрезентация детской самости пациента проецируется на объект, создавая любовную связь, в которой функции самости и объекта меняются местами. Это состояние действительно встречается среди людей, которые любят так, как хотели бы быть любимы сами.
3)Третьим, наиболее серьезным типом патологического нарциссизма является нарциссическое нарушение личности, один из наиболее сложных синдромов в современной психиатрии. Благодаря интенсивному изучению этой психопатологии и применению психоаналитических техник, оптимально направленных на ее исцеление, она стала одной из стандартных показаний к психоаналитическому лечению. Эта патология также является частым показанием, в своей серьезной форме, к психоаналитической психотерапии.

Клинические характеристики нарциссического нарушения личности

Существенными патологическими чертами НРЛ считаются:
1) патологическая любовь к себе,
2) патологическая любовь к объекту и
3) патологическое Супер-Эго.
Патологическая любовь к себе выражается в чрезмерном упоминании себя и защищенности на себе. Такие пациенты также проявляют раздутость самости, отраженную в эксгибиционистских тенденциях, чувство превосходства, дерзость, несоответствие между амбициями и тем, что они реально могут достичь. Раздутость самости может выражаться в инфантильных ценностях - физической привлекательности, силе, богатстве, одежде, манерах и т.п. Интеллектуально развитые личности могут использовать свой ум как основу интеллектуальной претенциозности.
Дальнейшие проявления любви к себе включают глубокую зависимость от восхищения, не сопровождаемую чувством удовлетворения. Восхищение воспринимается как должное, а не как заслуженное. Такие пациенты эмоционально неглубоки, особенно в отношениях с другими людьми. Чувство величия чередуется с неуверенностью и незащищенностью, создавая впечатление, что эти пациенты чувствуют себя либо великими, либо ничтожными. Больше всего они боятся стать «средними» или «посредственными». Из всех показателей, раздутость самости лучше всего характеризует любовь к себе.
Патологическая объектная любовь проявляется в чрезмерной — подчас подавляющей - зависти, как осознанной, так и неосознанной (последняя отражается в сознательных попытках избегать или отрицать ее существование). Такие пациенты используют обесценивание, сознательно или бессознательно, в попытке защитить себя от мощного чувства зависти. Сознательно оно проявляется в отсутствии интереса к другим, их работе и деятельности, или в различной степени презрении. Бессознательно оно проявляется как манера «порчи», состоящий из присваивания того, что идет от других и одновременного обесценивания того, что было привнесено. Еще один способ, которым пациенты защищаются от зависти - это эксплуататорство. Чрезмерная жадность выражается в желании «украсть» или присвоить то, что есть у других. При этом присутствует чувство обоснованности своих действий.
Еще одним проявлением патологической объектной любви является неспособность получать помощь от других. Временная идеализация других быстро сменяется обесцениванием, пациенты бессознательно относятся к окружающим как к идолам, а затем как к врагам и глупцам. Как можно ожидать, такие пациенты неспособны на эмпатию или существенную привязанность к другим.
Патологическое Супер-Эго менее существенно при постановке диагноза, но чрезвычайно важно для прогноза психотерапевтического лечения. Подобные модели характера и аффективные нарушения включают неспособность испытывать различные формы угнетенности (такие как грусть, угрызения совести, исследования себя) или присутствие

серьезных колебаний настроения, часто вызванных неспособностью преуспеть в грандиозности своих попыток или получить восхищение от других, или последующая критика, оттеняющая грандиозность. Самооценка регулируется стыдом, а не виной. Пациенты проявляют мало интереса к этическим, эстетическим или интеллектуальным ценностям, у них детские ценности, направленные на защиту самооценки и гордости. Их неуемная зависимость от внешнего восхищения косвенно отражает функционирование их незрелого Супер-Эго. Некоторые пациенты нарциссического типа с особенно серьезной патологией Супер-Эго проявляют синдром, который автор называет «злокачественным нарциссизмом», описываемым ниже в разделе «Определение нарциссического нарушения личности и антисоциальное нарушение личности».

Основным личностным состоянием НРЛ обычно является ощущение опустошенности или одиночества. Такие пациенты обычно неспособны учиться у других, испытывают напряженный стимулирующий голод и чувствуют, что жизнь бессмысленна. Им свойственна скука, когда их потребность в восхищении и успехе не удовлетворяется.

Личности нарциссического типа функционируют в диапазоне колебаний своей патологии, варьирующейся от почти «нормальной» личности до пограничной патологии характера (четко пограничное функционирование). Для этих пограничных пациентов следует принимать во внимание развернутый диагноз психотических заболеваний.

Пациенты, функционирующие на самом высоком уровне диапазона (т.е. с наименьшей степенью патологии), не обладают невротическими симптомами и очевидно приспосабливаются к реальности социума. Они мало сознают эмоциональную недостачу, за исключением хронического чувства пустоты или скуки и неуемной потребности в одобрении и успехе. Они также отличаются удивительной неспособностью к эмпатии и эмоциональному вложению в других людей. Мало кто из них обращается за помощью, но в дальнейшем у них обычно нарастают осложнения их нарциссической патологии, что приводит к лечению.

Средний уровень тяжести НРЛ представляет типичные, уже описанные симптомы.

На крайнем уровне диапазона (т.е. в наиболее тяжелой патологии) находятся пациенты, которые несмотря на защитные функции, обеспечиваемые патологической раздутостью самости в социальном взаимодействии, проявляют четко пограничные характеристики. А именно: недостачу контроля импульса, плохую переносимость тревоги, серьезное нарушение сублимативных способностей и склонность к взрывным реакциям и хронической ярости или серьезные параноидальные искажения.

Этиология нарциссического нарушения личности

Клиническое описание НРЛ в основном происходит из наблюдения пациентов в ходе психоаналитического или психоаналитически-ориентированного психотерапевтического лечения. Теории, предложенные Г.Розенфельдом [52; 53; 54; 55], Х.Кохутом [33; 35; 36; 37] и О.Ф.Кернбергом [24; 27; 28; 29] сходятся в упоминании существенной психодинамической этиологии этих нарушений и фокусируются на патологии регуляции самооценки как ключевого патогенного фактора.

Все три подхода также сходятся в предположении присутствия аномальной структуры самости, и, вследствие своих различных формулировок психодинамики, они предлагают существенно различающиеся психотерапевтические техники на основе психоаналитической терминологии.

Г.Розенфельд [55], психоаналитик-кляйнианец, предположил, что пациенты нарциссического типа идентифицируют себя со всемогущеинтроецированным, всеблагим, примитивным «частичным объектом», таким образом отрицая любое различие между собой и объектом. Подобная идентификация позволяет пациенту отрицание любой потребности в подчинении изначально хорошему внешнему объекту. Подчинение подразумевает потребность в объекте настолько любимом, насколько он ненавидим. При этом ненависть исходит из крайней зависти. Вслед за М.Кляйн, Г.Розенфельд полагает, что зависть является примитивным внутрипсихическим выражением инстинкта смерти, самым ранним проявлением агрессии в отношении объекта связи. Нарциссический объект связи позволяет субъекту избежать агрессивных чувств, вызванных фрустрацией, также любого осознания зависти. Г.Розенфельд [52] также описывал осложнение, возникающее в таких структурах личности, когда их самоидеализация подвергается воздействию идеализации агрессивной части себя. Проникновение патологически окрашенной «больной» части самости с примитивной агрессией приводит к жестокой самодеструктивности. В крайне тяжелых случаях подобные пациенты чувствуют себя уверенно и триумфально, если они уничтожили кого-то и особенно если расстроили усилия кого-то, кто любит их.

Г.Розенфельд [53] полагает, что эта потребность отвечает за самые сложные формы негативной терапевтической реакции. Патологически раздутая самость таких пациентов отражает более примитивное и неподатливое сопротивление лечению, чем бессознательное чувство вины, произрастающее из садистического Супер-Эго, типичного для более мягких форм негативной реакции на терапию.

Х.Кохут [33; 35] утверждал, что существует группа пациентов с психопатологией, находящейся между психозами и пограничными состояниями, с одной стороны, и психозами с более мягкими нарушениями характера, с другой. Группу НРЛ, которую он считал анализируемой, можно определить прежде всего по проявлениям переноса, а не по клинически-описываемым критериям. Х.Кохут диагностировал НРЛ в рамках психоаналитической ситуации, признавая развитие двух типов переноса: идеализацию и отражение.

Х.Кохут предположил, что эти два общих типа переноса представляют собой активизацию в психоаналитической ситуации на замороженной стадии развития - архаично величественную самость. Хрупкость этой архаичной самости требует эмпатичной матери как объекта самости, чья любовь, проявления и отражающее принятие младенца позволят развитию этой архаичной самости приобрести более зрелые формы самооценки и уверенности в себе. В то же время оптимальные эмпатические отношения с отражающим объектом самости облегчают развитие идеализации объекта себя, которая означает изначальную идеализацию этой величественной самости, теперь практически сохраненного в отношениях с таким идеализированным объектом самости. Эта идеализация в конце концов достигает кульминации в том, что Х.Кохут называет «преобразующим поглощением» идеализированного объекта самости внутрипсихической структурой, берущей свое начало в Эго-идеале и наделяющей идеализированными качествами Супер-Эго, таким образом сохраняющей только что потащенную регуляцию самооценки.

По Х.Кохуту, нарциссическая психопатология происходит из травматического недостатка эмпатической функции матери и от недостатка нерушимого развития процессов идеализации. Эти травматические нарушения приводят к задержке развития, фиксации на уровне архаичной детской величественной самости и бесконечному поиску идеализированного объекта себя, необходимого для завершения формирования структуры.

Вкратце, с точки зрения Х.Кохута, нарциссическая психопатология отражает психопатологию той стадии развития, которая начинается в сращении архаичной грандиозной самости и завершается преобразующим поглощением Эго-идеала. На этой стадии формируется то, что Х.Кохут называл «биполярной самостью». Он полагает, что на одном полюсе сосредоточен объем коренного величия самости, объединяющее основные амбиции раннего детства, а другой полюс, на котором сосредоточены цели идеализированной самости, появляется несколько позже. Эти два полюса личности происходят, соответственно, из отражающего принятия матери (что подтверждает величие ядра) и ее объятий и заботы (позволяющие переживанию слиться с идеализированным всемогуществом объекта самости). Коренные желания и идеалы связаны посреднической частью основных талантов и навыков.

Х.Кохут считал эти составные структуры биполярной самости отражающими как происхождение, так и развитие нарциссической психопатологии по контрасту со стремлениями и психопатологией, рожденной из конфликта и

трехкомпонентной структуры психики, характеризующей более поздний Эдипов период. По Х.Кохуту, этиологи НРЛ таится в заторможенной стадии развития нормальной самости.
О.Ф.Кернберг [24; 27; 29] предположил, что специфические черты характера пациентов с НРЛ отражают патологический нарциссизм . который отличается от обычного взрослого нарциссизма и фиксации или регрессии до обыкновенного детского нарциссизма. По контрасту с последним, патологический нарциссизм отражает любовное помещение не в нормальную интегрированную структуру самости, а в патологическую самость. Патологически раздутая самость, согласно О.Ф.Кернбергу, содержит реальные представления о себе, идеальные представления о себе и идеальные представления об объекте. Обесцененная или агрессивно определенная самость и представления об объекте распадаются или диссоциируются, подавляются или проецируются. Психоаналитическое разрешение раздутой самости как части систематического анализа сопротивлений нарциссического характера выводит на поверхность примитивные отношения с объектом, конфликты и защитные операции, типичные для стадий развития, предшествующие постоянству объекта. Эти переносы, однако, всегда тесно связаны с конфликтами Эдипова периода, поэтому они удивительным образом напоминают пациентов с пограничной организацией личности.
Психическое развитие НРЛ не происходит гладко на ранних стадиях, описанных Э..Якобсоном [21], и М.Малер и М.Пурером [39]. М.Малер и др. [38]. Их описание ранних стадий инфантильного симбиоза, сепарации-индивидуализации и постоянства объекта поддерживает теоретическую модель О.Ф.Кернберга. Он полагает, что где-то в возрасте между 3 и 5 годами, нарциссическая личность вместо того, чтобы интегрировать позитивные и негативные воплощения самости и объектов, «на пути к постоянству объекта» [38], объединяет все позитивные представления как о себе, так и об объекте. Это приводит к чрезвычайно нереалистичному и идеализированному патологически раздутой самости. Поощряют развитие патологически раздутой самости холодные и отвергающие, но восхищающиеся родители. Нарциссические личности обесценивают реальные объекты, присваивая себе те черты, которые им нравятся. Они диссоциируются с собой и проецируют на других все негативные аспекты себя и других.
Идеальные представления о себе и об объекте, которые обычно становятся частью Супер-Эго, становятся частью патологически раздутой самости. Это приводит к тому, что Супер-Эго содержит только агрессивно заряженные компоненты (ранние запрещающие и угрожающие аспекты родительского образа, искаженные под воздействием проекций собственных агрессивных импульсов ребенка). Это жесткое Супер-Эго также диссоциируется и проецируется, что приводит к дальнейшему развитию «преследующего» внешнего объекта и к потере нормального функционирования Супер-Эго в отношении регуляции самооценки, наблюдения и одобрения.
Обесценивание других, опустошение внутреннего мира объекта является основной причиной нарциссической нехватки самооценки, определяемой неспособностью сопереживать другим. Чувство внутреннего вакуума может компенсироваться только бесконечным восхищением и попытками контролировать других, чтобы избежать зависти к способности других жить независимо, наслаждаться жизнью и творить.

Дифференциация нарциссического и антисоциального расстройств личности

Ниже приводится классификация расстройств личности в соответствии с их тяжестью, при которых антисоциальные черты занимают важное место. У всех пациентов, демонстрирующих антисоциальное поведение, полезно вначале проверить наличие диагноза антисоциальной личности как таковой. По этой причине я систематически исследую потенциальную представленность антисоциального поведения у всех пациентов с нарциссическим расстройством личности.
Антисоциальное расстройство личности
Такие пациенты обычно проявляют нарциссическое расстройство личности. Типичными симптомами нарциссической личности в области патологической любви к себе являются чрезмерные внимание к себе и центрированность на себе; грандиозность и различные производные эксгибиционизма, позиция превосходства, безрассудство и сверхамбициозность; сверхзависимость от восхищения; эмоциональная пустота; приступы чрезмерной беззащитности, чередующиеся с грандиозностью. В области патологических объектных отношений преобладающими симптомами таких пациентов являются огромная зависть (как сознательная, так и бессознательная); обесценивание других в качестве защиты от зависти; склонность к эксплуатации, выражающаяся в жадности, присвоении чужих идей или собственности, позиция человека, которому должны; неспособность к действительной зависимости от других в отношениях взаимности; отличительная неспособность к эмпатии и преданности другим людям. Основное состояние Эго подобных пациентов характеризуется хроническим ощущением пустоты, неспособностью учиться, чувством изоляции, стимульным голодом и диффузным чувством бессмысленности жизни.
В дополнение к этому нарциссические пациенты обнаруживают некоторую степень патологии Супер-Эго, включая неспособность к переживанию печали по собственному поводу, глубокие перепады настроения, преобладание стыда в противоположность вине при интрапсихической регуляции их социального поведения и систему ценностей, в большей степени детскую, нежели взрослую. Иными словами, они ценят физическую красоту, силу, богатство и восхищение со стороны окружающих, а не способности, достижения, ответственность и связь с идеалами.
Антисоциальное расстройство личности как таковое представлено даже еще более серьезной патологией Супер-Эго. Антисоциальное поведение этих пациентов включает в себя ложь, воровство, подлоги, мошенничество и проституцию - все преимущественно характерное для "пассивно-паразитического" типа; насилия, убийства и вооруженные ограбления являются характерными для "агрессивного" типа [15: 16]. Другими словами, можно клинически дифференцировать поведенчески агрессивную, садистскую и обычно также параноидную направленность некоторых пациентов с антисоциальным расстройством личности от пассивной, эксплуатирующей, паразитической направленности других.
Следует подчеркнуть, что в случае интеллигентных пациентов, имеющих благоприятное социоэкономическое и культуральное происхождение и проявляющих преимущественно пассивно-паразитический тип антисоциального поведения, детские предвестники подобного поведения могут проявляться очень мягко или даже быть незаметными, особенно в некоторых высоко патологических, хотя и социально адаптированных семьях. Например, один из пациентов был блестящим учеником в начальной школе, средней школе и колледже, социально преуспевающим и всеми любимым молодым человеком. Его периодическое воровство великодушно прощалось родителями, а недостаточное чувство ответственности приписывалось тому, что его портят гиперопекающие и восхищающиеся им мать и дед с бабкой. Он защитил диссертацию, женился на женщине, с которой поддерживал внешне нормальные супружеские отношения около пятнадцати лет, был добр со своими детьми. В то же время он расхищал средства своих партнеров и семейного бизнеса. Войдя в огромные долги, он одновременно делал дорогие подарки друзьям и партнерам, выступая в роли круглогодичного "Санта-Клауса", и был направлен на консультацию семьей только тогда, когда ему стало угрожать тюремное заключение за неуплату налогов.
Ключевым для дифференциации как пассивного, так и агрессивного антисоциального поведения, выступающего в качестве элемента нарциссического расстройства личности, от антисоциального расстройства личности как такового является отсутствие в последнем случае способности к ощущению вины и раскаяния.
Так, даже после столкновения с последствиями своего антисоциального поведения и несмотря на бурное выражение сожаления, у них не возникает изменений в поведении по отношению к тем, на кого они нападали или кого эксплуатировали, или какой-то спонтанной озабоченности из-за неудачи в изменении поведения.

Хотя дифференциальный диагноз способности к переживанию вины и участию подразумевает в качестве предварительного шага оценку реакций пациента на ограничение и крушение его всемогущества, другие характеристики, отражающие эту неспособность к вине и участию, могут быть обнаружены непосредственно в интервью. Например, такие пациенты неспособны представить наличие у других моральных качеств. Настаивая в беседах с диагностом на том, что он говорит правду, а затем будучи пойман на вопиющей лжи, пациент может заробеть. Однако после этого он не способен ответить на вопрос, какова реакция терапевта на него; он только ощущает, что терапевт может злиться за то, что тот оставил его в дураках. Или антисоциальный пациент может "признаться" в своей вине, но только по отношению к тем действиям, на которых был пойман, таким образом входя в вопиющее противоречие с выражаемым им раскаянием по поводу прошлого поведения.
Неспособность входить в неэксплуататорские отношения с другими людьми может отражаться в мимолетных, поверхностных, безразличных отношениях, неспособности эмоционально привязываться даже к домашним животным, в отсутствии каких бы то ни было интернализованных моральных ценностей, а также способности к переживанию наличия таких ценностей у окружающих. Поврежденность аффективных переживаний подобных пациентов выражается в их неспособности выдержать любое повышение тревоги без возникновения дополнительных симптомов или патологического поведения, в их неспособности к депрессии с переживанием грусти, в неспособности влюбиться или испытывать какую-либо нежность в сексуальных отношениях.
У этих пациентов нет ощущения проходящего времени, планирования на будущее или сравнения нынешних переживаний и поведения с предполагаемыми идеальными. Их планирование ограничивается избавлением от текущего дискомфорта и снижением напряжения посредством достижения желаемых в данный момент целей. Их неспособность учиться на опыте является выражением той же неспособности к восприятию своей жизни за рамками настоящего момента. Их манипулятивность, патологическая ложь и примитивные рационализации общеизвестны. Полина Кернберг (личное сообщение, декабрь 1981 г.) предложила термин человек-голограмма по отношению к пациентам, создающим туманный, эфирный образ собственной личности в ходе диагностических сеансов, что производит впечатление странной оторванности от их нынешней реальности или действительного прошлого - образ, меняющийся от минуты к минуте при расспросах под разными углами зрения и оставляющий у диагноста смущающее чувство нереальности.
Затем, если очевиден диагноз нарциссической структуры личности, ключевой диагностической задачей становится оценка тяжести всех представленных антисоциальных особенностей, их прошлой истории и детских источников и сохранившихся у пациента способности е объектным отношениям и функционирования Супер-Эго. Практически полное отсутствие способности к неэксплуатирующим объектным отношениям и морального измерения в функционировании личности являются ключевым элементом в дифференциации антисоциальной личности как таковой от менее тяжелых синдромов злокачественного нарциссизма и нарциссического расстройства личности. К этому диагнозу можно прийти, собрав полную историю пациента, тщательно исследуя нарратив пациента, тактично конфронтируя его с противоречивыми или темными разделами этого нарратива, оценивая его взаимодействие с диагностом и исследуя его реакции на конфронтации с противоречиями между объективной информацией о его прошлом, нынешним повествованием и поведением.
Полезно исследовать реакции пациента на расспросы о потенциально антисоциальном поведении, вытекающем из того, что он сказал, хотя и не упомянутом им. Например, можно спросить пациентку, история жизни которой показывает естественную тенденцию к вовлечению в проституцию: "Что препятствует вам стать проституткой?" Или в аналогичной ситуации спросить наркомана: "Почему вы не торгуете наркотиками?" Такие вопросы проверяют функции Супер-Эго пациента, так же как и его честность перед лицом терапевта. Очевидно, что обнаружение пациентов, которые лгут терапевту, не признаваясь во лжи (многие антисоциальные личности могут признаваться, что лгут, и продолжать это делать), требует сбора информации у родственников, сложных интервенций в области социальной работы и отчетов тех учреждений, с которыми связана жизнь пациента.
Оценка причин, по которым пациент решил проконсультироваться у психиатра, - они могут включать манипулятивную попытку получить справку о здоровье для восстановления в школе или избежать судебного преследования, - нередко служит как диагностическим, так и прогностическим целям. Изучение всех этих факторов обычно требует нескольких интервью; порой необходимо вновь и вновь возвращаться к областям сомнений и спутанности и повторно оценивать реакцию пациента на конфронтацию с обманным маневром или с противоречиями.
Другим источником информации является контрперенос, возникающий по отношению к пациентам с выраженным антисоциальным поведением: терапевт может реагировать ощущением спутанности, склоняться либо к некритическому принятию заявлений пациента, либо отвергать их, принимая в переносе параноидную позицию, либо принимать позицию защитной "псевдонейтральности", говорящей о подспудном обесценивании пациента или желании избежать невыносимых отношений с пациентом, который скрыто атакует самые главные ценности человеческих взаимоотношений. С моей точки зрения, колебание терапевта между параноидной позицией и элементами участия - иными словами, истинная амбивалентность в его реакциях на этих пациентов - является здоровой реакцией. Она помогает терапевту проявлять себя моральным, но не морализующим, честным, но не наивным, конфронтирующим, но не агрессивным. Конфронтация как техническое средство означает тактичное соединение противоречивых или спутанных аспектов повествования пациента, его поведения или его прошлого; это неагрессивное проявление критики или несогласия с пациентом. Обычно возможность существования серьезного аффективного расстройства отсекается путем внимательного сбора биографических сведений и исследования психического статуса, дополнительную помощь могут оказать психологические тесты, выявляющие психоорганические расстройства, такие, как эпилепсия в лобных долях или синдром лимбических долей, проявляющиеся во взрывчатом агрессивном поведении. Они могут также способствовать выявлению атипического шизофренического расстройства, такого, как "псевдопсихопатическая шизофрения". Если антисоциальное поведение развивается в среднем или позднем взрослом возрасте вместе с потерей памяти и высшего абстрактного мышления, необходимо исследовать возможность наличия многих вероятных хронических органических психических расстройств, требующих, в дополнение к психологическому тестированию, неврологических, радиологических исследований и снятия ЭЭГ.
Если не выявлена антисоциальная личность как таковая, то следующей диагностической категорией, которую необходимо рассмотреть, является нарциссическое расстройство личности с синдромом злокачественного нарциссизма или нарциссическая личность с преобладающими пассивно-паразитическими антисоциальными наклонностями.

Злокачественный нарциссизм

Такие пациенты характеризуются типичным НРЛ, антисоциальным поведением, Эго-синтонным садизмом или характерологически укорененной агрессией и параноидной ориентацией, но, в отличие от антисоциальной личности как таковой, все еще имеют потенциал привязанности и участия к другим людям или ощущение вины; они способны понять наличие у других людей моральных интересов и убеждений, могут иметь реалистическое отношение к собственному прошлому и планировать будущее.
Их Эго-синтонный садизм может выражаться в сознательной "идеологии" агрессивного признания собственной правоты, а также (довольно часто) в хронических Эго-синтонных суицидальных тенденциях. Эти суицидальные тенденции возникают

не в качестве части депрессивного синдрома, но скорее в периоды эмоциональных кризисов или даже на пустом месте, при подспудной (сознательной или бессознательной) фантазии, что лишение себя жизни означает проявление своего превосходства и торжество над обычным страхом боли и смерти. Совершить самоубийство, согласно фантазии таких пациентов, значит установить садистский контроль над окружающими или "покинуть" мир, который, по их мнению, они не в силах контролировать.
Параноидная ориентация таких пациентов (которая психодинамически отражает проекцию ими на других людей собственных неинтегрированных предшественников Супер-Эго) находит свое проявление в восприятии ими окружающих кумирами, врагами или дураками в самом преувеличенном виде. У таких пациентов есть склонность регрессировать к параноидным микропсихотическим эпизодам в процессе интенсивной психотерапии; так, они наиболее ярко иллюстрируют дополнительные функции параноидных и антисоциальных взаимодействий в межличностной области [19; 29]. Некоторые из них могут демонстрировать рационализированное антисоциальное поведение (например, вожаки садистских банд или террористических групп). Идеализированный образ самости и Эго-синтонная садистская, самообслуживающая идеология рационализируют антисоциальное поведение и могут сосуществовать со способностью испытывать привязанность к своим товарищам.

Нарциссические расстройства личности с антисоциальным поведением

Такие пациенты проявляют различные виды антисоциального поведения, в основном пассивно-паразитического типа, и признаки автономного морального поведения в некоторых сферах и бессовестной эксплуатации в других. Они не демонстрируют Эго-синтонного садизма, направленной на себя агрессии или явной параноидной ориентации, типичных для злокачественного нарциссизма. Они обладают способностью к переживанию вины, участия и привязанности к другим людям и адекватным восприятием прошлого, они могут реалистически оценивать и планировать будущее; в некоторых случаях то, что выглядит как антисоциальное поведение, является просто проявлением неспособности к глубокой привязанности в длительных отношениях. Здесь распространены нарциссические типы сексуального промискуитета, безответственности в работе, эмоциональной или финансовой эксплуатации других людей, хотя эти пациенты все еще способны в некоторых случаях заботиться об окружающих и принимать обычную социальную ответственность в более дистантных межличностных взаимодействиях.

Другие тяжелые расстройства личности с антисоциальным чертами

Следующий уровень патологии с менее негативными прогностическими и терапевтическими характеристиками - антисоциальное поведение при других, не нарциссических расстройствах личности. Это пациенты с пограничной организацией личности и непатологическим нарциссизмом. Типичными примерами являются инфантильное, сценическое, истероидное расстройства или расстройства личности типа 3 и 4 по Зетцель (не путать с истерической личностью как таковой) и параноидное расстройство личности: это два наиболее частых расстройства личности данной группы, когда проявляется антисоциальное поведение. При инфантильной личности нередко встречается "патологический лгун"; "параноидный зуд предательства" [18] иллюстрирует вероломство в контексте паранойи. По моему опыту, большинство пациентов, склонных к выдумкам и обману, проявляющих психологические или соматические симптомы, патологическую страсть с игре, клептоманию, пироманию и симуляцию, если у них отсутствует типичное нарциссическое расстройство личности, образуют часть этой группы расстройств личности с антисоциальными чертами.

Невротическое расстройство личности с антисоциальными чертами

Здесь мы встречаем описанных З.Фрейдом [12] преступников и; (бессознательного) чувства вины. Эти пациенты представляют большой клинический интерес благодаря их иногда драматически антисоциальному поведению, возникающему в контексте невротической организации личности, и имеют блестящий прогноз для психотерапевтического и психоаналитического лечения.
Пациент с обсессивно-компульсивным расстройством личности ворует мелкие предметы из общественных мест, где работает, подвергая себя унизительному риску быть пойманным и уволенным. К счастью, тонкая психиатрическая оценка, сделанная коллегой, дает нам информацию, оберегающую будущее этого пациента после начала лечения. Хотя такие случаи относительно редки, громадная разница между их прогнозом и прогнозом групп пациентов, упомянутых выше, требует внимательного исследования структуры личности в каждом случае антисоциального поведения.

Антисоциальное поведение как часть симптоматического невроза
К этой категории относится случайное антисоциальное поведение как часть подросткового бунтарства, нарушения адаптации или при наличии во многих случаях способствующего этому социального окружения, облегчающего перевод психических конфликтов в антисоциальное поведение.

Диссоциальная реакция

Это клинически относительно редкий синдром нормальной или невротической адаптации к аномальным социальной среде или подгруппе. Согласно клинической практике, большинство таких пациентов проявляют какой-либо тип расстройства личности, облегчающий их некритическую адаптацию к социальной подгруппе с антисоциальным поведением.
Литература:
1.Abraham K. A particular form of neurotic resistance against the psychoanalytic method, in Selected Papers on Psychoanalysis. New York: Brunner/Mazel, 1979. P. 303-311.
2.Akhrar S. Narcissistic personality disorder: descriptive features and differential diagnosis// Psychiatr Clin North Am. 1989. 12(3). P.505-529.
3.Akhtar S., Thomson J.A.Jr. Overview: narcissistic personality disorder//Am journal Psychiatry 139:12-20, 1982.
4.American Psychiatric Association: Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, 3rd Edition. Washington, DC, American Psychiatric Association, 1980.
5.Bach S. On narcissistic fantasies// International Review of Psychoanalysis. 4. P.281-293, 1977.
6.Bach S. On the narcissistic state of consciousness The international journal of psycho-analysis. 1977. Vol.58. P.209-233.
7.Bursten B. The relationship between narcissistic and antisocial personalities// Psychiatr Clin North Am. 1989. 12 (3). P.571-584.
8.Chasseguet-Smirgel J. The bright face of narcissism and its shadowy depths: a few reflections// Psychiatr Clin North Am. 1989. 12(3). P.709-722.
9.Cooper A.M. Narcissism and masochism: the narcissistic-masochistic character//Psychiatr Clin North Am. 12(3). P.541-552. 1989.
10.Ellis H. Auto-eroticism: a psychological study// Alienist and Neurologist/ 19. P.260-299. 1898.

11.Freud S. On narcissism (1914)// The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud. Vol. 14. London: The Hogarth press; The institute of psycho-analysis, 1957. P.67-102.
12.Freud S. Some character-types met with in psycho-analytic work (1916)// The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud. Vol. 14. London: The Hogarth press; The institute of psychoanalysis, 1957. P.309-333.
13.Goldberg A. Self psychology and the narcissistic personality// Psy-chiatr Clin North Am. 1989. 12(3). P.731-739.
14.Grunberger B. Narcissism: Psychoanalytic Essays. New York, International Universities Press, 1979.
15.Henderson D.K. Gillespie R.D. Textbook of Psychiatry: for Students and Practitioners, 10th Edition. Revised. Edited by Batchelor IRC. London, Oxford University Press, 1969.
16.Henderson D.K. Psychopathic States London, Chapman Hall, 1939.
17.Horowitz M.J. Clinical phenomenology of narcissistic pathology. Psychiatr Clin North Am (3):531-539, 1989.
18.Jacobson E. Acting out and the urge to betray in paranoid patients, in Depression. New York, International Universities Press, 1971.
19.Jacobson E. Depression: Comparative Studies of Normal, Neurotic, and Psychotic Conditions. New York, International Universities Press. 1971.
20.Jacobson E. On the psychoanalytic theory of affects (1953)// Depression. New York, International Universities Press, 1971. P. 3-47.
21.Jacobson E. The Self and the Object World. New York, International Universities Press, 1964.
22.Jones E. The Cod complex (1955)// Essays in Applied Psycho-Analysis, Vol 2. Edited by Jones E. New York, International Universities Press, 1964. P.244-265.
23.Kernberg O.F. An ego psychology object relations theory of the structure and treatment of pathologic narcissism// Psychiatr Clin North Am. 1989. 12(3). P.723-729.
24.Kernberg O.F. Borderline Conditions and Pathological Narcissism. New York, Jason Aronson. 1975.
25.Kernberg O.F. Factors in the treatment of narcissistic personalities/, Journal of the American Psychoanalytic Association. 1970. Vol. 18. P.51 -85.
26.Kernberg O.F. Further contributions to the treatment of narcissistic personalities// The international journal of psycho-analysis. 1974. Vol.55. P.55:215-240.
27. Kernberg O.F. Internal World and External Reality. New York, Jason Aronson, 1980.
28.Kernberg O.F. Object Relations Theory and Clinical Psychoanalysts. New York, Jason Aronson, 1976.
30.Kernberg O.F. Severe Personality Disorders: Psychotherapeutic Strategies. New Haven, CI Yale University Press, 1984.
31.Kernberg O.F. The narcissistic personality disorder and the differential diagnosis of antisocial behavior// Psychiatr Clin North Am. 1989. 12(3). P.53-570.
32.Kernberg P.F. Narcissistic personality disorder in childhood// Psychiatr Clin North Am. 1989. 12(3). P.671-694.
32.Klein M. Envy and Gratitude. New York, Bask Books, 1957.
33.Kohut H. The Analysis of the Self. New York. International Universities Press. 1971.
34.Kohut H. The psychoanalytic treatment of narcissistic personality disorders// Psychoanalytic Study of the Child. 1968. 23. P.86-113.
35.Kohut H. The Restoration of the Self. New York, International Universities Press, 1977.
36Kohut H. Thoughts on narcissism and narcissistic rage// Psychoanalytic Study of the Child. 1972. 27. P.360-400.
37.Kohut H. Two analyses of Mr. Zll The international journal of psycho-analysis. 1979. Vol.60. P.3-27.
38.Mahler M., Pine F., Bergman A. The Psychological Birth of the Human Infant New York, Basic Books, 1975.
39.Mahler M., Purer M. Human Symbiosis and the Vicissitudes of Individuation. New York, International Universities Press, 1968.
40.McClashan T.H., Heinssen R.K. Narcissistic, antisocial, and non-comorbid subgroups of borderline disorder: are the distinct entities by long-term clinical profile// Psychiatr clin North Am. 1989. 12(3). P.663-670.
41.Modell A. The holding environment and the therapeutic action of psychoanalysis// Journal of the American Psychoanalytic Association. 1976. Vol.24. P. 255-307.
42.Näcke P. Die sexuellen perversitaten in der irrenanstalt// Psychiatrische en Neurologjschc Bladen. 1899. 3. P. 122-149.
43.Narcissistic Personality Disorder/ ed. O.F.Kernberg Psychiatr Clin North Am 12(3), 1989.
44.New Perspective on Narcissism/ ed. E.M.Plakun Washington, DC, American Psychiatric Press, 1990.
45.Plakun E.M. Narcissistic personality disorder: a validity study and comparison to borderline personality disorder// Psychiatr Clin North Am.1989. 12(3). P.603-620.
46..Pulver S. Narcissism: the term and the concept// Journal of the American Psychoanalytic Association. 1970. Vol.18. P. 319-341, 1970.
47.Reich A. Narcissistic object choice in women// Journal of the American Psychoanalytic Association. 1953. Vol.1. P. 22-44.
48.Reich A. Pathologic forms of self-esteem regulation// Psychoanalytic Study of the Child. 1960. 15. P.215-232.
49.Rinsley D.B. Notes on the developmental pathogenesis of narcissistic personality disorder. Psychiatr Clin North Am 12(3):695-707,1989.
50.Riviere J.A. A contribution to the analysis of the negative therapeutic reaction // The international journal of psycho-analysis. 1936. Vol.17. P. 304-320.
51.Roriningstam E., Gunderson J. Descriptive studies on narcissistic personality disorder//Psychiatr Clin North Am. 1989. 12(3). P.585-601.
52.Rosenfeld H. A clinical approach to the psychoanalytic theory of the life and death instincts: an investigation into the aggressive aspects of narcissism// The international journal of psycho-analysis. 1971. Vol.52. P. 169-178.
53.Rosenfeld H. Negative therapeutic reaction, in Tactics and Techniques in Psychoanalytic Therapy, Vol II: Countertransference. Edited by Giovacchini PL. New York, Jason Aronson. 1975, pp 217-228.
54.Rosenfeld H. Notes on the psychopathology and psychoanalytic treatment of some borderline patients// The international journal of psychoanalysis. 1978. Vol.59. P.215-221.
55.Rosenfeld H. On the psychopathology of narcissism: a clinical approach// The international journal of psycho-analysis. 1964. Vol.45. P. 332-337.
56.Sadger J. Fragment der psychoanalyse eines homosexuellen. Jahrbuch fur Sexuelle Zwischenstufen. 1908. 9. P. 139-424.
57.Steiner R. On narcissism: the Kleinian approach// Psychiatr Clin North Am. 1989. 12 (3). P.741-770.
58.Stone M.H. Long-term follow-up of narcissistic/borderline patients// Psychiatr Clin North Am 12(3):621-641.1989.
59.Stone M.H. Murder// Psychiatr din North Am 12(3):643-651,1989.
60.Tartakoff H. The normal personality in our culture and the Nobel Prire complex// Psychoanalysis: A General Psychology/ Edited by Loe-wenstein R.M., Newman L.M., Schur M.. ct al. New York, International ISlversities Press, 1966, pp 222-252.
61. van der Waals H.G Problems of narcissism// Bull Menninger Clin. 1965. 29. P.293-311,.
62.Volkan V. The «glass bubble» of the narcissistic patient// Advances in Psychotherapy of the Borderline Patients. Edited by Leboit J., Capponi A. New York: Jason Aronson. 1979, pp 405-431.
63.Volkan V. Transitional fantasies in the analysis of a narcissistic personality// Journal of the American Psychoanalytic Association. 1973. Vol.21. P. 351-376.

Х.Кохут

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ И МОДИФИЦИРОВАННЫЕ ФОРМЫ НАРЦИССИЗМА

(Доклад, прочитанный на пленарном заседании Осеннего конгресса Американской Психоаналитической ассоциации (APA) (Нью-Йорк, 1965). Фрагмент из пока не завершенного исследования о специфических аспектах нарциссизма, исследования, которое более пристально занимается упоминаемыми в докладе темами, например, нарциссической яростью, терапевтическими выводами из представленных в докладе теоретических взглядов и применением излагаемых теорий к некоторым социологическо-культуральным явлениям. В статье делается больший акцент на клиническом материале, а также представлен обзор имеющейся литературы.)

Kohut H. Formen und Umformungen des Narzissmus// Psychologie des Ich/ Editor P.Kutter H.Roskamp. -Darmstadt, 1974.-S. 339-373.

Хотя в психоаналитических дискуссиях на теоретические темы обычно не оспаривается, что нарциссизм (либидинозная оккупация Самости) сам по себе ни патологичен, ни опасен, существует тенденция относиться к нему предвзято негативно, как только мы выходим за пределы теории. Этот предрассудок, несомненно, основывается на том, что нарциссизм противопоставляют объект-любви; причем пытаются утверждать, что он является более примитивной формой распределения либидо, менее подходящей для адаптации. Думаю, что здесь отсутствует объективный взгляд на нарциссизм как к одну из нормальных ступеней развития, мы забываем также и о способности нарциссизма к адаптации. Здесь сказывается воздействие альтруистической системы ценностей, присущей западной культуре. Но каковы бы ни были причины такой предвзятости, она в любом случае негативно отражается на нашей клинической практике. У психотерапевта может появиться желание перевести нарциссическую позицию, существующую у пациента, на стадию объект-любви, хотя часто более подходящей целью была бы трансформация нарциссизма, то есть такое распределение либидо, которое позволяет примитивным психическим структурам пациента встроиться в его зрелую личность. Да и н теории наблюдается недостаточное внимание к воздействию нарциссизма на здоровье, адаптацию и деятельность. Это оправдано с эвристической позиции, так как исследование безмолвствующего нарциссизма, доминирующего в случае психического здоровья, естественно, дает менее плодотворные результаты, чем исследование патологических состояний в случае расстройств психического здоровья. Нарушение психического равновесия под воздействием аффектов, которые мы называем «нарциссическая обида», по-видимому, открывает особенно перспективный доступ к проблеме нарциссизма. И не только из-за того, что такое состояние очень часто обнаруживается в широком спектре нормальных и патологических проявлениях психики, но и потому, что оно обычно легко опознается по сопровождающим его пе-реживаниям мучительных аффектов в виде смущения или стыда, а также по их последующей внутренней проработке, приводящей к чувствам неполноценности или ущемленной гордости.

У З.Фрейда существуют два комплементарных подхода, к которым постоянно обращаются психоаналитики, чтобы объяснить нарушения нарциссического равновесия в рамках существующих психоаналитических теорий. С одной стороны З.Фрейд привлек внимание к Эго-функциям, считающихся с силами Ид, то есть, к реактивным образованиям, направленным против эксгибиционистской стороны догенитальных влечений. Он, например, указал на стыд в качестве мотива хтя защиты и на переживание чувства стыда, когда защиту постигает неудача [27, с.389; 17, с.247; 15, с.458, с.466,; 18, с. 78-79; 14, с.205; 12, ¿.343]. С другой стороны, З.Фрейд утверждал, что часть детского нарциссизма переносится на Супер-Эго, заставляя сферу Эго переживать нарциссическую напряженность, как только она стремится достичь Эго-идеала. Да и Супер-Эго, говорит З.Фрейд, «является носителем Эго-идеала, на которое равняется, к которому стремится Эго, стараясь выполнить притязание на недостижимое совершенство» [21, с. 71].

Здесь не место обсуждать многочисленные работы, появившиеся в психоаналитической и родственной литературе, продолжающие развивать идеи З.Фрейда в русле обоих упомянутых тенденций. В принципе мои идеи тоже находятся в русле подхода З.Фрейда, хотя в некоторых местах я пришел к выводам, выходящим за рамки фрейдовского подхода.

Несмотря на то, что в данном исследовании я буду частенько обращаться к хорошо известным феноменам, пребывающим на психической поверхности и которые можно без труда описать в поведенческих терминах, понятия, применяемые мною, не относятся к сфере социальной психологии. Традиционное психоаналитическое определение нарциссизма как либидинозной оккупации самости не удается уложить в рамки какой-либо социально-психологической теории. К тому же самость оказывается настолько вариабельной в психоаналитическом смысле, а ее границы ни в коем случае не совпадают с границами личности в том виде, в каком она представляется специалистам, ориентированным на общую и социальную психологию. При определенных психических состояниях самость может далеко выходить за границы индивидуума или же наоборот, сжимаясь, становиться идентичной с одним из своих действий, с одной единственной из своих целей. Антитезой нарциссизму является не объект-отношение, а объект-любовь. То, что специалисту, наблюдающему за внешними межличностными отношениями, может представиться как полнота объект-отношений человека, может маскировать чисто нарциссические переживания мира объектов. И, наоборот, человек, живущий в кажущейся изоляции и одиночестве, может обладать богатейшими объект-отношениями.

Хороший пример этого - понятие первичного нарциссизма. Несмотря на то, что оно экстраполировано в ходе эмпирических наблюдений, оно относится не к полю межличностных отношений, а к психическому состоянию младенца, свидетельствующему о том, что вначале ребенок переживает мать и ее заботы не как объект (Ты) и не как действия с ее стороны, а в рамках своих собственных переживаний окружающего мира, в котором еще не произошла дифференциация на Я и Ты. Так что ребенок вместе с матерью переживает ее господство над его телом - причем столь же ясно, как взрослые люди ощущают свою власть над своим телом и своими мыслями. Способ, посредством которого ребенок переживает проявления заботы со стороны матери, соответствует переживаниям власти над своим телом, присущим взрослым людям. Представление, которое существует у младенца о матери, следовательно, соответствует представлению взрослых о самих себе. Таким образом, эта ступень развития существенно отличается от того, как взрослые переживают других людей и свое воздействие на них. В центр наших последующих размышлений о развитии мы, тем не менее, первичный нарциссизм не ставим. Хотя существенная непосредственная часть первоначальной позиции (основной нарциссический тон, пронизывающий все аспекты личности) сохраняется в течение всей жизни, мы уделим внимание двум формам, на которые дифференцируется первичный нарциссизм: нарциссической самости и идеализированным имаго родителей.

Благодатность первичного нарциссизма нарушается под воздействием потока внешних раздражителей и психической напряженности, приводящих к переживаниям неудовлетворенности. Это объясняется несовершенством проявляемой заботы со стороны матери, которой не удается избавить ребенка от травмирующих переживаний. Психическая организация ребенка пытается справиться с помехами посредством создания особой системы совершенства. Одну из них З.Фрейд назвал «наслаждающимся Я, отбрасывающим от себя все проблемы» [25, с. 228], этап в развитии, когда в ее наполненное наслаждениями, все Доброе и Совершенное рассматриваются в качестве частей своей пока еще

рудиментарной самости, а все подразумевающее неудовольствие, все Злое и Несовершенное считается находящимся вовне. А возможно в противовес этому первому спасительному средству ребенок попытается сохранить первоначальное совершенство и всемогущество посредством наделения рудиментарного Ты в образе взрослого человека абсолютным совершенством и всемогуществом.

Либидинозную оккупацию психических репрезентантов идеализированных имаго родителей нельзя отнести ни к нарциссизму, ни к объект-любви. Конечно, идеализацию можно описывать в качестве аспекта нарциссизма, начинающегося в той фазе, когда в моральном и эстетическом смысле еще не произошло дифференциации чувств блаженства, могущества и совершенства. Эти качества развиваются постепенно и частично проецируются на родителей. Неопределенное совершенство младенца постепенно трансформируется в дифференцированное совершенство образов родителей. Существование тесной связи между идеализацией и нарциссизмом доказывается также тем фактом, что все в большей степени начинает быть задействованным гомосексуальное либидо, даже если объект относится к другому полу. Да и легкость, с которой репрезентанты идеализированных объектов на самых различных стадиях развития посредством идентифицирования вновь возвращаются» самость, является доказательством ее нарциссического характера, о чем упоминает З.Фрейд [24, с. 250], ссылаясь на О.Ранка [44, с. 416]. З.Фрейд считает, что нарциссический тип выбора объекта может стать причиной возникновения патогенной интроекции у людей, страдающих депрессией.

Но мы будем лишь наполовину правы, приписывая нарциссизму появление идеализированных имаго объектов. Не только нарциссическая оккупация идеализированного объекта дополняется чертами подлинной объект-любви, но и само либидо нарциссической оккупации претерпевает метаморфозы. Поэтому появление идеализирующего либидо нужно рассматривать в качестве зрелого шага в развитии нарциссического либидо, а развитие нарциссизма необходимо отличать от развития объект-любви; и то, и другое имеет свои собственные фазы метаморфоз.

Хотя идеализация имаго родителей является прямым продолжением первоначального нарциссизма ребенка, образ идеализированных родителей изменяется вместе с созреванием когнитивного аппарата. Во время одной из важных переходных фаз, в которой ребенок постепенно узнает, что реализация желаний и помехи приходят извне, объект начинает обособляться от самости и вновь с нею сливаться. А когда объект действительно оказывается отделенным от самости, тогда ребенок переживает его как целостный. Кажущееся объективным распределение на частичные и целостные объекты основывается исключительно на мнениях взрослых наблюдателей.

Таким образом, форма и содержание психических репрезентантов идеализированных родителей варьирует в зависимости от стадии созревания когнитивного аппарата ребенка. Сказывается также влияние факторов окружающего мира, определяющих выбор и интенсивность процессов интернализации.

Идеализированные имаго родителей частично оккупируются объект-либидно. Идеализированные качества ребенок начинает любить в качестве источников реализации желаний, отчаянно сопротивляясь их лишению. А когда психика лишается такого источника удовлетворения влечений, то чтобы не лишиться его, она стремится превратить имаго объекта в интроект, то есть в структуру психического аппарата, принимающего на себя функции, которые были ранее присущи объекту. Таким образом, тенденция к интернализации (несмотря на то, что она является автономным подразделом психики и потому осуществляется спонтанно) усиливается в результате потери объекта. В психоаналитической метапсихологии потеря объекта понимается в широких рамках, от смерти (или потери) одного из родителей, отстраненности матери от ухода за ребенком вследствие физического или психического заболевания вплоть до неизбежных разочарований ребенка в качествах жестко отобранных имаго родителей или запрете на удовлетворение не модифицированных притязаний влечений.

Конечно, использование термина «потеря объекта» наталкивается на противоречие, если учитывать налагаемые воспитанием ограничения и другие требования реальности. Правда, при рассмотрении столь различных факторов реальности в качестве предварительных условий для интернализации функций, регулирующих влечения, различия между ними оказываются лишь количественными. Даже мягкое отвержение не модифицированных влечений ребенка все равно остается отвержением, влекущим за собой невозможность сохранять прежнюю объект-оккупацию. Это приводит к интернализации и укреплению психической структуры, регулирующей влечения. Уникальное положение Супер-Эго среди психических структур, регулирующих влечения, связано с тем, что ребенок вынужден устранить либидинозную оккупацию с инфантильных репрезентантов объектов, причем именно в то время, когда оккупации достигают наибольшей интенсивности.

Если эти идеи мы применим к нашей более узкой теме, то можно сказать, что обычно в доэдипальной фазе постепенно исчезают идеализированные имаго родителей, приводя к укреплению матрицы Эго, регулирующей влечения, а массивные потери в эдипальной фазе позволяют сформировать Супер-Эго. Любое несовершенство, открываемое в идеализированных родителях, приводит к соответствующей внутренней консервации качества объекта, качества, утерянного вовне. Допустим, что родители не заметили лжи ребенка; тогда утеривается часть всезнающего идеализированного объекта, которая теперь (или в доэдипальное время) интроецируется в качестве мельчайшего аспекта матрицы, регулирующей влечения или (в период тяжелых эдипальных разочарований) вносит свою долю в аспект всеведения, присущий Супер-Эго. Именно благодаря такой массивной интроекции идеализированных качеств объекта следует рассматриваить Супер-Эго как «носителя Эго-идеала» (З.Фрейд). Или говоря по-другому: Эго-идеал является тем аспектом Супер-Эго, который соответствует массивной интроекции идеализированных качеств объекта. Прежние совершенства и всемогущество идеализированных родителей теперь составляют всемогущество, всеведение и непогрешимость Супер-Эго. На этом опять же основывается феномен, приводящий к абсолютизации ценностей и норм Супер-Эго. А тот факт, что первоначальный нарциссизм перед интернализацией вынужден пройти через воплощение в сверхценном объекте, и что сама нарциссическая оккупация на новой ступени развития должна возвыситься до идеализации, наделяет уникальной эмоциональной значимостью наши нормы, ценности и идеалы, поскольку они оказываются частями Супер-Эго. Психологически их ценность не может определяться содержанием и формой. Шутка не будет шуткой, если ее содержание будет рассказано без учета присущей ей психологической структуры. Схожим образом наши ценности и идеалы, относящиеся к области Супер-Эго, определяются не своим содержанием (например, состоящем в требованиях вести себя самоотверженно, альтруистично или в требованиях совершать героические поступки и добиваться успеха), или своей формой (например, запретами или позитивными ценностями, или даже требованиями добиваться разрядки влечений определенными способами), а своим развитием и психической локализацией.

Теперь нашей ближайшей задачей является рассмотрение нарциссической самости. Ее нарциссические оккупации (в отличие от либидо, используемого для оккупации иделизированных имаго родителей и Эго-идеала) остаются связанными с самостью, так и не достигая ступени объект-любви, приводящей к идеализации. Эго-идеал прежде всего связан с овладением влечениями, а нарциссическая самость тесно переплетена с влечениями и их неугасающей напряженностью. Говоря метафорически, причем опираясь на клинические данные и реконструкции анамнезов, я могу сказать, что сфера Эго переживает влияние Эго-идеала приходящим свыше, а влияние нарциссической самости снизу. Или, используя другой образ, относящийся к предсознательным дериватам обоих структур, я мог бы сказать, что человек руководствуется своими идеалами, а приводится в движение своим тщеславием. Сфера Эго с благоговением накапливает идеализирован ные имаго родителей, с восхищением смотря на них, стремясь сравняться с ними. А нарциссическая самость сама стремится вызвать вое хищение. Формирование нарциссической самости должно оцениваться как предопределенный законами созревания шаг, как достижен» развития. Фантазии о величии являются ее

функциональным эквивалентом, приводя к адаптации. (Детскую переоценку могущества и совершенства идеализированного объекта следует тоже понимать как адаптивную и соответствующую фазе развития.) Преждевременны нарушения в формировании нарциссической самости ведут к после дующей нарциссической ранимости, так как фантазии о величии вытесняются, лишаясь модифицирующих их влияний.

Нарциссическую самость и Эго-идеал можно дифференцировать друг от друга и по отношению их поверхностных слоев к сознанию. Восприятие и сознание являются психическими параллелями к органам чувств, которые зондируют окружающий мир. Тот факт, что Эго-идеал имеет качества объектов, облегчает его осознание. А вот у нарциссической самости похоже даже поверхность не может быть воспринята, так как эта структура не обладает качествами объекта.

В письме к З.Фрейду (от 29 июня 1912) Л.Бинсвангер писал, что он обратил внимание на его колоссальную волю к власти, на стремление конкретно овладевать людьми. З.Фрейд отвечал (4 июля 1912): «Ничем не могу Вам возразить по поводу моей воли к власти, так как ничего об этом не знаю. Я уже давно считаю, что бессознательным является не только Вытесненное, но и Самое главное в нашем существе, Сама сердцевина нашего Я не могут осознаваться. Такой вывод я сделал из того, что сознание является исключительно органом чувств: оказываясь направленным вовне, оно напрочь и само приковано к не воспринимаемой части Я» [4, с. 57-58].

Как уже упоминалось, мы переживаем предсознательный эквивалент нарциссической самости как наше тщеславие, а эквивалент Эго-идеала, как наш идеал. Конечно, иногда довольно трудно различать тщеславие и идеализм и не только потому, что тщеславие частенько маскируется под идеализм, но и потому, что в жизни действительно существуют счастливые мгновенья (а у некоторых избранных особ лаже счастливые времена), когда тщеславие и идеалы составляют единое целое. Люди, сохраняющие свои подростковые мечты, нередко выставляют свои идеалы как тщеславные стремления, а еще существует определенный материал Эго-идеалов (одержимость достигнуть чего-то), который выглядит как тщеславное желание и потому легко может привести постороннего наблюдателя к ошибке. Но если ориентироваться на метапсихологические различия, то тогда довольно легко заметить феноменологические различия.

Наши идеалы являются нашими внутренними вождями; мы любим их и жаждем их достичь. Идеалы способны принять в себя довольно большую часть преобразованного нарциссического либидо, уменьшая этим нарциссическую напряженность и нарциссическую ранимость. Когда либидинозная оккупация Супер-Эго не достаточно десексуализируется (или вновь приобретает сексуальный оттенок), возникает моральный мазохизм, состояние, в котором Эго с удовольствием предается самоуничижению, если идеал не был достигнут. Но обычно Эго не переживает особой нарциссической обиды, когда не удается сравняться со своим идеалом, а только ощущает что-то наподобие тоски.

Да и наше тщеславие, хотя и имеет истоки в системе инфантильных фантазий о величии, при оптимальных обстоятельствах способно смириться, сливаясь со структурой целей Эго и добиваясь автономии; хотя характерная, генетически детерминированная психическая окраска сохраняется всегда. Несмотря на то, что мы побуждаемся нашими тщеславными желаниями, мы их не любим. Когда мы не можем их осуществить, тогда нарциссическо-эксгибиционистская напряженность не исчезает, а продолжает накапливаться. Чувство разочарования, возникающее в таких случаях в Эго, всегда содержит примесь стыда. А если ко всему этому еще отмечается (что бывает довольно часто) недостаточное преобразование идей величия нарциссической самости из-за их вытеснения травмирующими нападками на чувство собственного достоинства ребенка, тогда самость взрослого человека склонна к постоянным колебаниям между иррациональной переоценкой себя и чувствами неполноценности, реагируя на ущемление своего честолюбия нарциссическими обидами.

До того, как мы сможем продолжить наши исследования зависимости между нарциссической самостью и сферой Эго, нам нужно обратить внимание на две важные дополняющие темы: эксгибиционизм и фантазии о величии.

Начнем с описания сцены между матерью и ее карапузом из главы «Обожание ребенка» в романе Э.Троллопа, «Барчестерские башни» [49]: «...Тили, тили... Какие сладкие ножки! - говорит захваченная обожанием мать. - ...Ты мой сладеныш, у тебя самые любимые ножки во всем мире. Видел ли кто-нибудь что-либо подобное?.. Мой злой Ханзи растрепал маме все волосы? Очень-очень плохой Ханзи...» «...Ребенок визжит от удовольствия». Это краткое описание повседневной сцены показывает внешние обстоятельства, связанные с двумя важными сторонами психической конституции ребенка: его эксгибиционистскими склонностями и его фантазиями о всемогуществе.

В более широком смысле эксгибиционизм можно рассматривать как существенное нарциссическое измерение любых влечений, то есть (самость как исполнитель) как проявление нарциссического акцента на цели влечений в ущерб объекту влечений. Объект важен лишь настолько, насколько он вовлекает к участию в нарциссическом наслаждении ребенка, подкрепляя его таким образом. До психического отделения от матери младенец переживает радость матери, восторгающейся всем его Телом-самостью, в качестве части своей собственной психической конституции.

А после психического отделения от матери ребенок использует блеск в глазах матери для того, чтобы получить необходимое для физического и психического развития наслаждение, возникающее из нарциссического потока либидо. Нарциссическая подпитка со стороны матери подкрепляет ведущие функции и формы активности на всех фазах развития. Мы говорим об анальном, уретральна и фаллическом эксгибиционизме, причем мы обнаружили, что у девочек эксгибиционизм уретрально-фаллической фазы вскоре вытесняется посредством эксгибиционизма, относящегося ко всему их облику вкупе с эксгибиционистским акцентом на скромности и преодолении влечений.

Эксгибиционизм ребенка должен быть постепенно десексуализирован и подчиниться целенаправленной активности задачи, с которой легче всего справиться при поэтапных преодолениях влечений и одновременной любящей поддержке. А вот различные открытые и скрытые методы грубых одергиваний и чрезмерной снисходительности (особенно их одновременное использование или быстрые, непредсказуемые переходы от одергиваний к снисходительности) готовят почву для огромного количества психических расстройств. Неблагоприятные последствия охватывает широкое поле, простираясь от тяжелой ипохондрии до едва заметного смущения. Но все они, говоря метапсихологически, являются состояниями повышенного нарциссическо-эксгибиционистского напряжения с неадекватными и неполными формами разрядки. Во всех этих состояниях Эго йатается достичь содействия объекта для реализации эксгибиционизма нарциссической самости. Но если объект ведет себя отвергающе, тогда разрядка эксгибиционистского либидо не удается. Вместо приятных физических ощущений возникает жар мучительного покраснения, а вместо приятного подтверждения ценности и красоты самости, его предназначенности к любви мучительный стыд.

Обратимся теперь к вопросу: какую позицию фантазии о величии занимают в структуре личности, какую функцию они выполняют. В качестве основного аспекта влечений в нарциссической самости можно рассматривать эксгибиционистско-нарциссические потребности, содержанием которых являются фантазии о величии. Здоровье или болезнь, успех или поражение индивидуума зависят от степени десексуализации эксгибиционистско-нарциссических потребностей и их ин-тегрированности в реалистические цели Эго. Обратимся, например, к высказыванию З.Фрейда: «Если человек был неоспоримым любимцем матери, то он на всю жизнь сохраняет такое чувство победителя, такую уверенность в успехе, что это нередко действительно приводит к успеху» [219 с. 26]. Здесь З.Фрейд явно говорит о нарциссических фантазиях, важных для адаптации и наделяющих личность существенной поддержкой. Понятно, что в таких случаях ранние нарциссические фантазии о власти и величии не могут быть разрушены неожиданными, преждевременными травмирующими разочарованиями, так как эти фантазии чаще всего постепенно интегрируются в ориентированную на реальность структуру Эго.

Теперь мы попытаемся обобщить конечный эффект, который оба главных деривата первоначального нарциссизма

оказывают на зрелую психику. Что касается нейтрализованной энергии, исходящей из нарциссической самости (нарциссические потребности и честолюбие личности), то при благоприятных условиях она постепенно принимается в наше Эго в качестве здоровой радости, переживаемой от своей деятельности и успехов. А там, где мы встречаемся с поражением и вынуждены признать свои ошибки, там нарциссическая самость наделяет нас полезным для адаптации чувством разочарования, смешанным с раздражением и чувством вины. С другой стороны, Эго-идеал (интернализованный образ совершенства, которым мы восхищаемся и на который ориентируемся) постепенно сближается с Эго. Эго-идеал становится фокусом ценностей, синтонных Эго, его здоровым чутьем. А когда мы не достигаем идеала, выставленного нарциссической самостью, тогда возникает чувство наполненного тоской разочарования, опять же полезного для адаптации. Постоянно оккупированное идеализированным либидо Супер-Эго абсорбирует существенные массы нарциссической энергии, уменьшая этим склонность личности испытывать расстройства нарциссического равновесия. А с другой стороны, если Эго оказывается неспособным находить подходящие возможности для разрядки эксгибиционистских требований нарциссической самости, то возникает стыд. Вот так и получается, что личность почти во всех клинически значимых случаях характеризуется чрезмерной склонностью испытывать стыд в результате недостаточной идеализации Супер-Эго и концентрации нарциссического либидо на нарциссической самости. Поэтому тщеславный, побуждаемый жаждой успеха человек с неудачно интегрированным представлением о грандиозной самости и интенсивной эксгибиционистско-нарциссической напряженностью чаще всего подвергается угрозе со стороны испытываемых им чувств стыда. Когда давление со стороны нарциссической самости становится слишком большим и сфера Эго не может овладевать им, то личность реагирует на поражение любого рода стыдом, независимо от того, простирается ее тщеславие на нравственное совершенство или на внешний успех (чаще всего отмечаются колебания от устремленности к нравственному совершенству до стремления добиться внешнего успеха и наоборот; подобного рода личности не наделены прочной структурой ни своих целей, ни своих идеалов).

Таким образом, в оптимальных условиях лучшей защитой от нарциссической ранимости и переживаний стыда является Эго-идеал и прочная структура целей Эго. Поддержание гомеостатического нарциссического равновесия личности посредством взаимодействия нарциссической самости, Эго и Супер-Эго можно описать следующим образом: поставляемые нарциссической самостью небольшие заряды нарциссическо-эксгибйнионистского либидо превращаются в подпороговые сигналы нарушенда нарциссического равновесия (в подпороговые сигналы стыда), когда Эго пытается достичь целей, заключающихся в стремлении подражать идеализированным объектам, ориентироваться на внешние требования или стремиться жить в соответствии с нормами и (прежде всего) идеалами Супер-Эго (то есть в согласии с Эго-идеалом, «стараясь во всех ситуациях реализовывать его притязания на все большее совершенство» [21, с. 71]). Говоря несколько нестандартным образом, нарциссическая самость пытается продемонстрировать сфере Эго свое совершенство, или посредством Эго косвенно продемонстрировать это внешнему миру или сфере Супер-Эго. Правда, обнаруживается, что самость не настолько совершенна как хотелось бы. И тогда неудавшаяся попытка разрядить либидо приводит к незначительным накоплениям нарциссического либидо, сигнализирующим сфере Эго о возможности появления мучительного стыда.

В отличие от представленного здесь метапсихологического объяснения стыда Л.Саул [47, с. 92-94], опираясь на Ф.Александера [1] и в согласии с позицией культур-антропологов [2], исследовал стыд и вину как два параллельных явления. Л.Саул предложил следующую основу для дифференциации этих аффектов: стыд (в отличие от чувства вины) возникает тогда, когда человек не способен достичь своих идеалов. Правда, вопрос о том, стоит ли делать акцент на подобного рода структурных отличиях (смотри целостное представление этой позиции, прежде всего у Г.Пиерса и М.Зингера [42], не входит в цели данной статьи. Недавно эти идеи обсуждали Х.Хартманн и Р.Левенштейн [34], считающие, что не стоит «слишком сильно отделять Эго-идеал от других частей Супер-Эго», теоретический подход, на котором «основывается структурное противопоставление вины и стыда».

Дж.Сандлер, А.Холдер, Д.Меерс, наоборот, не стремятся изымать Эго-идеал из состава Супер-Эго. Правда, опираясь на работы Э.Якобсона [35] и А.Райх [45] они постулируют существование «идеальной самости» (в отличие от Эго-идеала). Ребенок пытается «избегать разочарований и неудач, стремясь к своей идеализированной самости»; стыд возникает тогда, когда индивидууму не удается «достичь идеальных норм, на которые он ориентировался, а вина испытывается тогда, когда самость отклоняется от идеала, диктуемого индивидууму его интроектами».

Взаимодействие нарциссической самости, Эго и Супер-Эго наделяет индивидуума характерными чертами и поэтому чаще, чем другие элементы или качества личности, рассматривается в качестве ее уникальности или идентичности. У многих выдающихся личностей над этим специфическим внутренним равновесием доминирует не Эго-идеал (руководящий и овладевающий влечениями), а хорошо интегрированная нарциссическая самость (определяющая выбираемое влечение). У.Черчилль, например, не раз повторял (причем на больших пространствах) особый трюк, позволяющий спастись из ситуаций,] которых обычными средствами не обойдешься (его знаменитое бегство из тюрьмы в период англо-бурской войны 1899-1902 гг.). Меня га удивит, если окажется, что в глубине его личности таится убеждение : способности летать, спасаясь таким образом из казалось бы безвыходных ситуаций. В автобиографии «Мои молодые годы» [5, с. 43-44 У.Черчилль описывает следующее событие: Во время каникул, проводимых в деревне, он играл со своим кузеном и младшим братом. Не ожиданно те накинулись на него. Он помчался к мосту, как вдруг заметил, что попал в ловушку, так как его противники разделились. «Плен казался неизбежным», писал У.Черчилль, но «в голову ми молниеносно пришел великолепный план». Он узрел под мостом густую крону молодых елей и решился спрыгнуть на одну из вершин. О недолго размышлял, высчитывая высоту. «В считанные секунды я перебрался через ограждения», продолжает У.Черчилль, «и распростертыми руками попытался приобнять вершину ели». Прошло три дня пока он пришел в сознание, и еще три месяца, пока ему удалось встать с кровати. И хотя, конечно, в этот раз побуждающая бессознательная фантазия о своем величии еще была не полностью интегрирована, уже отмечается готовность рационального Эго реалистично реагировать на приказания нарциссической самости. К счастью для самого У.Черчилля в тот период, когда он достиг пика своей ответственности, в психическом распределении сил победило рациональное Эго.

II

Мы рассмотрели происхождение, развитие и функции двух главных форм нарциссизма и его встраивание в личность. Хотя мы не упускали взаимодействия нарциссической самости, Эго и Эго-идеала, наше внимание концентрировалось на самих нарциссических структурах, а не на способности Эго использовать нарциссические энергии в смягченной форме для собственных целей и перевода нарциссических структур в более дифференцированные, новые психические формы. Но существует определенное число качеств Эго, которые, несмотря на генетическую и динамическую родственность нарциссическим влечениям и подпитку от них, все же столь далеко удалены от врожденных нарциссических структур личности, что их невозможно просто так рассматривать в качестве метаморфоз нарциссизма. Лучше их считать качествами Эго, установками и достижениями личности.

Вначале я перечислю все те качества, которые буду обсуждать во взаимосвязи с нарциссизмом. Это:

1) творческая одаренность;
2) интуиция;
3) способность улавливать ограничения своей собственной жизни;

4) чутье к юмору;
5) мудрость.
Рассмотрим взаимоотношения нарциссизма с творческой деятельностью. Художественное и научное творчество, как любая сложная активность человека, служит многим целям и захватывает всю личность, а этим целый спектр психических структур и влечений. Потому следует ожидать, что нарциссизм творческих людей также соучаствует в их деятельности, например, в качестве стимула, побуждающего добиваться славы и успеха. А если, кроме связи честолюбия с высокой одаренностью, не обнаружится взаимосвязи между нарциссизмом и творческой энергией, тогда творческую энергию вряд ли стоит причислять к метаморфозам нарциссизма. В отдельных конкретных случаях вполне возможно рассматривать и признавать кого-то из художников или ученых, стремящегося любой ценой к успеху, как нарциссически ранимого человека, чрезмерное честолюбие которого гонит его создавать свои творения. Но сама творческая деятельность не заслуживает того, чтобы ее рассматривать в качестве трансформации нарциссизма.
Честолюбие творческих людей играет важную роль в их взаимоотношениях с публикой, то есть с аудиторией потенциальных поклонников. В творческой деятельности используется нарциссическая энергия, превращаемая в особую форму идеализирующего либидо, о которой я говорил при описании того специфического пункта развития на пути от нарциссизма к объект-любви, когда объект (в смысле социальной психологии) оккупируется нарциссическим либидо и таким образом принимается в состав самости.
Напрашивается сравнение любви беременной женщины к еще не родившемуся ребенку и к новорожденному младенцу. Без сомнения односторонняя преданность ребенку, принимаемому в ее расширяющуюся самость, и эмпатия, обращенная на ребенка, довольно сильно походят на погруженность творческого человека в свои деяния. И, несмотря на это, я считаю, что отношение созидающего художника или ученого к своему творению связано не столько с расширяющимся нарциссизмом материнства, сколько с еще неограниченным нарциссизмом раннего детства. Да и с феноменологической стороны личность многих необычайно творческих людей скорее схожа с детской. Эксперименты, проведенные с некоторыми великими людьми, поражают наблюдателя их чуть ли не детской непосредственностью и простотой. Например, поведение Энрико Ферми, присутствовавшего при первом атомном взрыве, следующим образом описывается его женой: Когда раздался взрыв, Э.Ферми разорвал листок бумаги на мелкие кусочки и подбросил их в воздух, наблюдая как взрывная волна то поднимала, то опускала их [11, с. 239].
Творцы в науке и искусстве в психологическом смысле не столь сильно изолированы от своего окружения по сравнению с нетворческими людьми. У них не столь четко обнаруживаются барьеры между Я и Ты. Интенсивность восприятия творческих людей до мельчайших подробностей схожа с самовосприятием шизоидов и детей.
Размытость границ между «внутри» и «вовне» знакома нам по окружающему нас воздуху, переживаемым во время вдоха и выдоха как часть нас самих, хотя мы вряд ли это воспринимаем. Так и творческий человек наиболее совершенным образом осознает те аспекты окружающего его мира, которые имеют большое значение для его работы, оккупируя их нарциссическо-идеализирующим либидо. Более ясно подобные аспекты переживаются в мгновение единения с самостью. Метафорическое приравнивание вдыхания воздуха принятию внешних впечатлений, плодотворно воздействующих на внутренние творческие процессы, обнаруживается уже в первом описании творческого акта: «И Господь сотворил людей из комка глины, вдохнул живой воздух в их нос. Вот так и обрел человек живую душу» (Библия, 1. Моисей 2, 7). Подтверждается идея, что между дыханием и творческим вдохновением, с одной стороны, и оживлением пыли и творческими метаморфозами нарциссически переживаемой материи в творениях искусства, с другой стороны, существует тесное психологическое родство.
Ф.Гринэйкр недавно объяснила сущность творческого вдохновения [29], упомянув при этом интерес ребенка к воздуху как к таинственной невидимой силе, становящейся символом для сновидений, мыслей и пробуждающегося сознания ребенка. Она утверждает, что будущий творческий человек уже в раннем детстве обладает не только повышенной чувствительностью к впечатлениям, исходящим от самого раннего объекта матери, но и к впечатлениям от периферических объектов, схожих с первичным объектом. Для описания установки творческого человека к окружающему его миру она использует термины «коллективные альтернативы» и «отношения любви ко всему миру», считая, что это свидетельствует не только о присущем ему нарциссизме, но и о «наличии объект-отношения, хотя и представленного в коллективной форме» [30, с. 67-68].
К.Айслер тоже касается проблемы взаимоотношения творческого человека с реальностью и говорит [7, с. 544] об «аутоморфических методах», то есть об артистической деятельности, осуществляющейся з пограничной области между аутопластической и аллопластической установками к реальности. Произведение искусства, считает К.Айслер, постольку является аутентичным, поскольку оно, подобно сновидению или симптому, служит избавлению от внутреннего конфликта и реализации желания; а одновременно произведение искусства оказывается аутопластичным, так как созданное творческим человеком что-то Новое, Ранее-не-Существовавшее изменяет реальность.
Подход к проблеме творчества, избранный Ф.Гринэйкр и К.Айслером, отличается от нашего, они приходят к другим выводам. Но я не думаю, что их данные опровергают мое утверждение о том, что творческий человек оккупирует свое произведение специфической формой нарциссического либидо. Так, например, идея Ф.Гринэйкр о необычайной интенсивности восприятия мира родившимся творческим человеком и сохранение такой чувствительности в зрелые годы легко согласуется с гипотезой о том, что психическая конституция творческих людей характеризуется специфической консервацией либидинозного развития, а именно идеализацией. У обычных людей эта форма нарциссического либидо сохраняется только для идеализации в состоянии влюбленности. В таком состоянии избыток идеализирующего либидо, которое не полностью поглощается актом оккупации объекта, оказывается ответственным за прорывы творческой активности, не такой уж редкой в период влюбленности, К тому же хорошо известен факт, что творческие люди в период наибольшей продуктивности склонны колебаться между двумя альтернативными фазами, то считая свое творение высочайшим произведением, то погружаясь в убеждение о его полном ничтожестве. Это верный признак того, что творческий продукт был оккупирован нарциссическим либидо. Расширение либидинозной оккупации на «коллективную альтернативу» и, наконец, на «весь мир», описываемый Ф.Гринэйкр, представляется мне скорее признаком того, что мир переживается нарциссически (в качестве расширенной самости, охватывающей целый мир), как будто речь идет о «любовных отношениях» внутри особого контекста объект-любви. К.Айслер убедительно показал, что произведение искусства является одновременной активацией аутопластических и аллопластических психических процессов и что отношение творческого человека к своим произведениям в определенном отношении схоже с тем, которое фетишист проявляет по отношению к своему фетишу. Это хорошо подтверждает нашу идею о том, что для творческого человека его произведение является переходным объектом и поэтому оккупируется преходящим нарциссическим либидо. Фиксация фетишиста на фетише достигает интенсивности патомании, что является не проявлением объект-любви, а фиксацией на одном из очень ранних объектов, переживаемых еще в качестве части самости. Творческие люди и ученые в своей деятельности скорее тоже напоминают патоманов. правда, они стараются преодолеть патоманические склонности и направить их на формирование уникального мира, переживаемого нарциссически. Они пытаются в своих творениях воспроизвести совершенство, которое ранее ощущали в качестве прямого атрибута самих себя. Так что во время творческого акта они не испытывают по отношению к своему произведению необходимости Давать и Брать, характерной для объект-любви.
А теперь обратимся к психическому сопереживанию (эмпатии) в качестве второй Эго-способности, которая, несмотря на

то, что она находится вне зоны влечений и обычно оказывается автономной функцией, в нашем контексте должна рассматриваться в связи с метаморфозами нарциссизма.

Сопереживанием называется та модальность, посредством которой мы познаем психические факты о других людях и которые позволяют нам представить, что думают и чувствуют другие люди, несмотря на то, что все это недоступно прямому наблюдению. Посредством эмпатии нам удается в одном единственном акте надежно прояснить сложные психические конфигурации, которые могут быть доступны или только посредством погружения во множество нюансов, или же вообще так и остаться недоступными.

Эмпатия является существенной составной частью психологической наблюдательности и потому имеет особое значение для психоаналитика, который в качестве эмпирика обязан воспринимать существующие сложные психологические конфигурации, представляющие сырой материал человеческих взаимоотношений, причем делать это до того, как он начнет их объяснять. Использование эмпатии в науке является особой деятельностью автономного Я, так как для проведения эмпатщяеского действия необходимо осознанно исключить обычно доминирующий оперативный модус, направленный на восприятие непсихических данных в окружающем мире.

Способность получать доступ к душе других людей обусловлена необходимостью младенца ради выживания сохранять чувства и поведение матери в своей самости. Эта первичная эмпатия с матерью под-отавливает нас к принятию того, что важнейшие внутренние переживания других людей во многом схожи с нашими. Наше первое восприятие манифестации чувств, желаний и мыслей других людей происходит в рамках нарциссической концепции мира; поэтому способность к эмпатии относится к первоначальной экипировке человеческой души и в определенной степени продолжает оставаться связанной с первичными процессами.

Не-эмпатические формы познания, ориентированные на естественные объекты, во многом не схожие с самостью, все же перевешивают первоначальную эмпатическую модальность восприятия реальности и существенно препятствуют развитию эмпатии. Сохранение эмпатических форм восприятия вне рамок психологии оказывается явно архаичным и приводит к ошибочному, дорациональному, анимистическому восприятию мира. С другой стороны, не-эмпатические виды восприятия не ориентированы на переживания людей и потому, в случае их использования в психологической области, приводят к механистическому пониманию психической реальности.

У взрослых господствуют не-эмпатические формы познания. Эмпатия поэтому частенько вынуждена включаться заранее, еще до того, как начнут использоваться не-эмпатические способы наблюдения. Хорошо известна большая верность первого впечатления в оценивании людей по сравнению с последующим оцениванием; этим пользуются ловкие люди в публичной и деловой жизни. В подобного рода случаях эмпатии, по-видимому, удается появиться до вмешательства других модусов оценки и быстро прозондировать сложившуюся ситуацию, прежде чем будут задействованы другие формы восприятия. Однако исчерпывающее эмпатическое понимание, на которое нацелен психоаналитик, не возникает без тренинга эмпатической способности в течение длительного времени. Обычная установка восприятия, присущая психоаналитику («свободно парящее внимание»; избегание записей во время сеанса; ограничение вмешательств в судьбу пациента, задействующих реальность, концентрация на понимании, а не на лечении и желании помочь), нацелена на то, чтобы исключить психические процессы, ориентированные на не-психологическое восприятие объектов. Психоаналитик стремится к эмпатическому пониманию посредством идентифицирующих переживаний.

На первом месте среди препятствий, отрицательно сказывающихся на эмпатии (особенно если она применяется длительное время), стоят внутренние конфликты из-за нарциссических взаимоотношений с людьми. Тренинг в использовании эмпатии является важной частью психоаналитического обучения, а ослабление нарциссических позиций относится к особенно важным задачам обучающего анализа. Увеличивающаяся способность кандидата в использовании модифицированной нарциссической энергии оккупации для эмпатического восприятия является признаком того, что обучающий анализ в этом отношении начинает достигать своей цели.

Не существует ли среди препятствий для эмпатии еще и сопротивление против признания того, что имеется бессознательное знание о людях? Не может ли фраза анализанда «Я это знал и раньше», когда вскрывается какой-либо бессознательный материал [20, с. 148], резонировать с мыслью психоаналитика «Я это выявил уже давно» во всех тех случаях, когда анализанд и психоаналитик пришли к правильной реконструкции или когда пациент вспомнил значимое событие?

З.Фрейд задавался вопросом, существует ли перенос мыслей [21, с. 59-61], учитывая особые биологические и социальные феномены, посредством которых «реализуется общая воля в больших колониях насекомых». З.Фрейд предполагал, что такого рода феномены представляют собой «первоначальный, архаический путь познания», который «в ходе филогенетического развития был оттеснен более прогрессивными методами передачи информации, когда задействуются знаки». Но устаревшие методы могут «использоваться в определенных условиях, например, в захваченной страстями толпе» [21, с. 59-60]. Можно еще добавить, что осознанное пренебрежение привычными когнитивными Эго-процессами (как например это происходит в аналитической ситуации) может приоткрыть доступ к эмпатической коммуникации, чем-то напоминающей другие ненамеренные, схожие с трансом состояния, возникающие у членов возбужденной толпы. Не стоит тратить усилия на отыскивание прототипа эмпатического понимания в предыстории человечества, оно обнаруживается в начале жизни у каждого индивидуума. При благоприятных обстоятельствах способность к восприятию психического состояния матери, достигаемое посредством нарциссической оккупации, становится исходным пунктом для целого ряда этапов развития, приводящих в конечном счете к формированию способности дифференцированного использования эмпатического или не-эмпатического модусов восприятия в зависимости от реальных требований окружающего мира, который необходимо воспринять и понять.

Способность людей признавать конечность своей жизни и действовать в соответствии с мучительным открытием возможно является наивысшим психическим качеством, хотя частенько можно доказать, что кажущееся принятие смертности идет рука об руку с утаиваемым отрицанием этого знания.

Познание бренности осуществляется посредством Я, которое обычно проводит эмоциональную работу, предшествующую, сопровождающую и следующую за любыми видами расставания. Без таких усилий не может быть надежного понимания времени, границ и непостоянства объект-оккупации. З.Фрейд рассмотрел эмоциональную задачу, навязываемую психике изменчивостью ее объектов, будь это любимые люди или ценные предметы [26, с. 359], признав, что их недолговечная жизнь отнюдь не означает обесценивания. «Наоборот», говорит З.Фрейд, «это свидетельствует об увеличивании их ценности! Преходящие ценности поистине являются раритетами».

Установка З.Фрейда обусловливается отказом от аффективного инфантилизма; не остается и следа нарциссического настаивания на всемогуществе желаний, наоборот, полностью принимаются реалистические ценности. Но труднее признания временности объект-оккупации оказывается неограниченное интеллектуальное и эмоциональное принятие того факта, что и мы сами смертны, что самость, оккупированная нарциссическим либидо, конечна во времени. Я считаю, что признание этого обусловливается не только победой автономного рассудка и высшей объективности над притязаниями нарциссизма, но и достижением одной из более высоких форм нарциссизма. Великие люди, достигшие такого понимания жизни, названного римлянами жизнью sub specie aeternitatis, не проявляют разочарований и отчаяния, а лишь выказывают тихую гордость, частенько сопровождаемую мягким презрением черни, которая, не умея радоваться множеству удовольствий, предоставляемых жизнью, дрожит перед ликом смерти, испытывая непреодолимый страх перед ее приближением. И.Гете [28] следующими строчками выразил свое презрение к людям, не умеющим признать смерть в

качестве имманентной части жизни:
Пока ты этого не сделал:
Умри и возродись опять!
Ты только мрачный гость
На темной суше.
(Selige Sehnsucht, West-Oestlicher Divan).

«Только после принятия идеи смертности, - говорит И.Гете, - человек способен наслаждаться всем, что предоставляет жизнь». Не думаю, что выраженную здесь установку следует понимать в качестве изощренного отрицания страха смерти. В ней не содержится никаких обертонов страха или раздражения. Скорее ощущается нескрываемое, творческое превосходство, способное со спокойной совестью судить и наставлять. Я не сомневаюсь, что люди, которые в состоянии занять такую высшую установку по отношению к жизни, делают это в силу нового, расширенного, модифицированного нарциссизма. Это «космический нарциссизм», выходящий за границы индивидуума.

Так же как первичная эмпатия ребенка с матерью является предшественницей способности взрослых людей к эмпатии, первичная идентичность ребенка с матерью может рассматриваться как предшественница последующего расширения самости, когда становится возможным признать конечность индивидуального существования. Первичный психический универсум, то есть архаичные переживания младенцем своей матери, позже «вспоминаются» многими людьми в форме смутных отголосков, которые мы знаем в виде «океанических чувств» [15, с. 422]. Как и «океаническое чувство», смещение нарциссической оккупации (после полного признания существования смерти) с самости на участие в надындивидуальном, безвременном существовании является качеством, имеющим корни в первичной идентичности ребенка с матерью. Но в отличие от океанического чувства, переживаемого пассивно (и обычно мимолетно), подлинное смещение либидинозной оккупации на космический нарциссизм является сохраняющимся, творческим результатом активности автономного Я. Мало кто из людей способен достигать такого состояния.

От рассмотрения принятия бренности земной жизни и чуть ли не религиозной праздничности космического нарциссизма перейдем к исследованию присущего только людям качеству - способности к юмору. З.Фрейд не случайно начинает свою статью о юморе шуткой, в которой мужчина преодолевает страх предстоящей вскоре смерти посредством юмора, что позволяет ему перейти на более высокий уровень [16, с. 383]. «Когда преступник, которого в понедельник ведут на виселицу, заявляет, что "неделя начинается неплохо", то он обнаруживает чувство юмора, предоставляющее ему определенное удовлетворение». З.Фрейд констатирует, что юмор несет в себе «нечто освобождающее, нечто Великолепное и Возвышенное», «триумф нарциссизма» и «победоносно утверждающуюся неприкосновенность Я» [16, с. 285].

Как и космический нарциссизм, юмор является модификацией нарциссизма, помогающей людям добиться наивысшего мастерства в преодолении требований нарциссической самости, то есть признать свою тленность и научиться справляться с мыслями о предстоящей нам смерти.

Конечно, утверждения о том, что Эго преодолело существовавший у него страх смерти, частенько оказывается фальшивым. Если какой-либо человек никогда не бывает серьезным и проявляет чрезмерную склонность к забавам, или когда он не желает замечать трудности и мучения в повседневной жизни, а постоянно витает в облаках, то мы не доверяем такому клоуну или святому, и, по-видимому, правы, считая фальшивыми юмор одного и отрешенность другого. Но если оказывается, что кто-то на обнаружение неизменных фактов, противоречащих утверждениям нашей нарциссической самости, отвечает с юмором, если он действительно способен к спокойной, взвешенной установке, которая позволяет ему философски подойти к своему собственному концу, тогда мы признаем, что произошла трансформация его нарциссизма (снятие психического акцента с Эго, как говорит З.Фрейд).

Игнорирование интересов самости, доходящее до допущения ее смерти, может появляться в состояниях наивысшей оккупации объекта. Такие примеры (например, порывы экстремального, персонифицированного патриотизма) наблюдаются частенько в состоянии пылких чувств, Я оказывается парализованным, словно находящимся в трансе. А вот юмор и космический нарциссизм, позволяющие нам рассматривать проблему смерти без ее отрицания, метапсихологически основываются не на устранении либидинозной оккупации с самости посредством неистовой чрезмерной оккупации объектов, а на перераспределении и трансформации нарциссического либидо, причем (в отличие от состояний экстремальной оккупации объектов) широта Эго не ограничивается, а остается активной и свободной.

Подлинное устранение либидинозной оккупации с самости может проводиться только не спеша, сохранным, хорошо функционирующим Эго. Перенесение либидо с любимой самости на надличностные идеалы и мир, с которым происходит идентификация, сопровождается переживанием печали. Глубочайшие формы юмора и космического нарциссизма предоставляют поэтому не картину идей величия и радужного настроения, а отражают спокойный внутренний триумф с примесью депрессии.

Мы подошли к последней нашей теме к особой человеческой установке, которую мы называем мудростью. На восходящей линии информация-знание-мудрость обе первые чуть ли не всегда относятся к области познания. Термин информация относится к собиранию разрозненных данных о мире; а знание уже является интегрированной конструкцией таких данных, связанных посредством матрицы, состоящей из абстракций. Мудрость выходит за когнитивную сферу, хотя конечно она включает ее в себя.

Человек приходит к мудрости посредством способности выходить за рамки своего немодифированного нарциссизма, признавая при этом границы своих физических, интеллектуальных и эмоциональных сил. Мудрость можно определить как сплав психической установки, относящейся к отказу от нарциссических желаний, с более высокими процессами познания. Ее не могут характеризовать по отдельности ни идеалы, ни способность к юмору, ни принятие бренности. Должно произойти совпадение всех трех качеств, чтобы сформировалась новая психическая конституция более высокого уровня, чем образующие ее эмоциональные и когнитивные атрибуты. Таким образом, мудрость можно определить как специфическую установку по отношению к жизни и миру, установку, образующуюся посредством слияния когнитивных функций с юмором, принятием бренности и прочной системой ценностей.

В жизни сбор информации должен предшествовать знанию. Даже с точки зрения своих когнитивных компонентов мудрость, следовательно, вряд ли может быть атрибутом юности, так как в результате переживаний и деятельности вначале должен быть заложен широкий базис знаний. Идеалы в юности наиболее сильно либидинозно оккупированы, юмор обычно достигает своего пика в зрелые годы, а осознание бренности приходит и того позже. Так что мудрость может быть признаком только людей в достаточно зрелом возрасте.

Существенная черта мудрости - отказ от нарциссических иллюзий; а еще примирение с неизбежностью смерти, что, однако, не приводит к когнитивному и эмоциональному игнорированию задач жизни. Наивысшие достижения в познании, то есть принятие границ и смертности самости, не является результатом единичного, изолированного интеллектуального процесса, а свидетельствует о победе деятельности личности в течение всей жизни, ведь требуются широкие знания, к тому же архаичные формы нарциссизма необходимо трансформировать в идеалы, юмор и чувство сверхличностного соучастия в судьбах мира.

Если отсутствуют идеальные ценности и посредством чрезмерной либидинозной оккупации сверхмогущественной самости, полностью ориентированной на наслаждения, пытаются обесценить аффективное значение барьеров в деле преодоления нарциссизма, то появляется сарказм. Важнейшей предпосылкой для победы юмора над превратными

обстоятельствами, способностью принять предстоящую нам смерть является формирование и сохранение высоких ценностей, то есть, выражаясь метапсихологически, сильная идеализация Супер-Эго. А еще кроме сохранения либидинозных оккупации прежних идеалов мудрость характеризуется их дальнейшим творческим расширением. Но в отличие от установки сверхсерьезности и тяжеловесной торжественности, проявляющихся по отношению к приближающемуся концу жизни, истинно мудрый человек способен превратить юмор зрелых лет в чувство соразмерности, в незначительную иронию по поводу того, чего можно достигнуть в личной жизни, включая даже свою собственную мудрость. Полное господство Эго над нарциссической самостью, окончательный контроль всадника над лошадью, скорее всего, находит решительную поддержку в том, что в конце концов и лошадь становится старой. Тогда возможно мы поймем, что достигнуто было не столько господство, сколько признание последней истины, что там, где речь идет о великих силах природы, все мы оказываемся «горе-наездниками».

Под конец я хотел бы кратко изложить затронутые мною главные темы. Существуют различные формы нарциссизма, которые следует рассматривать не в качестве предшествующих объект-любви, а как независимые психические структуры, развитие и функции которых заслуживают особого исследования и оценки. Эго пытался показать, что ряд сложных, автономных достижений зрелой личности покоится на преобразованиях нарциссизма, то есть возникает в результате способности Эго обуздывать нарциссические оккупации и использовать для более высоких целей.

А еще я хотел бы сказать, что все больше убеждаюсь в ценности разбираемых нами понятий для психоаналитической терапии. Они полезны в формулировке широкого аспекта психопатологии нарциссического типа личности, столь часто обнаруживающегося среди наших пациентов; эти понятия помогают разобраться в психических изменениях, происходящих с пациентами, а еще они помогают нам оценить терапевтический успех. Во многих случаях модификация нарциссических структур и их включение в личность (усиление идеалов и достижение, хотя бы в скромных размерах, целительных метаморфоз нарциссизма в виде юмора, творческой энергии, эмпатии и мудрости) оказываются более существенным и надежным результатом терапии, чем лишь поверхностная готовность пациентов превращать свой нарциссизм в объект-любовь.

Литература:

1. Alexander F. Remarks about the relation of inferiority feelings to guilt feelings// The international journal of psycho-analysis. 1938. Vol.19.
P. 41-49.
2. Benedict R. The Chrysanthemum and the Sword. Boston (Houghton
Mifflin) 1946.
3. Bing J.F., McLaughlin F., Marburg R. The metapsychology of narcissism// The Psychoanalytic Study of the Child. Vol.14. P.9-28. New York (International Universities Press) 1959.
4. Binswanger L. Erinnerungen an Sigmund Freud. Bern (Francke) 1956.
5. Churchill W. My Early Life. New York (Macmillan) 1942.
6. Eidelberg L. An Outline of a Comparative Pathology of the Neuroses. New York (International Universities Press) 1954.
7. Eissler K.R. Goethe, A psychoanalytic study. Detroit (Wayne State University Press) 1962.
8. Erikson E.H. The problem of ego identity// Journal of the American Psychoanalytic Association. 1956. Vol.4. P. 4, 56-121.
9. Federn P. Zur Unterscheidung des gesunden und krankhaften Nar-zismus// Imago. Vol. 22. P. 5-39.
10. Ferenczi S. Entwicklungsstufen des Wirklichkeitssinnes// Int. Z. Psychoanalyse. 1913. P.124-138.
11. Fermi L. Atoms in the Family. Chicago (University of Chicago Press) 1954.
12. Freud S. Analyse der Phobie eines fünfjährigen Knaben/ Ges. Werke, Bd. 7. Frankfurt (S. Fischer).
13. Freud S. Aus den Anfängen der Psychoanalyse (1887-1902). London (Imago Publ. Co) 1950.
14. Freud S. Charakter und Analerotik/ Ges. Werke, Bd. 7. Frankfurt (S. Fischer).
15. Freud S. Das Unbehagen in der Kultur/ Ges. Werke, Bd. 14. Frankfurt (S. Fischer).
16. Freud S. Der Humor. Ges. Werke, Bd. 14. Frankfurt (S. Fischer).
17. Freud S. Die Traumdeutung (1900)/ Ges. Werke, Bd. 2 u. 3. Frankfurt (S. Fischer).
18. Freud S. Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie/ Ges. Werke, Bd. 5. Frankfurt (S. Fischer).
19. Freud S. Eine Kindheitserinnerung aus .Dichtung und Wahrheit'/ Ges. Werke, Bd. 12. Frankfurt (S. Fischer).
20. Freud S. Erinnern, Wiederholen und Durcharbeiten/ Ges. Werke, Bd. 10. Frankfurt (S. Fischer).
21. Freud S. Neue Folge der Vorlesungen zur Einfuhrung in die Psychoanalyse/ Ges. Werke, Bd. 15. Frankfurt (S. Fischer).
22. Freud S. The Interpretation of Dreams (1900) // The Standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud. Vol. 4-5. London: The Hogarth press; The institute of psycho-analysis, 1953. 1953 Freud S. The Origins of Psychoanalysis (1887-1902). New York (Basic Books) 1954.
23. Freud S. Trauer und Melancholie/ Ges. Werke, Bd. 10. Frankfurt (S. Fischer).
24. Freud S. Triebe und Triebschicksale/ Ges. Werke, Bd. 10. Frankfurt (S. Fischer).
25. Freud S. Vergänglichkeit/ Ges. Werke, Bd. 10. Frankfurt (S. Fischer).
25. Freud S. Weitere Bemerkungen über die Abwehraeuropsychosen / Ges. Werke, Bd. I. Frankfurt (S. Fischer).
28. Goethe J.W. Selige Sehnsucht / West-Östlicher Divan. Goethes Werke, Vollständige Ausgabe letzter Hand, Bd. 5. Stuttgart u. Tübingen (Cotta) 1828, S. 26.
29. Greenacre P. A study of the nature of// Journal of the American Psychoanalytic Association. 1964. Vol.12. P. 6-31.
30. Greenacre P. The childhood of the artist// The Psychoanalytic Study of the Child, 12, 47-72. New York (International Universities Press) 1957.
31. Hartmann H. Comments on the psychoanalytic theory of the ego// The Psychoanalytic Study of the Child 5, 74-96. New York (International Universities Press) 1950.
32. Hartmann H. Contribution to the metapsychology of schizophrenia// The Psycho-analytic Study of the Child 8, 177-198. New York (International Universities Press) 1953.
33. Hartmann H., Loewenstein R.M. Notes on the superego// The Psychoanalytic Study of the Child 17, 42-81. New York (International Universities Press) 1962.
34. Hartmann H. The development of the ego concept in Freud's // The international journal of psycho-analysis. 1956. Vol.37. P. 425-437.
35. Jacobson E. The Self and the Object World. New York (International Universities Press) 1964.
36. Jacobson E. The self and the object world// The Psychoanalytic Study of the Child 17, 75-127. New York (International Universities Press) 1954.
37. Jones E. Der Gottmensch-Komplex// Internat. Z. Psychoanal. 1913. 1.
38. Jones E. The Life and Work of Sigmund Freud. V. I. New York (Basic Books) 1953.
39. Kohut H., Seitz P.F.D. Concepts and theories of psychoanalysis// Concepts of Personality, ed. J.M.Wepman, R.Heine. Chicago (Aldine) 1963,113-141
40. Kramer P. On discovering one's identity// The Psychoanalytic Study of the Child 10, 47-74. New York (International Universities Press) 1955.
41. Piaget J. The Construction of Reality in the Child (1937). New York (Basic Books) 1954.

42. Piers G., Singer M. Shame and Guilt. Springfield, 111. (Charles C.Thomas) 1935.
43. Rangell L. The psychology of poise// The international journal of psycho-analysis. 1954. Vol.35. P.313-332.
44. Rank O. Ein Beitrag zum Narzismus// Jb. psychoanal. psychopath. Forschg. 3,401-426, 1911.
45. Reich A. Pathologic forms of self-esteem regulation// The Psychoanalytic Study of the Child 15, 215-232. New York (International Universities Press) 1960.
46. Sandler J., Holder A., Meers D. The ego ideal and the ideal self// The Psychoanalytic Study of the Child 18, 139-158. New York (International Universities Press) 1963.
47. Saul L. Emotional Maturity: Philadelphia (Lippincott) 1947.
48. Spitz R.A. The smiling response: a contribution to the ontogenesis ot social relations // Genet. Psychol. Monogr. 34, 57-125, 1946.
49. Trollope A. Baby Worship// Barchester Towers (1857). New York (Doubleday) 1945.

Дж. Лихтенберг

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ЛИНИЯ РАЗВИТИЯ НАРЦИССИЗМА?

Что такое «линия развития»?

То, что психическое развитие начинается с ряда взаимосвязанных фаз, является одним из наиболее существенных открытий З.Фрейда Фазы развития - оральная, анальная, фаллическая и эдипова - стали моделью для концептуализации психоаналитической метапсихологии с ее генетической точкой зрения. Целью большинства ранних психоаналитических исследований было получение наиболее точных данных, касающихся этих фаз, их дальнейшая систематизация с целью выработки объясняющей эти наблюдения теории энергетической трансформации инстинктов.

С самого начала, тем не менее, в работах З.Фрейда присутствует и другая тенденция. Это наиболее ярко проявляется в его ссылках на «психический аппарат как составной инструмент» [7, с.536]. Здесь наряду с клинической теорией энергии и фаз З.Фрейд обращал внимание на то, как функционируют отдельные аспекты восприятия, памяти и двигательной активности. Именно в связи с этой тенденцией (о пред посылках структурной теории З.Фрейда см. [18]) Ш.Ференци в 1911 г впервые использовал понятие «линия развития» [3], применяя его для определенной области психического функционирования - развития от примитивных мысленных образов к «абстрактному» воображению в мышлению. Позднее Ш.Ференци (1913) подробно описал фазы развития чувства реальности. Он говорил о «линии развития» эротическое реальности (принуждение к поиску объекта) и отмечал, что «нарциссизм никогда не заканчивается - он всегда остается поблизости от объект-эротизма» [4, с.234]. Ш.Ференци, таким образом, описывал две линии развития, которые существуют одновременно. Он утверждал, что линия развития нарциссизма отличается от взлетов и падений объектной любви и что, «ограничивая себя любовью к самому себе, <...> мы можем сохранить иллюзию всемогущества в течение всей жизни» 4, с.234]. Две линии, как считал Ш.Ференци, динамически взаимодей-ствуют: «Путь в нарциссизм - это <...> всегда доступный способ подавления после очередного разочарования в объекте любви» [4, с.234].

До публикации Анны Фрейд «Норма и патология детства» разъяснительный потенциал концепции линий развития не полностью осознавался. А.Фрейд считала, что оценка психологического состояния в детстве «не может быть произведена, если развитие побуждений и Эго рассматриваются в отрыве друг от друга» [5, с.62]. Далее она пишет: «Мы ищем основные взаимодействия между Ид и Эго и их различными уровнями развития, а также их особенностями, связанными с возрастом, которые по важности, частоте и регулярности сопоставимы с последовательностью либидинальных фаз или с постепенным раскрытием функций Эго» [5, с.63]. Хотя первообразной линией развития является путь от зависимости к эмоциональной самодостаточности и зрелым объектным отношениям, «есть похожие направления развития, которые подходят почти для любой другой области личности» [5, с.63]. А.Фрейд приходит к следующему выводу: «Будучи далеко не теоретической абстракцией, линии развития являются <...> историческими реалиями, которые комплексно передают убедительную картину или личных достижений отдельного ребенка или, наоборот, нарушений в его личностном развитии» [5, с.62].

Каковы же критерии, определяющие эти линии развития? Линия развития должна соотноситься с описательно-наблюдательной последовательностью, в которой элементы, в ходе того как они созревают и изменяют свои

характеристики, обладают узнаваемой «тематикой». В то же время, эти характеристики должны в достаточной степени отличаться от одного или нескольких других описательно-наблюдательных последовательностей. Чтобы у наглядно наблюдаемой последовательности был психоаналитический смысл, она должна ссылаться на нечто, произошедшее в определенных временных рамках, что может быть описано эмпирически, но также сочетаться с некоторыми общими неэмпирическими теоретическими конструкциями. Так, согласно критериям А.Фрейд, линия развития должна оценивать развитие Ид и Эго как единого целого, или, согласно концепции Х.Кохута [14] самость обладает как архаичной, так и зрелой структурой.

Понятие «линия развития» широко используется лишь отдельными исследователями [8; 14; 15; 19; 20], периодически оно встречается у М.Малер [23] и почти никогда у остальных авторов [11; 12; 27]. Одно из главных преимуществ этого понятия состоит в легкости, с которой им можно пользоваться при наблюдении и для систематизации результатов вне зависимости от того, синхронно или не синхронно протекает развитие. С другой стороны, использование этого понятия повышает значимость генетической точки зрения за счет уменьшения внимания к динамической. Как и любая метафора, образ «линии» может быть представлен как диаграмма из разноцветных сегментов, олицетворен набором самостей или целенаправленно реконструирован во что-то, движущееся к «своему» окончанию.

Вернемся к вопросу о том, что представляет собой линия развития. Я считаю, что «линия развития» — это теоретическая стратегия для систематизации описанных результатов наблюдений. Ее использование позволяет увидеть, как (а не почему) упомянутые выше эмпирические и гипотетические неэмпирические структуры соотносятся с временными рамками. Это подразумевает, что это единая группировка опыта и структуры может отличаться, но быть взаимосвязанной или взаимодействующей с теми или иными линиями развития или его отдельной линией.

Описание нарциссизма З. Фрейдом в исследовании о Леонардо да Винчи

Первое относящееся к нарциссизму психоаналитическое описание - это реконструирование изображения душевной жизни Леонардо да Винчи З.Фрейдом [6]. Это исследование столь богато эмпирическими данными, что может считаться парадигмой. З.Фрейд применяет термин «нарциссизм» непосредственно к тому типу отношений, которые Леонардо поддерживал со своими юными помощниками. Художник не воспринимал каждого из них как отдельную личность, достойную любви и одобрения художественного таланта. Вместо этого он вел себя так, как будто каждый из них - он сам, в свою очередь он сам был, как его любящая мать. Характеризовавшие Леонардо чувства нельзя было отнести к любви со свойственной ей одержимостью - скорее, он навязчиво от нее защищался. Существование нарциссической привязанности Леонардо к этим юношам были установлены З.Фрейдом при изучении списков купленной Леонардо одежды, благодаря обнаруженной там краткой оценке художником себя самого как любимого ребенка. Чувственные оттеки в специфических отношениях между Леонардо и его матерью были замечены З.Фрейдом в «улыбке» Моны Лизы с ее «обещанием безграничной нежности и, в то же время, зловещей угрозой» (Здесь и далее в этой статье цитаты из работы З.Фрейда «Воспоминание Леонардо да Винчи о раннем детстве» приводятся в переводе Р.Ф. Додельцева по изданию: З.Фрейд. Художник и фантазирование: Пер с нем,/ Под ред. Р.Ф. Додельцева и К.М.Долгова. М.: Республика, 1995. С. 176-211.) [6, с.116]. За этой улыбкой лежали воспоминания Леонардо о своей ласковой матери, которая, «подобно всем

неудовлетворенным матерям, поместила маленького сына на место своего мужа и из-за слишком раннего пробуждения его эротики лишила его части мужских черт» [6, с.116-117]. После того, как детское воспоминание о «блаженно восторженной улыбке, подобной некогда игравшей на устах его матери во время ее ласк» [6, с.116], пробудилось в Леонардо, который «соответственно стремился воссоздать эту улыбку кистью; он наделяет ею все свои картины, независимо от того, исполняет ли он их сам или позволяет исполнять их под своим руководством ученикам ("Леда", «Иоан», "Вакх")» [6, с.117]. Эти фигуры андрогинны. «Это - прекрасные юноши с женскими формами и по-женски нежные; они не опускают взгляд, а смотрят таинственно и победоносно, словно уверены в грядущем большом счастье, о котором нужно молчать. <...> Возможно, Леонардо этими образами отвергал и искусно преодолевал злосчастие своей любовной жизни, так как в счастливом соединении мужского и женского начал изображал осуществление желания мальчика, завороженного матерью» [6, с.117-118]. «Особый» характер детского опыта Леонардо, символизирует воспоминание-фантазия о коршуне, который прилетел к его колыбели, открыл ему рот своим хвостом и ударил его несколько раз по губам. З.Фрейд отметил связь между вскармливанием и поцелуем, уравнение груди и пениса как синтез оральных и фаллических импульсов. Он связал это с очень сильным желанием Леонардо полететь, которое нашло свое «практическое» развитие в его изобретательском гении.

З.Фрейд описал ряд дополнительных элементов, которые можно рассматривать как «нарциссические»: идентификация Леонардо с отцом, эксбиционистски пристрастным к «роскоши и прекрасной одежде» [6, с. 121]. Безразличное отношение Леонардо к собственным произведениям отражало его идентификацию с брошенными работами, где сам он выступал как бросающий отец. Кроме того, З.Фрейд поэтически описывает «особый путь гения исследования, который находит дорогу от детского благоговейного страха, "сдувшейся" грандиозности к зрелой творческой деятельности и сбалансированной нарциссической удовлетворенности» [20].

Используя эти элементы, отобранные из сложной ткани психобиографического исследования, выполненного З.Фрейдом, я делаю вывод, что опыт «нарциссизма» относится к (1) аффекту или настроению, ассоциирующемуся с фантазией; (2) типу объектных отношений и (3) перспективе, из которой исходит опыт.

В случае с Леонардо речь идет о таких аффектах, как любовь, счастье, нежность и фантазия о воссоединении с матерью. Детали фантазии происходят из желания воссоздать время, когда ребенок чувствовал себя особенным. Уникальное «происхождение» воспоминания о птице-груди, поцелуе матери и неповторимое удовольствие орального периода демонстрируют желание Леонардо быть особенным. Более поздние варианты «блаженства» - «наполнить вселенную изумлением, все писания - своей славой» [6, с.125-126], как в фантазии о полете.

В том типе объектных отношений, который описывал З.Фрейд в исследовании о Леонардо, различия между самостью и объектом стираются: любимые молодые подмастерья оказываются дубликатами самости; фигуры с особыми улыбающимися лицами - это взаимозаменяемые мать и ребенок, женщина и мужчина, Богородица и языческий развратник или аскетичный святой и языческий кутила; летающая самость - это чудесная грудь, которая светила на его рот или самость как фаллос, собственный или отцовский, одурманивающий других так же, как и его самого.

Перспектива, которой придерживался переживавший это Леонардо, была взглядом «маленького, с удивлением вглядывающегося в мир ребенка» [6, с. 122]. В случае Леонардо этот детский эгоцентризм оказался настолько

устойчивым, что воодушевленный своими исследованиями природы (матерью), ее нежностью, добротой и заботой он бросил вызов всем авторитетам (отцу). Его подход как исследователя, пытавшегося вникнуть во все «тайны природы» [6, с. 122], оставался субъективным вне зависимости от объективных методов, которые он использовал. Согласно оценке З.Фрейда, Леонардо, «опираясь первым со времен греков только на наблюдения и собственное мнение», стал «первым современным естествоиспытателем» [6, с. 122]. Неизменность, упорство и постоянство эгоцентрического подхода Леонардо в исследованиях происходили от его пристрастности [6, с.74], которая являлась основой его природы, знаком его уникальной самости.
Используя исследования Леонардо в качестве парадигмы, я представлю три клинических виньетки, где заострю внимание на аффектах и фантазиях, типе объектных отношений и нарциссических переживаниях каждого пациента.

Виньетка 1

В ходе долгого анализа г-жа А. описывала повторяющееся чувство мучительной сверхчувствительности, возникающее при входе в мой кабинет. Если она думала, что я смотрю на нее, то сильно смущалась в уверенности, что я заметил изъяны ее одежды и буду критиковать ее, выражая неодобрение. Если она думала, что я на нее не смотрю, то чувствовала, что мне не нравится, я ее игнорирую и думаю о других более интересных мне пациентах. В редких случаях, когда она воспринимала некоторые незначительные изменения в обращенном к ней приветствии или моем поведении как то, что я пытаюсь облегчить ее смущение и помочь спокойнее войти в кабинет, она светилась изнутри и чувствовала близость ко мне.
В течение очень долгого времени пациентка защищалась от исследования этих проявлений переноса столь энергично, что их анализ был невозможен. Она горько жаловалась на свою ежедневную борьбу с мужем и непрерывные проблемы с детьми, захватившими все ее внимание, так что очень трудно было установить эмпатический терапевтический альянс. Постепенно ее оборона против реконструкции воспоминаний, связанных со сверхчувствительной реакцией на меня при входе, была проработана до мелочей. Согласованной реконструкции удалось достичь только через несколько лет с помощью фрагментарных воспоминаний.
Г-жа А. родилась немного преждевременно и с тех пор к ней относились как к нежной и красивой кукле. Родители представляли ее своим друзьям в качестве доказательства, что даже у таких необразованных и грубых иммигрантов, как они, может родиться утонченный ребенок. Г-жу А. все время сравнивали со старшей сестрой и не в пользу последней - большой, крепкой, «обычной» и, как мать, полной агрессивной бравады. Хотя г-жа А. сильно завидовала сестре и матери, стремясь подражать им, давящее желание родителей видеть в ней «куклу» было таким сильным, что она легко оставила свои попытки. Годами она по-детски лепетала, сосала палец и не расставалась с пеленками. Г-жа А. поделилась яркими воспоминаниями о том, как старшие брали ее с собой, отправляясь в магазин за покупками. Люди спрашивали, как ее зовут и что она любит делать, а у нее немел язык, она прятала голову в юбки своей матери, сосала палец и старалась, чтобы мать взяла ее на руки. При этом она сильно краснела. Наконец, когда мать с головой уходила в покупки, девочка залезала под прилавок или в угол и уходила в грезы, которые были столь неопределенными, что даже тогда она их не запоминала. В рамках аналитической реконструкции мы предположили, что эти неопределенные фантазии были основаны на нежности, которую дарили ей родители, когда были к ней внимательны.

От болезненного опыта самосознания и неудач разительно отличались воспоминания о фантазиях, которым она предавалась в одиночестве перед зеркалом. Ей нравилось любоваться своим обнаженным телом, отмечая, насколько она аппетитна. Она играла в переодевания, позировала, крутилась и танцевала. Она рано поняла, что обладает художественным талантом и зарисовывала цветные комбинации, которые казались ей абсолютно точными. Когда она выросла, расцвет ее творческого таланта поддерживал во время крайне сложных периодов в браке и в процессе анализа. Ее ассоциации на творческие работы показали, что она в эстетической форме воссоздавала потерянное чувство обладания тонким и красивым кукольным телом, приятным для всех органов чувств (осязания, обоняния, вкуса и зрения).

Аффекты г-жи А., описанные в этой виньетке - это эксгибиционистская сверхчуствительность, смущение, неодобрение, робость, зависть и диссоциация, чередующиеся с чувством возбуждения, интимности, обожания, изысканности, обладания внутренним талантом с ощущением, что она любима и успешна. Ее фантазии были сосредоточены вокруг двух вещей. Дома она была красивой куклой, от которой ничего не требовалось. Более того, беспомощность добавляла ей цену, так как ее мать могла почувствовать себя более сильной и женственной, заботясь о ней. С другой стороны, был внешний мир, представленный «магазином», школой и порогом моего офиса. В этом внешнем мире, как ей казалось, живут враждебные люди, требующие от нее речи, эффективности и компетентности прежде, чем проявить свое одобрение. Фантазии, которые она создавала вокруг своего искусства, давали ей надежду, что она могла бы преодолеть разрыв между двумя мирами и добиться во внешнем мире успеха и признания, как дома.

В объектных отношениях г-жи А. нет ощущения четкой индивидуации. Через много лет после создания концептуальных границ сепаратности как интеллектуальной сущности она по-прежнему добивалась слияния с телом матери как источником мгновенного избавления от всех видов тревог. Ее позитивные аффекты лучше ощущались, когда она чувствовала себя кукольным продолжением родителей, нежели отдельным индивидуумом. Вместе с тем, в ней росло желание стать отдельной личностью с собственными вкусами и способностями, и ее творчество при этом предлагало компромиссное решение. Как художник она могла оставаться полностью автономной и решать задачи независимо от любого члена своей семьи, но продуктом ее фантазий было самостоятельное расширение тела. На самом деле все конфликты г-жи А., связанные с отображением себя, проявлялись как трудности во время экспозиции ее работ. Ей казалось, что даже ее страхам не достает особенности, свойственной ей самой. Г-жа А. остро ощущала потенциальный стыд и неловкость, скрытые за бравадой ее матери, и рассматривала собственное чувство беспомощности как продолжение негативного образа матери, а не свой недостаток.

Точка зрения, с которой г-жа А. часто смотрела на мир, была взглядом крайне застенчивой девочки, прячущей лицо и выглядывающей украдкой. Ее внимание было направлено на то, будут ли ее считать милой и красивой. Мучительно осознавая свою парализующую эмоциональную проблему, она постоянно пыталась добиться определенной степени индивидуации через упрямство, характерное для ребенка двух лет. Пытаясь сохранить свою обособленность от других, г-жа А. непреклонно следовала убеждению, что она лучше всех. При этом зачастую она становилась столь воинственной и провокационной, что казалась абсурдной. Вот почему ее попытки достичь чувства обособленности часто заканчивались унижением и отчаянной необходимостью вернуться к успокаивающему слиянию и единству с защищающей идеализированной фигурой.

Виньетка 2

Г-н Р. начал свой анализ в связи с исключением из престижной юридической школы из-за плохих оценок и странной неспособности к сотрудничеству. Поскольку он считался ярким и подающим надежды студентом, с администрацией школы было оговорено, что он сможет вернуться, после того как решит свои эмоциональные проблемы. Трудности, которые возникали в его отношениях с профессорами юридического факультета, стали очевидными в его отношении ко мне. Г-н Р. был надменным, его ассоциации - формальными, и сам он холодно и равнодушно относился к моим комментариям. Когда я спросил, как он себя ведет со мной, он вспомнил отца, известного адвоката, чья карьера была довольно эксцентрична. Стало ясно, что он вел себя, со мной так, как его отец по отношению к нему. Понимание источника подобного отношения никак не изменило степень его высокомерия, поскольку он, очевидно, таким образом обретал чувство безопасности. Первый прорыв произошел, когда он попытался заставить меня выступать от его имени в юридической школе. Я уточнил, что вне терапии могу занимать исключительно нейтральную позицию и продемонстрировал свое эмпатическое понимание его желания возобновить профессиональную подготовку, в результате чего он смог остаться в анализе, несмотря на неоднократные угрозы его прервать. Он нападал на меня с саркастическим недоверием и обесценивал мою «этику». Появились периоды молчания, когда его тело было сильно напряжено, иногда он потел. Я предположил, что он испытывает сильные чувства, что он сопротивлялся голосу. Со временем он рассказал, что во время этих кратких пауз (от пяти до десяти минут) у него бывали очень яркие фантазии. В них он был в другом мире, как в произведениях научной фантастики. Он возглавлял правительство в другой цивилизации и контролировал решительно все, что там происходило. Чаще всего он бывал зол, издавая указы для искоренения оппозиции и приговаривая виновных к жестоким наказаниям. Его воля была железной, а власть и знания - неограниченными. Фантазии, возникавшие на протяжении сеанса, были краткими версиями длительных имевшихся ранее аналогичных. Как выяснилось, это фантазирование и было причиной его плохой успеваемости, проявляясь всякий раз, когда он пытался учиться. Любое незначительное событие в течение учебного дня, например, соперник, получавший больше похвалы, или критикующий профессор, - и г-н Р. сразу «проигрывал» фантазии о другой цивилизации. Там в качестве президента и тайного агента он доказывал свое превосходство и мстил всем своим обидчикам.

Приложив определенные усилия, он вернулся к учебе, после чего его отношение ко мне заметно изменилось. Анализ оказывал стабилизирующее влияние на его жизнь, мой кабинет стал местом, где он рассказывал о своих проблемах, в частности, о волнениях по поводу установления мужественного отношения с женщинами. Любые прерывания анализа нарушали это стабилизирующее влияние, приводя к регрессии, следствием чего было увеличение фантазий о других цивилизациях. Обычный идеализированный перенос развился только, когда стало очевидным, что он оборонялся от меня, отвечая на атаки в анализе на его отца.

Аффекты, описанные на этом этапе анализа г-н Р., - это поверхностная холодность, высокомерие и безразличие, которые скрывали яростно отстаивающий его права гнев. В фантазиях г-на Р. о всемогущественном контроле над всей его «цивилизацией» он был как великим вождем, так и изощренным шпионом, подглядывавшем за всеми. Поверхностный холодный гнев и внутренний контроль свирепости чередовались с чувством глубокой

обиды и смущения. Они были связаны с приниженным ощущением себя в условиях его школьных провалов, но в большей степени - с чувством неспособности контролировать свои импульсы. Следует отметить, что беспечными родителями ему было разрешено вести себя фактически с садистской жестокостью по отношению к младшему брату. После обозначения моей уважительной позиции относительно его возвращения к учебе у г-на Р. появилось чувство безопасности как по отношению к «анализу» в целом, так и ко мне - в виде приглушенного и обычно скрытого восхищения мной как аналитиком.

Объектные отношения г-на Р. казались расплывчатыми и неопределенными, обусловленными стремлением властвовать, разделяя силу архаичной возвышенной фигуры. В более поздние сроки проведения анализа, источником этих объектных образов самости была грандиозная самооценка. Он поглотил имаго идеализированного отца, как маленький «мальчик-муж», когда его отец был в отъезде по работе, и он делил кровать с мамой. Позднее это сместилось на идентификацию этой экзальтированной самооценки с тенденциями к грандиозности у отца. Г-н Р. доказал свою способность устанавливать отношения с аналитиком как с идеализированным, обеспечивающим безопасность продолжением своей самости. Это исходило из позитивного опыта ранних воспоминаний, в том числе тех, когда он оставался с дедом во время отсутствия отца. Они были ограничены, а их восстановление сопровождалось необычно сильными чувствами и значительным прогрессом в процессе анализа. На более поздних этапах анализа, в период траура по деду, это позволило ему воспринимать аналитика как отдельного человека больше, чем в любое другое время.

Точка зрения, пользуясь которой он рассматривал жизнь в течение очень долгого времени, была всецело сосредоточена на болезненных воспоминаниях. Триумф в фантазиях и неудачи в реальности настолько поглотили его, что он не мог понять чувств и взглядов других людей.

Виньетка 3

Мисс Б. пришла на анализ из-за разрыва нескольких обещавших ей успех отношений с мужчинами. Она производила впечатление яркого, способного и независимого человека. Я определил ее симптомы как тревожно-истерические, сфокусированные на стремлении к сексуальной близости. Основные направления работы включали проработку интрапсихического конфликта, берущего начало в треугольнике проблем эдипового периода. Когда ей было семь лет, она столкнулась с неверностью отца матери и разводом родителей. После периода гнева, обиды и депрессии ее мать стала снова ходить на свидания с мужчинами. Долгий период, до того как ей исполнилось 14 лет, и ее мать повторно вышла замуж, оставался туманным. Воспоминания о том, как мать приводила домой мужчин, были вытеснены. Поначалу мисс Б. говорила, что она гордится и поддерживает свою мать как «современную» женщину. Постепенно проявились материалы первосцены, которые, совпав с наступлением половой зрелости пациентки, привели к сексуальному перевозбуждению и компульсивной мастурбации. Проработка конфликтов этого периода позволила глубже проанализировать необходимость избегания тесных контактов с мужчинами, но наряду с улучшением проявился краткий период беспричинного пессимизма, грусти и пониженной самооценки. Она возвращалась к первосцене, и ее ассоциации позволили по-новому взглянуть на ситуацию. Затем она вспомнила, как переживала из-за того, что слышала, как мать занимается сексом. Чтобы этого избежать, она попросила мать разрешить ей спать в более отдаленной от материнской спальни свободной

комнате для гостей. Мать согласилась, но постоянно откладывала выполнение своего обещания переселить дочь. Вскоре, продолжая все слышать, миссис Б. начала ощущать перевозбуждение и мастурбировать. Она вспомнила чувство боли и страшного разочарования в матери. Ее самый близкий и дорогой друг предал ее, заставил мучиться и переживать вину. Она чувствовала себя как «шлюха», а ее храбрая и современная мать вела себя как бесстыдная любительница эксгибиционистского секса и была «плохой». Мисс Б.плакала в беспомощном, болезненном бешенстве и отчаянном разочаровании. Она обнимала подушку и, как могла, успокаивала себя, пока не засыпала. В относительно короткий период анализа, когда мы занимались вопросом разочарования в матери, многие ранее проанализированные конфликты предстали в ином свете. Предпубертатный период теперь рассматривался не только как вспышка желания быть мальчиком и иметь пенис, но и как защита против того чтобы быть «шлюхой». Фантазии о том, чтобы посетить страну Оз, которые раньше интерпретировались как охота на отца-волшебника, теперь рассматривались как желание убить ведьму и оказаться под защитой доброй колдуньи Глинды.

В этот короткий промежуток анализа миссис Б. заново переживала пессимизм, грусть, разочарование и снижение самооценки. Эти чувства резко контрастировали с оптимизмом, бодростью, доверием и гордостью, перед которыми она обычно встречала препятствия. Будучи обычно уверенной в себе, она представляла себя в качестве союзника матери, в некоторой степени дистанцированного, но борющегося с проблемами вместе с ней. Фантазии, связанные с печалью, были отвергнуты и не поддерживались. Прижимаясь к подушке, она отчаянно пыталась восстановить ушедшее ощущение, что у нее есть близкий-близкий друг, как выдуманный, который был у нее в детстве. Ее защитная фантазия о том, чтобы быть мальчиком, спасала от того, чтобы быть «плохой, печальной дочерью плохой матери». В фантазии о стране Оз она могла восстановить оптимизм и активность, будучи под защитой доброй колдуньи.

Объектные отношения, представленные в этом периоде, контрастируют с ее обычным способом восприятия себя и своих проблем. Раньше она поддерживала четкое чувство непохожести на других. На этом этапе граница между ней и ее сексуальными проблемами, а также проблемами ее матери стала нечеткой, и она прибегла к обвинениям, следуя механизму проекции-интроекции. Ее первоначальное желание иметь пенис в большей степени касалось активности мальчиков, которой она завидовала, теперь же нужно было избежать унизительного слияния с матерью. Отступая от проблем, связанных с разочарованием в себе и своей матери, она вернулась к детским объектным отношениям, слиянию с подушкой-матерью (и переходным объектом) и своим alter-ego - фантазийным спутником. Расщепление объектов на черные и белые было заметно в ее ассоциациях с «историей Оз».

Первосцена для мисс Б. превратилась в два разных воспоминания. В одном она была наблюдателем, отделенным от участников, но возбужденным их стимулирующей деятельностью. Как во сне, когда сновидец воспринимает себя как наблюдателя и видит другие фигуры, с которыми он в различной степени идентифицируется, при этом сохраняя дистанцированность, мисс Б. частично идентифицировалась с обоими участниками. В то же время, она могла сохранить некоторую степень объективности в борьбе с собственными сексуальными желаниями, внутренним конфликтом с совестью и чувством вины. Другое воспоминание было более субъективным. Ее мать предала ее, и внешняя сила заставила ее плохо себя чувствовать. Эмпатия к позиции матери и зависть к её наслаждениям превратились в общее желание избавиться от ужасных чувств, которые были в мисс Б. Ничто не имело значения, кроме

эгоцентрической цели расслабиться, почувствовать себя комфортно, восстановить ощущение защищенности и того, что твои желания понимают и поддерживают.

Обсуждение

Я выбрал исследование З.Фрейда о Леонардо да Винчи и эти три клинических примера, потому что большинство психоаналитиков согласятся, что в каждом из них представлено проявление нарциссизма, доступное только для расширенного и глубокого анализа. В исследовании о Леонардо З.Фрейд определил как проявление нарциссизма тип выбора объекта и раннюю связанность с матерью. Г-жа А. - пример серьезного конфликта между эксбиционистскими стимулами и регулированием самооценки путем отзеркаливания.
Восприятие мира г-ном Р. сосредоточено на установлении всемогущественного контроля над реальным и воображаемым окружением с тем, чтобы сохранить чувство собственного достоинства, интеграции и безопасности. Случай миссис Б. иллюстрирует краткий, ограниченный инцидент, в ходе которого она создала крайне негативную самооценку, приведшую к выраженной потере устойчивого идеализированного родительского образа. Эти примеры отнюдь не исчерпываю множества клинических наблюдений, которые были описаны как нарциссические явления, но они слишком разнообразны, чтобы быт предметом дальнейшего анализа в рамках этой работы. Существует л поддающаяся описанию группа переживаний, которая будет иметь объединяющее качество или мотив?
Используя четыре приведенных выше примера, было бы трудно, как мне кажется, утверждать, что есть достаточное единство в аффектах и фантазиях для установления убедительного объединяющего мотива: любовь к себе, блаженство слияния, экспансивная демонстрация величия в полете; фантазии о том, чтобы быть талантливым, изысканным и успешным; выраженная гиперчувствительность, смущение, робость, зависть; холодность, высокомерие, равнодушие, обиды и униженность, мстительный гнев; пессимизм, грусть, разочарование, никчемность или фантазии о том, чтобы оказаться под доброжелательной защитой и руководством волшебной колдуньи.
Эти различные эмоции и фантазии могут быть связаны, только если рассматривать широкий спектр случаев. Обычно индивид существует в состоянии нарциссического равновесия: самость оценивается как субъективно, так и в связи с важными внутренними и внешними объектами. В то же время, самость уважает значимые объекты, от оценки которых зависит. Нормальное и патологическое напряжение могут возникнуть из ряда источников в рамках этого сложного равновесия. Может появиться желание или компенсационная необходимость эротизации значимости самости; может возникнуть самовлюбленность как в случае с легендарным Нарциссом; объект становится участником этой односторонней «любовной» интриги. Может возникнуть желание или компенсаторная необходимость осуществления всемогущественного контроля или самовозвеличения; объект может быть вынужден стать послушным субъектом-рабом-сторонником разрастающейся мощной самости. Возможно желание или компенсаторная необходимость самодемонстрации; отвага в образе блестящего рыцаря или ослепительной балерины; объект становится зеркалом-поддержкой, аплодирующим образом самости. Кроме того, напряженность может возникнуть прежде всего в связи с внутренним или внешним объектом. Объект может не ценить самость в резонно ожидаемой степени или не присоединиться к ожидаемому (и нужному) стандарту ценностей. Могут возникнуть желание или компенсаторная необходимость

идеализации объекта; может иметь место переоценка объекта, как героя; объект может восприниматься как совершенство.
В то время как аффекты и фантазии, участвующие в этих разнообразных сценариях, трудно объединить более или менее точно, объектные отношения обладают общей характеристикой: размывание различий между самостью и объектом. Объекты воспринимаются так, как будто они обладают идеализированными качествами самости, а самость - как продолжение объекта. Объекты находятся под абсолютным контролем грандиозной самости, кажется, что самость пребывает в совершенной гармонии с обожаемым и обожающим объектом и т.д. Иначе говоря, все положительно окрашенные различия между самостью и объектом имеют негативную сторону; например, самость воспринимается как девальвированный объект или некоторая расширенная часть самости, как фекалии. Или объект воспринимается как девальвированный плохой обидчик, тесно переплетенный с плохим аспектом самости и т.д. Однако при установлении в качестве критерия для нарциссизма такого различие между самостью и объектом следует помнить, что это не является чисто нарциссической чертой. В детстве или во взрослой жизни первобытного человека так же, как и в бессознательных фантазиях всех людей, стираются различия между границами тела и внешними «элементами», такими как еда и выделения; в состоянии отхода ко сну и пробуждении границы часто расширены; во время полового акта и оргазма различия между самостью и объектом могут размыться. Так же и во многих процессах идентификации, таких как мгновенно образующаяся «идентификация с агрессором», различия межу самостью и объектом стираются. В этих случаях регулирование собственного достоинства не является основным источником равновесия, а тревога может быть ответом на угрозу телу или психической целостности. Многие мимолетные «пятна-кольца» в идентификации самости и объекта приводят к приобретению навыков и работают в направлении индивидуации после очень непродолжительного период размытых отличий. Поэтому, чтобы стать критерием нарциссизма, размытость границ между самостью и объектом должны быть тесно связаны неравномерностью регулирования самооценки, включающей эротическое себялюбие, всемогущественный контроль, самодемонстрацию и/или идеализацию самости-объекта.
Финальный критерий эгоцентризма взглядов также дает определение опыта как нарциссизма. В исследовании о Леонардо да Винчи З.Фрейд описывает необходимый аспект последовательности развития на основании данного критерия. Изначально маленький ребенок с удивлением рассматривает окружающий мир. Он основывается на том, как мир посягает на него и как он может с этим бороться. Как правило, во многих сферах он отказывается от солипсистского восприятия реальности по мере того, как принимает свою зависимость от родителей не только в рамках ухода за ним, но и их суждений и ценностей. Однако под влиянием мягкого, поддерживающего одобрения и поощрения со стороны матери он частично сохраняет одностороннюю точку зрения. Затем, по мере того, как у него развивается способность воспринимать, запоминать, организовывать и моделировать, он убеждается в своих собственных взглядах, что позволяет ему (или заставляет его) ставить под сомнение авторитет других людей. Если он является необычайно одаренным человеком, непреодолимое желание поставить под сомнение взгляды других людей в сочетании с уникальными, творческими и исследовательскими способностями дает еще один толчок к сохранению той же высокой степени эгоцентризма. Данная склонность к односторонней точке зрения была усилена в Леонардо другим источником, который сближает его исследование З.Фрейдом с клиническими примерами. Мать Леонардо настолько высоко его ценила и так сильно о нем заботилась, что он был для нее и сыном, и мужем, считая себя

центральной фигурой в извращенном сознании, связанном с Эдиповым комплексом. Ему никогда ненужно было постигать, подчиняться, разделять и перенимать точку зрения труднопреодолимого соперника. Он мог испытать непрерывную грандиозность эротизированной самовлюбленности в одностороннем порядке, но, с другой стороны, с точки зрения З.Фрейда, ему не хватало дополнительного чувства ценности в глазах проницательного отца. Следовательно, он относился к своим великим шедеврам с таким же равнодушием, которое проявлял к нему его отец. Его реакциями руководил эгоизм: он игнорировал высокие оценки его работ, которые давали их постоянные покупатели, и относился к своим работам своенравно и разрушительно.

Что касается трех пациентов, то их эгоизм развился не в результате творческого выбора, а как неизбежная необходимость. Что-то подталкивало их отказаться от отношения, в котором их взгляд исходил от отдельной и независимой самости, существующей в контексте похожих или отличающихся взглядов других людей. Одна пациентка сказала, что когда она отключила термостат во время национального энергетического кризиса, то почувствовала себя хорошо, потому что признала нужды других и внесла свой вклад в общее дело. Затем, когда она замерзла, она могла думать только о собственном дискомфорте, и, несмотря ни на что, была в ярости из-за некомпетентности людей, по вине которых страдала. Независимо от того, склонен ли человек к эксгибиционистскому легкомыслию, или стремиться к тотальному контролю, или же чувствителен к любому невниманию, концентрация на собственной самости представляет собой нежелательный, зауженный фокус самовосприятия.

Теоретические соображения относительно предложенной линии развития нарциссизма

С того момента, когда З.Фрейд впервые предложил концепцию нарциссизма, аналитики провели наблюдения и на их основе были созданы различные теории. Э.Якобсон [10] неоднократно подчеркивал важность грандиозности, всемогущества и идеализации при нормальном развитии. В исследованиях Х.Кохута [14; 16] впервые была предложена отдельная линия развития нарциссизма (предреченная в исследовании Ш.Ференци в 1913 г. [4]). Х.Кохут описывал одну линию развития, которая приводит к объекту любви и двум взаимосвязанным, но в основном независимым линиям, которые приводят к более высоким формам и трансформациям нарциссизма. Линии нарциссизма развиваются на фоне двух структур, «грандиозного и эксгибиционистского образа собственной личности: грандиозной самости [14, с.25] и желанного, всемогущего (переходного) объекта любви: идеализированного образа родителя» [14, с.25].

При оценке, может ли предложение Х.Кохута выступать в роли безусловного утверждения линии развития нарциссизма (или двух независимых линий), должна рассматриваться перспектива, от которой эти исследования берут начало. Х.Кохут не стремился создать пошаговую последовательность опытов и структур, связанных с исследованиями каждой фазы и эпохи созревания и развития. Х.Кохут определял свой подход как «наблюдателя, занимающего вымышленное место в психической организации личности, с чьим самонаблюдением он многозначительно идентифицируется» [14, с.219]. Личности, на основании психоаналитических самонаблюдений которых Х.Кохут делал свои многозначительные глубокие выводы, - это пациенты, страдающие от «расстройства личности в виде нарциссизма, т.е. ненадежного единства самости и объекта самости с быстрой фрагментацией их конфигураций» [16, с.370]. Клинические исследования Х.Кохутом этих пациентов предоставляют самый сильный аргумент в пользу отдельной линии развития нарциссизма. Он

обнаружил, что эти пациенты формируют реакции переноса, которые раскрывают конфликты, практически полностью сводящиеся к проблемам нарциссизма. Анализ этих пациентов позволяет их архаичным формам грандиозной самости и идеализированных родительских объектов самости получить доступ к осознанию архаичных фантазий. Ранее полное осознание этих фантазий ограждалось для предотвращения потенциального перевозбуждения, болезненного обесценивания и фрагментации целостности чувства самости. При частичном воздействии переноса в безопасной аналитической ситуации может произойти интернализация построения структур. Затем эти пациенты могут пойти по отдельной линии развития нарциссизма к зрелым формам личных интересов и идеализации (Супер-Эго). Однако вместо того, чтобы решить данную проблему в пользу отдельной линии развития, клинические «доказательства» Х.Кохута привели к возникновению противоречий. Одна большая зона конфликта (эти реакции переноса развиваются в четко распознаваемой форме только при соблюдении особого метода и создании благоприятной терапевтической среды) распространяется за пределы данного документа. Я сосредоточусь на теоретических вопросах, которые возникли относительно выводов Х.Кохута, а не на его данных.

С моей точки зрения, Х.Кохут предоставил обширный фон для линии развития нарциссизма, а не структуру, которая вписывается в критерии А.Фрейд. Дж.Гедо и А.Голдберг утверждают: «Х.Кохут сделал три основных вклада в пересмотр психоаналитической теории нарциссизма: во-первых, концепция отдельной линии развития; во-вторых, концептуализация «двусторонних станций», грандиозной самости и идеализированного родительского образа; в-третьих, трансформации примитивного нарциссизма в функциональные характеристики с вторичной автономностью, такие как мудрость, симпатия, чувство юмора, творчество и принятие скоротечности» [8, с.82-83]. Большой разрыв между «двусторонними станциями» - младенчества и зрелых трансформаций - представляет собой ограничение его конструкции в качестве созданной линии развития. Этот разрыв является последствием теоретической точки зрения Х.Кохута о том, что патология в сфере нарциссизма в любой точке перехода самости в дальнейшей жизни повторяет проблему развития в самой ранней точке линии развития. Он утверждает, что именно опыт зеркального копирования, которое происходит в период формирования самости, становится прототипом определенных форм либо уязвимости в дальнейшем, либо надежности в сфере нарциссизма: «Превратности раннего формирования самости определяют форму и курс дальнейшего психологического развития, которое является аналогом важной ранней фазы» [16, с.367]. Более поздние периоды перехода, требующие перестановки самости, «представляют собой эмоциональные ситуации, которые реактивируют период формирования самости» [16, с.367]. Следовательно, при оценке психопатологической ситуации поздней юности в сфере нарциссизма Х.Когут [16] задается вопросом: «Каким именно образом текущая ситуация повторяет ранний период? Какое травматическое взаимодействие между родителем и ребенком (когда ребенок начал выстраивать грандиозную эксгибиционистскую самость и всемогущественный объект самости) теперь повторяется у пациента, и, наиболее важно то, как оно возрождается в одной из отдельных форм нарцистического переноса?» [16, с.368].

Х.Кохут предлагает парадигматический опыт формирования самости «в переходном периоде между последней частью этапа симбиоза и ранней частью этапов индивидуализации в значении М.Малер» [14, с.220]. Это точка в развитии, в которой, согласно М.Малер, примитивное «чувство самости» вырастает из взаимного либидинозного зеркального копирования во время симбиотической фазы [23, с. 19]. Х.Кохут утверждает, что недостаток

материнского подтверждения и одобрения зеркального копирования 'предотвращает трансформацию архаичной грандиозности и эксгибиционизма по реалистичным линиям. Эти архаичные реалистичные формы остаются «неизменными» блоками развития, так как они отделяются и не могут подвергаться положительному воздействию созревания по линии развития, приводящему к более реалистичным отношениям с объектом. Тем не менее, когда Х.Кохут попытался продемонстрировать, что архаичные фантазии, появляющееся при нарциссическом переносе, являются «неизменными» возрождениями младенческих форм, он признал наличие теоретических сложностей. Х.Когут утверждал: «Возможно, зеркальный перенос в самом узком смысле является единственным аспектом, который по крайне мере приблизительно соответствует узнаваемой фазе развития, в то время как молчаливое слияние с психоаналитиком в ходе расширения грандиозной самости объекта самоанализа и переноса второго Я (форма нарциссического переноса) являются восстановлением регрессивных позиций, занятых в раннем детстве (в предэдипов период) после неудачного этапа зеркального копирования» [14, с. 123].

Х.Кохут ставит этапы слияния и нормального развития самости alter-ego до последней четверти первого года жизни. Х.Кохут утверждает, что при неудачном зеркальном копировании архаичные формы нарциссизма восстанавливаются позже, и это уже не «заблокированный» оригинальный младенческий опыт, а восстановленные формы, которые наблюдаются при нарциссическом переносе. Для моделирования линии развития нарциссизма при помощи слияния и нарциссических переносов сложно определить, рассматриваем ли мы очень ранний заблокированный опыт или имеет место повторная регрессивная реконструкция с примесью ранних и поздних проявлений. Более того, даже если преодолеть эту запутанность предположений Х.Кохута, сохраняется необходимость разделения патологических образований и нормального развития.

Я считаю, что при моделировании линии нормального развития нарциссизма более эффективно рассматривать слияние как регулярно происходящие события в каждодневной жизни растущего ребенка, ресурс в его нормальном колебании между принятием прогрессивных образов самости и возвращением к ранним позициям защищенности (5, с. 106-107). Случайный ресурс слияния может играть нормальную роль в прогрессивно-регрессивных колебаниях расширения самости, когда ребенок оказывается под угрозой обесценивания фаллической грандиозности, а линия нормального развития нарциссизма должна включать в себя эти проявления слияния с нотками эротизма.

При рассмотрении формы нарциссического переноса, даже если он относится к очень раннему этапу, я считаю необходимым смоделировать линию развития нормального нарциссизма для соединения фантазий близости alter-ego с периодом развития вымышленных товарищей по играм. Во время этого периода, приблизительно от двух до пяти лет [25], маленькие дети сталкиваются с множеством соответствующих возрасту конфликтов как по линии развития любви к объекту, так и по линии нарциссизма, что способствует появлению вымышленного товарища по играм. Эти вымышленные двойники выполняют множество функций, но в некоторых случаях они в основном снимают нарциссическое напряжение ребенка, например, связанное с отсутствием сочувственного понимания со стороны родительского объекта самости. Затем вымышленный друг превращается в организованную конфигурацию или «структуру», созданную ребенком и основанную на линии развития нарциссизма между созданием объекта переноса младенца и эротизированными экспансивными вымышленными конструкциями ребенка старшего возраста [1].

Моя точка зрения заключается в том, что при существовании отдельной линии

(или линий) развития нарциссизма наравне с отдельной и индивидуализированной самостью и обособленным объектом будет необходимо четко определить проявления грандиозного объекта самости, которые формируются на каждом этапе развития. Для этого могут понадобиться сравнительные исследования тех, кто внес вклад в наше понимание процессов отделения и индивидуации в каждый период жизни [24; 29; 30]. Я попытаюсь в нескольких словах описать уже сделанные существенные вклады. Ф.Гринэйкр [9] описала экспансивное чувство жизнеспособности маленького ребенка во время его изучения воздуха, потоков воздуха, ритма работы организма и эрекции. Дж.Гедо и А.Голдберг продвинулись на шаг вперед, когда «сфера грандиозности необратимо ограничивается фаллосом ребенка. Подобным образом, идеализация родителей в дальнейшем фокусируется на их фаллических характеристиках» [8, с.85]. Х.Кохут описывает судьбу потока нарциссизма, который начинается с архаичного объекта самости. Как правило, это «идеализированный аспект родительского образа, связанного с эдиповым комплексом» [14, с.42] играет важную роль в массивной интернализации, на основании которой формируется Супер-Эго.

«Даже в начале латентного периода, если все еще частично идеализируемый внешний аналог нового интернализируемого объекта болезненно уничтожается, то идеализация Супер-Эго будет неполной и приведет к тому, что человек (даже обладающий ценностями и стандартами) будет вечно искать внешние идеальные образы, от которых он будет стремиться получить одобрение и право на лидерство, которые не может предоставить его недостаточно идеализированное Супер-Эго» [14, с.48-49].

В этом периоде, как я бы предположил, вопросы грандиозности самости вновь возникают в сферах конкуренции гомогенных групп и в рамках идеализации родителей в романтических семейных фантазиях до конца этого периода. Юность предвещает далеко идущую реструктуризацию грандиозной самости и идеализированных объектов самости.

«В период юности человек, как правило, испытывает мимолетные, интенсивные и желанные фантазии собственной самости и объектов, <...> характеризуемые экспансивностью, напоминающей фаллический период. <...> Эти опыты - либо одиночные, либо совместные, характеризуются интенсивностью убеждения, которое всегда кажется синонимом самого понятия жизни. С психоаналитической точки зрения, известно, что эти опыты являются сознательными событиями, которые играют важную роль в изменчивом состоянии психической организации, что приводит к реорганизации и окончательной интеграции концепций ценностей личности. <...> Так как эти фантазии включают в себя идеализированную версию самости и объекта, в них содержится ядро <...> ориентира содержимого для идеала эго. <...> Тем не менее, сами по себе фантазии в период юности должны пройти стабилизирующий этап развития, который меняет подход к жизни и подчиняется принципу "все или ничего, добро или зло"» [21].

Х.Кохут описал исследование нарциссизма во взрослой жизни в своих рассуждениях о мудрости, сочувствии, творчестве и принятия быстротечности. Многие аспекты расстройств нарциссического равновесия, которые возникают в браке, при обретении родительского статуса, отношениях между поколениями [22], в ходе кризиса средних лет [13] и при старении [2], являются частью завершенной линии раз вития нарциссизма.

Выводы

На основании представленного выше обсуждения заданный изначально вопрос «Существует ли линия развития нарциссизма?» можно разбить на два. На

первую его часть - «Есть ли теоретическая и клиническая ценность концепции линии развития нарциссизма?» можно ответить «да». Клинические доказательства подтверждают группирование опытов, которые можно определить в рамках воздействий и фантазий, типа отношения к объекту и перспективы, которая изображает важные психологические события от младенчества в течение всей жизни. Теоретическая ценность определения таких конструкций, как грандиозная самость и идеализированные объекты самости, может обосновываться их ценностью в качестве концепций, систематизирующих клинические данные.

На вторую часть поставленного в начале вопроса - «Была ли разработана более или менее полная линия развития нарциссизма?» можно ответить «нет». Х.Кохут представил базовую концепцию, основные положения которой находятся в рамках от младенческих архаичных структур до взрослых форм и трансформаций. Он указал «двусторонние станции» на линии, многие другие психоаналитики также внесли в рассмотрение этой темы существенный вклад. Тем не менее, многие вопросы требуют дальнейшего и более подробного рассмотрения.

В целом, мой первый вывод заключается в том, что общая концепция «линии развития» является концептуальной стратегией, имеющей ценность в рамках многомодельной теоретической системы психоанализа [26]. Он позволяет сконцентрировать внимание на отдельных генетически построенных последовательностях развития и переходить от одной последовательности к другой, согласно отдельным клиническим и теоретическим потребностям.

Во-вторых, я считаю, что полная линия развития нарциссизма предоставила бы убедительную картину достижений и неудач отдельной личности в уникальной сфере его жизненного опыта.

Литература;

1.Benson R., Pryor D. «When friends fall out»: developmental inter-ference with the function of some imaginary companions// Journal of the American Psychoanalytic Association. 1973. Vol.21. P.457-473.

2.Bereztn M. The fate of narcissism in old age: case reports. /. ger. Psych. 1977 10, 9-45.

3.Ferenczi S. On obscene words. (1911)// Selected Papers, vol. 1 New York: Basic Books, 1950.

4.Ferenczi S. Stages in the development of the sense of reality (1913)// Selected Papers, vol. 1. New York, Basic Books, 1950.

5.Freud A. Normality and Pathology in Childhood. New York: Int. Univ. Press. 1965

6.Freud S. Leonardo da Vinci and a memory of his childhood (1910)// The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud. Vol. 11. London: The Hogarth press; The institute of psychoanalysis, 1974.

7.Freud S. The interpretation of dreams (1900)// The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud. Vol. 4-5. London: The Hogarth press; The institute of psycho-analysis, 1974.

8.Gedo J., Goldberg A. Models of the Mind. Chicago: Univ. of Chicago Press. 1973

9.Greenacre P. Respiratory incorporation and the phallic phase// Psychoanalytic Study of the Child. 1951. Vol.6.

10.Jacobson E. The Self and the Object World. New York: Int. Univ. Press. 1964

11.Kernberg O. Borderline Conditions and Pathological Narcissism. New York: Aronson. 1975

12.Kernberg O. Object Relations Theory and Clinical Psychoanalysis. New York: Aronson. 1976

13.Kernberg O. Pathological narcissism in middle age (1977). (Presented at a

meeting of the Am. Psychoanal. Ass., Quebec; unpublished.)
14.Kohut H. The Analysis of the Self. New York: Int. Univ. Press. 1971
15.Kohut H. The Restoration of the Self. New York: Int. Univ. Press. 1977
16.Kohut H. Thoughts on narcissism and narcissistic rage// Psychoanalytic Study of the Child. 1972. Vol.27. P.
17.Lichtenberg J. Freud's Leonardo: psycho-biography and autobiography of genius// Journal of the American Psychoanalytic Association. 1978. Vol.26.
18..Lichtenberg J. Pre-structural ego psychology. International Encyclopaedia of Psychiatry, Psychology, Psychoanalysis and Neurology. New York: Van Nostrand, Reinhold. 1977
19.Lichtenberg J. The development of the sense of self// Journal of the American Psychoanalytic Association. 1976. Vol.23. P.453-484.
20.Lichtenberg J. The testing of reality from the standpoint of the body self// Journal of the American Psychoanalytic Association. 1978. Vol.26. P.
21.Lichtenberg J., Lichtenberg C. Prince Hal's conflict, adolescent idealism, and buffoonery// Journal of the American Psychoanalytic Association. 1969. Vol.17. P.873-887.
22.Lichtenstein H. The effect of reality perception on psychic structure: a psychoanalytic contribution to the problem of the «generation gap»// Ann. Psychoanal. 1974. Vol. 2. P.349-367.
23.Mahler M. On Human Symbiosis and the Vicissitudes of Individuation. New York: Int. Univ. Press. 1968
24.Marcus I. (reporter) Panel on «The experience of separation-individuation in infancy and its reverberations through the course of life: II. Adolescence and maturity// Journal of the American Psychoanalytic Association. 1973. Vol.21. P.155-167.
25.Nagera H. The imaginary companion: its significance for ego development and conflict solution// Psychoanalytic Study of the Child. 1969. Vol.24.
26.Noy P. Metapsychology as a multimodel system// The international review of psycho-analysis. 1977. Vol.4. P.I-12.
27.Schafer R. Aspects of Internalization. New York: Int. Univ. Press. 1968
28.Spruiell V. Three strands of narcissism// The Psychoanalytic Quarterly. 1975. Vol.44. P.577-595.
29.Sternschein I. (reporter) Panel on «The experience of separation-individuation in infancy and its reverberations through the course of life: maturity, senescence, and sociological implications))// Journal of the American Psychoanalytic Association. 1973. Vol.21. P.633-645.
30.Winestine M. (reporter) Panel on «The experience of separation-individuation in infancy and its reverberations through the course of life: I. Infancy and childhood))// Journal of the American Psychoanalytic Association. 1973. Vol.21. P.135-154.

У.В.Мейсснер

ЗАМЕТКИ О НАРЦИССИЗМЕ

Meissner W. W. A note on narcissism// The Psychoanalytic Quarterly. 981. Vol. 50. P.77-89.

Связь концепции нарциссизма с концепцией самости (self) пересматривается в свете формулировки Х.Хартманна о нарциссизме как катексисе самости.
Хотя формула верна, обратное соотношение оставляет вопрос открытым. Предполагается, что выводы для психологии самости независимы (хотя и не отделены) от динамики нарциссизма в отношении понимания перверсий, развития, парциссических объектных отношений и самооценки. Предполагается возможность использования психологии самости в каждой области.

Моя цель - внести некоторые пояснения, которые кажутся мне во многих смыслах необходимыми при обсуждении развития психологии самости. Положение, которое мне хотелось бы обозначить, заключается в том, что психологию самости не следует рассматривать как синоним динамики нарциссизма. Я бы предложил рассматривать психологию самости как подходящую область клинического и теоретического дискурса, которая имеет значение за пределами вопросов нарциссизма и, фактически, независима от этих вопросов. Для прояснения этой перспективы полезно сделать небольшой исторический экскурс.

Концепция нарциссизма имеет богатую и сложную историю. Хот З.Фрейд, как оказалось, не был оригинален в самой идее, его раны; разработки представления о нарциссизме [2] имели существенное значение для последующего развития психоаналитических идей. Фрейдовские оригинальные формулировки были сделаны в терминах теории инстинктов; в них нарциссическое либидо как либидинозное вложение в Я противопоставляется объектному либидо как либидинозному вложению во внешние объекты и/или репрезентации объектов. Фрейдовское использование термина «Я» было продиктовано состоянием его теории на тот момент. Она не имела какой-либо иной внутренней точки отсчета, и предназначалась только для различения объекта внутреннего либидинозного вложения от репрезентации внешней реальности.

Хартманновская «перефокусировка» проблемы нарциссизма явилась важным шагом вперед и точкой импульса для появляющейся психологии самости. Используя более четко сформулированную и развитую концепцию Эго и соответствующее развитие Эго-психологии, Х.Хартманн [4] обнаружил, что собственно противопоставление терминов было между самостью и объектом, с одной стороны, и Эго и другими субструктурами личности, с другой. Так он предположил, что Эго и самость понимаются и описываются в различных системах понятий. Точным противопоставлением объектному катексису должен быть не Эго-катексис, а катексис самости. Таким образом, нарциссизм может рассматриваться как нечто присутствующее во всех системах описания психики, но в каждой из них он служит соответствующим противопоставлением объектному катексису. Следовательно, надлежащее определение нарциссизма - это либидинозный катексис не Эго, а самости.

Пояснение Х.Хартманна явилось важным вкладом, так как оно отделило спорные вопросы о нарциссизме от собственно Эго-психологии. Однако таким

образом оно установило имплицитную связь между психологией самости и нарциссизмом. Эта связь автоматически подразумевается и остается неоспоримой в последующих обсуждениях психоаналитических представлений о самости. Момент, который мне хотелось бы обозначить в настоящем обсуждении, состоит в том, что формулировка Х.Хартманна сохраняет правомерность. Другими словами, нарциссизм имеет отношение к формам либидинозного катексиса самости как объекта. Но обратной стороной утверждения Х.Хартманна является то, что самость эквивалентна объекту нарциссического катексиса, что оказывается ошибочным и вводящим в заблуждение. Тогда возникает вопрос, не строится ли большая часть всей последующей истории психоаналитического обсуждения нарциссизма и его связи с самостью на неявном допущении того, что верны как изначальные утверждения Х.Хартманна, так и их обратная сторона.

Задача оценки последующих путей развития теории нарциссизма упростилась, благодаря недавним пространным исследованиям вопроса С.Пулвером и Б.Муром. С.Пулвер [16] проследил историческую эволюцию концепции нарциссизма, в частности, подчеркивая расширение термина таким образом, что он стал включать в себя почти любую форму психологического интереса, привязанного к самости. С.Пулвер обратил внимание, что он используется клинически для обозначения сексуальных перверсий и генетически - для обозначения стадий развития с определенными характеристиками. В применении к объектным отношениям он применяется для обозначения как типа выбора объекта, так и способа взаимодействия с внешней средой. И, наконец, он применяется для обозначения клинических состояний самооценки. В итоге возникла определенная теоретическая путаница, обычно появляющаяся в результате неспособности дифференцировать различные формы нарциссизма.

Б.Мур [15] по существу исследовал ту же область, но в результате предложил сохранить термин «нарциссизм» для обозначения широкого спектра форм, которые он объединяет как тип центрального концепта, обеспечивающего организующую матрицу для теоретических построений. В этом смысле концепт не поддастся попыткам сузить его определение. Таким образом, усилия, направленные на то, чтобы ограничить или дифференцировать его, приведут к тому, что он потеряет что-то. Эти два описания создают варианты стратегий обобщения и раздробления, которые выражаются через дифференциацию (разделение), с одной стороны, концепта и сохранение глобального концепта (обобщение) с другой.

В последующем обсуждении я все время буду иметь в виду следующее основное предположение, что различные аспекты психологи самости могут: а) быть отделены от проблем и превратностей нарциссизма и, заодно, б) представлять область отдельной и отличной от него концептуализации в психоаналитической теории. Я не преподношу и не могу преподносить этот довод как свершившийся факт. Это скорее серия предположений, рекомендаций, гипотез для дальнейшего исследования. Я рассмотрю этот подход относительно различных аспектов современного понимания нарциссизма. В каждой области рас смотрение самости в центре внимания может принять форму отдельной линии концептуализации, а может и не принять, либо может быть обозначено в различной степени в разных контекстах. В отдельных случаях можно ожидать слияния, наложения, определенной формы взаимодополняемости перспектив, в целом привычных аналитическому пониманию. Таким образом, раздельное рассмотрение вопросов, связанных с развитием самости, может ставить в центр внимания отдельные аспекты процесса развития, однако процесс развития самости происходит в рамках матрицы факторов воздействия, включающих инстинкты, формирование структуры (в Эго и Супер-Эго), объектные отношения, защиты,

конфликты - полный набор психоаналитических детерминант.
В этой связи нам мало пользы от того, что наша развивающаяся концепция самости в качестве психоаналитического теоретического конструкта может быть отделена от понятия «идентичность». С.Абенд [1] обеспечил нас полезной платформой для размышлений в этом направлении. Однако его работа не рассматривает важный вопрос объединения в одно целое или разведение как самость, так и «идентичности» в контексте нарциссических детерминант. Более того, его определение самость проигрывает с точки зрения «ментального конструкта, состоящего из репрезентаций самости» [1, с.615]. По моему мнению, эта формулировка в большей мере применима к концепту идентичности, чем к концепту самости. Я сформулировал свои возражения против о репрезентационного взгляда на самость [13; 14]. Обсуждение того, как самость может быть осмыслено психоаналитической теорией, лежит вне пределов рассмотрения этой работы.
Переместим наше внимание на различные области, в которых вопросы нарциссизма являются центральными. Первая - это восприятие нарциссизма как перверсии. Как указал Х.Кохут [9], существуют определенные формы перверсий, в которых основная проблема не связала с конфигурацией инстинктов или защитами против них. В таких случаях первичная психологическая конфигурация, в которой инстинкт становится составляющим фактором, это взаимоотношение между самостью и его непосредственным самость-объектом, или фундаментальная угроза формированию самости, связанная с отсутствием эмпатического отклика объекта. Я пойду дальше и предположу, что существуют не только формы перверсии, в которых защиты против «производных инстинкта (кастрационной тревоги) являются основным фокусом патологии, но есть также и формы перверсий, которые выражают скрытые нарциссические проблемы и уязвимости. В дополнение к этому, существуют формы перверсий, которые могут быть различными способами связаны с неудачами в интеграции чувства самости или ее организации, вызваны ли те недостаточностью или отсутствием эмпатического отклика объекта, или каким-либо другим сбоем, нарушающим (какой-либо другой проблемой, нарушающей) организацию и функционирование системы самости.
Понимание перверсий, согласно этому взгляду, может находиться в пределах трех отдельных, но очень часто связываемых теоретических основ. Первая - эта фаллически-эдипальная основа перверсий, обычно включающая страх кастрации и соответствующие защиты. Вторая - это нарциссическая система координат, которая делает акцент на нарциссически рекомпенсирующие и защитные функции перверсии. Третья - это структура организации самости, продолжающейся за пределами собственно нарциссических составляющих. Здесь предметом рассмотрения в большей мере следует считать связанность и интегрированность самости, так же, как роль перверсий в превратностях объектных отношений. Эти многочисленные концепции могут быть более или менее связаны между собой в отдельных случаях, или же они могут применяться, совпадая друг с другом, или дополняя друг друга, в соответствии с принципами множественной детерминации, характерной для всего аналитического понимания. Определенные фетиши, к примеру, могут служить не просто в качестве «заплаты на прорехе в генитальной области образа тела» [3, с. 163], но могут, в более широком смысле, служить протезом дефектному чувству самости. Я могу предположить, что некоторые из формулировок Х.Кохута [9], рассматривающих перверсии как отражение патологии самости могут найти применение здесь, если их удастся освободить от ограничений нарциссической системы взглядов и привязки к самость-объектам.
По тому же принципу использование понятия нарциссизма для описания стадии развития несет в себе имплицитное значение определенных качеств опыта

развития, чьи корни лежат в идентифицируемых видах нарциссической динамики, в частности, в вопросах инфантильного всемогущества, грандиозности и потребности в идеализируемых объектах. Как указывает С.Пулвер [16], рассматривая ранние инфантильные проявления как нарциссические, мы допускаем предположение, что смещения нарциссического катексиса являются, фактически, причинами или объяснениями форм инфантильного поведения и их производных. Инфантильное всемогущество, с этой точки зрения может быть в равной степени приписано как незрелости перцептивного аппарата ребенка и невозможности различения внутренней и внешней сфер опыта, так и проблемам нарциссического катексиса. Несомненно, поднятые вопросы заслуживают тщательного изучения, имеющего цель определить, в какой степени эти наблюдаемые составляющие инфантильного поведения отражают степень когнитивной несостоятельности или неадекватности развития прочих функций Эго, в отличие от подлинно нарциссических превратностей. В любом случае, я бы предположил, что важные параметры психологического развития связаны с сепарацией, организацией и индивидуацией аутентичного чувства самости. В более строгих структурных терминах этот процесс может рассматриваться с позиции дифференциации и интеграции системы самости или организации самости. Система самости имеет историю развития, связанную и зависящую от путей развития других аспектов психической интеграции, включая инстинкты, функции и способности Эго, Супер-Эго и т.д.

Несмотря на то, что развитие системы самости тесно связано и отражает паттерны развития в этих различных областях, оно обладает собственными независимыми характеристиками, которые можно отдельно проследить, включая ряд важных задач и вопросов развития, и к может быть сведено к какой-либо отдельной линии. Согласно определению М.Малер и ее коллег [11], важные поворотные моменты в этой программе развития случаются в точках самость-объектной дифференциации и в процессе сепарации-индивидуации. Эти поворотные моменты содержат в себе ключевые аспекты консолидации идентификаций и сексуальной идентичности в эдипов период и затем найдут важное воплощение и переработку в фазах дальнейшего пубертатного развития. Более того, если придерживаться предложенной здесь точки зрения, организация и развитие самости не могут быть приравнены и не являются синонимами превратностям нарциссического развития.

Третья область, в которой применяется теория нарциссизма, это нарциссизм как способ взаимодействия с объектами. Совершенно очевидно, что исходная фрейдовская экономическая модель, предполагавшая, что любому изъятию либидо от внешних объектов сопутствует увеличение нарциссического катексиса, более не является состоятельной. Тем не менее, остаются определенные аспекты способа установки связи с объектами, которые могут быть описаны как нарциссические. Дополнение исходных взглядов З.Фрейда со стороны Х. Кохута, а именно, идея, что данный катексис определяется как нарциссический не на основании того, к какому объекту он привязан, а верее, исходя из качества этой связи, преобразует нарциссическое мнение и вклинивается между его значениями, сформулированными Х.Хартманном. Сам Х.Кохут говорит: «В моей системе взглядов нарциссизм определяется не целью иного вложения (а именно, тем, идет ли речь о самом субъекте или о других людях), а природой или качеством инстинктивного заряда» [8, с.26]. Другими словами, нарциссизм более не рассматривается исключительно как катексис самости, а скорее - представляет собой качество инстинктивного вложения, будь то в самость или в объекты.

Давайте вернемся к более ранним пояснениям Х.Хартманна. Он подчеркивал, что самость и объект являются вполне коррелирующими понятиями,

находящимися в общей структуре. Таким образом, объектные отношения, строго говоря, противопоставляются и соотносятся с отношениями самости. Нарциссическое или объектное либидо не является основой ни для какой из этих категорий взаимоотношений. Объектные отношения не определяются исключительно формулировками объектного либидо, так же как и отношения самости не определяются формулировками нарциссического либидо. Как объектное либидо, так и нарциссическое вложение, могут играть решающие, если не дифференцирующие, роли в объектных отношениях. В то же время нет никаких специфических причин редуцировать поле объектных отношений, в смысле отношений самость-объект или самость-другой, до формулировок объектно-инстинктивных или нарциссическое либидинозных вложений, или их производных. Тем не менее, я бы предположил, что существует важная область в психологии объектных отношений, конкретно принадлежащая аспектам зависимости «самость-другой» и паттернам взаимодействия, которые на данный момент занимают не слишком большое место в аналитической теории. Эти аспекты связи «самость-другой» являются центрально важными вопросами с точки зрения таких проблем развития, как связанность с объектом [12], материнская компетентность в раннем инфантильной развитии и любовные отношения [5; 6; 7].

Последняя область применения концепта нарциссизма касается самооценки. С.Пулвер [16] особенно отмечает это использование как сбивающее с толку и вводящее в заблуждение. Он сделал заключение, что использование концепта нарциссизма для обозначения либидинозного вложения в самость, по существу, не согласуемая с его использованием в качестве эквивалента самооценки. Корни проблемы лежат в защитной роли чувства собственного достоинства, манифестированного/выраженного в виде чувства превосходства и мании величия, которые обычно воспринимаются как патологические, и реалистичного и не играющего защитную роль хорошего мнения о себе или высокой самооценки, характерной для здорового и адаптивного функ-ционирования личности. Оба этих аспекта рассматриваются в качестве форм самооценки и приписываются превратностям нарциссизма. Использование понятий хорошего и плохого нарциссизма является промежуточным приемом отражения лежащих в основе оценочных суждений, но не обеспечивает надежный базис для понимания. С.Пулвер указал на то, что перевод этих формулировок в структурные концепты обеспечивает способ понимания хорошего, здорового нарциссизма как формы самооценки, базирующейся на приятных образах самости, а плохого нарциссизма - как высокого самомнения, базирующегося на защите против скрытых неприятных образов.

С точки зрения психологии самости, свободной от превратностей нарциссизма, более ясно видно, что самооценка в здоровом и адаптивном значении может отражать гармоничную по своей структуре интеграцию системы самости наряду с адаптивной и интегрированной организацией ее действующих субсистем. Следуя тому же принципу, можно утверждать, что личности, чье патологическое самомнение выражается в ощущении собственного превосходства и грандиозности, недостает подобной интегрированной и хорошо функционирующей системы самости, вследствие чего она вынуждена заменять ее формами патологического нарциссического катексиса, укладывающимися в паттерны крайностей, обусловленных защитами.

В этом смысле достижение аутентичной самооценки может быть понято без обращения к нарциссической динамике. Она становится категорией психологии самости, которая основывается на ее организации и функционировании как отдельно осмысляемой системы, независимой от нарциссических вкладов в нее. В то же время, стоит напомнить себе, что нарциссические катексисы действуют не изолированно от аспектов организации и функционирования системы

самости. Определение Х.Хартманна сохраняет свою значимость в той мере, в какой нарциссизм имеет отношение к катексису самости и ее функциям. Когда система самости в должной мере хорошо организована и адаптивно функционирует, нарциссические вклады обычно тоже хорошо отрегулированы и не служат источником патологических исканий. Патологические превратности нарциссизма становятся господствующими только тогда, когда возникают сбои и дефекты в системе самости. Тем не менее, нарциссическая динамика и организация и функционирование системы самости действуют как раздельные и независимые, каждая со своим наборов вопросов, движущих сил, проблем и четких формулировок.

Аналогичные комментарии могут быть адресованы глубоким идеям Х.Лихтенштейна [10] о возникновении первичной идентичности в связи с важным опытом материнского «отзеркаливания». Я не готов утверждать, что подобный опыт имеет место вне важнейших нарциссических динамик. Х.Лихтенштейн довольно ясно формулирует, что подобная связь действительно существует. Однако я опасаюсь, что; такие вопросы могут выходить за рамки нарциссизма. Другими словами, могут существовать важные аспекты взаимодействий мать-ребенок, имеющие отношение к самому раннему пласту формирования самости, которые могут быть скорее более ясно и точно сформулированы в терминах формирующейся самости и ее психологии, чем в терминах, которые мы относим к вопросам нарциссизма. Психология самости в ее современном состоянии теоретической путаницы не способна четко направлять эти исследования, однако благодаря перспективе, которую я здесь предлагаю, могут появиться дальнейшие вопросы в этих важных областях, имеющих отношение к развитию, объектной зависимости и пониманию важнейших форм интернализации. Мой аргумент заключается в том, что даже на этих ранних этапах взаимодействия матери и ребенка, включающих формирование первичной идентичности, присутствуют зачаточные элементы формирующегося чувства самости и его взаимоотношений с объектами, которые не могут быть просто приписаны нарциссическим и объектно-либидинозным элементам. Это открывает путь к дальнейшему исследованию способов, с помощью которых нарциссические объектные вложения, нарциссические вложения в самость и объектные инстинктивные вложения (относящиеся как к либидо, так и к агрессии) взаимодействуют и участвуют в формировании и консолидации системы самости.

Рассмотрение природы этого явления будет неполным без некоторых дальнейших комментариев относительно вклада Х.Кохута [8; 9] -его работы обеспечили наиболее существенный и важный вклад в развитие психологии самости в современном психоанализе. Тем не менее, рассуждения Х.Кохута о психологии самости порождены точкой зрения, включающей в себя пересмотр нарциссизма и его противоположностей Х.Хартманном. Для Х.Кохута нарциссизм, по существу, является эквивалентом катексиса самости. Более того, понимание самости Х.Кохутом, в свою очередь, складывается в терминах динамики нарциссизма. Самость вырисовывается из архаического первичного нарциссизма в форме ядерных нарциссических структур, которые на самом примитивном уровне определяются грандиозной самостью и идеализированными родительскими имаго. Далее курс развития сам по себе прослеживается в терминах превратностей объектов самости, которые преобразуются в функционирующие аспекты более интегрированного и связного чувства самости посредством преобразующих интернализаций.

Синонимичность нарциссизма и самости отражена в этом, до некоторой степени неуклюжем, выражении «самость-объект». Объект, наделенный нарциссическим катексисом, и взаимоотношения, с которым имеют нарциссическое качество, становится самость-объектом (Эта формулировка

является компромиссом с хартмановским нарциссическим уравнением. Если самость является объектом нарциссического катексиса, что бы ни было нарциссически катектировано, это должно быть самость или какое-либо расширение. Таким образом, нарциссически катектированный объект, даже если он отличен от самости, становится самость-объектом). Эта формулировка вызывает некоторые трудности не только из-за проблем концептуализации природы самость-объекта, но также потому, что, согласно ей, основа подобных отношений, по существу, является нарциссической, что не оставляет места для функционирования других динамических или структурных факторов в ходе формирования подобных объектных отношений.

По существу, Х.Кохут обращается к сложным объектным отношениям, в которых на процессы взаимодействия проекций и интроекций в значительной степени воздействуют нарциссические движущие силы. Точка зрения, которую я развиваю в этой работе, предполагает, что эти отношения могут в значительной степени подвергаться влиянию агрессивных и других инстинктивных компонентов, способных взаимодействовать с нарциссическими детерминантами различными сложными путями, но также могут оказывать влияние на качество «объектных отношений совершенно независимо от сферы нарциссизма. Уравняв самость с нарциссизмом и рассматривая взаимодействие самость-объект как исключительно нарциссическое, мы оставляем мало места для прочих форм сложных взаимодействий объектов самости, которые могут мало иметь или вообще не иметь ничего общего с динамикой нарциссизма.

Трансакции самость-объект могут, фактически находиться, под воздействием либидинозной или агрессивной детерминант, как я уже предполагал, а могут также включать сложные трансакции самости и его значимых объектов, которые ни в коей мере нельзя описать в традиционных терминах, как либидинозных, так и агрессивных или нар-циссических, и которым еще предстоит дать определение и осветить с помощью ресурсов более ясно сформулированной и развитой психологии самости. Следовательно, с позиции, которая выдвигается в этой дискуссии, усилия Х.Кохута вносят важный вклад и подводят к развивающейся психологии самости, но эта тесная связь между аспектами психологии самости и динамикой нарциссизма как терминологически так и концептуально ограничены, и в значительной степени сокращают потенциальную область применения и понимания аутентичной психологии самости.

Следующей сложностью в терминологии самость-объект является тот факт, что не всегда возможно четко определить, может ли ее использование адекватно выделить подобное отношение самость-объект из контекста, в котором существует недостаток дифференциации самость-объект. Возникает ощущение, что Х.Кохут вообще не учитывал этот момент в контекстах, в которых он пытается описать эффекты отношений self-объект в более зрелых личностях. В подобных условиях кажется очевидным ,что отношения самость-объект простираются далеко за пределы сферы недостаточности дифференциации самость-объект. Однако в других контекстах, когда Х.Кохут пытается описать природу отношений объект самости и их превратностей, кажется очевидным, чем затрагивается определенная степень отсутствия дифференциации. Здесь также использование терминологии self-объект для выражения того, что иначе было бы понято как формы нарциссического или другие формы проективного вовлечения объекта, кажется в большей мере сбивающим с толку, чем необходимым.

В своей последней работе Х.Кохут отделяет психологию самости в широком смысле от психологии самости в более узком понимании. Первая является психологией, «которая помещает самость в центр, изучает его возникновение и развитие и его компоненты, в норме я патологии» [9, с. XV]. При более узком

подходе, самость рассматривается просто как содержимое психического аппарата. Из моих предыдущих комментариев должно быть ясно, что в данном обсуждении я рассматриваю психологию самости вовсе не в том узком смысле. Концепт психологии самости, о котором здесь идет речь, очень удачно описан в терминологии Х.Кохута как относящийся к психологии самости в широком смысле. Парадоксальным образом, перевод Х.Кохутом его психологии самости в слишком сужающие и ограничивающие формулировки динамики и генетики нарциссизма делает его собственную психологию самости скорее чрезмерно узкой, чем широкой. Это излишнее ограничение, столь глубоко укоренившееся в нашей психоаналитической традиции, и, как мне кажется, проистекающее из начального недопонимания или даже логической ошибки, я надеюсь, будет исправлено более тщательно разработанной и независимо сконструированной психологией самости.

Литература:

1.Abend S.M. Problems of identity: theoretical and clinical applications// The psychoanalytic quarterly. 1974. Vol. 43. P.606-637.
2.Freud S. On narcissism (1914)// The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud. Vol. 14. London: The Hogarth press; The institute of psycho-analysis, 1974. P.67-104.
3.Greenacre P. The fetish and the transitional object// Psychoanalytic Study of the Child. 1969. Vol.24. P. 144-164.
4.Hartmann H. Comments on the psychoanalytic theory of the ego// Essays on Ego Psychology: Selected Problems in Psychoanalytic Theory. New York: Int. Univ. Press, 1950. P. 113-141.
5.Kernberg O.F. Barriers to falling and remaining in love// Journal of die American Psychoanalytic Association. 1974. Vol.22. P.486-511.
6.Kernberg O.F. Boundaries and structure in love relations// Journal af the American Psychoanalytic Association. 1977. Vol.25. P.81-114.
7.Kernberg O.F. Mature love: prerequisites and characteristics// Journal of the American Psychoanalytic Association. 1974. Vol.22. P.743-168.
8.Kohut H. The Analysis of the Self: A Systematic Approach to the Psychoanalytic Treatment of Narcissistic Personality Disorders. New York: in. Univ. Press, 1971.
9.Kohut H. The Restoration of the Self. New York: Int. Univ. Press, 1977.
10.Lichtenstein H. The role of narcissism in the emergence and maintenance of a primary identity// Journal of the American Psychoanalytic Association. 1964. Vol.45. P.49-56.
11.Mahler M.S., Pine F., Bergman A. The psychological birth of the human infant: Symbiosis and individuation. New York: Basic Books, 1975.
12. Meissner W.W. Internalization and object relations// Journal of the American Psychoanalytic Association. 1979. Vol.27. P.345-360.
13. Meissner W.W. Internalization in Psychoanalysis (Psychological issues; Monograph 50). New York: International Universities Press, 198 278 p.
14.Meissner W.W. Notes on identification. III. The concept of identification// The psychoanalytic quarterly. 1972. Vol. 41. P.224-260.
15.Moore B.E. Toward a clarification of the concept of narcissisn Psychoanalytic Study of the Child. 1975. Vol.30. P.243-276.
16.Pulver S.E. Narcissism - the term and the concept// Journal of American Psychoanalytic Association. 1970. Vol.18. P.319-341.

Л.Пфандель

ПОНЯТИЕ О НАРЦИССЕ. ПОПЫТКА НОВОГО ТОЛКОВАНИЯ

Pfandel L. Der Narzissbegriff. Versuch einer neuen Deutung//Imago. 1935. Vol.21. P.279-310.

1.0

Миф о богоподобном греческом юноше, который заметил свой образ в зеркале прозрачного ручья, который был охвачен пленительной любовью к самому себе и не нашел других путей разрешения конфликта между влечением и удовлетворением как путем собственной смерти, восходит к великолепно сложенным бессмертным эллинистическим мифам поэтического мира всех наций о столетии в вечном юношестве. Некоторые мыслители, которых он привел, благодаря времени и народам, к углубленности в себя и стал оживлением их внутренних переживаний, сблизившись со своей сущностью, стали носителями душевной позиции, которую можно обозначить ни чем иным, как нарциссизмом (Автор вслед за З.Фрейдом использует именно данный термин. Впервые он появился в примечании ко второму изданию статьи «Три очерка по теории сексуальности» (1910). Позднее в статье «Психоаналитические заметки об автобиографически описанном случае паранойи "Dementia paranoides"» (1912), в так называемом «случае Шребера», З.Фрейд писал: «Исследования последнего времени привлекли наше внимание к одной из стадий развития либидо, которую ребенок проходит по пути развития от аутоэротизма к объект-любви. Обычно эту стадию называют нарциссизмом. Я же

предпочитаю, возможно, менее корректный, но более краткий и менее дурно звучащий термин - нарциссизм». (Программа и тезизы докладов 4-й Международной конференции имени С.Н.Шпильрейн «Деструкция и перенос», Д.ГП.Б, Ростов-на-Дону, 2003,с.80). Все еще ходят по пятам легенды и вымыслы о множестве толкований.

Достопримечательный образ не очень способствовал объяснению и очищению того толкования, что в прошедшие десятки лет во врачебной психологии совершенно невозможно было найти новое понятие нарциссизма и начать отделять и понимать, что это не только форма воплощения жизни греческого мифа, но также собрание всего общечеловеческого, бессознательного способа страданий и многих душевных заболеваний. З.Фрейд первым понял, а затем и критически рассмотрел так называемое понятие нарциссизма как область душевных заболеваний и других сторон бытия.

При рассмотрении понятия «нарциссизм» перед всеми другими как необходимое и неизбежное - это ясное и точное разграничение допустимых двойных толкований. Всегда необходимо точно знать, как и в какой стадии рекогносцировки, что означают оба: с одной стороны, миф о юноше, который поплатился жизнью за любовь к своему образу, с другой - психическое заболевание или дегенерация отдельных индивидов, когда действительно показаны различные оттенки определенных индивидуальных черт, что миф развился в виде коллективной формы. Нарциссизм как душевное заболевание - это вид невроза; но нарциссизм как миф - это древнее и великолепное представление этого невроза в форме психически

рассказанного и символически наглядно показанного предания.
Первоначальное понятие нарциссизма это не миф, а особенный невроз. Вначале тут был человек, он имел свои переживания, сомнения, борьбу и страдания; затем наступила попытка выразить эти вещи свободно, и они, благодаря проекции, избавились от своей тайны, а с этим и от своего испуга; так возник, говоря другими словами, миф (Эти мысли очень убедительно сформулировал американский невролог Д.Путман: «Все строение мифологии не что иное, как проекция во внешнее внутреннего восприятия от возбуждения, борьбы и победы, как они в нас происходили между мыслями и побуждениями, которые мы ясно постигли, и е. которые для нас стали ясными только на половину или четверть, и теми другими, которые мы не смогли определить и вообще точно понять, но которые, однако, оказали влияние в действительности на ход наших мыслей и поступков». (Zentralblatt für Psychoanalyse (1911) Bdl; 148.). Такой была и история Эдипа, только рассказанная в художественной форме предания древнейшего душевного конфликта человечества, так же как было ни чем иным и мифологическое сказание о Нарциссе и его трагической смертельной любви как очевидного образа, который побуждает людей к страданию и выливается в «смятение чувств»; мифически преобразованный эпизод из тысячелетней борьбы индивида с темными силами бессознательного. Итак, вначале мы последовательно ориентируемся на сущность и особенность нарциссического невроза, а затем на смысл и содержание, относящегося к нему мифа.

2.0

Нарциссизм - это болезненная отсрочка или сдвиг выбора объекта в любовной жизни взрослого человека. Младенец - это нарцисс от природы. Он заимствует свои сексуальные объекты совершенно аутоэротически из своих телесных переживаний. Это называют примитивным нарциссизмом, который переживает в себе самом каждый человек, также в бессознательном, а позднее - в воспоминаниях, которые к тому времени уже не так могущественны. С прогрессивным развитием сдвигается выбор объекта с «Я» на личности, которым вменяется в обязанности кормить, ухаживать, защищать. Вначале это мать или ее заменяющие: няня, сиделка, воспитательница, а в дальнейших стадиях развития, при половой дифференциации для мальчика - мать как заботящаяся женщина, для девочки - отец как защищающий мужчина.

По-другому формируется развитие, когда индивид не смог найти путь нормального выбора объекта. Здесь начинает действовать так называемая сила регрессии, а с ней - застревание на ранних стадиях, с особой силой притяжения, способствующей точке становления психического процесса, что ведет ко вторичному или невротическому нарциссизму, к полному переключению влечений на собственное тело. Каждое новое душевное состояние затруднительного или неблагоприятного представления с усердием вытесняется из сознания; очень упорно оно оканчивается нарциссической любовью к себе, полной страдания. Не удается это вытеснению, так может в сознании стать страх перед неизбежным

смертельным и равнозначной боязни старения таким непереносимым, что индивид может найти в самоубийстве единственное разрешение конфликта.

Лев Толстой - это типичный пример. Вплоть до возраста четырех лет можно проследить первичную фиксацию отклоняющегося влечения, где он при удобном случае посещении бани получил от самого себя приятное впечатление: «В первый раз увидел я свое тело с выступающими ребрами и проникся к нему любовью» (Мережковский Д. Толстой и Достоевский. Лейпциг, 1903. С.52.). Толстой начал свою профессиональную деятельность как учитель, который пишет в своей биографии, что он, как вечный нарцисс радуется при отражении своего «Я» в детских душах, что он также в детях только и любит самого себя. Чрезвычайная боязнь смерти, которая его захватила в поздние годы жизни и однажды довела до границы самоубийства, была не чем иным, как повышенным страхом перед жизнью, которая оказалась такой сильной, что вскоре чувство любви сгустилось в сверхмогуще-ственную любовь к собственному телу.

Другой тип нарциссической позиции встречает нас у Оскара Уайльда, который прямо с этой страницы со всеми желательными откровенностями писал с себя портрет Дориана Грея. Вначале художник изображает этого Дориана Грея как олицетворение его греческого образца: «Через спокойную гладь воды ты должен склониться где-то в греческой лесистой местности и увидеть в серебряной тиши ее удивительное отражение своего лица» (Уальд О. Портрет Дориана Грея). Затем он представляет его таким, какой он есть в

действительности, в этом портрете, который становится для Дориана двойником, стареющим и послушно несущим все последствия необузданности, и который затем, когда подойдет время, должен стать носителем смерти. «Когда я найду, что стал старым, я должен буду себя убить»2, - провозглашает Дориан с сильной выразительностью, и этим сообщает, что Оскар Уайльд совершенно правильно употребил это изречение относительно себя. «Как второй Нарцисс, иногда загадочно целует Дориан свой портрет и тонет, очарованный, в бесконечном рассматривании себя»3. В этой нарциссической установке внутренне Дориан Грей полностью идентичен с Оскаром Уайльдом, укоренившись в его эгоизме, его неспособности к любви по отношению к другим. Женщины обращаются к нему только мимолетно, за чисто инстинктивным наслаждением, но душевной связи с ними нет. Их запретные отношения с юным мужчиной - это не что иное, как попытка обрести влюбленность в собственное «Я» и удовлетворение собственной копией. Эти ошибки способности любить имеют Дориан Грей и Оскар Уайльд, почти во всем совпадающие с нарциссизмом, и однажды они также говорят об этом: «Я хотел бы, чтобы я мог любить», - закричал Дориан с глубокой нотой пафоса в голосе, - «Но мне кажется, что я потерял страсть, забыл сильное желание и слишком сильно сконцентрировался на самом себе».

То, что было также в любовной жизни Штринберга и его типично нарциссическим основанием в установке к женщинам, нам видно из его книги преданий: «Мы начинаем любить женщин, в которых мы часть за частью отказываемся от нашей души. Мы удваиваем нашу личность, и

возлюбленные, которые до сих пор были равнодушны и нейтральны, начинают облекаться в наше другое "Я" и становятся нашим двойником». Иначе говоря, что любит Штринберг в женщине и чему покланяется его собственное «Я», от которого он отказывается в пользу любимой? Уолт Уитмен нашел нарциссизм в своей сатирической песне о себе, в идущем от сердца выражении: «...в то время, как другие части в листьях не нуждаются», и это не оставляет сомнения в том, что здесь природная гомоэротика была перенесена сублимированным образом на собственную личность. Типом художника с сильным нарциссическим оттенком был Арнольд Бёклин. Он не работал с моделями, а постоянно перед зеркалом изучал особенности своего тела (Рункель Ф., Бёклин К. Рядом с моим искусством. Берлин, 1909. С. 27.). Известен его автопортрет, на котором смерть играет на скрипке, в то время как художник ее напряженно слушает. Это символическое представление нарциссической боязни смерти, которая в амбивалентном смысле означает одновременно страстное желание смерти.

Основной принцип нарциссического отклонения от прямого пути душевного развития - это всегда то, что либидо, отклоненное от внешнего мира, возвращается в «Я». Естественно с этим отказом от реальности связывается сильная интроверсия и, как следствие, самолюбование и завышенная оценка самого себя.

Основы наших настоящих знаний о психологической форме заболевания нарциссизмом черпаются из литературы, из ее общих и целенаправленно ориентированных

достижений. После опыта, в котором он представил границы врачебного влияния, он сказал слово «неизлечимый».

3.0

Античные источники сообщений о нарциссизме легко объединяются по этому принципу, но количество их относительно недостаточно. Предание Павсания, жившего на территории Теспии (Книга 9, часть 31) восходит к описанию Греции второго тысячелетия до Рождества Христова. Павсаний описал расположенный там луг под названием Донакон («тростниковая постель»), к которому относятся истоки жизни Нарцисса. В этой воде Нарцисс должен был созерцать самого себя; но он не обратил внимания на то, что увидел свою собственную тень, внезапно влюбился в себя самого, и эта любовь стала источником смерти. Но бессмысленно предполагать, что человек, который достиг возраста способности любить, не в состоянии различать в ожившей тени силуэт.

Хот же Павсаний не намерен признать, предполагаемое возникновение цветка Нарцисса из смертельной любви юноши, этот цветок находит он по собственному мнению, в бесконечно многих древних преданиях, упоминающих о похищении Персефоны, дочери Деметры (Психоаналитик, профессор Эдельтруд Майстерманн-Зеегер (Германия) считает, что народы в определенные периоды раннего развития не понимали некоторые мифы своего времени; с давних пор это осознание представляет собой общее достояние исследования. Однако для нас это указание не должно означать, что Павсаний со своим псевдорационалистическим возражением

предъявляет для этого документированный пример. - Прим.перев.).

Павсаний изложил свое понимание сильно измененной версии, которая поздними критиками была оставлена без внимания, но имела большое значение для генезиса этого мифа. В ней рассказывается об одержимости Нарцисса сестрой-близнецом, с которой он был любовно связан. Оба были похожи друг на друга, как две капли воды, оба носили одинаковую одежду и имели одинаковую прическу, были неразлучны и лучше не могли провести время, чем в совместном любовном преследовании. Затем девочка, которая была единственным утешением брату, умирает. Оставшийся в живых он, наслаждается в зеркале ручья своим образом и внезапно видел оживший образ любимой смерти.

Мы подходим к третьему и, в конце концов, первоначальному варианту. Он восходит ко времени рождения Христа и состоит из собрания преданий Конона (Хёфер У. Конон, текст и исследование истоков. Greifwald, 1890) и имеет следующее содержание. Благодаря телесной красоте, которой отличался Нарцисс, он был не лишен расположения ревностно требующих дружбы юношей и мужчин, однако он отвергал не только всех кандидатов, но также пренебрегал любовью Бога. Но Аминий, несмотря на отсутствие красоты и холодности, тоже был отвергнут: Нарцисс вместо ответа послал ему меч. Будучи сильно разочарованным, юноша убил себя перед дверью гордого и самовлюбленного Нарцисса. Но вскоре его постигло наказание со стороны ос-корбленного Бога Эроса. В прозрачном отражении источника он увидел свой великолепный образ и

испытал печальную судьбу, став своим собственным любовником и возлюбленным. С охватившим его отчаянием непереносимого страдания и наказания за справедливо увиденное, совершает он на краю источника самоубийство. Теснийцы с этого времени сделали свой вывод и пришли к еще большему почитанию любимого Бога; также они верили, что цветок Нарцисс появился из земли, где погиб злосчастный юноша и пил пролитую им кровь.

Кто внимательно читал греческое сообщение Павсания, тот скоро обнаружит важное различие между ним и Кононом. В то время, как в изложении Конона, говорится, что Нарцисс влюбился в свой образ, после того как увидел его; у Павсания речь идет о том, что он увидел свою тень. В этом обнаруживается ясный след позднего мифа, лежащего в основе придания. Он отвергает в этот период подлинную архаическую мысль, и этому становится оправданием его авторитет, далеко не неизвестный для нас. Собственная тень была для примитивного человека отображением его сущности. Первоначально человек имел рядом тень, прежде чем увидел свой образ в зеркале. Магические узы, связывающие тело и тень, были скоро найдены: только живых, прямо идущих, сопровождала она, смерть, напротив, лишала ее почвы. Тень была не чем иным, как жизнью и душой.

Отделить от себя свою собственную тень, и увидеть ее в зеркале воды, означает у многих народов предстоящую смерть. Связь между причинами и действительностью легко видима. Вследствие отделения разрушается единство души и тела и последнее переходит во владение смерти (Психоаналитик, профессор Эдельтруд

Майстерманн-Зеегер (Германия) считает, что автор не принимает во внимание значение внезапного появления у Овидия нимфы Эхо с Нарциссом. Скорее всего, он говорит: «Скверный Овидий», тем самым, внося путаницу своими метаморфозами в статью о Нарциссе и Эхо. Согласно Овидию, Нарцисс пренебрег любовью Эхо, предпочтя свое отражение с отчаянной самовлюбленностью, которая побудила его к смерти, и это было наказанием за ее отвержение. Также это означает, что Нарцисс после взгляда на свой отраженный образ в воде отчаянно блуждал в лесу и снова и снова кричал: «Кто я», и Эхо, исчезая, ему отвечала «Кто я». И оба они при этом умирают, прежде чем найдут себя.

Этот миф о Нарциссе и Эхо может быть показательным для генезиса нарциссизма как невроза: нимфа Эхо - это эхо Нарцисса. Она как каждая мать, которую мы находим, снова и снова в реальности психоаналитического лечения. Мать, которая при вопросе маленького ребенка: «Кто я?» становится мощной; у которой, как у нимфы, отсутствует возможности артикуляции. Чтобы открыть для ребенка доступ к любви и отношениям привязанности, в которых она сама выступает как объект любви, на вопрос ребенка: «Кто я?» она дать ответ: «Тот, кого я люблю!» Поэтому Пфандель в своей интерпретации Нарцисса не распространяется по отношению к Эхо; он упускает возможность понять генезис нарциссического невроза. - Прим. перев.)

В опыте современной психиатрии нарциссизм располагается по ту сторону границы медицинской науки, и от него освободились очень не многие. Также греческий миф поражает своим вердиктом

неизлечимости, в котором он выбрал смерть как разрушение, а рождение душистого цветка как примитивный смысл утешения. Для греческого понимания Нарцисс весьма привлекательный, заслуживающий внимания член общества, он не возбуждает отвращения или чувства мерзости.
Но, невзирая на это, Нарцисс бесполезный член общества, который как засыхающая ветка плодородного дерева, подвергается уничтожению. Правда, не любой особи угрожает, остается вследствие бессмысленности своей любовной жизни, без благородной цели для общества. Греческая душа захвачена Нарциссом с щедрой готовностью понимать, с сочувствием гетеры или приверженцев любви мальчиков, но она не в состоянии дать идеальную оценку требованию общества, что видно из последнего вывода; она освещается только символом нежного цветка. Миф изнутри подходит очень близко к вопросу и ответу на то, что занимало душу. Он представляет собой место дельфийского оракула в научной оценке античного человека. Поэтому мы рассматриваем данный миф о Нарциссе, выделяя его перед всеми другими до настоящего времени. И к оценке души героя мы можем добавить болезненный вопрос самого Нарцисса: «Почему многие меня так ненавидят?».
Мы поставили в начале нашего изучения большое количество вопросов. Наш первый вопрос уходит к первобытной форме мифа. Что означала его форма, прежде чем мыслители пришли к нему. Результатом было то, что миф о Нарциссе может объяснить совершенно простое и интеллектуально-невзыскательное сказание, от которого ничего другого и не требовалось, как представить массе пример архаической веры в

тень души и опасности ее созерцания в зеркале воды. Но во внешней оболочке этого примера ускользает собственно миф как лежащая внутри него, готовая форма. Она (оболочка) служит ему осмысленно, как символическое платье, прикрывающий богатый жизненным опытом, организм. Кто имеет уши, - тот услышит, кто имеет глаза, - тот увидит, что есть человек, что есть доля и судьба; что мужчина может чувствовать любовь к женщине, и наоборот; что они вопреки этому (хотя и не знают, почему и как) должны любить сами себя, и за это природа неотступно навязывает им погибель от злосчастного выбора любви. Так свидетельствует миф в своем подлинном, первоначальном и чистом образе. Именно в нем встречается от поколения к поколению история всех мифов: он распростер свою архаическую мысль рационального распространения и видимо перекрыл меньшее в рационально-логическое пространство и укрыл там свой латентный смысл как нечто малое, не намереваясь демонстрировать его. Вследствие вторичной проработки, смысл был заменен и вытеснен, что явно умаляло его, а также низвергало и другие культурные предания, лишая их первоначального содержания.

Мы спрашиваем, какую можно извлечь пользу для понимания мифа из психоаналитического учения З.Фрейда? Мы пришли к выводу, что его учение, с одной стороны, открыло нам глаза на то, что психический процесс и обстоятельства повествования мифа существуют как таковые и в форме общечеловеческих возможностей переживаний по праву сохраняются, равно как разновидность первородного греха, которая может

иметь место с колыбели. Но с другой стороны психоанализ смог распознать глубинную связь, которая существует между важными эманационно-бессознательными формами: мифами, сказками, сновидениями и неврозами, которые подлежат общим психическим законам и используют идентичные механизмы.

С.Э.Пулвер

НАРЦИССИЗМ:
ТЕРМИН И ПОНЯТИЕ

Pulver S.E. Narcissism — the term and the concept// Journal of the American Psychoanalytic Association. 1970. Vol.18. P319-34L

В многочисленных трудах, посвященных вопросу нарциссизма, существуют, пожалуй, только два общепризнанных факта: первый - это то, что концепция нарциссизма - одно из важнейших вкладов психоанализа, а второй - это то, что она одно из самых противоречивых. Сложности в понимании этого явления были очевидны с самого начала. Даже сам З.Фрейд не был доволен своей первоначальной формулировкой. Он писал К.Абрахаму: «Понятие нарциссизма рождалось в тяжелых муках, и поэтому несет в себе все их несовершенства». И добавляет: «Меня глубоко тронуло, что вы согласились с тем, что я написал о нарциссизме. Это сближает нас еще больше. Меня не оставляют сомнения в правильности толкования» [26].

Нам не известно, почему был недоволен З.Фрейд, современные теоретики считают, что сложности в определении возникают в основном «из-за того, что само понятие не было позднее пересмотрено и уточнено с позиции структурной психологии З.Фрейда» [21, с.83]. О.Кернберг [30] кратко выразил свою точку зрения следующим образом: нарциссизм как описательный термин использовался часто и неправильно, само понятие уже давно должно быть пересмотрено».

Поначалу покажется удивительным отсутствие точного описания метапсихологии такого важного понятия. Однако причина тому становится понятна при более внимательном рассмотрении: первоначальная теоретическая концепция З.Фрейда в отношении нарциссизма либидинозной инвестиции Эго (Буквальное понимание данного утверждения (что и делали большинство ранних авторов) и приводит к тому, что мы называем ряд явлений нарциссическими, хотя они таковыми не являются. Например, объектные репрезентации - это часть Эго, значит, их катексис должен был бы называться нарциссическим. Эту дилемму разрешил для нас Х.Хартман [21], указав на то, что для З.Фрейда в то время термин «эго» и «Я» были взаимозаменяемыми. Он предположил, что в своей первоначальной формулировке З.Фрейд употреблял термин «Эго» в значении «Я» (или точнее Я-репрезентация). Более точным толкованием в таком случае будет «либидинозный катексис Я». Сегодня это общепринятое определение, и в этой статье я буду придерживаться именно его. - Прим. авт.)

по существу была экономической, оказалась настолько неспецифичной, что термин стал применяться к большому количеству различных психических явлений. Эти явления имеют малое сходство, и у каждого есть своя метапсихология. В той мере, в какой не соответствуют друг другу явления, называемые нарциссическими, также различается и их метапсихология. На мой взгляд, нельзя определить метапсихологию нарциссизма до тех пор, пока сам термин применяется (а на данный момент так оно и есть) для обозначения практически не связанных явлений. Для более полного понимания я постараюсь в настоящей работе:

проследить эволюцию применения термина нарциссизм для обозначения различных психических явлений;
обсудить недостатки первоначальной концептуальной модели нарциссизма как либидной инвестиции Эго;
определить явления, в настоящее время характеризуемые как «нарциссические», и описать их взаимосвязь;
рассмотреть возможные решения проблем, возникших в настоящее время из-за терминологических неточностей.

Таким образом, я считаю важным разграничить применение слова «нарциссизм» в метапсихологическом значении и его использование в отношении специфических психических явлений, это два абсолютно разных уровня значений. Я постарался как можно точнее описать различия, называя нарциссизм «понятием» в его прежнем значении, и «термином» в более позднем применении.

Эволюция применения

До того, как термин «нарциссизм» стал применяться в психоанализе, он определял ряд специфических клинических явлений, описанных З.Фрейдом как вид сексуальной перверсии. Сегодня нарциссизм означает «состояние индивида, который обращается со своим собственным телом так же, как обычно обращаются с телом сексуального объекта - когда он смотрит на него, гладит его, ласкает до получения полнейшего удовлетворения посредством этих действий» [14, с.73]. Подобное нарушение ранее описывалось в психиатрической литературе, но впервые с именем Нарцисса его связал Х.Эллис, детально описав его корни, берущие начало в литературе и мифологии. В своем описании, которое появилось на английском языке в 1898 . а на немецком в 1899 г., он не только рассматривал ранее упоминавшийся специфический вид перверсии, но и в общих чертах расширил психоаналитическое значение термина «нарциссизм», указав на то, что данного рода поведение не всегда носит открыто сексуальный характер: и...это тенденция, чаще всего наблюдаемая скорее у женщин, когда сексуальные чувства поглощаются и полностью теряются в самолюбовании».

Отличительной чертой психоаналитической концепции было признание того, что нарциссизм как перверсия - это специфическая драматическая иллюстрация чего-то более общего в человеческом поведении; что чувственная любовь к Я — это скрытая мотивация в поведении, которое не является явно чувственным. Интересно будет отметить, что та же тема - наличие эмоционального элемента в явно неэмоциональном поведении - отмечалась в трудах раннего психоанализа. Явно прослеживается параллель с такими перверсиями, как садизм, мазохизм и эксгибиционизм.

Нарциссизм как психоаналитическая концепция появился в 1908 г. в работе Дж.Садгера. На эту работу ссылался В.Штекель на встрече Венского психоаналитического общества 27 мая 1908 г. К сожалению, мне не удалось достать копию этой работы, поэтому я не знаю, в каком значении тогда употреблялся этот термин (Необходимо отметить незначительный момент в вопросе первенства. Вслед за Э.Джонсом [26, с.271] редакторы собрания сочинений З.Фрейда утверждают, что впервые в психоанализе термин «нарциссизм» был использован основоположником психоанализа 10 ноября 1909 г. на собрании Венского психоаналитического общества. Однако во время этого собрания З.Фрейд обсуждал статью, позднее опубликованную Дж.Садгером в 1910 году, и он явно похвалил Дж.Садгера за презентацию данной концепции: «Комментарии Дж.Садгера относительно нарциссизма представляются новыми и ценными» [33, с.312] — Прим. авт.).

В 1910 г. нарциссизм упоминался и З.Фрейдом и Дж.Садгером. В примечании к «Трем очеркам по теории сексуальности» З.Фрейд впервые сделал письменную ссылку на нарциссизм, в качестве наследственного явления, описав его как фазу либидного развития гомосексуалистов. Здесь нарциссизм все еще рассматривается как специфическая перверсия. Несколько месяцев спустя в Леонардо он снова использует данный термин в этом значении. Примерно в это же время (1910) Дж.Садгер в ранее упомянутой работе впервые выводит значение данного термина за рамки перверсии в стадию нормального развития: «путь к сексуальности всегда лежит через нарциссизм; другими словами любовь к своему Я».

Следующим шагом в развитии данной концепции стала работа О.Ранка в 1911 г., первая психоаналитическая публикация,

специально посвященная вопросу нарциссизма. В этой работе нарциссизм все еще в большей степени рассматривался как чувственная любовь к своему Я, но впервые это явление связывалось с психическими проявлениями, которые не были явно эмоциональными: тщеславие и самолюбование. О.Ранк отметил, что восприятие Я как либидинозного объекта не является основным фактором самолюбования: «Любовь к своему телу - это огромный фактор в нормальном женском тщеславии» [36, с.406]. Хотя О.Ранк понимал, что это не единственный фактор, в остальной части работы подчеркивается, что это единственный фактор, который меняет значение. Все это с учетом либидного акцента того времени. К тому же О.Ранк впервые описал защитную природу самолюбия: «Пациентке казалось, что мужчины так ужасны, совершенно не способны любить, понимать красоту и значение женщины, что ей лучше вернуться к ее прежнему нарциссическому состоянию и, будучи независимой от мужчин, любить себя».

В 1911 г. З.Фрейд подробнее описал генетические аспекты нарциссизма, используя это слово на сей раз в рамках «Я как либидинозный объект».

До 1911 г. генетический аспект нарциссизма упоминался для описания стадии развития, а динамический - для объяснения определенных свойств - таких, как тщеславие и самолюбование. Концепция нарциссизма как либидинозная инвестиция Я упоминалась также, но вскользь.

В 1913 г. З.Фрейд использовал эту концепцию для объяснения другой группы явлений: определенных примитивных аспектов мышления и таких эмоций, как анимизм, магия и всемогущество мысли. Описав эти явления, З.Фрейд отмечает: «Вполне вероятно, что их можно соотнести с нарциссизмом и рассматривать как его необходимый компонент» [17, с. 89].

К тому времени, как была написана работа «О нарциссизме», основы концепции были уже определены. В этом классическом труде З.Фрейд доработал прежние значения термина, использовав также данное понятие для объяснения трех других феноменов: тип выбора объекта, форма объектных отношений и самооценка.

Первый феномен, выбор объекта на основе идентификации с каким-то аспектом Я- это выдающийся момент данной работы: Человек может любить:

1.В соответствии с нарциссическим типом:

а) то, кем он сам является (например, себя);

б) то, кем он был;

в) то, кем он хотел бы быть;

г) того, кто когда-то был частью его.

2.В соответствии с анаклитическим (зависимым) типом:

а) женщину, которая его кормит.

б) мужчину, который его защищает [14, с.90].

3. Фрейд применил термин в отношении формы объектных отношений после того, как понял, что шизофрения, органическая болезнь, ипохондрия и сон - все характеризуются отделением от объектов. Теоретически он объяснил это как отделение либидинозного катексиса от объектов.

Термин применялся к понятию самооценки при описании З. Фрейдом эго-идеала. И отсюда пришло наиболее важное на сегодняшний день значение термина нарциссизм - его использование как слова-синонима понятия самооценки.

В ранней психоаналитической литературе термин нарциссизм использовался:

В клинических случаях для обозначения сексуальных перверсий, когда собственное тело использовалось как сексуальный объект.

Как генетический фактор, указывая на стадию развития, которой, как считалась, было характерно это либидинозное состояние.

Касательно объектных отношений для определения двух различных явлений:

a. Тип выбора объекта, где Я в какой-то мере играет более важную роль, чем реальные аспекты объекта.

b. Форма отношений с окружающим миром, где практически отсутствуют объектные отношения.

4. Для обозначения различных аспектов сложного эго-статуса самооценки.

Все это теоретически объединялось в общее понятие, так или иначе представляя такое состояние либидо, где Я рассматривается как объект.

Сложности, связанные с концепцией влечений в понимании нарциссизма

Последние несколько лет возникали вопросы как относительно самой концепции влечений в нарциссизме, так и ее ценности для объяснения ряда специфических клинических явлений, называемых нарциссическими. Первый вопрос - это верность базисной теории, на которой основывается концепция. Было заявлено, что «либидинозная инвестиция Я» - это выражение основной теории влечений с экономическим значением. Однако как сам экономический подход, так и теория влечений подвергались серьезному пересмотру. Хорошие комментарии по этому вопросу можно найти у Б.Апфельбаума [2]и Р.Холта [23], однако они достаточно объемные, чтобы включить их в данную работу. Достаточно будет сказать, что если эти аспекты психоаналитической теории нуждаются в доработке, то это должно касаться и данной концепции нарциссизма.

Второй вопрос заключается не в значении концепции, а в ее пригодности. Очевидно, что теоретические принципы в психоанализе предполагают возможность их применения для объяснения специфического клинического материала. И здесь важна идея «специфичности». Например, возможность описать какой-либо объект как «набор молекул» может оказаться ценной, но бесполезной, так как «набор молекул» подразумевает под собой массу различных объектов. И та же проблема с неспецифической природой терминов «либидо» и «Я», что привело к тому, что термин нарциссизм стал применяться к огромному количеству явлений, что почти обесценило его значение.

Видимо, эта широта значений не была столь очевидна. В то время, когда была опубликована работа «О нарциссизме», психоаналитическая теория влечений базировалась на дуальности либидинозных и эго-инстинктов. Таким образом, З.Фрейд разделял направленность на себя, происходящую от либидинозных инвестиций Я и другую направленность на себя, исходящую от инстинктов эго и называемую эгоизм: «Нарциссизм в этом случае не будет считаться извращением, а либидинозным дополнением эгоизма инстинкта самосохранения» [14, с.73]. Поскольку нарциссизм упоминался только для одной направленности на себя, его круг его значений отчасти ограничился. Однако, поскольку от теории эго-инстинктов отказались, то это различие исчезло. Вся направленность на себя после чего стала называться нарциссизмом, значительно расширив сферу применения. К тому же с развитием понятий «Я» и «либидо» эта сфера увеличилась еще больше. Объяснение «Я» начиналось со специфической Я-репрезентации части тела и заканчивалось общей концепцией идентичности. Либидинозное вложение любой из этих форм считалось нарциссизмом. В дополнение также описывалась и

пластичность либидо: слияние, нейтрализация и десексуализация. Отсюда в настоящее время такие клинические явления, как ипохондрическая озабоченность пищеварительной функцией, подростковая гипертревога при выборе профессии и заинтересованность всего человечества в продолжении рода - все стали называться нарциссическими. Теоретическая модель, применяемая к такому большому количеству явлений, не обязательно должна быть лишена смысла, однако значительно снижается ее пояснительная ценность.
Помимо общих проблем с теорией влечений в нарциссизме вопросы также возникают с применением концепции в отношении ряда специфических клинических явлений. Для более полного понимания проблемы я разделил клинические явление, называемые нарциссическими, на четыре категории, описание которых приведу ниже.

Нарциссизм как сексуальное извращение

Наличие сексуальных перверсий, которые резонно могут быть названы нарциссизмом, не сложно продемонстрировать. Перверсии подразумевают доминирование во взрослой сексуальной жизни компонента инфантильной сексуальности. Сексуальный интерес к телу появляется в период развития инфантильной сексуальности. Часто это подтверждается клиническими случаями, как, например, в случае с одним из моих клиентов, для которого единственной формой сексуального поведения была мастурбация перед зеркалом, сопровождаемое сознательными фантазиями о размере его пениса. Подобное явление не без оснований может считаться перверсией, именуемой нарциссизмом. На практике, однако, преобладают более широкие понятия этого слова, и термин «нарциссизм» в значении сексуальной перверсии почти не употребляется.

Нарциссизм как стадия развития

Как уже отмечалось, термин «нарциссизм» в значении стадии развития использовался уже в ранней психоаналитической литературе, посвященной этой теме. Впервые З.Фрейд упоминал о нарциссизме как о генетическом явлении: «Все изученные нами случаи указывают на тот факт, что будущие гомосексуалисты в раннем детстве проходят стадию сильной, но короткой фиксации на женщине (чаще всего их матери), и после прохождения этой стадии они идентифицируются с женщиной* и сами для себя становятся сексуальным объектом. То есть они исходят из нарциссической основы и ищут молодого мужчину, который напоминает их самих, и которого они могут любить так, как их любила их мать» [16, с. 145].
Работая над аспектами развития, в своей работе «О нарциссизме» З.Фрейд обозначил два типа нарциссизма - первичный и вторичный. Первичный нарциссизм подразумевал либидинозное вложение Я, происходящее до инвестирования внешних объектов, а вторичный нарциссизм появляется уже после такой инвестиции и является результатом изъятия катексиса из внешних объектов и реинвестирование в Я. Ранние заметки З.Фрейда немного запутанные, и не совсем ясна последовательность этих фаз. М.Канцер так говорил: «Термины и понятия, используемые З.Фрейдом, постоянно подвергались пересмотру, и взаимосвязь аутоэротизма и нарциссизма... противоречила с другими формулировками, представленными в ранних и более поздних работах» [28, с.529]. Однако такая последовательность, как развитие первичного нарциссизма, далее любовь к объекту, и в результате появление вторичного нарциссизма, была еще раз подтверждена З.Фрейдом в его более поздних заметках на данную тему: «Все, что мы об этом (либидо) знаем, имеет отношение к эго, где изначально хранится все имеющееся количество либидо. Мы называем эту стадию абсолютным, первичным нарциссизмом. Он существует до того момента, пока эго не начнет катектировать либидо в идеи объектов. В современном понимании нарциссическая стадия развития представляет собой стадию первичного нарциссизма».
Использование понятия нарциссизма для описания стадии развития привело к ряду проблем. Первая - это проблема с определением точного времени, в течение которого длится стадия. З.Фрейд никогда не упоминал о длительности этой стадии, а иные авторы описывали ее появление на протяжении большого хронологического периода жизни младенца. Некоторые, как, например, У.А.Грин [20]считает ее сугубо внутриутробной. Другие, как, например, Э.Якобсон [24] считают, что это физиологический выброс энергии в различные системы органов, и происходит он и раннем младенчестве до формирования психической структуры. Другие полагают, что это наблюдается не раньше начала второго года жизни. Эта несогласованность в вопросе временных рамок происходит из-за неопределенности значения концепции нарциссизма в контексте объектных отношений. В противоположность заинтересованности психологии инстинктов в источниках инстинктов (оральный, анальный и фаллический) современная эго-психология сконцентрировалась на объектах влечений и на отношении эго к этим объектам. Наилучший источник информации о развитии ребенка в раннем детстве - это прямое наблюдение за младенцами. В процессе наблюдения мы в основном получаем информацию о смене объектных отношений и в меньшей степени об инвестировании Я. Все это, плюс сложность в определении, что же такое либидинозное вложение Я у младенца, привело к существенным различиям в определении временных рамок.
Предлагаю на данный момент произвольно обозначить длительность этой стадии периодом первых шести-восьми месяцев жизни (наиболее часто указываемые рамки). Далее появляется вторая проблема. Сложный период развития, называемый нарциссизмом, практически не имеет никакого отношения к сложностям развития, проявляющимся на этом этапе. Эти трудности стали в большей степени заметны в процессе психоаналитического наблюдения за младенцами. Детальный обзор о прямом наблюдении за младенцами и теоретические выводы можно найти в великолепной работе Декари Гуан [19]. Из этих наблюдений следует, что до «реального объектного» периода существует, по крайней мере, еще два компонента, которые автор называет «нарциссический период» и «промежуточный период». Сам нарциссический период состоит, как минимум, из двух фаз. Первая - в течение одной-двух первых недель жизни катексис абсолютно не дифференцируем. Вторая фаза - катектируется определенный полученный опыт, как, например, кормление и уход, и либидо распределяется «между субъектом, который еще не знает о своем существовании, и объектом, которого он не воспринимает как существующего вовне» [19, с.80] В промежуточный период, который длится до шестого месяца, определенные проявления объекта катектируются как «дообъектные» [39], как, например, хорошо известное - улыбающееся человеческое лицо. Эти «дообъекты» еще не персонифицированы, но уже считаются предметами. Реакция идет скорее (катектируется) на обобщенный чувственный образ (гештальт), чем на человека: «трехмесячный ребенок визуально не узнает человека как такового, а узнает форму гештальт) лба-глаз-носа. Стоит хоть немного изменить форму (например, спрятать один глаз), измененный объект уже не узнается» [30, с. 103]. Изменения, видимо, происходят в субъективном расположении этой формы. Временами она кажется внешней, а временами - как часть себя. В итоге восприятие реального внешнего объекта появляется не мгновенно, а развивается со временем в течение нескольких месяцев в процессе созревания эго и его аппарата.

Эти детали приводятся для того, чтобы показать сложности этого периода в отношении катексиса Я и объектов. Назвать весь период или часть его «нарциссическим» было бы чрезмерным упрощением, что в свою очередь может запутать понимание как деталей либидинозного развития, так и других важных процессов развития, протекающих в этот период. Э.Гловер говорил об этом много лет назад: «Несколько лет назад я отметил, что такие термины в определенной степени стали непригодными, так, например, в случае нарциссической фазы рамки развития этой системы требуют сужения и более детального описания системы объектов в период ранней эгоцентрической стадии» [18, с. 345].

Необходимо отметить и третью проблему, связанную с обозначением первых месяцев жизни «нарциссической стадией» развития. Это обозначение привело к тому, что термин «нарциссический» стал применяться к большому количеству психических явлений, имеющих место в данный период, но не имеющих или имеющих малое отношение к сменам либидинозного вложения. Кроме того, определение этих явлений как «нарциссических» привело к тому, что они стали считаться достаточно проясненными, так как обусловлены либидинозным вложением Я, и дальнейшего изучения не требуют. Их иные, часто более важные, защитные и адаптивные факторы как у младенца, так и у регрессировавшего взрослого, часто игнорировались.

Рассмотрим это на примере следующего когнитивного явления: веры в анимизм и магию. В работе «Тотем и табу» З.Фрейд [17] описал их как проявления либидинозного вложения Я в младенчестве и появление их у примитивного человека в виде инфантильной либидинозной фиксации. С тех пор было описано большое количество других факторов в их развитии. Однако часто можно услышать, что могущество мысли объясняется нарциссизмом пациента. Следующий пример этой же проблемы - это аффективные состояния, возникшие в этот период, и также называемые «нарциссическими». Приведу две цитаты из работ О.Фенихеля:

Ряд нарциссических чувств о благополучии характеризуются фактом того, что они воспринимаются как воссоединение с всемогущей силой внешнего мира, вызванное либо инкорпорацией частей этого мира, либо фантазией быть инкорпорированным им («вторичный нарциссизм») [8, с.40].

Спасение часто переживалось пассивно-рецептивным способом, с признаками нарциссического unió mystica, глубочайшего орального воссоединения субъекта с вселенной и восстановление первоначального «океанического чувства» [8, с.425].

Определение «нарциссический» в этих цитатах подразумевает опыт раннего «безупречного» союза с матерью. Чувства называются нарциссическими, так как возникают в течение первых шести месяцев развития. И снова определение этих аффектов как «нарциссические» привело к предположению, что они обусловлены либидинозным вложением Я. Однако даже наша современная неудовлетворительная теория аффектов не допустит этого предположения. Аффекты, хотя часто и связанные с разрядкой влечений, имеют массу определяющих факторов, не имеющих отношения к влечениям.

Предлагаю рассмотреть метапсихологию мании величия как еще один пример неясностей, возникших с названием ряда ранних явлений нарциссическими. В своей работе «О нарциссизме» З.Фрейд объясняв ее исходя из нарциссизма, и до сих пор часто можно найти объяснение мании величия исключительно как проявления нарциссических регрессий и фиксаций. Однако эти объяснения упускают как минимум два важных факта: 1) Мания величия, возникающая как клинический симптом у взрослых, играет важную защитную роль, которую скорее можно отнести к структурной теории, чем к либидинозной регрессии (Для убедительной демонстрации прочтите Дж.Арлоу и Ч.Бреннера [3]. Эти авторы также указывают, что эго-аспекты нарциссизма, хотя конкретно и не описанные, были отмечены З.Фрейдом даже на ранних стадиях развития пси-хоаналитической теории. - Прим. авт.). 2) Даже на ранней инфантильной стадии мания величия обусловлена в равной степени как аспектами развития эго, так и сменой фаз либидо. Например, незрелость перцептивного аппарата младенца и вытекающая отсюда неспособность проводить различия между внешним миром и самим собой - это важные эго аспекты чувств мании величия.

По этим причинам определение раннего периода развития как нарциссического упускает важность присутствующих детерминант эго и приводит к ряду ошибок в концептуализации этого важного периода.

Нарциссизм как форма установления объектных отношений

Термин «нарциссизм» также применяется в сфере отношений эго с объектами. Были описаны два аспекта этих отношений. Первый, «реальные объектные отношения», подразумевает восприятие и реакцию в отношении объекта как отдельного индивида со своими потребностями, желаниями и реакциями. Любая форма взаимодействия с объектами, где реальные объектные отношения нарушены или вообще отсутствуют, называется нарциссической. Это значение термина достаточно распространено, Ч.Бренер : «В целом этот термин (нарциссизм) в его применении к взрослому используется для обозначения, по крайней мере, трех различных, хотя и взаимосвязанных явлений таких, как: 1) гиперкатексис Я, 2) гипокатексис объектов окружающего мира и 3) «патологически незрелого отношения к этим объектам» [5, с.113]. Два последних будут обсуждать дальше.

Термин нарциссизм применялся ко второй категории Ч.Бреннера [5], «гипокатексис объектов окружающего мира», исходя из логики, что увеличение либидинозного вложения Я должно сопровождаться уменьшением катексиса других. Значение данной количественной идеи будет рассмотрено ниже. А сейчас давайте рассмотрим следующее предположение: катексис других уменьшается (теоретическое заявление), когда внешние отношения с окружающими объектами минимальны или отсутствуют (формулировка клинических наблюдений). Исходя из этой логики, которая соответствовала теоретическим выкладкам того времени, З.Фрейд применил термин нарциссизм к ряду клинических случаев таких, как органические заболевания, ипохондрия, сон, шизофрения. Другие приняли это значение, М.Остоу так писал в своей работе о «нарциссическом спокойствии»: «Самой удивительной динамической чертой этого синдрома является оторванность от объектов. Она варьируется от полной отрешенности шизофреника до относительной отчужденности замкнутого "нормального"» [35]. Под «отчужденностью от объектов» здесь понимается скорее внешнее поведение пациента, нежели его скрытая динамика.

Проблема в применение термина «нарциссизм» в отношении типа внешнего поведения заключается в том, что мы больше не считаем, что внешний отказ от объектов обязательно сопровождается либо увеличение либидинозного катексиса Я, либо уменьшением катексиса объектов. В своих ранних работах З.Фрейд отмечал, что кажущееся отсутствие внешних объектов не означает, что эти объекты не присутствуют физически. На собрании Венского психоаналитического общества 13 февраля 1907 г. З.Фрейд заметил, что Хэвелок Эллис использовал термин «аутоэротизм» в том случае, когда в процесс вовлечен только один человек, З.Фрейд же применяет его тогда, когда нет объектов. Например, он не считал аутоэротческим процесс мастурбации с представлением образов. Отказ часто является защитным маневром с целью избежать вызывающих тревогу отношений с объектами, которые остаются сильно катектированными. Даже если внешний отказ от объектов не является

первоначально защитой, объекты интрапсихически могут оставаться важными. Например, кажущееся отсутствие объектного катексиса во сне исследовалось разными авторами (М.Балинт [4]; М.Канцер [28]; Б.Левин [32]), которые указывали на сохранение объектного катексиса в фантазиях, что подтверждалось сновидениями индивида.
Получается, что применение термина нарциссизм к такому явлению, как «гипокатексис объектов окружающего мира» привело к двум недоразумениям, Первое, об этом речь будет идти дальше, - это то, что либидинозное вложение Я не всегда сопровождается уменьшением катексиса объектов. Второе - что «гипокатексис объектов окружающего мира» стал означать отсутствие внешних отношений с объектами, утверждение, которое не обязательно будет верным.
Давайте рассмотрим третью категорию нарциссизма по Ч.Бренеру, патологически незрелое отношение к - объектам. Как возникло это применение, точно не известно. Возможно, оно появилось в результате клинической работы, когда патологически незрелое отношение сопровождалось увеличением Я-катексиса. Также свою роль сыграли, видимо, и ранние ассоциации, связывающие патологию с нарциссизмом, как в случае с простым уравниванием понятий: если зрелые объектные отношения означают большее внимание к объектам, то незрелые подразумевают большее внимание к Я, а значит - и большее либидинозное вложение Я, и, следовательно, нарциссизм. Каким бы не было происхождение этого понятия, можно заметить, что незрелым объектным отношениям может быть свойственен сильный катексис внешних объектов, как, например, в случае назойливого, зависимого, орально-инкорпоративного пациента, для которого мать или же ее образ крайне необходимы. Э.Якобсон [24] писал, что такой катексис основан на примитивной инкорпоративной и проективной идентификации с потерей сепарации между Я и объектными репрезентациями. Однако катексис репрезентаций особых внешних объектов все-таки происходит. С клинической точки зрения, примитивные механизмы, имеющие отношение к этим объектам, также важны, как и повышенный личный интерес, который может возникнуть, а это факт, который остается скрытым, когда отношения именуются нарциссическими.
Интересно, что обе эти категории могут охватывать явления, содержащие весьма разные клинические и динамические позиции. Первая может ссылаться на внешний отказ от объектов и подразумеваемую сильную зависимость, в то время как вторая - на сильную внешнюю зависимость и подразумевающийся фокус на Я. Тогда получается, что хотя нарциссизм - это и удобный термин для отсутствующих и незрелых объектных отношений, он недостаточно описывает подразумевающуюся динамику.

Нарциссизм как самооценка

Пожалуй, основные трудности возникли после того, как термин «нарциссизм» стал применяться больше как техническое название для самооценки. У этого применения имеется долгая история. О.Ранк [36] использовал его в описаниях процесса самолюбования нарциссического пациента, в то время как З.Фрейд писал, что «забота о собственной значимости имеет особую зависимость от нарциссического либидо» [13, с.98]. З.Фрейд [11] хорошо осознавал трудности, возникающие при объяснении аффектов в понятиях влечений, но продолжал взаимозаменяемо использовать выражения «забота о собственной значимости» (аффективное понятие) и «нарциссическое либидо» (понятие влечений). Использование З.Фрейдом термина в качестве синонима заботы о собственной значимости (самооценки) получило широкое распространение, особенно в клинической практике, и стало одним из наиболее важных смысловых значений этого термина. Применение его в этом смысле стало настолько частым, что даже вошло в ежедневный лексикон аналитиков (Например, «его нарциссизм был ущемлен» в значении «это был удар по его самооценке»). Когда Х.Хартманн и Р.М.Лёвенштейн говорят: «Эго-идеал можно рассматривать как спасательную операцию для нарциссизма» [22, с.61], они используют нарциссизм в значении самооценки всемогущественного младенца в процессе разочарования. Концепция Л.Эйдельберга [6] о «нарциссическом разочаровании» подразумевает чувственный опыт беспомощности, аффективное состояние в спектре самооценки. Когда Дж.Мюррей описывает «подающего надежды молодого человека с высоким соответствующим представлением о себе, представителя первоклассной группы, которой он обоснованно гордится. Его оправданные нарциссические чувства с легкостью покоятся на его плечах» [34, с.482], явно прослеживается использование термина нарциссизм в значении самооценки. Когда Х.Кохут говорит о «лучшей индивидуальной защите от нарциссической ранимости и склонности к стыду» [31, с.255], он рассуждает о защите самооценки. Это всего лишь несколько выборочных примеров, а их может быть огромное количество.
Основной недостаток использования термина «нарциссизм» в значении самооценки в том, что слово, которое практически относится к теории влечений, отождествляется с явлением (самооценка) более высокой сложности. Я не намекаю на то, что цитируемые авторы уравнивают понятия самооценки и либидинозного вложения Я. Скорее они используют термин «нарциссизм» в качестве синонима самооценки, игнорируя его либидинозное значение. Однако после ряда обсуждений данной работы мне стало ясно, что значительное количество аналитиков утверждают, что самооценка - это либидинозное вложение Я, и даже идут дальше, утверждая, что это все, чем это исчерпывается. Таким образом, я бы хотел кратко определить некоторые составляющие слова «Я», что, на мой взгляд, поможет указать на несостоятельность такого утверждения. Несмотря на некоторые разногласия в точном значении «Я», многие его компаунды передают общепринятый смысл. Будет достаточно точно условно назвать Я-репрезентации «эндопсихическими репрезентациями телесного и психического Я в системном Эго» [24, с. 19]. Они изначально включают в памяти следы внутреннего опыта, ощущений, мыслительных процессов и позднее косвенное восприятие Я, т.е. восприятие Я как объекта. Они могут быть связаны или не связаны с аффективными состояниями удовольствия или неудовольствия. Если есть связь с аффектом, то мы говорим об образе Я, а когда различные образы Я формируют более связанную аффективную картину Я, мы говорим о самооценке, «высокая самооценка» подразумевает преобладание приятных аффектов, а «низкая самооценка» - неприятных. Все эти эго состояния связей аффект-Я-репрезентаций, которые могут быть как сознательными, так подсознательными или бессознательными, имеют сложное происхождение и несут множество защитных и адаптивных функций.
Учитывая все вышесказанное, становится ясно, что неправильно будет утверждать, что самооценка - это просто либидинозное вложение Я. Это объяснение комплексного эго-состояния в понятиях влечений, и при этом в весьма не специфических. Это не только заранее исключает рассмотрение множества факторов, определяющих самооценку, но и косвенным образом пытается объяснить аффекты влечениями. Как я уже упоминал, на данный момент это неприемлемо.
Еще одна проблема уравнивания нарциссизма и самооценки была описана в замечательной работе У.Джоффа и Дж.Сандлера [25], которых особенно заинтересовали количественные характеристики, которые вносит в понимание самооценки применение термина «нарциссизм». Объяснение самооценки как либидинозного вложения Я представляет собой экономическую концепцию, согласно которой самооценка понижается, когда либидо инвестируется в других, и повышается, когда либидо изымается из других и инвестируется в Я. З.Фрейд отметил это в хорошо известной аналогии с амебой, которая

после развивалась и другими авторами. Однако этот тип количественных колебаний не соответствует клиническим данным. Люди с высокой самооценкой как раз и являются теми, кто больше всего интересуется другими, в то время как люди с низкой самооценкой скорее фокусируются на себе. Более глубокое изучение такого явления, как «влюбленность», которое, как может показаться на первый взгляд, подтверждает экономическую картину («вы великолепны; я никчемен»), раскрывает его сложную динамику, и в такой ситуации трудно описать точное состояние либидинозного катексиса.

Эти сложности заставили У.Джоффа и Дж.Сандлера выдвинуть предложение об основательном пересмотре значения концепции нарциссизма. Вместо того, чтобы отказаться от применения термина «нарциссизм» в отношении самооценки, они согласились с идентичностью понятий нарциссизма и самооценки, предложив пересмотреть определение нарциссизма вне рамок влечений. Они сделали вывод, что «состояния, важные для рассмотрения нарциссизма, не могут определяться только состоянием побуждений или объясняться в понятиях гипотетического распределения энергии катексиса» [25, с.63]. Они описали «идеальное состояние» благополучия, «состояние, которое является глубоко аффективным и в норме сопровождает гармоничное и комплексное функционирование всех биологических и психических структур» [25, с.63], и сделали заключение, что нарциссизм должен применяться к этому идеальному состоянию и его связям с Я-репрезентациями, т.е. самооценке. Они определили основную характеристику нарциссических нарушений как «наличие явных или скрытой болезненных стояний, с которыми эго постоянно нужно справляться; а ответная реакция в виде защитных и адаптивных маневров может принять патологические пропорции» [25, с.65]. В целом, они рекомендуют отказаться от концептуализации нарциссизма как либидинозного вложения Д а взамен представить его в понятиях идеального состояния.

И последняя проблема, связанная с уравниванием понятий нарциссизма и самооценки, появилась в тот момент, когда аналитики выделили два по существу разных типа чувства собственной значимости. История этого процесса весьма интересна. З.Фрейд в первоначальном уравнивании чувства собственной значимости и нарциссизма ссылался в частности на вторичный нарциссизм - либидинозное вложение Я, появляющееся после инвестирования объектов. В случае вторичного нарциссизма либидо изымается из объектов предположительно из-за неудовольствия, вызванного первичным вложением. В понятиях эго-психологии, изъятие интереса - это защитный маневр с целью защитить человека от тревоги и других болезненных аффектов, связанных с объектами. Клинически это проявление патологической защиты, и термин «нарциссизм» стал применяться в отношении такого защитного преувеличения позиции собственной значимости посредством чувства превосходства и мании величия. Однако вскоре прояснилось, что хорошее мнение о себе - высокая самооценка - может представлять собой и реальное, а не только защитное чувство. Так как это явление также называли нарциссизм, то оба этих аспекта самооценки рассматривались как следствие либидинозного вложения Я и их трудно было различить. В поисках разрешения этой дилеммы родилась идея разделить нарциссизм на «хороший» и «плохой». Первый подразумевал под собой базовую, в сущности не защитную самооценку, а второй - защитную гордыню. К сожалению, использование понятий «хороший» и «плохой» здесь скорее проявит наши оценочные суждения, нежели даст реальное понимание пациентов. В структурных терминах, тем не менее, две разновидности самооценки становятся более понятными. «Хороший» нарциссизм - это высокая самооценка, основанная в основном на приятных связках аффект-Я-репрезентация, в то время как «плохой» нарциссизм - это самоуверенность или высокая значимость себя самого, используемая как защита от базовых неприятных сцепок. Использование термина «нарциссизм» для обозначения всех видов самооценки ведет к упущению его структурных детерминант, и картина становится нечеткой.

Из всего вышесказанного можно предположить, что две области применения термина «нарциссизм» - для обозначения концепции либидинозного вложения Я и самооценки оказываются несовместимыми.

Комментарии

Из всего вышеперечисленного становится явным одно. Первоначальная концепция нарциссизма как либидинозного вложения Я больше не объясняет в должной степени все явления, называемые сегодня нарциссическими. Скорее объединяющая концепция представляется фокусом на некоторых аспектах Я на любом из ряда уровней. Первоначальная теоретическая концепция нарциссизма касается связи либидинозного влечения и Я. Нарциссическая стадия развития - это стадия, когда границы между Я и объектами еще не установились. Выбор нарциссического объекта - это выбор объекта, напоминающего себя. Нарциссизм как отказ от объектов - это внешнее поведение, когда Я концентрируется на исключении других. Нарциссизм как незрелые объектные отношения описывает тот их способ, когда фокус на себе искажает реальные аспекты объектов или же, когда границы между Я и объектами ослаблены. Нарциссизм как самооценка описывает связь позитивных аффектов с репрезентациями Я. Объединяющим фактором здесь является отношение Я в противоположность объектам. Это заключение не ново. Фактически оно может рассматриваться как «официальное», в Словаре Американской психоаналитической ассоциации заявлено: «НАРЦИССИЗМ: концентрация психологического интереса на Л» [1, с.57].

Проблема с пониманием нарциссизма заключается в том, что его использовали для описания огромного количества разных аспектов Я. Теперь понятно, почему обращение Х.Хартманна пересмотреть концепцию в структурных терминах не получило ответа. Нарциссизм описывает множество разных явлений, каждое из которых самостоятельно может быть описан структурно. Разнообразие применений привело к путанице в психоаналитической литературе.

В поисках разрешения этой проблемы давайте для начала рассмотрим возможность сузить область применения термина «нарциссизм» до одного из наиболее важных употребляемых в настоящее время значений и постараемся иначе обозначить остальные. Это уже предлагалось в работе У.Джоффа и Дж.Сандлера [25]. Распознав проблемы с экономическим определением нарциссизма, эти авторы предлагают сузить применение термина до понятия самооценки, устраняя при этом не только экономическое определение нарциссизма, но и концепцию влечений в нарциссизме, по крайней мере, как его центральную характеристику. К сожалению, существует несколько значений нарциссизма, которые нельзя с легкостью отнести ни к концепции влечений, ни к понятию самооценки. Как, к примеру, мы назовем «выбор нарциссического объекта», если за термином «нарциссизм» закреплены определенные нарушения самооценки? А как мы назовем примитивный тип психического функционирования, «где слабые границы между Я и образами объектов провоцируют фантазии или слияние этих образов» [24, с.40], что Э.Якобсон [24] называет «нарциссическим», и непонятно - в отношении влечений или концепции самооценки?

На мой взгляд, наиболее удовлетворительным будет решение переосмысления нарциссизма в соответствии с описанием в упоминавшемся выше словаре. Мы признаем, что в свое время первоначальное понимание З.Фрейдом нарциссизма было очень продуктивным и полезным, но на сегодняшний день оно требует дополнения и временами недостоверно. В настоящее время это понятие должно быть заменено более обстоятельным. Принимая это во внимание, нам придется переименовать ряд явлений, называемых сегодня нарциссическими: явления с минимальным фактором концентрации психологического инте-

реса на Я. На подобный пересмотр я бы номинировал использование термина «нарциссизм» для описания стадии развития и незрелых объектных отношений. Учитывая множество аспектов в период раннего развития, более содержательным будет рассмотрение созревания в терминах «линий развития», описанных Анной Фрейд [9], с учетом того, что ранние стадии либидинозного развития характеризуются более четким термином, чем нарциссизм (может, «дообъектный»?). Аналогична ситуация и с неспецифическими отношениями Я-интереса и незрелых объектных отношений - их не стоит называть нарциссическими, а лучше дать им другое описание.
Мы остались с использованием термина «нарциссический» в отношении объемной неспецифической концепции, описывающей ряд явлений, так или иначе относящихся к какому-то из аспектов Я. Если что-то не понятно из контекста, мы будем давать пояснения (Например, О.Кернберг делает это в первом параграфе своей работы «Факторы в психоаналитическом лечении нарциссических личностей» [30], где он говорит: «...существует группа пациентов, для которых основной проблемой является нарушение их самооценки в связи со специфическими нарушениями в их объектных отношениях». - Прим. авт.).
Там, где это возможно и необременительно, мы попытаемся использовать более специфический термин. Самое важное, это мы постараемся противостоять соблазну понимания нарциссизма сугубо в рамках либиднозного вложения Я и попытаемся учитывать динамические и структурные аспекты этого явления. Возможно, таким образом нам удастся сохранить значимость этой концепции и осознание формулировки, избегая неоднозначности, которая в настоящий момент создает нам массу трудностей.

Заключение

Наравне с другими науками психоанализ постоянно пытается пересмотреть определения своих терминов, сделать их более точными и значимыми. Эта работа посвящена одной из наиболее важных психоаналитических концепций - нарциссизму, и различным применениям этого термина в литературе.
Первоначально термин нарциссизм использовался для обозначения ряда явлений, которые объяснялись тем, что человек принял себя как сексуальный объект - что он любит себя или какую-то часть себя. Постепенно использование термина распространилось почти на все сферы концентрации психологического интереса на Я. Огромное количество явлений попало в эту категорию, и нарциссизм применялся в отношении всех этих явлений. В ранней психоаналитической литературе термин употреблялся по-разному:

1. В клинический случаях, для обозначения сексуальной перверсии.
2. Генетически, для обозначения стадии развития.
3. В рамках объектных отношений, для обозначения двух разных явлений:

а) тип выбора объекта.
б) способ связи с окружающим миром.

4. Для обозначения различных аспектов комплексного эго состояния в самооценке.

Использование термина «нарциссизм» для описания такого количества различных аспектов Я-интересов и уровней абстракции привело к путанице в психоаналитической литературе. Нередко можно встретить примеры, когда авторы расходятся во мнениях относительно нарциссизма, исходя из явно разных теоретических основ. При более детальном изучении эта разница становится больше семантической, нежели теоретической. Получается, что авторы обсуждают разные явления, каждое из которых именуется нарциссическими. Серьезным фактом этой неопределенности стало то, что эта концепция, в отличие от многих других в психоанализе, не была тщательно изучена с позиций эго-психологии, хотя действительно этого заслуживает.

Розенфельд Г.

НАРЦИССИЗМ И АГРЕССИЯ
(Доклад, прочитанный на осенней конференции Немецкого психоаналитического объединения в Висбадене (1984)

1.0 Клинические и теоретические наблюдения

В этом докладе я сделаю акцент на развитии моей идеи о нарциссизме и агрессии. Во-первых, я намереваюсь обратить внимание на место и образ, в которых используются объекты в нарциссических состояниях. Я наблюдал, что большинство клинических состояний подобны примитивным объектным отношениям, которые З.Фрейд описывал как первичный и вторичный нарциссизм. Во-вторых, я предполагаю, что позитивный и деструктивный нарциссизм можно точно определить и дифференцировать, что я уже пытался показать в своей опубликованной работе [4] перед конгрессом в Вене. В-третьих, я считаю, что психоаналитику важно понять, как функционирует деструктивный нарциссизм у многих тяжелобольных нарциссических пациентов, лечение которых было приостановлено, и это я попытаюсь проиллюстрировать. В-четвертых, как последний пункт, я опишу психотический мир фантазий сильно галлюцинирующего пациента, мир, в котором доминировали агрессия и садистические части его личности. Существует явное сходство между психотическим миром фантазий, в котором доминирует садистическая фигура, и политическими организациями, в которых господствует диктатор, наслаждающийся сильным сверхмогущественным и разрушительным чувством власти. Хотя он и утверждает, что могущественен, и боготворит вождя, но обоснованно это только для тех, кто принимает во внимание его доминирование.

З.Фрейд в своей статье «О нарциссизме» [2] говорит, что при шизофрении либидо отклоняется от направления к внешнему миру и причиняет «Я» зло, так, что у индивидуума возникает поведение, которое мы можем назвать нарциссизмом. Вследствие такого поворота либидо эти пациенты не поддаются воздействию психоанализа и остаются неизлечимыми, несмотря на наши усилия.

Когда я в 1937 году, при помощи психотерапии, начал лечить психотических пациентов, главным образом больных шизофренией, то я обнаружил, что эти пациенты развивали на меня очень сильный перенос. На основании этого я усомнился в правильности теории З.Фрейда о нарциссизме. Позднее, я обратил внимание, что ряд психоаналитиков открыли нарциссический перенос у психотических пациентов. В этой связи я упоминаю в своей книге [5] К.Абрахама, П.Федерна. Л.Сона, М.Балинта. Я предположил, что можно избежать путаницы, если мы примем во внимание, что различные клинические наблюдения подтверждают описание З.Фрейдом первичного и вторичного нарциссизма, а в действительности являются примитивными объектными отношениями. В нарциссических объектных отношениях сверхмогущественность играет выдающуюся роль. Объект, обыкновенно частичный, - это грудь, которая может сверхмогущественно аннексироваться. Это означает, что ребенок рассматривает объект, которым он обладает, или сверхмогущественно использует грудь матери как контейнер, в который проецируются все части самости, переживаемые как нежелательные потому, что вызывают боль и страх. В нарциссических объектных отношениях важный фактор - это идентификация. Она может состояться, когда объект сверхмогущественно аннексируется, самость идентифицируется с инкорпорированным объектом, так, что отрицается каждая отдельная идентичность или граница между самостью и объектом.

При проективной идентификации часть самости сверхмогущественно вторгается в объект, например в мать, чтобы перенять определенные свойства, которые переживаются как особенно желаемые ценности, чтобы затем быть идентичными в отношении этих свойств с соответствующим объектом или его частью. Совершенно особую роль играет в нарциссических объектных отношениях позиция защиты против осознания и признания разделения самости и объекта. Важно понять, что в нарциссических объектных отношениях агрессия играет всегда значительную роль, тут отрицается идентификация или слияние самости и объекта, агрессии и страха, которые связаны с отделением. Кроме этого, вызывается зависть из-за зависимости, когда в объекте распознается хорошее.

Уже в ранних инфантильных отношениях с матерью у ребенка стимулируется зависть к груди, и он может сверхмогущественно долго обладать грудью матери, несмотря на то, что и грудь не может фрустрировать и вызывать у него зависть. Для нарциссических пациентов характерно, что психоанализ и психоаналитик очень важны для них потому, что они стимулируют отщепленную зависть, которая затем вызывает негативную терапевтическую реакцию.

Я нахожу работу М.Кляйн «Зависть и благодарность» (1958) особенно проясняющей. В ней автор анализировала эту раннюю зависть в своем клиническом материале и связывала ее с негативной терапевтической реакцией. Сама М.Кляйн не описывала связь нарциссизма и зависти, но изучение ее клинического материала, как и мой собственный опыт с пациентами, способствовал пониманию того, что зависть и нарциссизм тесно связаны друг с другом.

В переносе у тяжелого нарциссического пациента очень долго длится проработка деструктивно завистливых реакций. Такой пациент утверждает после каждого успеха и понимания, которых он достиг в результате интерпретации аналитика, что он давно знал содержание последней, и поэтому она уже давно была его собственностью. Кроме этого, происходит еще и то, что сила зависти приводит к перверсиям и умалению значения всего ценного, что пациент приобрел во время психоанализа.

Некоторые пациенты могут осознать и выразить подавляющую зависть, когда психоаналитически прорабатывается негативная терапевтическая реакция. Другие пациенты продуцируют зависть в виде сильно губящих и пугающих фантазий или образцов поведения. При этом важно, что психоаналитик не соблазняется и не следует ложному пути. По-другому выражаясь: необходимо справиться не только с отбыто выраженной завистью, но особенно важно понять глубоко скрытую, отщепленную ненависть, которую очень тяжело распознать клинически, но, несмотря на это, она должна быть диагностируема, чтобы можно было избежать в психоанализе тяжелых кризисов.

1.1 Клиническая иллюстрация одного тяжелого больного нарциссического пациента

Теперь я приведу клинический пример одного тяжелого больного нарциссического пациента, который был в анализе более десяти лет и имел различные успехи. Я намерен попытаться проиллюстрировать повторные завистливо-нарциссические перверсии в поведении пациента, а также описать связь его нарциссического поведения и раннего инфантильного отношения с матерью, которую я смог довольно ясно пережить и осознать в переносе.

Примерно двадцать лет я имел возможность анализировать этого пациента, который в высшей степени был способным и интересным в анализе. Однако, его объектные отношения препятствовали его здоровью, и он очень страдал от тяжелых ипохондрических симптомов. Во время нескольких месяцев раннего анализа (до моей работы с ним) пациент имел острое воспаление кишечника. Чтобы спасти его жизнь, была проведена операция. В начале следующих месяцев кишечник стал снова функционировать.

Пациент имел очень тесные отношения со своей матерью. Уже младенцем он плакал так энергично и беспрерывно, когда должен был спать в своей кроватке, что, в конце концов, мать не найдя лучший способ, чтобы его успокоить, была вынуждена брать ребенка в свою кровать. Там он тотчас засыпал, когда мать разрешала ему спать вблизи с собой. Его отец по роду службы был вынужден много разъезжать, но когда он был дома, то не был готов помогать своей жене

справляться с доминирующим ребенком.
Мать вскармливала его грудью, но через год попыталась прекратить кормление. Он не был готов к этому, и мать была вынуждена еще два года давать ему грудь. По-видимому он отказывался от многих других вскармливаний и кричал до хрипоты, пока снова не получат грудь.
Во время психоанализа у пациента было много подруг, которых он часто менял. В первый год после начала анализа пациент почувствовал большой интерес к девочке, которая в его глазах была намного лучше и ценнее, чем его прежние подруги. Когда он попытался с ней познакомиться поближе, причем так быстро, как только это было возможно, и привлечь ее к сексуальной близости без ее согласия, она поставила его на место. Он стал подавленным и чувствовал себя виноватым, опасаясь, что потерял ее. В конце концов, она ответила на настоятельное письмо пациента, но по отношению к ней он стал немного боязливым. Пациент предположил, что она не достаточно сильно реагирует на него. Она не могла достаточно показать свои чувства, и он описал ее как мертвую: он нуждался в ком-то, кто был бы полон жизни.
В течение этого периода его симптомы кишечника (болезненные спазмы и болезненные запоры, которые возникали кратко время от времени) стали особенно болезненными. Пациент был убежден, что у него развился рак кишечника, который его погубит. Так же он был убежден, что теперь у него снова началось воспаление кишечника. Во время сеанса, на котором пациент очень драматично выражал свой страх перед раком, он был в состоянии, охватившей его паники. Он чувствовал, что все было бесполезно, и от всего этого намеревался убежать - от своей квартиры, от лечения и своей новой подруги. На кушетке он также был внешне неспокоен. В этой панике казалось, что пациент полностью запутался в своей бредовой идее, а он был совершенно убежден в реальности того, что он чувствует. В моем контрпереносе я обратил внимание, что совершенно подавлен происходящим с ним и должен как можно быстрее проинтерпретировать, что для него было главным, так как ситуация стала неконтролируемой, и он впал полностью в безумное состояние. Тогда я сказал, что он был убежден в том, что совершенно конкретно проглотил свою подругу, Это убеждение также относилось и ко мне, как если бы он проглотил и меня, но не был способен без меня функционировать и передвигаться. На это он реагировал только молчанием, но я обратил внимание, что он намного меньше стал делать резких телодвижений на кушетке. У меня было ясное чувство, что моя интерпретация его задела так, что он смог почувствовать, что я еще жив и могу функционировать. На следующий день после этого бурного сеанса он признался, что почувствовал себя немного лучше. Он сказал, что фактически эта ситуация его потрясла, но он не мог честно признаться, что я помог ему. Затем он рассказал сновидение, в котором они путешествовали вместе с подругой. Поезд резко бросало в разные стороны, и он обратил внимание, что сохранялась сильная опасность и возможность полностью сойти с рельсов. Но пациент сохранил равновесие и держал прямую осанку. Ничего ужасного не случилось, кроме того, что поезд стоял рядом с рельсами. Затем пациент описал, что он в течение последних двух дней бегал по длинной лестнице своего дома вверх-вниз, но иногда он останавливался, а затем начинал бегать снова. Его сосед был в страхе от этого и опасался, что пациент не понимает, что делает, и страх его от этого еще больше возрастал. Я подумал, что поезд связан с принадлежащими ему проблемами кишечника, и что пациент всегда имел страх, что последний перестанет функционировать, и что все нарушения в нем усиливаются. К сновидению пациент продуцировал много ассоциаций: он вспомнил, что во время определенного периода своего детства (в возрасте восьми лет) считал, что поезд - это он. Он знал, что тогда был психотиком. Также он сказал, что верил в обладание способностью приводить самостоятельно функции своего желудка и кишечника в состояние спокойствия. В другой момент он мог ускорить содержание своего кишечника, а затем снова его замедлить, так как еда неправильно переваривалась. Я интерпретировал, что его сновидение и ассоциации показывают, как сильно он ощущал опасность сойти с ума. Благодаря моей интерпретации он был спасен от охвативших его чувств, которые угрожали ему сойти с рельс. Вследствие его убеждения, что он проглотил свою подругу и меня, сделав нас мертвыми, и это породило иллюзию рака, он полностью потерял спокойствие и способность думать. Однако, он должен был знать, что я его спас от ужасной судьбы. Он утверждал в сновидении, что он один сохранил равновесие и мог контролировать свое сумасшествие. Так мог себе внушить, что его психотический эпизод можно рассматривать только как легкое крушение.
Такое поведение - это типичная нарциссическая реакция, в которой пациент взял на себя сверхмогущественный образ помогающей роли аналитика и может лживо уверять, что он сам аналитик, который его спас. Из этих оснований пациент не смог сделать акцент на моей интерпретации сновидения. На следующем сеансе он жаловался на трудности в работе и на оставшуюся тяжесть в желудке. Он не мог слушать, и казалось, что все еще настаивает на том, что может сам все привести в порядок.
Очень много приходилось слышать о его неспособности, о своих стремлениях он сам говорил только со своей подругой, которая очень ясно могла ему подсказать, как поступать. Также по отношению ко мне он не мог сознаться, как тяжело было для него воспринять от меня важную интерпретацию и высказать свою благодарность за помощь. С начала психоанализа он часто повторял, что немного позитива было у него в реагировании на то, что я ему показывал, но он тотчас находил другое, более важное, и концентрировался на этом. Или об этом он иногда уже думал, наблюдал и намеревался об этом написать. Он часто говорил, как только я интерпретировал, что уже раньше думал об этом. Тогда я интерпретировал, что однако весьма странно то, что он в большинстве случаев, в момент, когда я говорю, уже знал об этом раньше. Я связал это с его убеждением о том, что когда грудь матери его успокаивала, он твердо верил, что грудь и молоко принадлежали ему. Поэтому ему не нужно было есть, воспринимая мысли других правильно, и «переваривать» их. Я вспомнил, как часто он мне объяснял, что нуждается в ком-то, кто бы готовил для него.
Он никогда не готовил для себя сам, но когда кто-нибудь хорошо готовил для него, он, несмотря на это, реагировал болями в желудке. Я предположил, что он снова пытается представить ситуацию младенчества, намереваясь вспомнить грудь матери, и как она успокаивала его. Вследствие этого он смог избавиться от иллюзий, что он одержим грудью и молоком. Но при этом, когда кто-нибудь давал ему еду («молоко») или я показывал ему что-то важное, он очень быстро схватывал от личности, которая заботилась о нем, хорошее и снова начинал себя плохо чувствовать. Здесь я также проинтерпретировал, с какой сильной завистью он реагировал в своих отношениях ко мне как к своей матери, когда для него было абсолютно необходимо, воспринять от меня помощь. Это лишало его возможности признать, как были важны для него две последние встречи. На следующий день он рассказал сновидение: он на ракете вместе с другими летит на Луну. Однако, вместо того, чтобы высадиться на Луне они высадились на «Я-Земле», которая структурно была очень похожа на Луну.
Он чувствовал, что тут был трюк в игре, так как ракета летела неверным путем. Вначале пациент говорил очень спутано, болтал, не продуцируя ассоциаций. Но затем он подумал, что не мог вспомнить на последнем сеансе хоть какую-нибудь особенно важную встречу. Затем он продуцировал много ассоциаций, которые были весьма четкими. Он чувствовал, что Луна может иметь связь с идеализацией его подруги. Он всегда хотел по-настоящему в кого-нибудь влюбиться. Теперь я мог интерпретировать, что полет ракеты на Луну означает, что он имел намерение влюбиться в идеализированный

объект, как, в конце концов, влюбляются все люди. Но в сновидении это не удалось и он чувствовал, что может любить только сам себя (Я-Землю).
Это означало, что его попытка направить свои чувства во внешний мир и кого-нибудь полюбить не удалась. Это было верно, но в сновидении он передал вину кому-то, кто разыграл с ним шутку из-за неудачной попытки. В действительности он сам был тем, кто разыгрывал со мной все новые и новые шутки, так, что мои интерпретации не могли ему помочь. На следующем сеансе он продемонстрировал достаточно ясно розыгрыш со мной новой шутки. Он сказал, что чувствует сильную зависть к коллеге, который обольщал своего психоаналитика (женщину). Пациент был у нее в анализе. Я подумал, что теперь пациент намеревался обольстить меня, чтобы я потерял ориентацию по отношению к его здоровью. Установка, которая основывалась на его желании стать человеком, наполненным любовью, не соответствовала этому. Это был мыслительный трюк: испытывать зависть по отношению к кому-то, которая портила бы успех его собственного анализа, именно благодаря обольщению психоаналитика (женщины). Здесь была, естественно, опасность в том, что его длительные попытки навести меня на ложный путь и обольстить, в конце концов, могли стать успешными, так как ему всегда удавалось обольстить свою мать. Но, однако, было ясно, что его единственная надежда стать здоровым зависела от того, что я по отношению к нему мог оставаться твердым, несмотря на его длительные попытки навести меня на ложный след и обольстить. Для меня это было ясно, что он завидовал моей твердости по отношению к нему, в которой он крайне нуждался, чтобы признать, что его сверхмогущественность была ущербной и ненужной. Это была его нарциссическая сверхмогущественность, которая оставляла пациента закрытым в его нарциссической болезни.
Завистливое поведение пациента со всеми трюками продолжалось еще долгие годы. В поздних историях развития зависть должна прорабатываться достаточно хорошо. Когда пациент в отношении своего поведения начал чувствовать вину, то и психически, и физически начал чувствовать себя лучше, так, что его попытки восстановить анализ и жизнь, предвещали успех. Нарциссический пациент остановился на детской сверхмогущественной ступени развития, которую М.Кляйн назвала параноидно-шизоидной позицией. Теперь, когда анализ удался, пациент был способен к более высокой ступени развития, а именно - депрессивной позиции и мог продолжать развиваться дальше.

1.2. К теории и клиническому значению деструктивного нарциссизма

В 1971 я развил далее мои мысли о нарциссизме. Я писал: «При достаточном учении о нарциссизме мне кажется существенным различать его либидинозные и агрессивные аспекты. Рассматривая нарциссизм с позитивной точки зрения, мы узнаем, что сверхоценка себя играет в нем центральную роль. Здесь располагается существенная идеализация себя. Идеализация себя сохраняется благодаря сверхмогущественной интроективной и проективной идентификации с идеальными объектами и их свойствами. Таким образом, нарциссический человек чувствует, что внешние объекты и внешний мир весьма ценны, часть их образует его самость и контролируется благодаря ей сверхмогущественным образом» [4].
Если мы рассмотрим нарциссизм под субъективным углом зрения, то вскоре обнаружим, что идеализация себя играет центральную роль. Но идеализируется только сверх-могущественно-деструктивная часть. Она направляется как против позитивных либидинозных объектных отношений, так и против либидинозной части самости, которая нуждается в объекте и хочет быть от него зависима. Десруктивно-сверхмогущественные же части самости остаются скрытыми, или молчаливыми и отщепленными, благодаря чему их существование завуалировано и возникает впечатление, что отношений с внешним миром не существует. Однако, в поступках они демонстрируют очень мощное действие, в котором препятствуют зависимым объектным отношениям и обесценивают перманентно внешние объекты, что объясняется кажущейся идентификацией нарциссического индивидуума по отношению к внешним объектам и миру. Уже прежде я пытался показать огромную власть молчаливой сверхмогущественной нарциссиче-ской зависти в анализе ипохондрических пациентов.
У большинства нарциссических пациентов существует наряду с либидинозным и деструктивный аспект, однако, часто варьируют силы деструктивных импульсов.
В нарциссических состояниях, при которых господствуют либидинозные аспекты, становится очевидной деструктивность, как только сверхмогущественная идеализация себя начинает находиться под угрозой, благодаря контакту с объектом; в этом случае она воспринимается отдельно от самости. Пациент чувствует себя смиренным и потерпевшим поражение из-за открытия, что внешний объект в действительности обладает весьма ценными качествами, которые он приписывал своей собственной творческой силе. Во время психоанализа у пациента наблюдаются чувства злобы и мести из-за того, что он лишился своего нарциссизма. Но вскоре это уменьшается, и пациент начинает переживать сознательную зависть, только после этого он осознает психоаналитика как весьма ценный объект.
Когда господствуют деструктивные аспекты, зависть сильна и выглядит как желание разрушения психоаналитика как объект, который представляет собой действительный источник жизни и ценности. Одновременно часто появляются импульсы саморазрушения, которые в большинстве случаев связаны с деструктивным нарциссизмом.
Деструктивный нарциссизм этих пациентов часто кажется комплексно организованным, когда имеет дело с могущественной бандой, находящейся под властью вождя, который контролирует всех членов, так что при этом они оказывают помощь друг другу, исполняя эффективно и энергично разрушающую криминальную деятельность. Однако, нарциссическая организация не содержит только силу деструктивного нарциссизма, но главным образом она служит цели защиты и сохранения власти, поддерживая статус кво. Кажется, главная цель этого - воспрепятствовать слабости организации и контролировать членов банды, чтобы они не покинули разрушенную организацию, дабы исключить позитивные части самости, чтобы тайна банды не стала известна полиции, что означает предать защищающую инстанцию «Супер-Эго», которую в психоанализе представляет помогающий освободить пациента психоаналитик. Когда в анализе пациент с успехом преодолевает это место и намерен измениться, он начинает мечтать о нападениях со стороны членов мафии или юношеских правонарушениях, что приводит к негативной терапевтической реакции. Согласно моему опыту, нарциссическая организация не направлена первично против вины и страха, скорее, кажется, она ставит себе цель сохранить идеализацию и превосходящую власть деструктивного нарциссизма. Измениться и принять от других помощь - означает быть слабым, и переживается как бесправие или как отказ от деструктивной нарциссической организации, которая придает пациенту чувство превосходства. Во всех случаях такого рода имеются хронические сопротивления анализу, и единственное, что предоставляет возможность достичь успеха, - это вскрытие этой системы.

1.3. Краткое клиническое описание пограничной пациентки с агрессивно нарциссической организацией характера

Одна моя пациентка, которая много лет проходила лечение в другой стране, как-то сказала мне, что подтвердит под присягой, будто в школе чувствовала себя настолько плохо, что вынуждена была сама искать лечение: она чувствовала себя мертвой и не могла думать, что было для нее совершенно непереносимым. Вскоре после этого она начала свое первое психотерапевтическое лечение и в это же время порезала вены на обеих руках. Одновременно она позвонила своему психотерапевту (женщине), которая тотчас приехала и поместила ее в частную психотерапевтически ориентированную клинику. Пациентка сказала, что тогда не намеревалась себя убивать, но имела не поддающееся

контролю влечение вскрыть свои вены и увидеть, как ее кровь выходит наружу. Таким образом, она предприняла отчаянную попытку стать живой, так как чувствовала себя запертой в мертвой оболочке.
Вскоре в клинике пациентка присоединилась к банде подростков, которая там сформировалась, и которая бушевала внутри клиники, выбивая стекла и разрушая мебель. Члены банды нарушали все правила клиники. Вначале в этом окружении она чувствовала себя хорошо, особенно потому, что принадлежала к деструктивной группе, в которой все были очень горды, что имеют агрессию и могут поднимать мятеж. Она сама и другие высмеивали все, что было связано с мягкостью и наполненостью любовью: это рассматривалось как слабость и осуждалось как послушание. В клинике она провела три года и чувствовала себя живой, но, так как должна была готовиться к экзаменам или попытаться попробовать свои силы в работе, у нее появились сильные страхи. Она чувствовала себя неестественно и часто удаля-лась в свою кровать. Пациентка читала только криминальные романы, пила алкоголь и только эти средства успокаивали ее, так что ее голова была полностью заполнена и не возникали «интересные» и «многозначительные» мысли. Вначале было не ясно, что было угрожающей силой, от которой она чувствовала, что последняя берет над ней верх. Медленно мы смогли понять, что идеализация агрессивности не давала ей свободы, которой она жаждала. Она обратила внимание, что чувствовала сильную власть суггестии, которая доминировала над ней. Но, однако, было не совсем ясно, что для нее означало быть хорошей и плохой фигурой. Затем она рассказала сновидение, в котором она находилась в плену, а убийца ее выследил и попытался убить, когда она предприняла попытку вырваться на свободу. Я понял, что вначале она находилась во власти кажущейся дружественной фигуры, которая призывала ее усердно ей подчиняться. Затем я обратил внимание, что в действительности эта фигура, пленявшая и Читавшаяся убить пациентку, когда последняя попыталась сопротивляться ее власти, была плохой. Когда пациентка начала понимать, что она сопротивлялась этой опасной власти и что было необходимо использовать ее мысли, чтобы освободиться от этой гипнотической угрозы, произошло улучшение анализа, и она смогла сделать успехи. В конце концов, пациентка пришла к ясному осознанию этого. У некоторых нарциссических пациентов деструктивные нарциссические части самости тесно связаны с психотической структурой или организацией, которая отщеплена от остальной личности. Эта психотическая структура представляет собой иллюзорный мир или подобна мечте об объекте, в которой части самости имеют обыкновение ослабляться. Они кажутся всемогущими или всезнающими. Кроме этого, господствуют жестокие части самости, которые вызывают установки, властвующие внутри, мечты об объекте, страдании, но также и о полной свободе и об ослаблении садистических импульсов. Вся структура направлена против объектных отношений и на нарциссическое довольство малым (скромность запросов). Деструктивные импульсы в этом иллюзорном мире иногда проявляются открыто, как например, преобладающая жестокость, и угрожают другой части самости смертью, чтобы застраховаться от ее власти. Но еще чаще они проявляются скрыто и сверхмогущественно, благожелательно или спасительно обещая пациенту быстрое и идеальное решение всех его проблем. Это фальшивое обещание предназначено для того, чтобы поставить в зависимость нормальную часть самости пациента от сверхмогущественной части или покориться последней, а здоровые части завлечь в психотические структуры, чтобы они там остались в плену. Когда нарциссические пациенты пленены данным типом и, делая успехи, начинают осознавать отношения зависимости, то случаются сильные негативные терапевтические реакции. Нарциссические-психотические части самости довлеют своей властью и своим превосходством над жизнью и над психоаналитиком, который представляет реальность. Фактически, существует опасность острого психоза, когда здоровые, но зависимые части пациента отворачиваются от внешнего мира и передаются во владение господствующим структурам. Этот процесс схож с описанным З.Фрейдом отказом от объектной оккупации (захватом) и отступлением либидо в «Эго». Состояние, которое я описываю, фактически содержит в себе отступление от либидинозного захвата объекта в нар-циссическое состояние, которое подобно первичному нарциссизму. Во-первых, важно помочь пациенту снова найти здоровые части себя, освободив тем самым его из ловушки нарциссически-психотических структур, а затем приставить здоровые части к позитивным объектным отношениям с психоаналитиком и миром. Во-вторых, при этом важно помочь пациенту полностью осознать постепенно отколовшиеся деструктивно-сверхмогущественные части самости. Только в изо-ляции отколовшиеся части могут оставаться всемогущими и господствовать над психотической организацией.

1.4. Применение моей теории по отношению к психозам и феномену нацизма

Теперь я намереваюсь обратить ваше внимание на тесную связь нарциссически-психотической структуры пациентов с политической организацией, которая господствовала над всеми другими государствами. Я знаю, что мое сравнение психотических структур и Третьего Рейха не означает ничего нового, доктор Е.Федерн изложил в своем докладе одноименную тему [1].
Бросается в глаза сходство между психотической структурой и тем, что диктатор доминирующего государства, а именно - фюрер или вождь - присутствует в психотическом бреде пациента. Такой фюрер, например, руководит экспериментом, когда пациент убежден, что он в своем бреде используется для эксперимента. Часто пациент жалуется на то, что несколько марок от родителей он отдал руководителю эксперимента. Этот руководитель всегда очень сверхмогущественен, но на первый взгляд явно не садистичен. Он описывается как человек, оказывающий сильное гипнотическое влияние. Также он характеризуется тем, что придерживается возбуждающей пропаганды, чтобы все больше и больше изнутри ослабить здоровые части личности; он обещает, что в психотическом мире нет ничего болезненного, но, кроме того, обещает при этом каждому в полном соответствии следовать своим садистическим наклонностям.
Когда этот психотический мир вождя (или руководителя) становится возможным рассмотреть вблизи, то становится ясным, что этот вождь садистичен, сверхмогущественен, у него полностью отсутствует сострадание и он требует абсолютного подчинения всех частей себя. Только приняв во внимание, что пациент уже может находиться позади угрозы, когда он сам уже, хоть сколько-нибудь, способен защищаться против этого психотического режима, вождя убивают.
Пациентка, которую я описал перед этим, была вовлечена в подобную психотическую ситуацию.
В своих галлюцинациях пациентка слышала угрожающий голос руководителя, который требовал, чтобы она совершила деструктивные и самодеструктивные поступки, доказав тем самым свою лояльность сверхмогущественному вождю.
В моем выше описанном примере легко обнаружить Гитлера как фюрера психотического мира. Но вместо некоторых частей самости одного пациента, речью пропаганды Гитлера, которая обещала арийским немцам превосходство над всеми другими расами, в особенности над евреями, были загипнотизированы миллионы людей. Гитлер как фюрер дал психотическому миру иллюзий разрешение садистически нападать, грабить и беспощадно убивать другие расы, в особенности евреев. Он хвалил своих приверженцев за все эти смертельные дела.
Объективный наблюдатель, осознает, что опасность психотического иллюзорного мира, как и психотической сверхмогущественной системы, лежит в извращении и искажении причин и реальности, которые привели к жестоким поступкам, смерти, миллионам убийств в концентрационных лагерях, но которые, однако, при первой же возможности были оправданы.
У психотического пациента появляется глубинное чувство неполноценности и смертельная зависть ко всем людям, которые способны мыслить и в этом успешно превосходят его. При этом появляется внешне достигаемый радиус действия (в безумном мире скрытым способом изменить ситуацию), который пациенту в его мегаломании усиливает чувство

собственного достоинства. Здесь я думаю о психозе пациента, который считал себя Наполеоном, о его бреде, который означал, что он превосходит, может победить и уничтожить всех своих галлюцинаторных врагов, которые в действительности были, вероятно, людьми, которыми он тайно и глубоко восхищался, а также по отношению к которым

он чувствовал себя жутко маленьким.
В психозе немецкой нации это закончилось деструктивной, гипнотической, сверхмогущественной властью фюрера. Люди же, которые принадлежат к этой расе и внесли свой вклад в значение культуры этого народа благодаря подстрекательству, чудовищному, завистливому искажению, превратились в опасного противника. В результате, эта раса, которая определи!» значение немецкого народа как ведущего в мире благодаря вкладу в литературу, музыку, науку, медицину, и особенно в психологию, благодаря таланту которой была оказана большая помощь экономике и торговле, преумножившая богатство немецкого народа, рассматривалась в гитлеровской Германии как вредное насекомое, которое безусловно необходимо было уничтожить. Это трагическое искажение кажется мне идентичным завистливому искажению бреда пациента, который с бредом преследования и чувством ужаса реагирует на других людей, которыми он раньше восхищался и даже их идеализировал. Имеется еще много других сходств между психотическими индивидуумами и нацией, которая была полностью доминирована таким диктатором, как Гитлер. Интересно, что в бредовом мире наших пациентов национал-социалистическая банда, или мафия играет важную роль, в этом безумии банды власть всемогущественного, деструктивного нарциссизма повышается и порождает у пациентов особый страх и угрозы. Поначалу пациенты пленены, но, начиная понемногу разбираться в своей болезни, выказывают сомнения в ценности призывов вождя, который доминировал в бредовом мире. В этой ситуации, когда необходимо пережить значительные страхи, пациент очень нуждается в помощи своего психоаналитика, который защищает здоровые части его личности. В большинстве своем - это страх смерти, от которого гибнут сверхмогущественные банды. Аналогично рискованной для многих немцев кажется угроза со смертельной опасностью, однако нашлись многие, кто справился с этой опасностью, и на кого пропаганда нацизма не смогла оказать влияния. Как много было таких, теперь точно тяжело установить, но я знал ряд немецких друзей, которые проявляли свое мужество и часто оказывались в большой личной опасности (Например, известна группа сопротивления «Красная капелла». Психоаналитик Джон Риттмайстер состоял в ее рядах. Был арестован, а затем расстрелян. Сегодня институт психоанализа в Киле (Германия) носит его имя).
Когда психотически сверхмогущественная структура овладевает всей нацией, понимание очень затруднено, сумасшествие совершенно не осознается. Это может быть возможным и теперь, когда изучаются глубинные психологические элементы, которые потрясали немецкую нацию более пятидесяти лет назад. Я опасаюсь, что для полного исцеления от этой болезни потребуется еще очень много времени и активной помощи.

Литература:

1.Federn E. Einige klinische bemerkungen zur psychopathologie des voelkermordes//Psyche. 1969. 23. P.629-639.
2.Freud S. Zur einfuehrung des narzissmus (1914). GW X, 137-170.
3.Klein M. Envy and gratitude and other works 1946-1963. (1935). Seymour Lawrence: Delacorte Press, 1975.
4.Rosenfeld H. A clinical approach to the psychoanalytic theory of the life and death instincts: An investigation into the aggressiv aspects of narcissism// The international journal of psychoanalysis. 1971. Vol.52. P. 169-178.
5.Rosenfeld H. Zur psychoanalyse psychotischer zustaende (1965). Frankfurt: Suhrkamp, 1981.

Розенфельд Г.

НАРЦИССИЧЕСКАЯ ВСЕМОГУЩЕСТВЕННАЯ СТРУКТУРА ХАРАКТЕРА: СЛУЧАЙ ХРОНИЧЕСКОЙ ИПОХОНДРИИ

Rosenfeld H. The narcissistic omnipotent character structure// Rosenfeld H. Impasse and Interpretation. Therapeutic and anti-therapeutic factors in the psychoanalytic treatment of psychotic, borderline and neurotic patients. London and New York, Routledge. 1987. Ch. 4. P. 63-84.

В первой главе я описал, как пришел к определению типа отношений, который назвал нарциссическими всемогущественными объектными отношениями. Пытаясь сделать эту концепцию более понятной, я хочу в настоящей главе дать подробный отчет о случае Адама, пациента, которого я лечил много лет назад. На историю его жизни и структуру личности глубоко повлияли нарциссические всемогущественные объектные отношения, происходящие, очевидно, из самого начала младенчества, из отношений кормления с матерью. Таким образом, Адама можно назвать пациентом с нарциссической всемогущественной структурой характера. Материал из его анализа, который я предоставлю, демонстрирует, как нарциссические всемогущественные объектные отношения функционируют в анализе, демонстрирует влияние зависти и защит от нее, а также ее взаимосвязь с образованием негативных терапевтических реакций, ипохондрических тревог и бреда, касающегося сексуальной идентичности: все это было особенно выражено у данного пациента (Работая с пациентами, страдающими от тяжелой ипохондрии, мы должны решить, составляет ли ипохондрия часть душевной болезни, например сенильной депрессии, или же она полностью преобладает в симптоматологии и ее следует считать отдельной болезнью. Если мы поставили диагноз ипохондрии как отдельной болезни, нам необходимо провести различие между двумя ее видами. Первый - это ипохондрия, которая характеризуете: причудливым бредом, касающимся состояния и функционирования тела и органов, и относится к группе шизофренических расстройств; ее чрезвычайно трудно лечить психоанализом. При ипохондрии второго вида причудливый бред относительно редок, но пациент практически постоянно погружен в страхи страдания от определенных физических болезней, таких как рак, туберкулез или сердечные заболевания. Большинство таких пациентов в каждый конкретный момент времени переживает по поводу какой-нибудь одной болезни. Однако, когда тревога, связанная с одной болезнью, начинает затухать, вскоре возникают ипохондрические страхи относительно совершенно другой болезни, затрагивающей другой орган. Такую хроническую ипохондрию большинство психиатров рассматривают как психоз неопределенного типа. Иногда он сочетается с физической болезнью которую легко не заметить, поскольку на первом плане обычно находится ипохондрия.

В своей книге «Психотические состояния» (1965) я довольно подробно оп» сал психопатологию ипохондрии. Я показал, что тяжелая ипохондрия зачастую является защитой от шизофренической или параноидной ситуации. У пациента, которого мы будем описывать, психотическое состояние, лежащее в основе тяжелых ипохондрических тревог, зачастую было не слишком заметно. Ипохондрические тревоги этого пациента не следует рассматривал как конверсию психотического состояния в физические симптомы, поскольку, как я попытаюсь показать, всякий раз, когда анализ или внешние переживания наносят удар по нарциссическому психотическому состоянию и угрожают его ригидной власти, ипохондрические тревоги возрастают. Ипохондрию, таким образом, следует более корректно описывать как выражение конфликта между более нормальной непсихотической частью личности и нарциссической психотической организацией, которая пытается властвовать нал всей личностью, и именно это вызывает постоянную негативную реакцию и вместе с этим - рост ипохондрии).

История Адама

Прежде, чем начать лечиться у меня, Адам много лет получал психотерапевтическое, преимущественно психоаналитическое лечение у нескольких аналитиков в своей родной стране. Он страдал, в частности, от ипохондрических тревог, связанных со страхом перед раком гортани, желудка, прямой кишки, пениса и сердца. За два года до начала лечения со мной у него случилась острая непроходимость кишечника, по поводу чего он был госпитализирован на две недели. В то время он проходил психотерапию, но, тем не менее несколько дней существовало опасение, что ему может понадобиться операция. Наконец кишечник снова начал функционировать. Адам сообщил, что эта непроходимость кишечника последовала за разрывом с девушкой, от которой он был чрезвычайно зависим сексуально. На третьем году анализа со мной после долгой ипохондрической озабоченности Адама своим желудком и постоянных рассуждений о том, какая пища ему подходит, а какая нет, боли в животе стали столь сильными, что терапевт послал его на рентген. После тщательного исследования (что особенно важно в лечении пациентов-ипохондриков) была диагностирована и затем вылечена язва двенадцатиперстной кишки. Доктор организовал лечение Адама без особой суеты; он назначил легкую диету с частыми приемами пищи, благодаря чему острые боли довольно быстро утихли. Однако ипохондрическая озабоченность пациента своей язвой и страх перед раком желудка время от времени возвращались.

Адам родился на материке. Важной деталью было то, что, похоже, он был очень привязан к своей матери в младенчестве. Она, по-видимому, была хорошей, но тревожной матерью. Будучи младенцем, он чрезвычайно упорно плакал, прежде чем заснуть в своей кроватке. Наконец мать нашла единственный способ его удовлетворения - брать в свою постель, где он счастливо засыпал, прижавшись к ее коже. Его отец вынужден был много путешествовать и потому часто отсутствовал. Однако даже тогда, когда он был дома, он, видимо, был не в состоянии помочь своей жене справляться с этим чрезвычайно настойчивым, но также и тревожным ребенком. Адама кормили грудью, но когда мать попыталась отлучить его от груди после года кормления, ей это не удалось. Удалось это только тогда, когда ему уже исполнилось два года.

В возрасте между восемью и двенадцатью годами Адам, по-видимому, периодически страдал от тяжелого психического расстройства, сопровождающегося зрительными галлюцинациями и бредом. Он помнил, что долгое время был уверен, что он - поезд. В ходе лечения у него иногда появлялись зрительные галлюцинации. В возрасте восемнадцати лет у него возникли сильные ипохондрические тревоги относительно рака гортани. Буквально вскоре у его отца, обладавшего хорошим певческим голосом, начал развиваться рак гортани, он был прооперирован, но через несколько месяцев скончался. Смерть отца от болезни, совпавшей с ипохондрическими страхами Адама, чрезвычайно усилила ту его идею, что он спроецировал свои собственные страхи перед раком в гортань отца.

У Адама был один брат, на два года его старше, к которому он был очень привязан. В его снах существовало множество отсылок на гомосексуальные отношения с братом, однако не было никаких свидетельств тому, что это сексуальное отношение когда-либо открыто проявлялось.

Проработка оральной зависти посредством анализа переноса

Адам бессчетное количество раз вступал в отношения с девушками, но очень редко влюблялся. Вообще говоря, было похоже, что его постоянные сексуальные отношения представляли собой проекцию его тревоги, безумия и сексуальности, а также повторение его раннего эротического отношения к телу матери. В ходе анализа у Адама было множество подруг, и он их часто менял. Примерно через два года лечения он прервал интенсивные отношения с шизоидной девушкой, кое в чем на него похожей, и заинтересовался девушкой, которая показалась ему более красивой, чистой и достойной любви,

чем все остальные, кого он ранее встречал. Он хотел сблизиться с ней медленно, чтобы дать возможность развиться любовным чувствам, но затем утратил контроль и попытался соблазнить ее очень поспешно. Она испугалась и отстранилась от него, и он понял, что причиной ее испуга и желания его сторониться стали его попытки физически и психически соблазнить и подчинить ее. Он чувствовал себя виноватым и подавленным тем, что может ее потерять, но в конце концов, написав несколько настойчивых писем, на которые она не ответила, смог восстановить с ней контакт и ощутил облегчение. Он говорил, что временами очень беспокоился, что эта девушка не столь сильно на него реагировала, как остальные его девушки. Он боялся, что она не может достаточно показывать чувства, и описывал ее как мертвую. В это время его кишечные симптомы, боли и тяжелый запор, периодически разгорающиеся, чрезвычайно усилились. В ходе одного из сеансов Адам уверился, что страдает от рака кишечника. Он постепенно довел себя до состояния абсолютного ужаса и паники и затем ощутил безысходность. Он почти кричал, что должен бежать от всего, бежать со своего места жительства и из анализа. Он почувствовал уверенность, что психически и физически сорвется и сойдет с ума. Он безостановочно крутился на кушетке. Эта паника оставляла очень сильное впечатление, и я ощутил в своем контрпереносе, что происходит нечто ошеломляющее (overpowering). Я осознал, что должен понять что-то фундаментальное, и быстро, поскольку ситуация как будто выходила из-под контроля и пациент погружался в бред. Поэтому я проинтерпретировал, что Адам полагает, будто действительно поглотил и убил свою подругу посредством своего жадного, сексуально-захватнического (overpowering) подхода и в результате думает, что она конкретно находится внутри него, мертвая. Я соотнес это с его страхом перед раком, а именно с тем, что он боится, что внутри него находится ее мертвое тело, которое теперь стало ужасающе пугающим и преследующим и которое он не может исторгнуть. Я предположил, что такое же убеждение касается и меня. Он чувствует, что проглотил и меня, и потому я больше не могу двигаться и функционировать. Адам отреагировал на эти идеи молчанием, однако его беспокойство почте полностью испарилось. У меня возникло сильное ощущение, что данная интерпретация затронула его, - знак того, что он воспринимал меня как все еще живого и функционирующего.

На следующий день после этого весьма бурного сеанса пациент признал, что чувствует себя немного лучше. Он понял, что его переполняла паника. Затем он рассказал мне сон. В этом сне он ехал с девушкой на поезде. Вдруг поезд сошел с рельсов и начал сильно трястись, раскачиваясь слева направо и справа налево; Адам понял, что в любой момент поезд может перевернуться. Однако пациент удержал равновесие, и ничего страшного не произошло, кроме того, что поезд сошел с рельсов. Затем Адам описал, как последние несколько дней он то и дело бегал вверх-вниз по лестнице у себя дома, останавливался и начинал бегать вновь. Человек, живущий с ним по соседству, стал беспокоиться о его психическом здоровье, и это усилило собственную тревогу пациента.

Адам сказал мне, что поезд и связанная с ним проблема каким-то образом соотносится с его кишечником, поскольку он все еще чувствует, что тот неподвижен и что внутри него происходит что-то очень неправильное - как будто, подобно поезду в сновидении, он привел свой кишечник в состояние неподвижности. Он пояснил, что несколькими годами ранее у него произошла полная остановка кишечника, и существовала опасность, что понадобится операция. Адам был уверен, что в детстве, особенно в возрасте от восьми до двенадцати лет, он время от времени впадал в психоз. Он помнил, что часто чувствовал себя поездом и бегал вокруг дома, останавливаясь и снова приходя в движение, производя звуки поезда. Далее ассоциации привели его к идея о том, как, по его ощущениям, он может выводить свой желудок и кишечник из строя, побуждая пищу проходить сквозь них либо слишком быстро, либо слишком медленно, так что она не может нормально перевариваться.

Я попытался показать ему последствия того чувства, что он способен всемогущественно контролировать полностью происходящее внутри него. Это мешает работе не только его кишечника, но и его психики. Тогда он больше не способен думать и действовать и чувствует, что может быть сумасшедшим. Более того, сказал я, этот процесс связан с тем, что, по его ощущениям, он сделал со своей подругой и со мной внутри себя. Он чувствует, что контролирует и ее, и меня, и эта значит, что мы внутри него, мертвые. Также во сне он заявил, что восстановил равновесие (свое душевное здоровье) без посторонней помощи. Произошло только легкое отклонение (поезд сошел с рельсов), которое он ощутил как неопасное. Однако, исходя из того, что случилось вчера, кажется очевидным, что по существу его психическое здоровье спасла моя интерпретация его опасного способа инкорпорации (поглощения) меня и своей подруги. По-видимому, его удивило, что, несмотря на его ошеломляющее поведение, я смог удержать свое равновесие; но затем, как часто происходило ранее, он это отверг. Он проделывал это, перенимая мою идентичность понимающего и уравновешенного человека, что позволяло ему верить, что всю работу по достижению равновесия и спасению жизни он совершил сам. Я предположил, что он нашел особенно унизительной и пугающей полную утрату и способности мыслить во время паники, и душевного спокойствия, что он стал полностью зависимым от меня, спасающего его от катастрофы, - ситуация, которая, похоже, снова вызвала прилив зависти вместо хоть какого-то доброго или благодарного чувства за то, что я помог ему оправиться от острого психотического состояния столь быстро.

Завистливый захват Адамом моей способности функционировать имел для него ряд значимых последствий, которые было важно понять и проанализировать. Мы должны помнить, прежде всего, что в этих ситуациях сталкиваемся с базовой проблемой принятия пищи. Адам, похоже, никогда не мог переваривать пищу как нормальный ребенок, и даже во взрослом возрасте он всегда захватывал функцию поставщика пищи, вместо того, чтобы признать, что он ее получает. Эта приносящая разлад зависть является причиной его постоянного несварения.

На следующем сеансе Адам жаловался, что у него сложности в работе, и он продолжает страдать от несварения. Меня он не слушал, и казалось, что он все еще вынужден настаивать на том, что может все привести в равновесие самостоятельно. Во многом его неспособность слушать и желание говорить и давать только самому отыгрывались с его подругой. Она указала ему на это. Постепенно он стал осознавать, как трудно ему примириться с тем, чтобы слушать ее и принимать важные интерпретации от меня, а также выказывать какую бы то ни было признательность за то, что я ему даю. В ходе анализа он иногда быстро реагировал на что-то, что я ему демонстрировал, с признательностью, но столь же быстро обнаруживал, что более важно подумать о некоем своем вкладе в анализ или о том, о чем он мог бы написать. Он подчеркивал, что уже подумал о чем-то подобном тому, что я сказал. Я интерпретировал ему, что в тот момент, когда я ему что-то говорю, он чувствует, что всегда это уже знает, и я соотнес это с его настоянием на том, что, когда мать его кормила, он считал, что ее грудь уже внутри его и он сам себя кормит. Поскольку он обладал пищей, не было нужды полностью принимать и переваривать то, что ему давалось. Он объяснил мне ранее, что до сегодняшнего дня никогда не мог сам для себя приготовить пищу, но даже когда кто-то готовил для него очень хорошо, он все равно реагировал несварением. Я указал на то, что ему, похоже, вновь и вновь необходимо восстанавливать «истинную» ситуацию кормления и разыгрывать ее. Он не обладал грудью матери, чтобы кормить себя. Однако как только он признаёт это и позволяет себе, чтобы его кормили, он снова крадет пищу и обкрадывает человека, который его кормит. Он тут же чувствует внутри себя нечто плохое и получает несварение. В ответ пациент упомянул, что у него настолько тяжелый запор, что он прекратил писать свои тексты. Я сказал, что, похоже, письмо теперь имеет значение признательности и переваривания пищи, которую я как мать ему дал. Я также сказал, что его желание произвести что-то, что может принести мне удовлетворение, очень ограниченно. Его запор сделал очевидным, что для него очень важно отдавать стул как дар (что связано со способностью принимать пищу с любовью и благодарностью), но я понял, что ему было очень трудно воспользоваться интерпретациями, которые я давал ему касательно переполняющей его тревоги, что он умирает от рака, и его затруднений в принятии их. Вот почему он испытывал навязчивое стремление (compulsion) отыгрывать свои инфан-

тильные проблемы бесконечного обладания грудью вновь и вновь. Поэтому он не мог переварить мою интерпретацию.
Спустя несколько сеансов пациент рассказал мне, что друг со своей женой пригласили его в гости. Они угостили его чем-то жареным, отчего у него появилось несварение, так что он снова чувствовал себя неважно. Затем он рассказал мне сон. В этом сне он присоединился к группе людей, отправляющихся на Луну на ракете, но вместо того, чтобы приземлиться на Луне, ракета приземлилась на острове (island), своим видом весьма напоминавшем Луну. Он чувствовал, что здесь замешана некая уловка, связанная с тем, что ракета полетела неправильно. Я почувствовал, что Адам говорит и ассоциирует довольно неуверенно. Он не знал, что имеет отношение к делу, а что нет, а также не знал, как принять пищу. Поэтому я предположил, что после того дня, когда он почувствовал себя лучше на сеансе и когда он как будто бы стал на путь выздоровления, он снова сбился с пути. Моя интерпретация его не удовлетворила, и он продолжал неопределенные блуждания. Я снова напомнил ему, что он, по-видимому, сбился с пути вскоре после того сеанса, на котором почувствовал, что спасен от переполняющей тревоги перед заболеванием раком. Он ответил, что не может припомнить никакого важного сеанса. Затем проассоциировал, что Луна как-то сазана с идеализацией его подруги. Он всегда хотел кого-то любить. Я проинтерпретировал, что ракета на Луну связана с его желанием потерять себя в идеальном объекте, а отправиться туда с таким множеством людей означает, что другие люди, которые любят, делают то же самое. Но во сне этого не произошло. Он спустился на землю и высадился на острове, очень похожем на Луну. Я предположил, что этот остров - его собственная самость (I-land), к которой он вернулся; это подразумевает, что он понимает, что любит только себя самого. Сон демонстрирует, что его намерение вырасти и полюбить кого-то еще провалилось. Однако главное здесь, похоже, что во сне он приписывает неудачу некой уловке. Но теперь он затруднялся выяснить вместе со мной, как возникла эта неудача или уловка.
Склонность к уловкам (trickiness) снова появилась на следующем сеансе. Адам выразил завистливые чувства, связанные с его коллегой, который соблазнил аналитика, лечившую Адама до того, как он обратился ко мне. Очевидно, он теперь хотел соблазном отвлечь меня от истины. Я сказал, что с помощью этой уловки он хочет отвернуться от всего, что здесь понимает, поскольку очень больно и трудно признать, что как только я могу ему помочь, в отношение ко мне вмешивается зависть и принуждает его снова возвращаться к себе самому. Это портило его желание стать более любящим человеком. Уловки также заключались в том, что он выражал зависть к коллеге, который сумел испортить свой анализ, соблазнив своего аналитика. Существовала опасность, что он может соблазнить меня, как соблазнил свою мать. Однако его единственная надежда на успешный анализ состояла в том, что его аналитик сможет устоять, несмотря на его постоянные попытки соблазнения. Похоже, у него вызывала гнев и зависть твердость, необходимая ему от меня, чтобы он мог отступить от своего нарциссического всемогущества. Однако именно это нарциссическое всемогущество удерживало его замкнутым в тяжелом нарциссическом неврозе или психозе.
Адам не признал мою правоту. Однако на следующий день он пришел с очень сильной простудой. Он сказал, что изо всех сил хотел прийти, чтобы не потерять сеанс. Затем он рассказал сон. В этом сне у его коллеги, проходящем у меня анализ, было просверлено в костях шесть дырок, потому что я как хирург пытался найти там кисты. Кисты невозможно было обнаружить, но пациент, будучи на грани обморока, держался очень мужественно. Ассоциации к этому сну отсутствовали. Похоже, этот сон был еще одним прояснением тех уловок, к которым Адам прибегал в то время. В нем, по-видимому, произошла трансформация истины в желаемом направлении (wishful). Там признавалось, что я очень точно затрагиваю ряд наиболее серьезных проблем Адама, и это он стремился отрицать. Во сне он был гордым и мужественным, поскольку так хорошо справлялся со страданием, причиненным ему плохим аналитиком. По существу, он скорее вел себя так, словно избегал боли от понимания того, что я точно определил местонахождение его проблем.

Проработка завистливого обесценивания объектов восхищения

После интенсивной работы над неизменной завистливой реакцией Адама на всякий прогресс, вызывающей негативные терапевтические реакции снова и снова, у него наконец наступил период в анализе и в жизни, когда он почувствовал себя бесспорно лучше. Тогда он решил посетить свою родную страну (Италию) на летних каникулах. Однако этот запланированный визит снова в изобилии спровоцировал неопределенность и тревогу, и ипохондрия пациента остро вспыхнула на короткое время. Я смог ему тогда показать, насколько тяжело для него принять, что он может ощущать себя гораздо лучше, потому что принять улучшение значило бы признать все, что он получил в анализе. Фактически Адам преодолел этот кризис очень быстро, и его физические симптомы, которые, как он опасался, уложат его в больницу, почти затихли. Он особенно боялся встречи с коллегами в родной стране. Вернувшись с летних каникул, он описал исключительно удачное путешествие. Непосредственно перед каникулами он признал, что хочет вернуться, выглядя исключительно успешным и значительным, но затем, приняв реальность того, что только что почувствовал себя лучше благодаря лечению, он смог отнестись гораздо более реалистично к своей семье, а также к коллегам в родной стране, которые интересовались его работой и были расположены к нему дружественно.
В ходе первой недели по возвращению он ощущал себя чрезвычайно странно. Он чувствовал себя одиноким, жалким и никому не нужным в Англии. В его снах постоянно подчеркивались инцестуозные отношения. Казалось, он восхвалял людей в своей стране и постоянно задавался вопросом, не лучше ли их аналитическое лечение того, что применяется здесь. Вероятно, почувствовав себя настолько лучше настолько успешным на каникулах, он снова ощутил чрезмерную зависть и обесценил меня. В результате он меня потерял, и боялся, что мне не будет до него никакого дела. Это отбросило его назад, в старь «инцестуозные» фантазии о матери, когда он спал с ней в одной постели. В хорошем отношении ко мне он смог выработать более нормальные отношения ко мне и как к отцу, и как к матери.
Это отступление длилось недолго. Перед каникулами он часто ощущал сильную ревность к своим коллегам в Англии и их безразличие к нему. Сейчас у него внезапно стало с этим лучше, и они стаю больше его замечать. Но теперь у него появились сны, что его грабят и обманывают другие мужчины, с которыми, по его ощущениям, у него очень дружественные отношения. Он сам понимал, что эти сны связаны с его гомосексуальными чувствами. Мы видели раньше, что он, как правило, проецировал свою женскую самость на многих легковозбудимых девушек. Он начал понимать, что использует этих девушек, чтобы ослабить свое гомосексуальное возбуждение. Теперь он увидел сон, в котором одна из его бывших подруг, с которой он идентифицировался, спала с его домовладельцем. Также он видел себя во сне в постели со своим отцом. Отец был заинтересованным и дружественным. Но на следующий день Адам снова стал довольно параноидным. Я пытался показать ему, что, когда он ощущает меня как дружественного, помогающего отца, он боится своих жадных и завистливых гомосексуальных чувств ко мне, поскольку в своей женской роли чувствует себя очень сексуальным и использующим других. Я напомнил ему, как часто он обвинял женщин, что они его сексуально используют.
В то время у него появилась возможность поучиться у одной женщины уходу за детьми, о чем он знал очень мало, и он тут же увидел сон, где профессор в Италии приглашает его прочесть лекцию на эту тему. То есть, получив возможность узнать побольше о детях, он тут же стал фантазировать, как захватывает роль своего учителя: ее знание и умение ухаживать за детьми. Тогда же ему как-то приснилось, что мать читает ему стихи. Сначала он ее не слушал, полагая, что она, вероятно, не может сказать ничего значимого, но затем стал постепенно к ней прислушиваться. В конечном итоге, он почувствовал, что это просто прекрасно, и начал ею восторгаться. Довольно интересно, что все ассоциации Адама к этому сну относились исключительно к поэтам-мужчинам. Я сказал ему, что ему очень трудно ценить мать, или женщин,

или аналитика в женской созидательной роли. Этот случай был первым, когда нечто подобное обнаруживалось в сновидении. Он пытался несколько раз восхититься женщиной, но это всегда было ему чрезвычайно трудно. Он терпел в этом неудачу и снова обращался к сексуальному использованию тех женщин, которыми себя окружил.
Однако этот сон нисколько не способствовал развитию его способности ценить женщин; наоборот, он внезапно ощутил сильную скуку, особенно по отношению к пище. Ему казалось, что пища стала ужасно неинтересной, так что он не знал, что есть. Он также признал, что, ненасытно учась и читая, он испытывал настоящее желание вбирать в себя все больше и больше, но не получал наслаждения от чтения. При помощи интерпретации я тут же подтвердил, что услышал, насколько глубоки препятствия его удовольствию от вбирания, исходно - пищи от матери. Я предположил, что, вероятно, мешала ему ощутить удовольствие преимущественно его зависть к женской созидательной способности. Похоже, реальные отношения удовольствия заменила жадность, и кроме того, он всегда пытался эротизировать отношение к своей матери, чтобы преодолеть ощущение скуки.
Казалось просто поразительным, что желание возбуждающих сексуальных отношений стало столь значительным из-за скуки. Поэтому стало понятно, что постоянная эротизация Адама отчасти была защитой от скуки, связанной с обесцениванием этих ранних оральных отношений с матерью. Он постоянно пытался вобрать, принять, но был неспособен реагировать сильными эмоциями на мои интерпретации. Отношения переноса в это время носили преимущественно позитивный характер. Негативные чувства были в основном смещены. Жадность пациента выражалась его желанием множества различных отношений, главным образом с женщинами, но также и желанием деятельности в других областях его жизни. Тогда же он увидел сон, в котором отправился 113 своей родной страны в путешествие на грузовом судне без порта назначения (tramp ship), которое долго плавало, останавливаясь во многих разных местах. В конечном итоге оно вернулось обратно. В другом сне фигурировал известный художник, который приехал с континента в Англию и посмотрел ряд выставок, но, похоже, пресытился всем этим и перестал это ценить, и возвратился домой в разочаровании. В этом последнем сне пациент, очевидно, идентифицировался с известным творческим человеком, приехавшим в Англию, испытавшим скуку и пресыщение и переставшим ценить все, включая его анализ. Так он предсказывал, что по завершении анализа возвратится домой в полном разочаровании. Этот сон выказывает его чувство собственного величия и превосходства, связанное с постоянным желанием заявлять, что он обладает всем, что относится к творчеству. Ко сну о «трамповом» пароходе он дал ассоциацию, что, вероятно, был такой бродяга (tramp), который путешествовал на знаменитом судне, например, на «Королеве Елизавете». Здесь, похоже, он признал, что чувствует себя на самом деле бродягой, но его пребывание в Англии, или в анализе, сделало меня из знаменитого корабля кораблем трамповым. Пациент сказал, что такое плавание по кругу предполагает очень медленное путешествие и остановки во многих разных местах, так что его прибытие в конечный пункт откладывалось на длительный срок. Я сказал, что все время двигаясь по кругу, пациент может избежать встречи с ценностью и значимостью своего анализа, поскольку такое движение мешает ему установить какой-либо ценный контакт со мной. Проецируя в меня свою самость-бродягу, он создает обесцененный образ меня, и кроме того, посредством такого обесцененного союза со мной он также обесценивает возможность использовать собственные таланты. Таким образом, он не мог не ощущать, что все время движется по кругу без всякого результата. По сути, весь тот период он жаловался, что никто не помогает ему быть созидательным.
Затем он увидел сон, в котором его подружка (которую он высоко ценил и которая в реальности была чуткой, разумной и хорошо приспособленной к жизни) была склонна к самоубийству и отправилась в Рим. Также он увидел сон, в котором один из наиболее известных психоаналитиков Англии переживал сильнейшую депрессию и склонялся к самоубийству. Этот человек в действительности женился очень поздно и теперь был очень успешен после успешного анализа. Сам же Адам боялся, что он уже слишком стар, чтобы преодолев свою болезнь, и испытывал уныние, начиная сознавать, что мешает ему поправиться. Во сне о суицидальном аналитике он спроецировал свою депрессию в аналитика, вновь пытаясь обесценить меня, поскольку не мог идентифицироваться со мной и моей успешностью. Он проделывал то же самое в отношении подруги, которую ценил больше всех, а именно - спроецировал в нее свою депрессию и отправил ее в Рим. Он всегда фантазировал, что будет жить в Риме, если его не вылечат. Здесь снова дает о себе знать его проблема - даже ту женщину, которую он ценил, он обесценил; ведь он чувствовал, что из-за продолжения своих постоянных завистливых нападок он не был способен получать от нее любовь и признание. Вследствие этого ему было очень сложно представить, что он способен к любовным отношениям с женщиной без того, чтобы немедленно настаивать на отношениях сексуальных. Это портило его способность допустить такое развитие любовных отношений, которое могло бы привести к счастливому браку. Однако поразительной в анализе Адама была отчетливость сообщений в его снах вместе с его неспособностью воспользоваться тем их пониманием, которое предоставлял ему анализ в тот период.
Клинический материал, появившийся на следующей неделе, продемонстрировал конфликты и затруднения Адама, связанные с обретением удовлетворительной идентичности посредством идентификации со мной как удовлетворительным и значимым человеком. Адам был поглощен желанием купить пальто в шотландском магазине в Кенсингтоне. Однако он передумал и отправился в «Хэрродс», более известный и более значительный магазин, и там в отделе подростковой одежды нашел пальто, которое ему идеально подходило. Оно было совсем недорогим, поскольку продавалось в отделе одежды для подростков, а не для взрослых. Однако Адам вышел из магазина чрезвычайно разочарованным, обнаружив, что на пальто нет ярлыка «Хэрродс». Он почувствовал себя обманутым, почувствовал, что пальто, которое он высоко оценил, теперь обесценилось. Он полагал, что оно совсем не будет его согревать. Затем он рассказал мне сон, связанный с его другом детства, который был очень богат. Отец этого друга изготавливал первоклассные пальто и поставлял их другим фирмам. В этом сне Адам чувствовал, что друг его игнорирует, поскольку тот устраивал вечером вечеринку, на которую Адама не пригласил. Он спрашивал у друга, что тот будет делать вечером и решил пойти на вечеринку, даже если не будет приглашен. Адам проассоциировал этот сон с вечеринкой, на которую был приглашен предыдущим вечером в лондонский научный институт, где иногда слушал лекции. Его удивило это приглашение, поскольку он посетил лишь несколько лекций. Он нашел собравшихся очень милыми и интересными, наслаждался их обществом и спрашивал себя, почему никогда не приглашал их к себе на квартиру.
Полагаю, этот сон объясняет попытку Адама найти себе подходящее пальто в отделе для подростков в «Хэрродсе» и его внезапное яростное разочарование. В этом сне Адам чувствует себя обиженным и не допущенным в дом и на вечеринку к своему другу, сыну изготовителя прекрасных пальто. Известный универмаг «Хэрродс» (Harrods) в своем названии содержит мои инициалы (H.A.) и начало моей фамилии (Ro). Так что он может означать меня как отца, который изготавливает прекрасные пальто, которые хорошо сидят и согревают людей. Адам понимал, что может получить такое пальто от меня, если признает, что на самом деле он подросток, которому все ещё предстоит вырасти. Ужасное разочарование возникает, когда Адам обнаруживает, что на его пальто нет моего имени (H.A.R.O.[D.S.]), и его полная неудовлетворенность этим пальто показывает, насколько он на самом деле хочет носить мое имя и быть полностью со мной идентифицированным. Проще всего этого добиться, будучи моим сыном. Прискорбная исключённость из моего дома переживается во сне, когда настоящий сын портного не признает его братом. Во сне Адам очевидно полон решимости быть моим сыном и указывает, что силой займет это положение. В своих ассоциациях на приглашение в научное сообщество он сожалеет, что раньше считал себя выше и презирал его, и способен признать, как сильно хочет быть частью семьи, которая его ценит и рада ему. Это также, безусловно, связано с большим признанием того, что я хорошо его лечу, но теперь кажется, что он все еще чувствует себя обиженным и покинутым мною в первую очередь из-за своего

собственнического отношения ко мне, желания владеть мною и носить мое знаменитое имя, H.A.R.O.(D.S.). К тому времени гомосексуальность и неодолимая женская идентификация Адама еще недостаточно проявились в анализе (Происшествие с пальто от «Harrods» и сон о насильственном внедрении пациента в семью производителя пальто, продемонстрировавший, что пациент хочет быть частью моей семьи и иметь мое имя, «H.A.R.O.(D.S.)», внешне кажутся совпадающими с бредом гебефренической пациентки д-ра Н._ Марты, которая долго и упорно верила, что является дочерью аналитика я носит его имя. Но здесь психопатология совершенно иная. В случае Марты ее убеждение, что она носит имя аналитика, выражало, по-видимому, идеализированное единство с аналитиком и близость к нему, отрицающие спутанные агрессивные чувства, с которыми, по ее опасениям, не смогут справиться ни она, ни аналитик. Однако в случае Адама близость пальто к фигуре и теплота, его потребность в близости ко мне была для него испорчена пониманием того, что он - не я, что он не может обрести мое имя, что значило для него не только некое свойство, но и славу и значительность. Так что нарциссическая идентификация, желание принять мою идентичность было все еще сильней, чем его потребность в близости. Однако когда его пригласили в научное сообщество, он признал, что отвергал людей, его ценивших и хотевших быть к нему ближе, поскольку относился к ним надменно, свысока и обесценивал их, о чем он начал сожалеть).

Нарциссические всемогущественные объектные отношения и негативная терапевтическая реакция

Теперь я опишу материал, поступивший на более поздней стадии анализа, где некоторые аспекты нарциссизма Адама, связанные с его психозом и ипохондрией, можно понять отчетливее. Преобладающая ипохондрическая тревога в то время была связана со страхом перед раком и гангреной пениса, - последний был провоцирован герпесом (головки) его пениса. Кроме того, Иногда присутствовали ипохондрические страхи диабета, спровоцированные устойчивой грибковой ин-фекцией ногтей. Тревоги Адама длились несколько месяцев и достигли кульминации в тот период, который я сейчас опишу, перед тем, как постепенно исчезнуть. Предвестником его страха перед раком стал сон, приснившийся ему в первый день новогодних каникул. Ему снилось, что он болен раком семявыводящего канала, снилась девушка, которая его сексуально возбуждала и, возможно, имела с ним сношение. Он не смог определить, что это была за девушка. Исходя из моего знания предыдущего материала Адама и исходя из его установок на сеансе мне показалось, что девушка во сне представляла его женскую самость, стимулирующую его мужскую самость. Я проинтерпретировал этот сон как выражение нарциссической бисексуальности пациента, где он подчеркнул независимость от аналитика как матери.

На следующий день ему приснилось, что он болен, что у него длинные волосы, и он собирается на операцию. Он лег в постель с мужчиной, испытывающим депрессию, который оставил свою жену, дочь, и у которого также был сын, больной раком. Этот сон, похоже, имел вполне очевидный гомосексуальный смысл и можно предположить, что операция обозначала кастрацию, чтобы его могли превратить в женщину. Сам Адам думал, что мужчина в депрессии символизировал меня как отца, который предпочел его семье. Здесь гомосексуальный перенос и желание соблазном увести меня от моей семьи, похоже, очевидны; но я подумал, что у этого сна есть вдобавок более скрытый смысл: нарциссическое сопротивление Адама в переносе. Поэтому я, главным образом, интерпретировал его негативную уста-новку как попытку ввести меня в репрессию, соблазнив быть его отцом. Таким образом, мы забыли бы о значимости меня как аналитика, который должен быть отцом и в то же время матерью.

Двумя неделями позднее чувства и тревоги, связанные с бисексуальностью пациента, проявились в полной мере. На одном сеансе он обильно жаловался на подружку, которая им пренебрегала, но главная его жалоба, которую он параноидно излагал на протяжении как минимум двадцати пяти минут, касалась его ощущения, что коллеги недостаточно его ценят. Он подчеркивал, что сделал немаловажный вклад в свою науку, но на это не обращают внимания, а особенно раздражало его то, что его не приглашают преподавать. Чем дольше он предавался жалобам, тем, казалось, обиженней становился. Он угрожал покинуть Англию, а также и психоанализ, если ситуация не изменится. Слушая его, я почувствовал его ожидания, что я изменю эту ситуацию, а также то, что жалоба эта касалась его ощущения, что я им пренебрегаю, потому что считаю пациентом, а не женой. Я отказывался позволить ему иметь детей, или, как он это формулировал, не позволял ему иметь учеников. Я дал эту интерпретацию, и его параноидная вспышка утихла. Он рассказал мне сновидение. В этом сне он смотрел в глаза девушки, и с ними было что-то не так. По-видимому, они были поражены инфекцией, и он надавил на них, как на фурункулы. Внезапно из них хлынул гной. Казалось, сон возбудил пациента, и он привел множество ассоциаций. Он говорил о мастурбации, эякуляции и упомянул свое удовольствие при надавливании на прыщи и наблюдении за тем, как из них выходит содержимое. Казалось, он хотел, чтобы я обратил внимание как на сон, так и на материал, который он выдавливал из себя. Я смог дать интерпретацию девушки в сновидении как репрезентации его самого. На следующий день он начал сеанс, рассказав мне, что понял, что вещество, которое он выдавливал из глаз девушки, отсылало к галлюцинациям, поскольку всю эту ночь он боялся сойти сума и начинал галлюцинировать. Он боялся, что не сможет спать и видеть сны. Однако заснул и увидел сон. Я отметил любопытную деталь: излагая мне сновидение, он не выказал ни малейшего признака той чрезвычайно тяжелой тревоги, которая якобы терзала его всю ночь.

В этом сне Адам сидел в комнате, где его брат лежал на кушетке и плакал. Вероятно, он был в психозе. Адам стал аналитиком своего
брата. Он увидел лодочку, плавающую в воздухе, и многое, что происходило под поверхностью моря. Он подумал, что его состояние как-
то связано с подругой, которая не хочет его видеть. Его ассоциации касались признания им того, что он использовал свои компульсивные
сексуальные отношения для эвакуации своих психотических тревог.Он довольно подробно говорил о своих детских галлюцинациях, но
очень мало - о тревоге этой ночи. Рассказывая, он держал в руке бумагу, на которой сделал пометки о своем сновидении. У меня возникло отчетливое ощущение, что он хотел внушить мне, что этот материал научит меня понимать психотические нарушения. Другими словами, установка предыдущего дня, когда он подчеркивал, что хочет преподавать, осуществилась в ситуации переноса. Поэтому я сосредоточился главным образом на анализе его поведения. Я проинтерпретировал, что он действует так, будто является безумной девушкой, которая хочет продемонстрировать мне свои важные галлюцинации, чтобы я ими восхищался. Он хочет, чтобы я признал их важным вкладом в науку психоанализа. Были также и другие элементы. Казалось, он выражал негодование тем, что я воспользуюсь всплывающим материалом, чтобы эффективнее исполнять роль аналитика, и это разоблачит
его как пациента-психотика в депрессии, лежащего на кушетке. Я проинтерпретировал, что он завидует мне и возмущен моим пониманием и способностью помочь ему. Именно по этой причине он поменял нас ролями в сновидении: он стал аналитиком, а я - пациентом-психотиком. Я подумал, что этот сон означает, что я вызываю у пациента все возрастающую зависть, поскольку в материнском переносе я репрезентирую созидающую мать, которая способна понять его болезнь и позаботиться о нем. Иными словами, он предотвращал установление зависимых объектных отношений. Адам отреагировал на мои интерпретации чрезвычайно возмущен-
но. Вместе с тем он пожаловался, что я не удовлетворен его важным материалом. Он проделал немало работы, чтобы составить этот аналитический отчет для меня. Эта жалоба подкрепила мое впечатление, что он отыгрывает перестановку

ролей из сновидения. В то же время, похоже, здесь был некоторый призыв ко мне как к отцу признать его в созидательной женской роли. Я почувствовал, что на этом сеансе подавляющее преобладание и идеализация его женской психотической самости стали явными. Это означало, что инфантильная женская часть погружала себя в бред, что она не ребенок, но взрослая женщина, у которой есть груди и дети. Все, включая аналитика, должны были признать этот бред за реальность. Несмотря на все его протесты, я попытался повторить свою интерпретацию, поясняя, что его погруженная в бред самость отрицает его потребность во мне. Я был кормящей матерью, которую он отрицал из зависти, но с тем последствием, что он не мог получить от меня никакой помощи на том уровне, где нуждался во мне более всего. Я также подчеркнул, что, похоже, его погруженная в бред женская самость в настоящее время полностью подавила ту инфантильную детскую самость, которая нуждалась во мне и была способна понять, что происходит. На этом сеансе на данную интерпретацию никакого ответа как будто бы не последовало.

На следующий день Адам сначала рассказал сон, в котором он просматривал список телефонных номеров, чтобы снять девушку и переспать с ней. Во втором сне фигурировала важная английская книга или статья, переведенная на английский, но когда Адам прочел итальянский перевод, он понял, что ценность английского текста почти вся утрачена в переводе. Итальянский перевод сильно отличался от оригинала, и Адама это очень рассердило. В другой части сновидения он путешествовал по Италии с чемоданом, но с этим чемоданом что-то было неладно, поскольку он казался слишком легким. Адам подозревал, что кто-то что-то украл из этого чемодана. Вдогонку он подумал, что недостаточно взял с собой из Англии. В последней части сна он почувствовал, что его пенис усыхает.

В своих ассоциациях Адам говорил о своем страхе того, что его пенис становится меньше, и что он пытается найти другую подругу для секса, чтобы укрепить свою уверенность в себе. Он прочитал мне большую диссертацию о символических трансформациях, но это выглядело скорее умничанием и псевдонаукой. Адам часто идеализировал итальянских мыслителей в литературе, философии, своей науке и часто настаивал, что итальянские девушки гораздо сексуальнее английских. Удивительно, что он сам не признал, что этот сон представлял собой критику его постоянной идеализации Италии и желания уехать за границу. Думаю, перевод с английского на итальянский предполагал эротизацию переноса путем превращения хороших отношений кормления (с матерью/аналитиком) в сексуальные отношения, репрезентированные Италией. Я проинтерпретировал так: он чувствует, что вчерашняя сессия была ценной и важной, и она была представлена во сне ценной английской статьей. Однако ее перевод на итальянский и эротизация предполагали завистливую переделку сеанса, убирающую его реальную ценность и смысл. Теперь же сеанс лишился ценности и стал незначительным (легким). Первое сновидение, поиск девушки для секса, также можно понять как обеспечение переделки сеанса, состоявшегося накануне. Путешествие со слишком легким чемоданом было признанием того, что Адам, посредством отыгрывания - либо уезжая в Италию, либо превращая аналитические отношения в эротические - избавлялся от ценности анализа. Однако он чувствовал себя преследуемым и ограбленным своей завистливой частью, которая послужила причиной его постоянной утраты. Поскольку он спрашивал себя, достаточно ли взял из анализа, эта мысль вдогонку укрепила его контакт с реальной ситуацией.

Тревоги в этом сне, которые касаются меняющейся и уменьшающейся значимости аналитической ситуации, в итоге связаны с усыхающим пенисом. То, что ему трудно было принимать помощь от анализа (представлявшего хорошую грудь в ситуации кормления), в конечном счете, мешало ему становиться взрослым и развивать потентную мужественность. Клинически эта взаимосвязь была особенно важной ввиду компульсивной потребности пациента сексуально отыгрывать, что в сновидении раскрылась как опустошающий процесс, проявившийся только в ипохондрической тревоге: усыхающий пенис. Я почувствовал, что эти сны представляли собой протест более здоровой части личности пациента против деструктивных и отыгрывающих действий его психотических нарциссических частей. В то время, когда пациенту приснились эти сны, у него еще не наступили осознанные перемены или понимание необходимости защищать более здоровые части личности от частей психотических.

На протяжении следующих недель ипохондрические тревоги, связанные с его пенисом, проявились в полной мере. Около двух недель спустя после сна об итальянском переводе он пожаловался, что поражение герпесом его пениса усиливается, и он боится, что начнется некроз или гангрена, и пенис отпадет. Он задавал себе вопрос, как сможет жить без пениса. Также он жаловался на грибковое заболевание, которое, по его убеждению, неправильно лечат в Англии. Он считал, что надо ехать консультироваться с врачами в Италию, поскольку в Англии, похоже, никого не заботит его физическое здоровье. И снова после горьких жалоб на недостаточное уважение со стороны коллег к себе как преподавателю он сознался, что в эту ночь опять галлюцинировал и чувствовал, что его уносит в психотическое состояние. После этого он рассказал сновидение о своем друге, который несколько лет назад бросил летать, поскольку понял, что это ему не подходит, и он плохо себя чувствует. Другой друг, который также был летчиком, посоветовал ему продолжать либо летать, либо делать что-то еще, о чем не было сказано во сне. Рассказав мне это сновидение, Адам тут же продолжил переживать по поводу своих болезней. Он был уверен, что у него диабет, который не лечат должным образом. Также он жаловался, что не может питаться самостоятельно, и спрашивал себя, сможет ли его кормить подруга.

Я проинтерпретировал, что он показал во сне, что его часть уже несколько лет назад понимала, что улететь в другие страны (и потому отвернуться от меня к другим объектам) означает обречь себя на болезни. В то же время, похоже, существовала другая его часть, которая убеждала его продолжить отыгрывать и улететь [flying off, также «убежать»] к другим объектам или просто игнорировать анализ и понимание истинного смысла его болезни. Я отметил, что он долгие годы подчинялся этой части своей личности, которая давала ему плохие советы. Эта его часть мешала ему воспользоваться моей помощью и интерпретациями, и он не мог почувствовать, что ему становится лучше. Я также соотнес это с его жалобой, что ему нужен кто-то, кто бы его кормил. Сразу же вслед за моими интерпретациями у Адама возникла фантазия о консультации у врача в другой стране. Когда я проинтерпретировал это в таком же духе, что и ранее, он сказал, что подумывает о том, чтобы сводить свою подругу куда-нибудь поесть. То есть он быстро переменил роли местами и стад кормящей матерью, аналитиком. Когда это было проинтерпретировано, он сказал, что размышляет над докладом, который будет представлять в одном научном сообществе. Всякий раз после моей интерпретации он, как будто сдвигался в противоположном направлении, и s связал это отыгрывание на сеансе с его постоянным бегством (flying off) и обращением к другим ситуациям и объектам. Я проинтерпретировал, что именно из-за этого поведения он болеет. Я также соотнес это со сном двухнедельной давности, в котором отыгрывание переживалось как атака, от которой усыхал его пенис.

Адам ответил, что читал, что так ведут себя пациенты-шизофреники, и я дальше выслушал от него лекцию о поведении пациентов-шизофреников. Я снова проинтерпретировал это как нежелание признавать все то важное, что я ему даю. Тогда он сказал мне, что у него появилась фантазия, что он Джеймс Бонд. Я ответил, что теперь он идеализирует себя в качестве Джеймса Бонда, который может всемогущественно справиться с любой ситуацией. Он может, где угодно летать или плавать и может соблазнить любую девушку. Он не нуждается во мне как аналитике/матери, предоставляющем ему интерпретации, которые обозначают еду, необходимую ему, чтобы поправиться. На этом сеанс завершился.

Я представил этот сеанс достаточно подробно, чтобы проиллюстрировать, до какой высокой степени, - несмотря на сны, насыщенные инсайтами, - может отыгрываться всемогущественная психотическая установка, и негативная терапевтическая реакция ничуть не ослабевает. Причина противостояния аналитику заключается, по-видимому, в том, что всемогущественная психотическая часть пациента пытается удержать свою власть, преграждая интерпретациям путь к инфантильной зависимой части личности. Ипохондрические жалобы Адама проявлялись под давлением психотических

нарциссическцх аспектов его личности. Они пытались остаться у власти, убеждая и даже, возможно, гипнотизируя инфантильную часть Адама, что улететь в Италию - это не причина, а лекарство от его болезни.
Два следующих дня Адам продолжал жаловаться на страх гангрены или рака пениса. Ночью у него часто были галлюцинации и ошибки зрения (distorted visions), и он сообщил множество сновидений, чрезвычайно подробно иллюстрировавших ряд аспектов, о которых я рассказал выше. Но я стал наблюдать определенный сдвиг акцента. Он подчеркивал, что психотическая часть ощущается наподобие нациста, мучающего его инфантильную часть, которую считает моим ребенком. Он чувствовал, что это особенно разрушительное вредоносное нападение, представляющего обоих родителей, направлено на меня.
Несмотря на определенный прогресс Адама, негативные терапевтические реакции все еще продолжались, хотя характер ипохондрических мыслей приобрел более депрессивную окраску. В это время пациент увидел следующий сон. Он находился в доме аналитика. Аналитик разговаривал на кухне. Отец пациента занимался акробатикой, забираясь на шкаф в спальне, и выглядел отлично. Во сне пациент знал, что отец мертв (в реальности он умер некоторое время назад). Он помнил похороны отца и спросил мать, видит ли она того тоже. В этот момент отец очень расстроился, и пациент проснулся с острой болью в сердце и испугался, что умрет. Пациент добавил, что в этом сне аналитик знал отца. В ассоциациях он говорил о своем восхищении тем, как силен и акробатичен был отец.
Мне показалось, что главное значение этого сновидения заключалось в появлении в нем аналитика, представляющего кормящую мать, которая помогает пациенту установить контакт с инфантильной ситуацией, воскресившей его восхищение отцом и ревность к нему в эдиповой ситуации. Но в этом сне отец, а не пациент, вынужден чувствовать себя маленьким и брошенным. Этот триумф над отцом разбудил пациента, вырвав его из сна с болью в сердце и страхом, что он умирает. Очевидно, этот сон есть движение вперед с нарциссической позиции к зависимости, эдиповой ситуации и депрессивной позиции.
Двумя днями позднее Адама очень беспокоила острая боль в грудной клетке, и он рассказал кошмар. В этом кошмаре он жил в некой квартире со своей матерью. Чрезвычайно параноидный индеец с манией величия настаивал, что эта квартира принадлежит ему, и пытался силой ее захватить, угрожая выстрелить в грудь Адаму из лука. Сначала Адам хотел застрелить его, поскольку тот был опасен, но затем испугался индейца, который был гораздо моложе его, и поэтому сдался. Он проассоциировал с индейцем свою последнюю подружку. Он объяснил, что долгое время ей чрезвычайно восхищался, но недавно стал бояться, поскольку понял, насколько она нарциссична. Адам не смог больше придумать никаких ассоциаций на индейца и подчеркнул, насколько параноидным и одержимым бредом тот казался. Как я говорил ранее, его подружка символизировала его женскую всемогущественную самость, которая в последнее время была показана в сновидениях безумной и в бреду (deluded). Теперь эта женская самость описывалась как параноидный и бредящий темный или анальный мужчина, представляющий всемогущественную нарциссическую самость пациента, что являлось признанием ослабления женского бреда. В сновидении эта психотическая, безумная часть (подобная той его части, которая была представлена в «нацистских» сновидениях, упоминавшихся ранее) претендует на квартиру, собираясь се захватить и заявляя, что ею владеет. Эта квартира представляет как Эго пациента, так и его отношение к матери/аналитику, но отец отсутствует. Однако нападение направлено не на мать, но на здравую, зависимую часть пациента, которую угроза смерти заставляет отступить перед всемогущественной нарциссической частью, позволяя той снова взять контроль над его Эго и анализом. За этим сном вновь последовал регресс, который продлился несколько недель, что опять иллюстрирует ту борьбу, которая разворачивается в негативной терапевтической реакции. Угрозу же со стороны прогресса и постижения ощущает нарциссическая всемогущественная бредовая часть пациента. Прогресс анализа в установлении контакта с инфантильной частью пациента вызвал зависть на инфантильном уровне, в частности, зависть к кормящей груди. Это угрожало продемонстрировать пустоту и бредовый характер нарциссической структуры, которая в то время начинала разрушаться, так что депрессивные тревоги, особенно связанные с аналитиком, пациент ощущал чаще.
В другом сновидении мать и отец Адама пережили психический срыв и оба проходили анализ. Еще в одном, которое приснилось в ту же ночь, его отец был аналитиком, но болел раком. Адам проконсультировался о его состоянии с несколькими врачами, но надежда отсутствовала, отец был слишком болен. Адам проснулся после этих снов с ужасной острой болью в сердце. Я подумал, что эти сны выражали начало перемен в его установке. Атака на мое психическое здоровье, представленное пациентами, отчетливо признавалась в этих сновидениях, и, похоже, существовала сильная депрессивная тревога в отношении как комбинированных родителей, так и аналитика/отца, который, видимо, представлял для Адама не только партнера матери в эдиповой ситуации, но и главную поддержку аналитика/матери в зависимых отношениях кормления. На то, что началась депрессивная тревога, четко указывали ипохондрические острые боли в сердце, которые пробуждали пациента от сновидения. Важная и интересная особенность лечения ипохондрии, отмеченная много лет назад Мелани Кляйн (1935), заключается в том, что прогресс в лечении проявляется в первую очередь в изменении тревожного содержания ипохондрического симптома. Эти симптомы постепенно утрачивают свой персекуторный характер и приобретают более депрессивное содержание.
На протяжении следующих недель в сновидениях часто возникали инфантильные части Адама, представленные младенцами или маленькими детьми, показывая, что его зависимые инфантильные части, особенно связанные со здравой частью личности, постепенно набирали силу. Интересно, что связанная с пенисом ипохондрия за этот период постепенно утихла, сменившись через несколько месяцев длительным страхом относительно сердца, предвестником которого была та сердечная боль в сновидениях.

Резюме

Адам был пациентом с нарциссической всемогущественной структурой характера, который часто предпринимал попытки улучшить свое состояние в ходе анализа, стремясь наладить объектные отношения, характеризующиеся большей любовью и благодарностью. Но его вновь и вновь тянула назад нарциссическая всемогущественная часть его личности, берущая верх над его более здравой и здоровой частью. В такие моменты ипохондрические симптомы разгорались. Особенно поразительным было, что эти симптомы и проблемы постоянно смещались, - этот процесс можно было отчетливо проследить по переживанию переноса. Пациент боролся с сильной завистью, которая вызывалась у него при зависимых и хороших отношениях с аналитиком посредством быстрого обесценивания и постоянного перемещения г другим объектным отношениям и даже в другие страны. Таким пациентам чрезвычайно трудно выносить боль нормальной амбивалентности, поэтому они медленно научаются принимать и любовь, и ненависть в поддерживающих отношениях, помогающих им выносить депрессивную тревогу и постепенно ведущих к ослаблению власти нарциссической структуры и ипохондрии. Даже у пациентов, чье лечение успешно (как в данном случае), улучшение происходит очень медленно и постепенно, и ему постоянно мешают негативные терапевтические реакции, которые необходимо внимательно интерпретировать.

Г.Розенфельд

ПСИХОПАТОЛОГИЯ, НАРЦИССИЗМА: КЛИНИЧЕСКИЙ ПОДХОД.

(Доклад, прочитанный на 23-м Международном психоаналитическом конгрессе. Стокгольм, июль-август 1963 г. - Прим. авт.)

Rosenfeld H. On the psychopathology of narcissism a clinical approach// The international journal of psycho-analysis. 1964. Vol.45. P.332-337.

З.Фрейд пессимистически относился к психоаналитическому лечению нарциссических неврозов. Он считал, что люди, страдающие от этого расстройства, не способны на перенос - или способны только на его остатки, для лечения недостаточные. Он описывал сопротивление таких пациентов как каменную стену, преодолеть которую невозможно, и говорил, что они отворачиваются от врача не с враждебностью, но с безразличием. Многие аналитики пытались разработать методы анализа, подходящие для нарциссических пациентов - я имею в виду Р.Уэлдера [12], Л.Кларка [4], а затем Ф.Фромм-Райхманн [9; 10], У.Биона [3], Г.Розенфельда и др. Большинство аналитиков, пытавшихся лечить нарциссических пациентов, не согласились с мнением З.Фрейда об отсутствии переноса. Поскольку перенос - главный движитель всякого аналитического исследования, для понимания нарциссизма мы считаем важным подробное рассмотрение поведения нарциссического пациента в аналитической ситуации переноса.

Франц Кон [5] предположил, что следует игнорировать четкое разграничение между неврозом переноса и нарциссическим неврозом. Он полагал, что при нарциссическом неврозе происходит перенос примитивного и рудиментарного типа, - например, часто встречаются серьезные затруднения в установлении различия между субъектом и объектом, - и подчеркивает интроекцию и проекцию деструктивных тенденций в оральном и анальном измерении по отношению к аналитику. Л.Стоун [11] описал «буквально нарциссические» переносы, где аналитик не отличается от самости [пациента] или подобен этой самости во всех смыслах: терапевт и пациент попеременно кажутся частями друг друга. Он подчеркивает как примитивную деструктивность, так и потребность воспринимать аналитика как всемогущую, богоподобную фигуру, и полагает, что в фантазии пациента о всемогуществе аналитика важную роль играет вина за примитивную деструктивную агрессию.

Многие наблюдения Ф.Кона [5] и Л.Стоуна [11] выглядят близкими моим собственным исследованиям. Я отмечаю, что в их описании нарциссических переносов не используются термины «первичный» и «вторичный нарциссизм». Вместо этого мы встречаем такие термины, как всемогущество, спутанность самости и объектов, интроекция объектов, проекция агрессии в объекты, ненасытные требования к объектам и аннулирование (nullification). Использование этих терминов в описании нарциссических пациентов выглядит полезным, однако мне

кажется важным и необходимым более четкое определение природы отношения к объектам при нарциссизме и связанных с ними конкретных механизмов защиты. Здесь мы как будто наблюдаем противоречие в терминах, поскольку для многих аналитиков первичный нарциссизм предполагает состояние безобъектное. Но мы должны помнить, что З.Фрейд считал первичным нарциссическим опытом океаническое чувство, стремление к союзу с Богом или Вселенной. П.Федерн [6], обсуждая первичный нарциссизм, описывает тягу младенца к материнской груди, но полагает, что объект здесь все еще не является внешним для чувства Эго. К.Абрахам [1] описывает безграничный нарциссизм как отношение к объекту, в котором, пока объект инкорпорирован, человек не уделяет ни малейшего внимания его интересам, но уничтожает его без всякого колебания. А М.Балинт [2] доходит до предположения, что фрейдовский «первичный нарциссизм» следует называть «первичной объектной любовью». Я же считаю, что мы во многом избежим путаницы, если признаем, что зачастую клинически наблюдаемые случаи, напоминающие описанный З.Фрейдом первичный нарциссизм, по сути являются примитивными объектными отношениями.

В нарциссических объектных отношениях заметную роль играет всемогущество. Объект, обычно объект частичный - грудь, может всемогущим образом инкорпорироваться, что означает, что младенец считает его своей собственностью; или же мать или грудь используются как контейнеры, в которые всемогущественно проецируются ощущаемые нежелательными части самости, причиняющие боль или тревогу.

Важный фактор нарциссических объектных отношений - идентификация. Она может осуществляться посредством интроекции или проекции. Когда объект всемогущим образом инкорпорируется, самость оказывается настолько идентифицированной с ним, что всякая отдельная идентичность или всякая граница между самостью и объектом отрицается. При проективной идентификации части самости всемогущим образом входят в объект, например - в мать, захватывая определенные качества, которые переживались бы как желательные, и, следовательно, эти части самости стремятся быть объектом или частичным объектом. Идентификации посредством интроекции и посредством проекции обычно происходят совместно (simultaneously).

В нарциссических объектных отношениях ведущую роль играют защиты от какого бы то ни было признания раздельности (separateness) самости и объекта. Восприятие раздельности привело бы к ощущениям зависимости от объекта и потому - к тревоге. Зависимость от объекта предполагает любовь и признание ценности объекта, что ведет к агрессии, тревоге и боли из-за неизбежных фрустраций и их последствий. Кроме того, зависимость стимулирует зависть, когда признается хорошесть объекта. Таким образом, нарциссические объектные отношения устраняют как агрессивные чувства, вызванные фрустрацией, так и всякое восприятие зависти. Когда младенец всемогущим образом обладает материнской грудью, грудь не может его фрустрировать или вызвать у него зависть. Зависть особенно невыносима для младенца и вызывает затруднение в принятии зависимости и фрустрации. Похоже, что сила и стойкость всемогущих нарциссических объектных отношений тесно связаны с силой зависти младенца.

Зависть обладает качеством всемогущества; видимо, она поддерживает всемогущество нарциссических объектных отношений и в то же время может отщепляться и отрицаться. Согласно моим клиническим наблюдениям над нарциссическими пациентами, проекция нежелательных качеств в объект играет важную роль. Аналитик зачастую предстает во снах и фантазиях как туалет или подол (lap). Это отношение означает, что всякое беспокоящее чувство или ощущение может немедленно эвакуироваться в объект без всякой о нем заботы, то есть объект в целом обесценивается. При тяжелых нарциссических нарушениях мы всегда обнаруживаем поддержание жесткой защиты от всякого восприятия психической реальности, так что всякая тревога, вызванная конфликтами между частями самости или между самостью и реальностью, немедленно эвакуируется. Тревога, от которой защищаются таким образом, обычно имеет параноидную природу, поскольку нарциссические объектные отношения коренятся в самом раннем младенчестве, когда тревога по преимуществу параноидна.

Клинически нарциссические объектные отношения часто выглядят для аналитика, а также переживаются пациентом', как совершенно идеальные и желательные. Например, отношение к туалету/матери в анализе зачастую ощущается идеальным, поскольку пациент чувствует облегчение, когда все неприятное может немедленно сбрасываться в аналитика во время сеанса. Когда пациент претендует на обладание аналитиком, как кормящей грудью, он считает своей заслугой все удовлетворительные интерпретации аналитика, и эта ситуация переживается как совершенная или идеальная, поскольку она усиливает ощущение пациента в ходе сеанса, что он хорош и значим. Иногда нарциссические пациенты изображают себя во взаимно удовлетворительных идеальных отношениях с аналитиком, где личность пациента и аналитик не различаются, - эта ситуация напоминает описанное З.Фрейдом океаническое чувство. Другой пример нарциссической идеализации - это пациент, чувствующий, что его все любят, или требующий, чтобы его все любили, ведь он так достоин любви. Похоже, общее у всех этих пациентов - ощущение, что в них сосредоточено все хорошее, которое иначе переживалось бы в отношении к объекту. Обычно мы сталкиваемся одновременно с сильно идеализированным образом самости, преобладающим в аналитической ситуации, и тем, что против всего мешающего этой картине действует жесткая защита и всемогущее отрицание.

Теперь я проиллюстрирую ряд проблем, связанных с тяжелым нарциссизмом, на примере материала пациента, который демонстрировал выраженный нарциссический перенос, не будучи при этом явным психотиком. Ничто в истории пациента как будто бы не объясняет эту его стойкую нарциссическую установку. Он сын довольно богатых родителей, у него две сестры. Внешне он вроде бы всегда хорошо ладил с людьми и был успешен в школе благодаря своему сильному интеллекту. Он начал лечение сразу после того, как вступил в брак и столкнулся с некоторыми трудностями в отношениях с женой. Иногда он чувствовал единство с ней, но в остальное время был очень ревнив и озабочен ее отношениями с другими людьми, как мужчинами, так и женщинами. Анализ раскрыл глубину нарциссизма пациента, нехватку у него эмоционального контакта с другими людьми и вследствие этого -

нехватку удовольствия в жизни, из-за чего он завидовал всем и каждому. Особенно он завидовал жене, которая, как он чувствовал, была куда более способна наслаждаться отношениями с людьми, включая его самого. Когда я впервые встретился с этим пациентом, он казался слегка оторванным от реальности и других людей и придерживался смутно высокомерной и покровительственной установки, которую пытался скрывать. Он признавал, что иногда чувствует себя фрустрированным в личностных отношениях с друзьями и молодой женой, однако как правило обвинял именно их в любом возникшем затруднении. Ему очень хотелось быть проанализированным, хотя он не чувствовал в этом никакой реальной потребности. Он почти сразу :тал рисовать себя совершенным пациентом, достигшим колоссального прогресса, но на самом деле извлекал из анализа очень мало пользы. Он постоянно проецировал свои проблемы в жену или других людей, включая аналитика, и был мало способен переживать их как свои собственные. Ему нравились подробные интерпретации его снов и объяснение его мыслей и чувств, но всякий конфликт, тревога или депрессия, только возникнув, исторгались столь быстро, что практически не успевали переживаться. Интерпретации не обижали его, наоборот, он быстро завладевал ими и говорил о них по-своему, самодовольно гордясь своим знанием, поскольку не чувствовал здесь какой-либо заслуги аналитика. Из-за этой установки было чрезвычайно трудно вызвать какие-либо перемены в его личности, и я чувствовал себя стоящим перед каменной стеной - почти по З.Фрейду. А за этой стеной царило всемогущество, скрывающее враждебность и зависть, которое пациент совершенно отрицал и которое трудно было продемонстрировать в аналитическом материале. После того, как я несколько раз показал пациенту, что он избегает всякого тесного контакта со мной или собственными чувствами, в частности, враждебности ко мне, он пришел на сеанс со словами, что теперь хочет приблизиться к своим проблемам. Затем рассказал мне сон, в котором он с другими людьми ехал на очень скором поезде. Внезапно он увидел, как возле поезда приземлилась какая-то сюрреалистическая машина, испустив широкий луч очень опасного огня. К счастью, поезд, двигаясь быстро, избежал этой атаки, но было чувство, что она повторится. Пациент шал, что эту машину отправил из России человек, который, видимо, жил в Англии раньше, был обижен на плохое, как ему казалось, отношение и хотел за это отомстить. Во сне было ощущение, что в разных местах Англии будут предприняты массированные атаки, в основном на гостиницы с такими названиями, как «Ройял», «Ройялти», «Маджe-стик», «Пэлис» (слова, связанные с королевской властью: «королевский», «величество», «дворец» - прим. перев.), и эти атаки будут направлены на его родителей. Также, похоже, не хватало пищи. В поезде с пациентом ехали две девушки. В другой части сновидения несколько девушек, прислонившись к каменной стене, предлагали секс-услуги из-за нехватки пищи. Пациент подошел к одной из них и спросил: «Клиент нужен?», но она только рассмеялась, и пациент огорчился, потому что его намерения были серьезными. В своих ассоциациях пациент связал русского с самим собой, поскольку чувствовал к нему симпатию, полагая, что у того было право на эти атаки. Он считал, что русского бесила значимость его родителей, из-за чего тот чувствовал, что они

им пренебрегают. Он полагал, что русский сам хотел быть самой важной персоной, и атаки были результатом того, что он чувствовал себя униженным и потому - обиженным. Эмоциональная реакция пациента на этот сон была очень слабой.

Данное сновидение самым четким образом продемонстрировало всемогущую злобу (virulence) чрезвычайно враждебной всемогущей части личности пациента, нападавшей как на значимых высокомерных родителей, так и на часть его самого. Причиной нападения, очевидно, служила его детская зависть к значимым взрослым, поскольку родители в его ассоциациях обвинялись в том, что унижали его, из-за чего он чувствовал себя маленьким. Также в сновидении была очевидна параноидная обида (grudge) русского - признание собственной параноидной установки пациента, которую он на сознательном уровне отрицает. Поезд (train) на скором ходу, избегающий всякого контакта с разрушительными лучами, связан с ходом мысли (train of thought) пациента и его самостью, содержащей две груди (девушек). По сути, он гордится собой, поскольку умеет двигаться чрезвычайно быстро и умно и потому в своих мыслях способен избегать всякого контакта со своей разрушительной самостью. Этот сон означает, что контакт с аналитиком как важной родительской фигурой вызывает опасные, завистливые, параноидные импульсы. В этом сновидении интересно, что завистливый параноидный русский находится далеко, а исходящая от него деструктивность воздействует на ход мысли (train of thought) пациента, его контакты и отношения к родителям и женщинам. Сон четко показывает, как в нарциссических отношениях зависть отщепляется и удерживается вдалеке от самосознания и в то же время деструктивность пациента удерживает объектные отношения пациента обесцененными, позволяя ему обходить свои затруднения. Интересной чертой сновидения является нехватка пищи, которая превращает девушек в проституток. Это означает отрицание значимости груди, обесценивание женщин до проституток, которые, лишенные пищи или грудей, не могут себя прокормить и потому вынуждены идти к пациенту за деньгами на пищу: это может также служить признаком проекции зависимости в проституток.

Поскольку пациент начал сеанс с заявления о том, что решил приняться за анализ, иными словами, хочет приблизиться ко мне, понятно, что сон раскрывает его установку не только по отношению к женщинам, но и к аналитику. Он справляется со страхом быть мной отвергнутым, подходя ко мне высокомерно, превращая меня в проститутку. Интересно, что проститутки опираются на каменную стену, что, возможно, подтверждает, что каменную стену нарциссического переноса следует связывать с нарциссическими объектными отношениями, возникающими в анализе.

Вслед за этим сном агрессивное высокомерие пациента к аналитику стало более открыто приниматься во снах и ассоциациях, но его желание обладать анализом и ощущение, что это его собственное творение, стали приниматься открыто только после следующего сновидения. Пациент делал покупки, и ему предложили соль особого сорта, запакованную в самодельную тару. Она гораздо дешевле обычной, всего лишь девять пенсов за четыре фунта. Пациент спросил у лавочника, ничем ли эта соль не хуже обычной. Лавочник заверил его, что

соль совершенно нормальная, но пациент этому не поверил. Покинув магазин, пациент добирался домой два часа и ощущал вину, поскольку боялся, что жена будет ждать его и тревожиться. Он отметил, что шнужден был купить соль вчера, поскольку она кончилась. Он был сверен, что соль как-то связана с анализом, поскольку четыре фунта напомнили ему о четырех сеансах в неделю. Он подчеркнул, что соль была столь дешевой потому, что, очевидно, была самодельной. На этом сновидении я смог показать пациенту, что он как будто ходит ко мне за анализом, но придерживается мнения, что получает от меня собственную самодельную версию анализа, которая, как он пытается перед собой притвориться, столь же хороша, как и обычный анализ. Очевидно, в этом сновидении он пытается получить от лавочника-аналитика подтверждение, что этот анализ правильный и нормальный, но признает, что сам в это не верит. Позднее возвращение домой означает проекцию в жену его чувств зависимости и тревоги, связанной с необходимостью ждать. Сон демонстрирует, что пациент пока что не признал для себя свою зависимость от меня; она отрицается и проецируется, что постоянно приводит к отыгрыванию. Здесь я хотел бы добавить, каков общий смысл самодельной версии анализа, четко репрезентированный в сновидении, поскольку он играет очень важную роль в анализе многих нарциссических пациентов. Тогда как пациент как будто утверждает, что обладает лучшей, а иногда и более созидательной грудью, почему его анализ и пища лучше, чем в принципе может произвести мать-аналитик, тщательный анализ показывает, что эта высоко ценимая собственность пациента репрезентирует его фекалии, которые всегда высоко идеализировались, - что он старательно скрывает. Разоблачение этой ситуации, которое на какое-то время приведет пациента к чувству тяжелого разочарования (deflated), очень важно для того, чтобы могли установиться реальные отношения к внешним и внутренним объектам.

В более позднем сновидении пациент иллюстрирует полное обращение отношения к аналитику посредством всемогущей проективной идентификации. В этом сне он - доктор, хирург. У него есть торт, и четыре женщины приходят к нему на прием. Он подозревает, что эти женщины просто притворяются, что больны, чтобы привлечь к себе внимание. С крышей дома какая-то проблема, и пациент начинает ее чинить. Тут слышен шум какого-то падения или ударов, и при первых же звуках женщины быстро ретируются, опасаясь, что на них что-нибудь упадет. В своих ассоциациях пациент описал женщин толстыми и жадными. Этот сон откровенно показывает, что пациент ставит себя на место аналитика, который не только обладает тортом - грудью - но и делает репаративную, восстановительную работу. Его жадная установка - просто хотеть от анализа пищи, не признавая при этом, что он болен, и быстро бежать от меня всякий раз, когда моя интерпретация может его затронуть - спроецирована в четырех женщин, которые, как часто бывало раньше, репрезентируют анализ или аналитика (ср. четыре фунта соли). Мы замечаем, что в этом сновидении пациент начинает больше ценить аналитика и репаративную работу анализа и критически относится к своим жадным претензиям к аналитику и манере всякий раз ретироваться, когда слышит хорошую, по его ощущениям, интерпретацию. Однако он полностью исторгает свою

неудовлетворительную установку в аналитика, который во сне превращен в неудовлетворительную самость пациента, и захватывает роль аналитика, которым восхищается.

Теперь я хотел бы обсудить ряд практических соображений относительно анализа нарциссических пациентов. Мощное сопротивление в их анализе вызвано высокомерной всемогущественной установкой, которая отрицает всякую потребность в зависимости и связанные с нею трбвоги. Такому поведению часто свойственна высокая повторяемость, и нарциссические пациенты используют разнообразные его варианты. Интеллектуальный нарциссический пациент зачастую использует свой разум, чтобы на словах соглашаться с аналитиком и при этом по-своему обобщать то, что было проанализировано на предыдущих сеансах. Такое поведение не только блокирует всякий контакт и прогресс, но и служит примером описываемого мною нарциссического объектного отношения. Пациент использует аналитические интерпретации, но быстро лишает их жизни и смысла, так что остаются одни лишь бессмысленные слова. Затем эти слова пациент ощущает своей собственностью, которую он идеализирует, и которая дает ему ощущение превосходства. Альтернативный метод демонстрируют пациенты, которые никогда по-настоящему не принимают интерпретаций аналитика, но постоянно разрабатывают теории, которые считают лучшими версиями анализа.

В первом случае пациент крадет у аналитика/матери репрезентирующие грудь интерпретации, превращая их в фекалии; затем он их идеализирует и скармливает обратно аналитику. Во втором случае собственные теории пациента производятся словно, как бы идеализированные фекалии, которые представлены как пища, лучшая чем грудь, которую предоставляет аналитик/мать. Главный источник этого сопротивления и поведения заключается в отрицании нарциссическим пациентом зависти, которая выходит на поверхность только тогда, когда пациент вынужден признать превосходство аналитика в качестве кормящей матери. Пациент, чьи сновидения я здесь обсуждал, в целом признавал, что вынужден затенять и затуманивать тот факт, что на самом деле анализ предоставляю ему я, поскольку всякая истинная ясность относительно моей роли приводила его к невыносимым ощущениям, что он мал, голоден и унижен, и это в глубине души его возмущало, даже когда я был ему доступен. Время от времени эта обида прорывалась, и пациент чувствовал, что у меня есть все ответы, а я предоставляю ему лишь некоторые. Почему он должен слушать меня или от меня зависеть, если я не даю ему все полностью? Эта обида исходила от завистливых чувств к аналитику/матери, который, обладая грудью, всего лишь кормит ребенка, вместо того, чтобы полного передать ему грудь. Сначала такие прорывы были скоротечными пациент ограждал себя от этих чувств, быстро возвышая себя надо мной при помощи мыслей о том, в чем он превосходен. Также сильное сопротивление оказывал его образ идеального образа себя (ideal self-image), который он постепенно смог описать таким образом: «Я хочу чувствовать себя хорошо и безупречно к Вам относиться. Почему я должен принимать что-то плохое, что испортит этот мой хороший образ себя, который, я уверен, Вам тоже нравится?»

Ригидное сохранение образа «идеального Я» блокирует всякий

прогресс в анализе нарциссических пациентов, поскольку всякое понимание (insight) психической реальности и контакт с нею ощущаются ему угрожающими. Идеальный образ себя нарциссического пациента можно считать выражено патологической структурой, основанной на всемогуществе и отрицании реальности.

Лишь очень постепенно мой пациент смог признать, что поддержание идеального образа себя означает элиминирование всех моих интерпретаций, которые могут угрожать этому совершенному образу. Он начал замечать, что постоянно теряет контакт со всем, что обсуждалось на сеансах. Это причиняло ему боль, но и боль быстро ликвидировалась, несмотря на то, что это означало исторжение хорошего опыта с аналитиком, что приводило к болезненному инсайту. Эта установка чрезвычайно характерна для нарциссических пациентов: не только боль, но инсайт исторгается вновь и вновь. Например, когда потребность моего пациента быть зависимым стала более явной, он сначала спроецировал зависимость в свою жену и отыгрывал ее с женой, создавая ситуацию, в которой та испытывала депрессию и нужду. Затем он объяснял жене, почему она в депрессии, и сердился, когда та не сразу понимала его интерпретации и не вела себя должным образом. Однако постепенно он начал понимать, что такое исторжение своей зависимости и потому и понимания, постоянно создает в его жизни дополнительные затруднения и фрустрации. Мы обнаружили, что всякий раз, когда пациент признавал какое-либо истинное понимание себя и пытался не проецировать свои чувства, он погружался в тревогу и депрессию. В этот момент он чувствовал, что сбит с толку, и слышал, как говорит «Это опасно», - в ответ на что снова выталкивал из себя тревогу, депрессию и инсайт. Затем я показал ему, что в такой ситуации опасность угрожает не его здравой или хорошей самости, но его всемогущей безумной самости. Это сильно его потрясло, и он сказал, что ощущает это, как будто ведет машину и проезжает на красный свет. Красный, разумеется, - сигнал опасности, призывающий остановиться, однако у пациента этот сигнал опасности вызывал желание скорее нажать на педаль газа и проехать на красный свет, не останавливаясь, иными словами - прорваться сквозь опасность столкнуться со здравостью и реальностью и вернуться к своей идеальной позиции всемогущества.

Клинический прогноз. Клинический результат анализа нарциссического пациента зависит от степени, в которой он способен постепенно признавать отношение к аналитику, репрезентирующему мать в ситуации кормления. Это предполагает преодоление ряда описанных мною проблем, и, таким образом, - признание раздельности и фрустрации и проработку того, что М.Кляйн назвала депрессивной позицией. Мы также должны принять во внимание, что зачастую нарциссические пациенты располагают менее нарциссичной, более нормальной объектно-ориентированной частью личности, и улучшение следует измерять по уровню интеграции нарциссических частей личности с этой частью. Чтобы улучшение произошло, всемогущественный нарциссизм пациента и все связанные с ним аспекты должны быть подробно раскрыты в ходе аналитического процесса и подвергнуться интеграции с частью пациента, преследующей более нормальные интересы. Именно эта часть анализа кажется столь невыносимой. Вновь и вновь

происходит расщепление, когда отрицанию подвергаются либо нормальные, либо всемогущие части самости. Зачастую попытка интеграции проваливается, поскольку механизмы, связанные с всемогущественной нарциссической самостью, внезапно захватывают власть над нормальной самостью, стремясь отвести или вытолкнуть болезненное понимание. Однако существуют пациенты, постепенно продвигающиеся вперед в своей борьбе с нарциссическим всемогуществом, и это должно вдохновлять нас, аналитиков, на продолжение нашего изучения клинических и теоретических проблем нарциссизма.

Литература:

1. Abraham K. A short study of the development of the libido, viewed in the light of mental disorders (1924)// Selected Papers. London: Hogarth, 1927.
2. Balint M. Primary narcissism or primary love// The Psychoanalytic Quarterly. 1960. Vol.29. P.6-43.
3. Bion W. Learning from Experience. London: Heinemann,1962.
4. Clark L.P. Treatment of narcissistic neuroses and psychoses// The Psychoanalytic Review. 1933. Vol.20. P.304-326.
5. Cohn F.S. Practical approach to the problem of narcissistic neuroses// The Psychoanalytic Quarterly. 1940. Vol.9. P.64-79.
6. Fedem P. The ego as subject and object in narcissism (1929)// Ego psychology and the psychoses. London: Imago, 1953.
7. Fedem P. The psychoanalysis of the psychoses (1943)// Ego psychology and the psychoses. London: Imago, 1953.
8. Freud S. Introductory lectures (1916-1917)// The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud. Vol. 15-16. London: The Hogarth press; The institute of psycho-analysis, 1957.
9. Fromm-Reichmann F. Problems of therapeutic management in a psychoanalytic hospital// The Psychoanalytic Quarterly. 1947. Vol.16. P.325-356.
10. Fromm-Reichmann F. Psychoanalytical therapy with psychotics// Psychiatry. 1942. Vol.6.
11. Stone L. The widening scope of indications for psychoanalysis// Journal of the American Psychoanalytic Association. 1954. Vol.2. P.267-294.
12. Waelder R. The psychoses: their mechanisms and accessibility to influence// The international journal of psycho-analysis. 1925. Vol.6. P.259-281.

Нарциссизм: комментарий к докладу Рональда Бриттона

Х. Сигал

В 2000-м году «Мелани Кляйн Траст» организовал конференцию, посвященную деятельности Герберта Розенфельда. Комментарии Сигал относятся к докладу под названием «Какую роль играет нарциссизм в нарциссических расстройствах», представленному Рональдом Бриттоном1). Бриттон следующим образом излагает суть своего доклада:

«Итак, я считаю, что нарциссические расстройства возникают при сбое контейнирования в младенчестве и детстве, что дает начало Эго-деструктивному Супер-Эго. Развивается нарциссическая организация, использующая нарциссические объектные отношения — внутренние, внешние или и те, и другие — для того, чтобы уклоняться от враждебного Супер-Эго. Это может приводить к преимущественно либидинозной организации или преимущественно деструктивной нарциссической организации. Далее я полагаю, что либидинозная, защитная организация возникает, когда главным фактором в исходном сбое контейнирования выступает родительская сторона; а деструктивная организация — когда основным фактором является чрезмерность враждебности к объектам у младенца. Если мы используем слово «нарциссизм» для обозначения такого позыва к аннигиляции инаковости (otherness), ответ на вопрос о роли, которую играет нарциссизм в нарциссических расстройствах, будет таков: это зависит от того, насколько эти расстройства деструктивны. Если организация преимущественно деструктивна, нарциссизм, видимо, играет важную роль; если же она преимущественно либидинозна, большую роль, по-видимому, играет младенческая и детская травма. Во втором из рассмотренных мною случаев (г-жа Д.) можно предположить, что именно нарциссизм родителей сыграл главную роль в развитии нарциссического расстройства у пациентки».2)

Герберт Розенфельд сделал фундаментальный вклад в исследование проблем нарциссизма. В его статье 1971-го3) года нарциссизм связывается с инстинктом смерти и дается описание нарциссической организации как нарциссической структуры, которая является и защитой от инстинкта смерти (и его проявления в зависти), и реализацией этого инстинкта. Как и во всех таких организациях, здесь действуют и либидинозные, и деструктивные элементы. В более поздней работе4) Розенфельд пытается различать, по его определению, «либидинозный нарциссизм» и «деструктивный нарциссизм». Полагаю, его описание деструктивного нарциссизма, структуры, основанной на проективной идентификации с внутренним объектом, господствующим в личности (как, например, в его классическом описании банды) широко признается непротиворечивым, и оно послужило источником вдохновения для многих наших последующих работ. Но в отношении его описания либидинозного нарциссизма дело обстоит иначе.5) Существуют разногласия в том, что касается взаимодействия либидинозных и деструктивных сил в нарциссизме.

В своем докладе «Нарциссизм и нарциссические расстройства» Рональд Бриттон описывает то мнение Розенфельда (выраженное во многих его

работах), что важно проводить различие «между теми нарциссическими состояниями, где преобладают либидинозные аспекты, и теми, где преобладают деструктивные аспекты»6). Бриттон ссылается на мои взгляды, говоря: «Для нее [Сигал] есть лишь деструктивный нарциссизм, а либидинозного нарциссизма не существует». Это не вполне точно. Я утверждаю, что не верю в устойчивый либидинозный нарциссизм, т. е. в либидинозный нарциссизм как часть устойчивой нарциссической структуры. Вот что я на самом деле имею в виду: Кляйн проводит различие между тем, что она называет нарциссическими состояниями, и тем, что она называет нарциссическими объектными отношениями, но вполне очевидно, что на самом деле она имеет в виду нарциссическую структуру, поскольку эти объектные отношения интернализованы. Нарциссическое состояние — это идентификация с исходным идеальным объектом. Это временное состояние, поскольку при не-патологическом развитии идеальный объект становится хорошим объектом. Если идеальный объект ощущается хорошим и достаточно сильными, то меньше потребность проецировать все плохое вовне — проекции понемногу возвращаются назад, и идеальный объект становится обычным хорошим объектом. Следовательно, либидинозная связь такого типа — лишь промежуточная фаза. Разумеется, подобно всем младенческим состояниям, она не исчезает полностью и возникает вновь и вновь в нашей взрослой жизни, например, в состояниях влюбленности, которые зачастую содержат в себе сильный нарциссический элемент. Но если состояние влюбленности не развивается в более зрелую любовь, мы попадаем в беду.

Бриттон упоминает «Ромео и Джульету» как пример либидинозного нарциссизма, — но здесь все заканчивается саморазрушением и смертью. По сути, в «Ромео и Джульетте» деструктивность ловко спроецирована вовне в родительские Супер-Эго, но все равно она торжествует. На мой взгляд, там, где Розенфельд усматривает либидинозный нарциссизм как ситуацию, в которой либидо преобладает над деструктивным инстинктом, в одних случаях инстинкт смерти более силен и преобладает над инстинктом жизни, а в других — это не настолько выражено.

Очевидно, что из двух пациенток, рассматриваемых Бриттоном в своем докладе, первая гораздо более больна. Почти вся ее личность находится под господством нарциссической организации. У второй пациентки это выражено гораздо меньше. У нее существует безусловно идеализированное и весьма эротизированное отношение к «близнецу», но вопрос в том, почему вообще говорится о нарциссической структуре или организации? От чего отчаянно защищаются? Данная пациентка, несомненно, обладает гораздо более здоровым Эго, у нее есть работа, муж, семья, но такое либидо, которое предназначено стать частью нарциссической структуры, обедняет всю ее прочую жизнь.

Бриттон упоминает предложенное Джоном Стайнером7) понятие патологической организации — в основе своей организации нарциссической. Это структура защищает как от параноидно-шизоидной тревоги, так и от депрессивной. Я полагаю, что чрезвычайно важно, какая именно из этих двух

тревог преобладает. Совершенно ясно, что первая пациентка Бриттона борется с самыми примитивными, оральными, садистическими и параноидными тревогами. Вторая же, похоже, защищается скорее от тревог депрессивных и эдипальных.

Но здесь присутствует проблема Супер-Эго. Бриттон цитирует Розенфельда, который доказывает, что в центре нарциссической структуры находится завистливое, деструктивное Супер-Эго. Бриттон говорит, что обе его пациентки борются со смертоносным Супер-Эго. Мой вопрос в том, почему этот объект считается Супер-Эго? Разве мы теперь все внутренние объекты называем Супер-Эго? Что касается первой пациентки Бриттона, я бы подумала о преследующем объекте. Я думаю, я называю Супер-Эго только тот аспект внутреннего объекта, который оказывает моральное давление, хотя своими корнями, как мы знаем, он может уходить в преследующий и идеальный объект. И у меня вообще вызывает вопрос сама идея о любви к человеку со стороны его Супер-Эго. Разумеется, я полагаю Супер-Эго плохим, когда оно преисполнено ненависти, но также я не считаю хорошим Супер-Эго, когда оно слишком любящее. По моему мнению, хорошее Супер-Эго больше похоже на лакмусовую бумагу — ощущение реальности в моральной сфере — и оно не должно быть частью никакой властной структуры. Оно не говорит нам, что делать, — но только что это такое. Оно Эго-синтонно, поскольку поддерживает и укрепляет собственную способность Эго производить суждения. Также в некоторых местах Бриттон называет его отцовским Супер-Эго — третьим объектом, — но в отношении первой пациентки ясно (и он сам об этом говорит), что здесь действуют более примитивные тревоги, вторгающиеся в эдипальную тему и ее искажающие.

Почему существование завистливого, смертоносного Супер-Эго считается почти доказанным в этих случаях? В конце концов, нарциссическая личность живет в зеркальном зале. Не является ли это смертоносное (murderous) Супер-Эго, по крайней мере отчасти, проекцией собственных чувств пациента? Является ли чудовище объектом во втором сне Л. (первой пациентки) про ужасающее переживание кормления? Или же это проекция собственного гневного и завистливого рта? Описывая своего пациента Питера в книге «Тупик и интерпретация»8), Герберт Розенфельд говорит о смертоносности его зависти. Так от чего же защищает нарциссическая структура? От смертоносности объекта или субъекта? Спутанность. Розенфельд подчеркивает, что в ее основании лежит сбой расщепления. Бриттон, как и я, принимает ту точку зрения, что основными являются защиты от спутанности. Но еще мы знаем, что самый мощный элемент в спутанности — это зависть. Если вы ненавидите плохой объект и любите хороший объект, то вы знаете, где вы находитесь. Но если вы ненавидите и проецируете ненависть и зависть в хороший объект, вы неминуемо окажетесь в состоянии спутанности, поскольку, чем лучше объект, тем быстрее он превращается в плохой объект, наполненный всеми соответствующими проекциями. Нарциссическая организация ограждает нас от такой спутанности. Бриттон подчеркивает роль сбоя контейнирования, а также ту роль, которую играют родительские проекции. Это, конечно, очень важно.

Но мы не должны забывать, что для некоторых людей, возможно, наиболее важным является вопрос, что именно проецируется в контейнер.

Так что перед нами предстает во всей полноте вопрос о сравнительной значимости внешних и внутренних факторов. Примечательно, что родители менее здоровой пациентки были по сути не столь ужасны, как родители другой пациентки. Отсюда мы можем заключить, что ее проекции были более насильственными и разрушительными. По существу, ее сон о кормлении ребенка, в котором она обвиняла свою мать, вполне мог быть ее собственным свирепым, завистливым нападением на процесс кормления. Все мы трое — и Розенфельд, и Бриттон, и я — наблюдали, что в известных пределах наличие лучшего окружения в жизни человека означает худший прогноз, поскольку тогда акцент переносится на внутренние факторы (при этом, разумеется, нельзя игнорировать взаимодействие с окружением).

Не думаю, что Розенфельд бы согласился со мной, но у меня есть впечатление, что его стал больше заботить внешний травматический фактор, чем реальность роли пациента или ребенка в этом процессе. При рассмотрении сеансов, изложенных Бриттоном, у меня возникает ощущение, что больше внимания уделялось нехватке контейнирования и страху перед плохим Супер-Эго, чем проекциям пациента.

Когда я размышляла над докладом Бриттона, у меня возникла свободная ассоциация. Мне на ум пришла старая шутка. На вечеринке пожилая дама услышала разговор молодых людей о сексе. Она внимательно вслушивалась, а затем подозвала молодого человека со стороны и тихо спросила: «А что, никто уже не делает это старомодным способом?» Я внезапно представила себя саму этой пожилой дамой, стыдливо спрашивающей: «Неужели никто уже не делает это старомодным способом и не интерпретирует зависть прямо?» Думаю, в этой шутке есть смысл. У избегания таких интерпретаций, по-моему, есть две причины. Первая — общеизвестно, что на первых порах мы действительно сверх-интерпретировали (over-interpret) зависть — иногда слишком часто и слишком скоро, не вполне осознавая мощное влияние этих интерпретаций. Это, к сожалению, справедливо для большинства сильных новых концепций, и тут есть некое колебание то в одну, то в другую сторону. Но вторая причина заключается в том, что из всех возможных ситуаций пациенту труднее всего вынести понимание своей примитивной зависти. Для аналитика это также наиболее пугающая и тяжелая ситуация, с которой ему приходится иметь дело, — и отсюда возникает бесконечное количество способов ее избежать.

Примечания:

1) Рональд Бриттон — английский психоаналитик-кляйнианец, автор книг «Вера и воображение» и «Секс, смерть и Супер-Эго».

2) Этот доклад был опубликован в книге «Секс, смерть и Супер-Эго» под названием «Нарциссизм и нарциссические расстройства».

3) Rosenfeld, H. (1971) A clinical approach to the psychoanalytic theory of the life and death instincts: an investigation into the aggressive aspects of narcissism, International Journal of Psycho-Analysis, 52: 169–78.

4) Rosenfeld, H. (1987) Impasse and Interpretation, London: Routledge.

5) «Рассматривая нарциссизм в либидинозном ключе, можно видеть, что здесь центральную роль играет слишком высокая оценка самости, основанная главным образом на идеализации самости» (Rosenfeld, H. 1971).

6) Rosenfeld, H. 1971.

7) Steiner, J. (1987) The interplay between pathological organizations and the paranoid-schizoid and depressive positions, International Journal of Psycho-Analysis, 68: 69–80.

8) Rosenfeld, H. 1987, pp. 88–90.

Теория нарциссизма в работах Фрейда и Кляйн

Х. Сигал

Д. Белл

Фрейдовская теория нарциссизма

Статья Фрейда о нарциссизме отмечает водораздел в развитии его мысли. До 1913-го года теоретическая модель, изложенная в седьмой главе «Толкования сновидений» (Freud, 1900), постоянно развивалась и расширялась. Однако статья «О нарциссизме» вызвала «неприятную встряску» и «некоторое замешательство» (Jones, 1958). В этой статье произошел первый пересмотр фрейдовской теории инстинктов, и началось масштабное возвращение к теоретическим вопросам, наиболее полно представленным в «Статьях по метапсихологии» (Freud, 1915). Читая эту работу, вы отчетливо ощущаете затруднения Фрейда. Как он писал Абрахаму, «статья о нарциссизме была трудными родами и несет на себе все знаки соответствующей деформации» (Jones, 1955).

На первой фазе развития теории Фрейда его основной целью было прослеживание превратностей либидо посредством изучения перверсий. Но с началом следующей фазы, провозглашенным статьей о нарциссизме, он стал все больше внимания уделять функционированию Эго. Лишь за четыре года до статьи о нарциссизме Фрейд ввел в обращение термин «инстинкты самосохранения» (Freud, 1910b).

Хотя по большей части теоретические построения Фрейда выражены в терминах инстинктов, его работы передают яркое восприятие внутреннего мира. Однако до появления теории идентификации невозможно было это восприятие концептуализовать. Когда читаешь Фрейда, часто возникает впечатление, что две стороны его [таланта] - литературная и теоретическая - нелегко уживаются друг с другом. Теория идентификация предоставила средство, позволяющее связать эти два способа концептуализации. В 1916-м году, всего лишь через год после написания «Скорби и меланхолии», в статье «Некоторые типы характера, встречающиеся психоаналитической работе», где Фрейд обсуждает Шекспировского «Ричарда III» и Ибсеновского «Росмерсхольма», он красноречиво рассуждает на тему характера и внутреннего мира. Однако в 1914-м году он пытался концептуализовать ряд очень важных наблюдений в связи с гомосексуальностью и психозами, не привлекая никакой теории интернализации или идентификации.

Статья «О нарциссизме» «деформирована», как выразился Фрейд, отсутствием адекватного концептуального аппарата, способного охватить те важные наблюдения, которые он хотел рассмотреть. Одной из черт его гения как раз и являлось то, что даже в отсутствии теории, могущей освоить определенные психоаналитические наблюдения, Фрейд не оставлял эти наблюдения без внимания. Но в статье о нарциссизме теория натянута до предела прочности. Это напряжение блестяще разрешается в трех ключевых работах, которые

предвещала рассматриваемая нами статья. Вот эти работы: «Скорбь и меланхолия» (Freud, 1915), где вводится более последовательным образом теория внутреннего мира, основанного на идентификации; «Я и Оно» (Freud, 1923), где впервые выстраивается структурная модель, и «По ту сторону принципа удовольствия» (Freud, 1920), где излагается второй и окончательный пересмотр теории инстинктов. Далее в данной главе мы примем эти работы в качестве стартовых точек в рассмотрении развития теории нарциссизма у Мелани Кляйн.

Главные мотивы Фрейда при написании статьи о нарциссизме были, грубо говоря, с одной стороны, клиническими и теоретическими, а с другой стороны - политическими. Основными психопатологическими проблемами, занимавшими его в тот период, являлись гомосексуальность и параноидные психозы. Теория нарциссизма предоставляла концептуальный инструмент, связывающий два эти психопатологических состояния. Центральные работы, в которых рассматривались данные проблемы - это книга о Леонардо (Freud, 1910a) и случай Шребера (Freud, 1911). Поскольку эти работы основаны на рассуждениях, построенных на биографических или автобиографических данных, мы сначала изучим ряд элементов клинического случая, которым Фрейд занимался перед публикацией статьи о нарциссизме, - а именно, случая Человека с волками (Freud, 1918). Хотя исследование случая Человека с волками было написано и опубликовано после статьи о нарциссизме, вся клиническая работа по нему была проделана за четыре года, ей предшествовавшие (1910–14).

Рассматривая данный случай, Фрейд уделил особое внимание связи нарциссизма с идентификацией. Человек с волками, получив отпор со стороны его горячо любимой «няни», обратил свою любовь на отца. Согласно Фрейду (Freud, 1918, 27), он «таким образом смог возобновить свой первый и наиболее примитивный объектный выбор, который, в соответствии с нарциссизмом маленького ребенка, осуществлялся на пути идентификации». В то время Фрейд понимал идентификацию как нарциссический акт, и такие идентификации, [с его точки зрения], предшествовали более зрелой ситуации, в которой задействован объектный выбор. Впоследствии Человек с волками развил пассивную сексуальную цель в отношении своего отца: «теперь отец снова стал его объектом; соответственно его более высокой стадии развития идентификацию заменил объектный выбор». Таким образом, случай Человека с волками представляет собой исследование этих важнейших тенденций в личности пациента - пассивной (мазохистической)1) установки, занимающей центральное место в его вытесненной гомосексуальности, и его нарциссических идентификаций.

Работа о Человеке с волками, разумеется, посвящена тяжелому перверсивному расстройству характера, и понятно, что наравне с изучением превратностей либидо, Фрейд исследует во всей полноте вопрос о развитии характера в соотношении с различным преобладающими инстинктивными тенденциями и идентификациями. Общее у Человека с волками со Шребером - пристальное внимание к дефекации, религии и идентификация с пассивной фигурой в

насильственном совокуплении. Хотя во время прохождения анализа у Фрейда симптомы этого пациента понимались как по сути своей невротические, его позднейший срыв продемонстрировал, что эти фантазии формировали часть психотического ядра.

Фрейд осмысливал отказ (repudiation) от пассивных (женских2)) тенденций в контексте потребности Эго защищать себя. Он писал: «Эго заинтересовано только в самозащите и сохранении своего нарциссизма». Здесь возникает ключевое затруднение, которое стало предметом определенных разногласий - а именно, отношение нарциссизма к перверсии. В случае Человека с волками Фрейд четко их связывает, но также полагает нарциссизм частью потребности Эго в защите себя - а это трудно считать перверсией.

В этом исследовании случая мы получаем несомненное впечатление внутренней репрезентации сцены (совокупляющаяся пара плюс наблюдатель) с участием фигур (characters) со сменяющимися идентификациями (Meltzer, 1978). Репрезентация (или ошибочная репрезентация?) родительского сношения как садистического акта имеет глубокие последствия для развития характера. Итак, в исследовании случая Человека с волками Фрейд дает свое первое описание интернализованной первичной сцены с подвижными идентификациями, которые входят в нарциссическую формацию характера.

Однако первую свою формулировку относительно нарциссизма Фрейд предлагает в работе о Леонардо.3) Эта статья также отмечает растущий интерес Фрейда к характеру, поскольку здесь он рассматривает всю жизнь и работу человека в терминах раннего опыта и психопатологии.

В связи с гомосексуальностью Леонардо Фрейд (Freud, 1910a, 1911) пишет: «Мальчик вытесняет свою любовь к матери: он ставит себя на ее место, идентифицирует себя с ней, и свою собственную личность делает моделью, по подобию которой выбирает новые объекты для своей любви. /…/ Он находит объекты любви на пути нарциссизма». Фрейд указывает, что в этом идентификационном процессе мальчик «сохраняет свою любовь к матери». Тем не менее, он довольно двусмысленно утверждает, что «по сути же Леонардо соскальзывает обратно к аутоэротизму». Здесь возникает другое концептуальное затруднение, поскольку, по Фрейду, аутоэротизм предполагает состояние, предшествующее объектной любви. Однако в этом утверждении он описывает то, что безусловно является объектным отношением. Мы вернемся к этому сложному вопросу позже.

В работах о Человеке с волками, Леонардо и Шребере присутствует общая тема - а именно, отношение гомосексуальности к нарциссизму и нарциссизма - к психозу. Здесь мы не можем остановиться на многих деталях случая Шребера, но следует вспомнить, что после ипохондрического заболевания у Шребера развилось психотическое состояние, в котором он выстроил грандиозную систему бреда, чтобы всемогущим образом восстановить мир, разрушенный катастрофой. Ключевая же особенность данной системы заключалась в том, что «ради восстановления этого мира» Шребер должен был достичь «божественного отношения» к Богу, что осуществлялось посредством его

превращения в женщину. Фрейд демонстрирует, что бред о конце света был проекцией внутренней катастрофы, - то есть краха внутреннего мира вследствие отведения (withdrawal) от него «интереса»4). Он поясняет, что в психозах либидо отводится от объектов (то есть внешнего мира) и обращается на Эго. Таким образом он связывает паранойю, нарциссизм и мегаломанию. Далее он говорит, что параноики «фиксируются» на стадии нарциссизма. Здесь он использует язык «Трех очерков по теории сексуальности» (1905), где либидинозная организация может оказываться фиксированной на различных стадиях развития.

Когда Фрейд пишет об отведении либидо (или скорее «интереса») от мира, имеется в виду как будто очень пассивная, тихая процедура. И действительно, он считает весь «шум» параноидного пациента результатом попыток пациента восстановить внутренний мир. Мельцер (Meltzer, 1978) отметил, что в тот самый момент, когда Фрейд говорит об отведении либидо, он цитирует Фауста Гете:

«Увы, увы!

Разбил ты его,

Прекраснейший мир,

Могучей рукой.

Он пал пред тобой,

Разрушен, сражен полубогом!»

Так Фрейд выказывает свое интуитивное понимание того, что деструкция внутреннего мира, в общем, не такая уж тихая процедура - она производится «могучей рукой полубога».

Должно быть, Фрейд опирался на случай Шребера, когда писал в статье о нарциссизме: «так же, как неврозы переноса позволили нам проследить либидинозные инстинктивные импульсы, dementia praecox и паранойя помогут нам постичь психологию Эго». Далее Фрейд говорит, что бред Шребера в некотором смысле справедлив, и более того, согласуется с развивающейся Фрейдовой теорией нарциссизма - в том, что когда весь либидинозный «интерес» отводится от внешнего мира, результатом становится внутренняя катастрофа, конец внутреннего мира.

Ричард Уоллхейм (Wollheim, 1971) указал на то, что психоаналитическая теория не только предлагает модели психических функций, но также описывает, как эти функции представлены в психике. По его мнению, хотя все это подразумевается теорией Фрейда, никто до Мелани Кляйн не двигался в данном направлении. При том что в описании случая Шребера Фрейд (Freud, 1911, 75) высказывается на эту тему недвусмысленно: «Будущее покажет, что верно: что в моей теории больше бреда, чем я склонен допустить, или же в бреде Шребера больше истины, чем, возможно, готовы пока что считать другие». Согласно Фрейду, бред Шребера является конкретной репрезентацией тех самых механизмов, которые конституируют психоз.

Случай Шребера предоставил Фрейду плодородную почву для рассуждений о природе психоза и в частности - взаимосвязи паранойи, нарциссизма и мегаломании. Таким образом, бредовая система Шребера обеспечила Фрейда моделью Эго и объектного либидо, которая позже будет разработана в статье о нарциссизме.

Что касается политических мотивов Фрейда при написании статьи о нарциссизме, как указывает Стрэйчи в своем введении к ней, концепция нарциссизма должна была обеспечить альтернативу «мужскому протесту» Адлера и «несексуальному либидо» Юнга. Мы полагаем, что эти крупные теоретические затруднения в действительности не получили своего разрешения до того, как Фрейд написал «По ту сторону принципа удовольствия» - где дуализм инстинктов был восстановлен при помощи теории инстинктов жизни и смерти. Теперь «агрессивное влечение» Адлера стало возможным лучше согласовать с теоретической структурой, предложенной Фрейдом.

Статью о нарциссизме читать трудно, поскольку она содержит смесь двух различных моделей психической жизни - а именно, теорию либидо и неявную теорию внутренних объектных отношений. Сражаясь с поднятыми в статье вопросами, Фрейд пользуется терминами прежней теории так, что они утрачивают свое исходное значение. Например, термин «Эго-инстинкт» предполагает совсем другое употребление слова «инстинкт».5)

Статья «О нарциссизме» начинается с формулировки метода, давшего столь обильные плоды Фрейду на первой фазе [работы] - а именно, что психопатология есть исследование задержки развития, и потому исследование психопатологии порождает теории развития. Статья посвящена описанию феноменологии и динамики «нарциссических неврозов», а также проясняет, почему это новое знание влечет за собой другую модель психики.

В данной статье термин «нарциссизм» используется впервые для описания отношения, в котором человек выбирает собственное тело в качестве сексуального объекта. Согласно методу «Трех очерков», эта ситуация - перверсия - отражает фиксацию либидо на более ранней стадии развития. Однако мы сразу же понимаем, что Фрейд отдает себе отчет в том, что имеет дело с чем-то более фундаментальным, чем другие перверсии, поскольку он отмечает, что эта «нарциссическая установка» представляет собой один из пределов восприимчивости человека к психоанализу.

Затем Фрейд ищет свидетельство тому, что это первичное состояние воспроизводится в перверсии. Он получает его из трех источников, скорее косвенных, поскольку они не основаны на клинических данных. Это записки психотика (Шребера), наблюдения за детьми и описания первобытных племен. Фрейд констатирует: «гипотеза об обособленном Эго и объектных инстинктах практически не опирается на какое бы то ни было психологическое основание».

Как мы уже говорили, бред Шребера предоставил Фрейду важное свидетельство существования первичного нарциссизма. Фрейд соединяет две

важные феноменологические черты психоза - отстранение от внешнего мира и наличие мегаломании - и предполагает, что они должны быть динамически связаны друг с другом. То утверждение, что психотик уводит свой интерес от внешнего мира и не замещает его внутренними фантазиями, безусловно поражает нас своей странностью и требует дальнейшего разбора.

Как отмечают Сандлер и его соавторы (Sandler et al., 1976), когда Фрейд говорит об отношении к внешнему миру, мы должны полагать, что он подразумевает отношение к психическому представлению внешней реальности.6) Однако Фрейд ведет речь о «реальных объектах» и «воображаемых объектах», и воображаемые замещают реальные в качестве объектов интереса при неврозах. Таким образом, «реальные объекты» должны быть точными психическими репрезентациями внешней реальности, тогда как «воображаемые объекты», предположительно, являются искажениями внешней реальности (посредством как фантазий, так и воспоминаний). По сути, Фрейд говорит, что психотики отличаются от невротиков отношением Эго к репрезентациям внутренней и внешней реальности.7)

Связь между этими двумя характеристическими чертами психоза (отход от реальности и мания величия) описывается посредством перемещений либидо. Либидо отходит от объектов и катектирует собственное Эго человека. Фрейд, следуя этой теоретической модели, полагает, что этот феномен воспроизводит предшествовавшую стадию развития, на которой либидо совершает первичный катексис Эго. Здесь опять возникает понятие первичного нарциссизма. Потому Фрейд (на теоретических основаниях) делает вывод о наличии первичной стадии нарциссизма, предшествующей объектной любви.

Уоллхейм (Wollheim, 1971) указал на то, что различение аутоэротизма и нарциссизма в данной статье неглубокое. В некоторой степени оно зависит от того, берется в качестве объекта любви «самость» или «тело». Но поскольку Эго есть «в первую очередь телесное Эго» (Freud, 1923), это различение остается неудовлетворительным. Поскольку клинических данных не хватает, обсуждение уходит в теоретическую плоскость, и отчетливо видно, что Фрейд этим крайне недоволен. Отсылки к всемогуществу мысли у детей и первобытных племен служат скорее примером, чем аргументом.

Степень недовольства Фрейда теорией в ее теперешнем виде - а именно, теорией первичного нарциссизма, объектного либидо и Эго-либидо - проявляется в следующей части статьи. Одно из центральных затруднений заключается в том, что Фрейд признает, что очень близко подошел к постулированию единого вида психической энергии. Эта проблема не только политическая (поскольку подводит его к Юнгу), но и теоретическая, поскольку фрейдовская модель с необходимостью предполагает дуализм. Без него трудно объяснить вытеснение. Фрейд утверждает, что понятие Эго-либидо «небогато содержанием», откуда мы заключаем, что, по его мнению, этому понятию не хватает опоры на клинические данные - это для Фрейда всегда решающий критерий. Он демонстрирует свое осознание данной проблемы, когда говорит о «полном отсутствии какой бы то ни было теории инстинктов, которая помогла

бы нам найти точки опоры» (78). Фрейд прибегает к биологическим различениям (между голодом и любовью), но несмотря на всю их соблазнительность, четко заявляет о том, что психологические факты следует отделять от биологических. Он оспаривает все свои предположения и заканчивает следующим: «Давайте смиримся с возможностью ошибки /…/ и будем следовать общему моему правилу: отбросим данную гипотезу, если психоаналитическая работа выдвинет какую-то другую, более эффективную» (79). И действительно, позднее психоаналитическая работа принесла нужные данные. Проблемы мазохизма и компульсивного повторения привели к формулировке новой теории инстинктов - теории инстинктов жизни и смерти.

Вопрос об ипохондрии вызывает проблемы сходного характера. Фрейд снова продемонстрировал свою великую клиническую интуицию, расположив ипохондрические состояния ближе к психозам, чем к неврозам (что видно по случаям Человека с волками и Шребера). Таким образом, эти состояния следует понимать в терминах функционирования Эго. Более поздняя формулировка Фрейда относительно телесного Эго связывает ипохондрию с глубоко бессознательными фантазиями о теле. Однако в этом контексте мы вынуждены рассматривать вопрос об ипохондрической тревоге в границах первой теории тревоги. Фрейд предполагает, что «запруженное либидо» (случай тревоги) локализовано в Эго. Однако при этом он указывает, что нелегко объяснить, почему это оказывается неприятным, поскольку увеличившееся количество либидо, собравшееся в Эго, должно приводить к ощущениям приятного всемогущества. Более же интересный вопрос, продолжает он, заключается в том, почему либидо сначала покидает Эго - иными словами, почему вообще происходит отказ от младенческого нарциссизма и связанного с ним всемогущества.

Здесь Фрейд снова обращается к литературе и находит ответ в чисто психологических терминах в поэтике Гейне, а также в том проницательном утверждении, что мы должны творить, чтобы быть здоровыми. Вопрос о способности к объектной любви (как противоположности любви к себе) во всей его полноте становится центральным в отношении психического здоровья. Однако Фрейд снова обращается к теории либидо и говорит, что человек должен освобождать либидо, чтобы не страдать от невроза; таким образом он лишает это понятие его центрального психологического импульса.

Обращаясь от психоза и сопутствующих трудных теоретических вопросов к вопросу об эротической жизни в целом, Фрейд, кажется, чувствует себя гораздо более уверенно. Он говорит, что именно в изучении эротической жизни мы находим «сильнейшие основания гипотезы нарциссизма». Основания эти сильны, поскольку обеспечены клиническими данными. Однако стоит указать, что все приведенные примеры касаются вторичного нарциссизма. Фрейд, безусловно, памятует о случае Леонардо и опирается на клиническую работу, когда говорит о человеке, ищущем собственную (спроецированную) самость в объекте своей любви. Постулируя два различных типа любви, анаклитическую (любовь к питающему объекту) и нарциссическую, или любовь к себе, Фрейд пытается определить тип любовных отношений, не являющихся

нарциссическими. Описывая «совершенную объектную любовь», строящуюся по типу привязанности (и потому не нарциссическую), Фрейд изображает, по сути, порабощение идеализированным объектом. На наш взгляд, этот тип отношений, хотя и включает в себя признание потребности в объекте, все еще обладает выраженными нарциссическими чертами. Как мы покажем ниже, такое порабощение осуществляется посредством проекции аспектов самости в объект.

Ряд затруднений в этом разделе статьи возникает вследствие употребления Фрейдом термина «объект» в смысле внешних объектов. Однако в другом месте Фрейд дает понять, что внешний объект получает свой характер от того, что на него спроецировано. Прежде в данной статье он называет это «переносом нарциссизма» на сексуальный объект, под чем подразумевает проекции идеализированной самости. Далее он использует эту идею, обсуждая идеализацию детей.

Переходя к первой разработке Фрейдом [понятия] Эго-идеала, мы видим, что он более явно говорит о внутреннем мире, где происходят идентификации и проекции, - что служит необходимым подготовительным шагом к внешней проекции (например, Эго-идеала) на внешние объекты. Здесь он выделяет внутренний объект, не находящийся в Эго; таким образом, по существу, он различает самость и Эго. Эго-идеал, реликт младенческого развития, «он проецирует перед собой как свой идеал». Так Фрейд показывает, что внутренний сценарий, в который могут проецироваться идеальные аспекты самости, является основанием нарциссического объектного отношения, столь отчетливо описанного в случае Леонардо. Способность к образованию Эго-идеала и проецированию его на другие объекты, безусловно, имеет важные последствия для объектного выбора, которые в статье не изучаются в полном объеме.

Ближе к концу текста Фрейд снова наталкивается на ограничения теории инстинктов, пытаясь обрисовать особенности не-нарциссической любви. Когда он говорит о «возврате любви» от объекта, это весьма напоминает гидравлическую модель. Однако пока что он не готов обсуждать, какого рода должны существовать внутренние условия для того, чтобы Эго обогатилось благодаря способности к любви. Этот вопрос становится все более насущным, когда Фрейд пишет о нормальном счастливом состоянии того, кто любим, - как о возврате к первичному положению, в котором невозможно различать объект и Эго - то есть к первичному нарциссизму. Когда в конце статьи Фрейд пишет о том, что пациент предпочитает лечение любовью лечению анализом, возможно, он имеет в виду, что пациент предпочитает переполняющую нарциссическую (overwhelmingly narcissistic) любовь, обреченную на провал вследствие столь малого учета реальности.

Таким образом, статья о нарциссизме приходит к той точке, где проявляются ограничения первой модели Фрейда. В статье можно обнаружить теорию развития, основанную на представлении об объектных отношениях, и растущий интерес к вопросу о характере и внутреннем мире. Однако эти темы не

получают дальнейшего развития. Мы полагаем, что статья содержит ряд теоретических проблем: (1) модель Эго-либидо и объектного либидо, (2) вопрос первичного нарциссизма, и (3) природа и функция Эго.

Модель Эго-либидо и объектного либидо угрожает дуализму, жизненно необходимому для системы Фрейда, поскольку основной психический конфликт, как видно из этой модели, теперь происходит между инстинктивными силами, имеющими один и тот же источник. Как говорит Уоллхейм (Wallheim, 1971), «устраните дуализм, и вся теория психоневроза неизбежно обрушится. /…/ Именно этому дуализму, похоже, и угрожает открытие первичного нарциссизма». Этот вопрос продолжает занимать Фрейда и находит свое окончательное разрешение в книге «По ту сторону принципа удовольствия», где введение инстинктов жизни и смерти восстанавливает дуализм. Идея первичной деструктивной силы была наиболее решительно подхвачена Мелани Кляйн. А ее отношение к нарциссизму исследовал Герберт Розенфельд (что мы обсудим ниже).

Первичный нарциссизм - состояние, предшествующее как образованию Эго, так и объектным отношениям, - на наш взгляд, остается крайне неудовлетворительным понятием. Проблемы с этой концепцией в некоторой степени демонстрируются теми различными значениями, которые в нее вкладывают сам Фрейд и другие авторы. Например, иногда под первичным нарциссизмом понимают состояние между аутоэротизмом и объектным выбором, или же безобъектное неразличенное состояние, соответственно, предшествующее аутоэротизму - которое полагается близким к внутриутробному состоянию. Здесь мы склонны согласиться с возражениями, выдвигаемыми Лапланшем и Понталисом (Laplanche and Pontalis, 1983) - если уж мы принимаем существование безобъектного состояния, будет некорректно называть его нарциссизмом, поскольку Нарцисс, с его точки зрения, воспринимал объект, в который влюбился. Феноменологически нарциссизм - это состояние объектных отношений, в котором часть самости ощущается находящейся в объекте.

В последнем разделе статьи о нарциссизме недвусмысленно представлены зачатки структурной модели. Эго и его функции занимают Фрейда все больше после написания статьи о нарциссизме. В работе «Скорбь и меланхолия» (1915) он оказывается способным впервые в полном объеме описать внутренние объектные отношения, включающие в себя проекцию и идентификацию. Это проторило путь для теории, более полно изложенной в «Я и Оно», - теории Эго, построенного из «оставленных объектных катексисов». Она поистине стала отправной точкой для Мелани Кляйн, которая продолжала исследовать постоянное взаимодействие между проекцией и интроекцией в создании внутреннего мира. Как мы уже говорили, введение [понятий] Эго-идеала и наблюдающей инстанции выступило предвестником структурной модели с ее концепцией Супер-Эго. Впоследствии Фрейду предстояло признать Кляйн (Freud, 1930), когда он согласился с тем, что смертоносность Супер-Эго не наследует поведению реальных родителей, но основывается на проекции смертоносных импульсов, возникающих изнутри. Приближаясь к последнему

периоду своей жизни, Фрейд все больше стал интересоваться ролью агрессии и отводил ей гораздо более заметное положение.

Развитие теории нарциссизма в работах Мелани Кляйн

Хотя некоторые противоречия, присутствующие в статье о нарциссизме, Фрейд частично разрешил в последующих работах, он продолжал верить в существование стадии первичного нарциссизма, предшествующей объектным отношениям. Кляйн, в одном из своих немногих явных упоминаний о первичном нарциссизме, отчетливо отмежевывается от Фрейда. Она заявляет:

«Та гипотеза, что объектным отношениям предшествует стадия, длящаяся несколько месяцев, предполагает, что - за исключением либидо, прикрепленного к собственному телу младенца - у него нет импульсов, фантазий, тревог и защит, или же они не соотнесены с объектом, то есть функционируют [в вакууме]. /…/ Нет ситуации тревоги, нет психического процесса, которые бы не охватывали объектов внешних или внутренних. /…/ более того, любовь и ненависть, фантазии, тревоги и защиты неразрывно связаны с объектными отношениями». (Klein, 1952; курсив авторов статьи)

Далее в той же статье она говорит, что состояния «нарциссического отхода» на самом деле являются состояниями отхода к интернализованным объектам. Таким образом она открыто отказывается от фрейдовского представления об аутоэротической и нарциссической стадии, предшествующей объектным отношениям. Мы уже говорили, что у Фрейда по этому вопросу нет никакой ясности.

Кляйн полагала, что с самого начала существует рудиментарное Эго, которое колеблется между состояниями относительной собранности и состояниями неинтегрированности и дезинтегрированности. Это рудиментарное Эго образует интенсивные отношения к объектам и использует защитные механизмы. Вначале эти объекты - это примитивные «частичные» объекты, но по мере дальнейшего развития они становятся более интегрированными, объединенными. Данное представление важно не только в теоретическом, но и в клиническом смысле, поскольку, если придерживаться этой точки зрения, не существует психического состояния, независимо от степени регрессии пациента, которое было бы безобъектным и бесконфликтным.

Кляйн подчеркивает постоянное взаимодействие проекции и интроекции в построении внутреннего мира объектов, к которым Эго устанавливает отношения и которые также переживаются как находящиеся в отношениях друг к другу. Именно путем тщательного исследования этих процессов она демонстрирует быстрые осцилляции, которые могут возникать в состоянии Эго и внутренних объектов.

Следуя Фрейду на заключительных фазах его работы, Кляйн уделяет большое внимание тревоге, возникающей вслед за восприятием младенцем его собственных деструктивных импульсов по отношению к его объектам. Она была поражена архаическим, смертоносным характером младенческого Супер-Эго,

столь мало соотносящегося с внешней реальностью, и считала эту ситуацию основанной на проекции собственных деструктивных импульсов младенца, - которые в конечном итоге порождены инстинктом смерти.

Крупным нововведением стала ее концепция «позиций», а не стадий развития. Эта концепция отсылает к состояниям Эго, насущным (present) тревогам, защитам от этих тревог, и внутренним объектным отношениям. Она описывает две позиции, представляющие два феноменологически различных состояния: параноидную/шизоидную и депрессивную.

Как мы увидим ниже, нарциссические объектные отношения характерны для параноидной/шизоидной позиции. В этом состоянии мир глубоко расщеплен на хорошие и плохие объекты; это расщепление происходит внутри и также проецируется вовне. Преобладающие тревоги имеют параноидную природу, а защиты направлены на ограждение самости и идеализированных объектов от смертоносных объектов, содержащих отщепленную и спроецированную агрессию, которая порождена самостью младенца. Для этой позиции характерны такие защиты, как отрицание, расщепление и проекция. Основной задачей развития здесь является построение достаточно надежного хорошего объекта, необходимого для дальнейшей интеграции. Если младенец решает эту задачу, он оказывается лучше оснащенным для того, чтобы столкнуться и справиться с тревогами, свойственными депрессивной позиции, на которой он развивает отношение к «целостным» объектам.

Обнаруживая, что «хороший» и «плохой» объекты на самом деле не отделены друг от друга, младенец нуждается во внутренней силе, чтобы выдержать отделение, страх утраты и вину, которую вызывает признание ущерба, который, по ощущению младенца, он причинил хорошему объекту. Способность выносить эту вину чрезвычайно укрепляет Эго. Забота о внутренне поврежденных объектах приводит к желанию восстановить их, а не отрицать их существование, и так младенец вступает в этический мир. Успешное преодоление этих депрессивных тревог приводит к гораздо более прочному отношению к внутренней и внешней реальности и способности отличать самость от объекта.

Кляйн использует термин «позиции», чтобы подчеркнуть, что это не только стадии развития, но и два разных способа относиться к внутренней и внешней реальности, которые, в некоторой степени, наличествуют всегда. Травматические ситуации могут вызвать определенную регрессию с депрессивной на параноидную/шизоидную позицию, но если есть достаточно надежный внутренний хороший объект, эта регрессия будет временной.

«Заметки о некоторых шизоидных механизмах» (1946) - ключевая статья Кляйн, в которой она представляет свое понимание нарциссизма. Она описывает шизоидные объектные отношения такого типа, которые сегодня бы назывались «нарциссическими». На параноидной/шизоидной позиции способность к правильному восприятию внутренней и внешней реальности затмевается механизмами отрицания, расщепления и проекции. Внутренняя и внешняя реальность постоянно находятся под угрозой обвала друг в друга, и

если это происходит, результатом становится психоз. Именно по этой причине Кляйн настаивает на том, что «точка фиксации» психоза расположена на той фазе развития, которая предшествует освоению депрессивной позиции. Как и Фрейд, она полагает, что нарциссизм и психоз укоренены на стадии развития, предшествующей зрелым объектным отношениям, но в отличие от Фрейда, Кляйн описывает это состояние не как безобъектное, но как задействующее более примитивные объектные отношения.

В этой важной статье Кляйн дает свое первое подробное описание механизма проективной идентификации. В проективной идентификации аспекты самости всемогущим образом отрицаются и проецируются в объект, который затем становится идентифицированным с этими спроецированными аспектами самости. Когда проецируются аспекты самости, ощущающиеся хорошими, это приводит к идеализации объекта, при этом враждебные деструктивные импульсы отщепляются и проецируются в другой объект. Поскольку расщепление, паранойя и идеализация всегда сосуществуют, идеализация часто используется как защита от паранойи. Эти процессы лежат в основе защитных механизмов «инверсии» (reversal) и «реактивного образования». Поскольку объект становится идентифицированным с аспектами самости до такой степени, что его настоящие свойства затмеваются, этот механизм оказывается фундаментом нарциссических объектных отношений. Известным клиническим фактом является то, что нарциссические или «пограничные» пациенты равно склонны идеализировать и очернять (denigrate) свои объекты. Одно отношение может быстро сменяться другим. В обеих ситуациях субъекту свойственна фундаментальная неспособность видеть свои объекты такими, какие они есть «на самом деле». Конечно, с субъективной точки зрения объекты, которые оказываются идентифицированными с самостью, не переживаются как часть самости. Когда Нарцисс всматривается в свое отражение в воде, он не знает, что смотрит на себя самого.

Пациенты, чрезмерно прибегающие к проективной идентификации, оказываются захваченными миром, построенным из спроецированных аспектов их самих. Мощные отрицание и проекция приводят к ослаблению Эго, которое начинает хуже справляться с тревогой, приводящей к расщеплению и проекции: поистине злокачественный порочный круг. Изучая основание этих нарциссических объектных отношений, Кляйн также исследовала то, что она называла «нарциссическими состояниями», в которых происходит отход от реальности к идеализированному внутреннему объекту. Если вспомнить фрейдовское описание Леонардо, можно сказать, что Леонардо идентифицировал себя со своим идеализированным объектом (матерью), при этом проецируя другой аспект себя (нуждающуюся, зависимую самость) в тех молодых людей, за которыми он ухаживал.

Более интенсивную проективную идентификацию часто можно наблюдать у пациентов-психотиков. Этот процесс может быть столь мощным, что пациент утрачивает всю свою идентичность и перенимает черты своего объекта (скажем, придерживается бредового убеждения, что является другой личностью, обычно кем-то могущественным и знаменитым).

В качестве иллюстрации приведем пример г-жи А, пациентки-психотика, которая большую часть первого года анализа неподвижно пролежала на кушетке в состоянии застывшего ужаса. Позднее она сумела объяснить, что, направляясь в консультационную комнату, она проходила позади аналитика и не могла оторвать взгляд от его зада. Она переживала это как насильственное нападение на него и чувствовала страх перед ним. Эта пациентка чувствовала, что своими глазами совершает насильственную атаку-вторжение. В результате она ощущала, что ее насильственные, вторгающиеся аспекты теперь наличествуют в аналитике, и потому чувствовала себя удерживаемой рядом с пугающим объектом, от которого ожидала возмездия. Характерной для этой пациентки была частая потребность слышать, как говорит аналитик, чтобы по звуку его голоса определить, является ли он тем пугающим объектом, за который она его принимает.

Подобная ситуация обычна и у более здоровых пациентов и часто лежит в основе острой клаустрофобической тревоги. Эти пациенты питают глубокое убеждение в том, что атакованный объект может только мстить. В этом смысле все объекты ощущаются настолько неспособными справиться с ситуацией, насколько неспособными к этому ощущают себя сами пациенты. Пациенты, использующие проективную идентификацию в такой степени, чрезвычайно озабоченны состоянием своих объектов. Они внимательно слушают интерпретации, но не на предмет того, что они сообщают в словах, а как высказывания, выявляющие состояние души аналитика.

В следующем разделе своей статьи 1946-го года Кляйн в подробностях излагает феноменологию шизоидных объектных отношений. Такие пациенты часто чувствуют себя ненастоящими или искусственными. Они могут казаться отстраненными, вынужденными держаться на отдалении от своих объектов, которые ощущаются содержащими пугающие спроецированные аспекты самих пациентов. Или же они вырабатывают цепкие компульсивные привязки к своим объектам, ощущая утрату объекта как уничтожение (аннигиляцию) частей самости. Именно потому, что проективная идентификация приводит к истощению Эго, эти пациенты столь часто жалуются на ощущение пустоты.

Многие пациенты переживают любовь как угрозу, опасаясь, что она истощит их. Пациенты мужского пола иногда переживают это конкретным образом и придерживаются теорий о наступлении недееспособности вследствие расхода спермы. Такие пациенты, по сути, верят, что функционируют соответственно первой фрейдовской модели - гидравлической модели либидо. Они ощущают любовь как некую субстанцию, ограниченным количеством которой они обладают, и потому эти пациенты должны оберегать себя от растраты любви в свои объекты. В определенном смысле они правы, поскольку в том любовном отношении, которого они боятся, они действительно утрачивают часть себя посредством проективной идентификации. Фрейд приписывает некоторые из этих черт анаклитической любви. Поэтому мы говорим, что анаклитическая любовь, согласно фрейдовскому описанию, имеет сильный нарциссический компонент.

В качестве примера приведем случай г-на В, который вел очень ограниченную жизнь, отмеченную глубокими сексуальными торможениями. Хорошо обучаясь, он был неспособен применить свои способности и занимался довольно незначительной (menial) работой. Один раз в его жизни была подруга, которую он желал. Он был безумно одержим ею и не мог вынести, когда она пропадала из его поля зрения. Тогда он чувствовал, что теряет самообладание. После завершения этих отношений он вел замкнутую, отстраненную жизнь. Он провозгласил себя самодостаточным и утверждал, что не может понять, почему один человек позволяет другому стать для него важным, - ведь это лишь пустая трата времени. По сути, он верил, что все объекты должны быть заменимыми, и старался жить соответственно.

Иногда он описывал ситуации, в которых воспринимал двух человек с непритворным интересом друг к другу и увлеченностью друг другом. Такое восприятие сопровождалось сильной болью и ощущением того, что в нем чего-то не хватает. Однако это одномоментное постижение быстро заменялось состоянием высокомерного превосходства, в котором он высмеивал таких людей как «очень инфантильных».

Он опаздывал практически на каждый сеанс на протяжении первых восемнадцати месяцев анализа, стремясь «не тратить зря времени в приемной». У него были длительные отношения с чернокожей женщиной, которую он считал полностью от себя зависимой и к которой часто чувствовал большое презрение. Он спроецировал в нее все ненавидимые зависимые части себя. Часто он переживал своего аналитика сходным образом, как кого-то от себя зависимого. Хотя г-н В старался быть самодостаточным, временами он испытывал опустошительное ощущение, что растратил свою жизнь впустую, которое сопровождалось страхом «состариться и остаться в одиночестве». Поскольку он был очень завистливым, его всегда очень заботило, кто находится в лучшем или худшем положении, чем он. Он постоянно страшился обнаружить, что некто, кого он счел «ничтожеством», на самом деле оказался более состоятельным, чем он сам.

Описанный ниже сеанс состоялся вслед за периодом, когда он предпринимал определенные шаги к интеграции и отходил от нарциссической установки. Он начинал чувствовать, что анализ обладает для него некоторой важностью. Сеанс этот произошел за несколько дней до перерыва в анализе.

Он опоздал на сеанс и после краткого извинения начал рассказывать о том, что произошло вчера вечером. Он заметил позади себя машину, и «по расположению фар» заключил, что она той же модели, что и машина его аналитика. (А также - и его машина, поскольку через несколько недель после начала анализа он купил машину того же типа и той же модели.) Его с чрезвычайной силой охватила потребность узнать, не его ли аналитика это машина. В некоторых деталях машины отличались, и за рулем оказалась женщина (аналитик же был мужчиной). Пациент почувствовал, что потребность установить, чья это машина, сводит его с ума.

Интерпретация была сделана в том духе, что он хотел хорошенько заглянуть в своего аналитика, чтобы увидеть, что это за человек, в частности, увидеть, отличается ли тот от него самого - что раньше считал маловероятным. Казалось, пациент получил от этой интерпретации облегчение и заинтересовался ею, и продолжил обсуждать ситуацию, которую уже описывал раньше, но никогда - столь живо. Он сказал, что, когда видит человека, о котором думает, что тот обладает ценными качествами, которыми он сам не обладает, то чувствует безотлагательную потребность слиться с этим человеком или проникнуть в него. Он назвал этот процесс «колонизацией». Он описал побуждение проникнуть в объект как невыносимое. В таких ситуациях он испытывал сильное побуждение мастурбировать, но пытался сопротивляться ему, поскольку чувствовал, что это приведет к некой растрате. Он также пояснил, что это часто случалось, когда он внезапно видел кого-то, кого раньше считал «ничтожеством», в новом свете.

Данный материал дает живое описание затруднений этого пациента, а также того, как он с ними справлялся. Поскольку очень во многом он функционировал посредством проективной идентификации (например, проецируя нуждающиеся аспекты себя в свою подругу или в аналитика, который его ждал), жизнь его была скучной и монотонной. Все его объекты казались похожими, поскольку в действительности являлись контейнерами для его спроецированных аспектов. На этом сеансе, похоже, его чрезвычайно поразила предложенная интерпретация, которая, по его мнению, была новой и позволила ему увидеть аналитика в новом свете, как обладающего качествами, которые для него были ценными и новыми. В этой ситуации аналитик переживался обособленным от него и ему не подвластным. На этот раз он не высмеял тут же интерпретацию, как часто случалось, и не выставил ее бессмыслицей, а также не завладел ею и не сделал своей собственной (подобно тому, как сделал машину аналитика своей машиной). Он почувствовал себя обособленным от аналитика и сразу же столкнулся с невыносимыми ощущениями - желая объект, которым не мог обладать. Стремление проникнуть в объект посредством «колонизации» было стремлением ликвидировать обособленность от объекта и овладеть им быстро и жадно. Вероятно, он также спроецировал хорошие аспекты себя в свой объект и отчаянно стремился поддержать контакт с ними посредством «колонизации».

Этот материал демонстрирует важный шаг вперед, при котором пациент смог сохранять способность видеть желаемый объект, обособленный от него самого. Но за этим немедленно последовало стремление вновь овладеть им в мастурбационной фантазии.

Важным аспектом этого материала является проблема зависти - озабоченность г-на В установлением того, находятся другие в лучшем или в худшем положении, чем он сам. Он с примечательной легкостью переходил от наблюдения высоко оцениваемого объекта к представлению того же объекта как никчемного. Похоже, эта процедура вызывалась невыносимой завистью, и она также защищала его от зависти.

Роли зависти в нарциссических расстройствах авторы-кляйнианцы уделяют все большее внимание. Вопрос примитивной зависти получил свое первое полное толкование в короткой книге «Зависть и благодарность» (Klein, 1957). В этой работе Кляйн показывает, что зависть является психологической манифестацией наиболее деструктивных людских импульсов. Она цитирует Чосера: «Несомненно, зависть - самый худший из грехов; поскольку остальные грехи - это грехи против какой-то одной добродетели, в то время как зависть - против всех добродетелей и всего хорошего». Завистливый человек не может ничего принять от объекта, поскольку это подразумевало бы признание достоинств и обособленности последнего. Такие люди быстро обесценивают все, что для них потенциально полезно (как часто делал г-н В). Они «кусают руку кормящую». Зависть столь фундаментально лишает человека дееспособности, поскольку в объекте ненавидится именно хорошее, так что от него невозможно получить ничего полезного. Однако помимо этого, завистливый человек также постоянно преследуем, поскольку, когда он завистливо атакует свои объекты, они, посредством проекции, превращаются из любящих объектов в завистливые и преследующие его. Такие пациенты часто чрезвычайно тревожатся о том, чем обладают сами, поскольку постоянно чувствуют, что другие будут испытывать зависть и ограбят их.

В «Зависти и благодарности» Кляйн показывает тесную связь между завистью и проективной идентификацией. Атака на объект вызвана завистью, но также защищает субъекта от зависти. Кляйн подчеркивает, что примитивная зависть часто является скрытой, отщепленной и беззвучной. В ситуации переноса такая зависть зачастую существенно ограничивает способность пациента воспользоваться какой бы то ни было аналитической работой и обусловливает тяжелые негативные терапевтические реакции.

Затруднения, связанные с чрезмерной завистью, и потому чрезмерным использованием проективной идентификации, характерны для параноидной/шизоидной позиции. В обсуждаемой нами работе Фрейд признает, что нарциссическая установка ограничивает восприимчивость человека к психоаналитическому лечению. С нашей точки зрения, это объяснятся большими затруднениями таких пациентов в позволении себе получить что бы то ни было ценное от своих объектов; вместо того, чтобы наблюдать объект и пользоваться им, они из зависти разрушают его, а заодно разрушают и свою способность признавать объект обособленным от них. Во «Влечениях и их судьбе» (1915) Фрейд, обсуждая первичный нарциссизм, говорит о состоянии, в котором младенец ощущает себя самого источником всякого удовлетворения: «Когда в ходе стадии первичного нарциссизма появляется объект, вторая противоположность любви, а именно ненависть, также получает свое развитие» (136). В этой же работе он утверждает, что «ненависть, как отношение к объектам, старше любви. Она происходит от изначального отвержения (repudiation) нарциссическим Эго внешнего мира» (139). Если придерживаться теории первичного нарциссизма, получается, что открытие хорошего во внешнем объекте наступает относительно поздно и приводит к нарциссическому гневу. Если, следуя Кляйн, считать, что человеку от рождения

дана способность воспринимать внешний объект, то этот нарциссический гнев оказывается выражением зависти.

Итак, по Кляйн, зависть является фундаментальной установкой и частью параноидной/шизоидной позиции. Как следует из названия книги, диаметральной противоположностью этой установки служит благодарность. Человек, способный к подлинной благодарности к своему объекту и признанию того, что он от этого объекта обособлен, может развить способность к истинному творчеству. Поскольку он менее завистлив, его меньше преследуют завистливые объекты, у него более надежное отношение к внутреннему объекту и потому он может учиться на опыте. Таким образом, его объектные отношения - это преимущественно объектные отношения депрессивной позиции. Этому переходу с параноидной/шизоидной на депрессивную позицию свойственно уменьшение нарциссического всемогущества. Потребность пациента контролировать и захватывать анализ уменьшается, когда растет его способность выносить свое восприятие аналитика как отдельного человека, который может быть пациенту полезен.

Согласно Кляйн, зависть тесно связана с первичной деструктивностью инстинкта смерти. Борьба между инстинктами жизни и смерти рассматривается как непрекращающийся конфликт в развитии и психологически представлена борьбой между любовью и благодарностью, с одной стороны, и ненавистью и завистью, с другой. Эти темы далее изучал Розенфельд (Rosenfeld, 1971), выявивший связь между завистью и инстинктом смерти. Он исследовал глубокое расщепление, существующее у некоторых пациентов между либидинозной или нуждающейся частью самости, желающей понимания и помощи, и насильственной, деструктивной, завистливой частью самости, стремящейся главенствовать и торжествовать над объектом и ненавидимой зависимой самостью. Такие пациенты склонны поддерживать свои внешние объекты в обесцененном состоянии, завистливо подрывая их и вместе с тем идеализируя свою всемогущую деструктивность. Признать потребность в помощи, значит поместить себя в невыносимо унизительную ситуацию. Когда аналитик говорит с ними о чем-то в них, что испытывает какую-либо потребность, они переживают это как попытку поставить их в зависимость - то есть принудительно заново спроецировать зависимость в них. Розенфельд описывает этих пациентов как подвластных «могущественной банде», стремящейся их контролировать и объявляющей себя выше аналитика. Такие пациенты, позволив себе получить помощь, зачастую чувствуют ужасную угрозу со стороны этой могущественной банды.

Пациент-шизофреник г-н С провел много сеансов в состоянии блаженной насмешливой безмятежности, молча разглядывая аналитика. Время от времени он хихикал над тем, что ему говорилось, или отвечал высокомерным и снисходительным комментарием. Он казался самодостаточным, олицетворением нарциссического всемогущества. Однако на одном сеансе он сообщил аналитику, что находится на связи с группой людей, называемых «Ученые», которые советовали ему не «разговаривать с доктором Беллом, который совершенно безумен». Они сказали ему, что умереть было бы здорово,

поскольку если он умрет, то сможет жить вечно. То, что пациент завел об этом разговор, очевидно, имело колоссальное значение: он хотел ускользнуть из-под власти той могущественной банды. Вскоре после этого сеанса он стал испытывать острые душевные муки и угрожал броситься под поезд. Он чувствовал себя в страшной опасности, поскольку выдал секреты «Ученых». Его суицидальные импульсы основывались на ужасе перед «Учеными», но также и на болезненном состоянии замешательства; он больше не был уверен в том, кто безумен, а кто в здравом рассудке. Это также иллюстрирует близость зависти к инстинкту смерти.

Этот процесс можно видеть в менее яркой форме у многих более благополучных пациентов. Мисс Д, безусловно часто испытывая отчаянные состояния тревоги, постоянно говорила о них в высокомерном тоне, словно предлагая аналитику присоединиться к ее презрению к своей нуждающейся самости. Например, она рассказывала об ощущении ужасной тревоги, сопровождающей страх смерти, время от времени саркастически и высокомерно отмечая: «как странно». Она переживала любые интерпретации, направленные на понимание ее страхов, как попытки аналитика принудить ее быть зависимой и тем самым принизить. Она приносила на сеанс написанные дома письма, содержащие долгие изложения ее отчаянной потребности в помощи. Она вела себя так, словно ей не было позволено вводить этот чрезвычайно нуждающийся аспект себя в аналитическую ситуацию, и она могла только, так сказать, подсовывать его как тайное сообщение. Казалось, что она способна верить только в те отношения, в которых «один человек выше, а другой ниже». Соответственно, когда она действительно ощущала сильную потребность - например, перед перерывами, которые глубоко на нее воздействовали - то чувствовала, что ее аналитик тайно торжествует и насмехается над ней, то есть у нее нет никого, кто бы мог ей помочь. Прошло долгое время, прежде чем она смогла хотя бы подумать о том, что ее аналитик может не только торжествовать, оставляя ее в зависимом и нуждающемся состоянии. В этом смысле у нее было глубокое убеждение, что аналитик такой же, как она.

Розенфельд полагал, что «нарциссическая организация» - это и выражение зависти, и защита от нее. Он делает вывод, что постижение обособленности от объектов, постижение, вызывающее фрустрацию, неизбежно приводит к зависти. Далее он говорит, что «таким образом агрессивность к объектам выглядит неизбежной при отходе от нарциссической позиции, и похоже, что сила и продолжительность всемогущих нарциссических объектных отношений тесно связана с силой завистливых деструктивных импульсов».

Нарциссические всемогущие аспекты самости часто оказывают мощное и соблазняющее влияние, все более затрудняющее установление какого бы то ни было контакта со здравыми, нуждающимися аспектами пациента. Особенно это справедливо для пациентов с большим уклоном в психоз, которые зачастую ненавидят жизнь и идеализируют смерть как решение всех проблем. Их словно манит смерть как состояние, в котором они будут свободны от любых потребностей и фрустраций. Эти пациенты часто чувствуют, что аналитик как будто отягощает их волей к жизни, которую они ненавидят. Технически это,

конечно, чрезвычайно затруднительная ситуация. Розенфельд говорит: «В клиническом измерении важно найти и спасти здравую зависимую часть пациента из тупиковой позиции, в которой она оказалась».

Г-жа А, чей случай был представлен выше, профессионально занималась уходом за психиатрическими больными. В этой ситуации она идентифицировала всех этих пациентов с ненавидимыми зависимыми частями себя. Она начала анализ, стремясь «получить помощь в некоторых проблемах», но позднее объяснила, что верила, что проходит анализ для того, чтобы стать психоаналитиком. Это обстоятельство еще более осложнялось тем ее знанием, что ее аналитик проходит анализ как часть своего психоаналитического обучения. Через год после начала анализа у нее произошел острый срыв, и она была помещена в больницу, где анализ продолжился. С точки зрения пациентки, это представляло собой разыгрывание ее желания войти в аналитика и вернуться в идеализированное внутриутробное состояние, в котором она могла сбросить с себя все тяготы жизни.

Так что перед этой пациенткой было два пути, которые позволили бы ей продолжать жить. Первый - это ликвидировать всякую обособленность и жить внутри аналитика, «психиатрической больницы». Это состояние было идеализированным, но по сути означало беспомощную инвалидность. Альтернативой ему было всемогущественное овладение всеми способностями аналитика и становление им, и таким образом - ослабление ее зависимости и зависти к хорошему объекту. Эта пациентка многократно принимала чрезмерную дозу лекарств и часто находилась во власти бредового убеждения, что лучшим решением ее проблем будет смерть, которую она ощущала как идеальное состояние, сулящее полную свободу от фрустрации и тягот жизни. По-видимому, на бессознательном уровне это репрезентировало ее долгожданный возврат к внутриутробному состоянию. Однако чтобы его достичь, она должна была умереть.

Изучение идеализации смерти у таких пациентов продолжила Сигал (Segal, 1983, 1984). Для описания соблазнительного притяжения инстинкта смерти Фрейд (Freud, 1924) использовал термин «нирвана». Снова процитируем Лапланша и Понталиса (Laplanche and Pontalis, 1983): «[термин] “нирвана” указывает на глубокую связь между наслаждением и аннигиляцией». Одна из самых трудных технических проблем с такими пациентами заключается в том, чтобы отличить здравую часть пациента, ту часть, которая искренне желает помощи аналитика, от деструктивной части, понимающей помощь как всецелое обладание и контроль.

Через шесть месяцев после выхода из больницы г-жа А предприняла ряд важных шагов для организации ухода за собой - посещая дневной стационар (day-center) (что она раньше отказывалась делать) вместо того, чтобы, по ее выражению, «весь день лежать в постели» - следуя соблазну. Посещение дневного стационара значило для нее сотрудничество с аналитиком, но эти действия также подвергали ее большой опасности. На сеансе незадолго до перерыва она сказала после длительного молчания: «Думаю, я не хочу, чтобы

Вы знали, что я в Вас нуждаюсь». На вопрос, что такое произошло, что привело ее к этому высказыванию, ответ был следующий: она представила себя в больнице борющейся с большим сильным пациентом, который внезапно бросился на нее и обездвижил (pinned her down). Затем она представила, что одна медсестра (к которой она раньше обращалась за подмогой и чью помощь ценила) спрашивает ее, все ли в порядке. И пациентка представила себя отвечающей, что все ОК. Именно эта фантазия побудила ее сказать, что она не хочет, чтобы аналитик знал о ее потребности в нем.

Данный материал иллюстрирует ту постоянную проблему, которую представляют такие пациенты: когда пациентка сотрудничает [с аналитиком] и чувствует, что ей помогают в реалистическом смысле, то внезапно ощущает себя захваченной своей завистливой, безжалостной, насильственной частью, против которой она беспомощна и которая заглушает ее желание сотрудничать. Этот материал также иллюстрирует, насколько важно, чтобы объект-помощник активно пытался добраться до заглушаемой, нуждающейся части пациента и не поддавался на его заверения, что «все в порядке».

Дальнейшая работа на этом сеансе выявила, что пациентка была уверена - или, по ее выражению, говорила себе - что, рассказывая аналитику о своем страхе перерыва и своем ощущении истинной потребности в аналитике, она может получить упрек в том, что хочет обладать им и не разрешить ему оставить ее. В этом смысле она говорила, что аналитик будет неспособен отличить здравую, нуждающуюся ее часть от тех аспектов, которые стремились безжалостно обладать ее объектами.

Последние пятнадцать лет авторы-кляйнианцы уделяют все больше внимания вопросу «нарциссической банды» или «патологической организации», образующих ядро этих нарциссических затруднений. В основном все они согласны, что существует глубокое расщепление (split) между здравыми, зависимыми частями самости и нарциссической, деструктивной организацией, пытающейся главенствовать над ней. Такие пациенты часто чувствуют, что способны всемогущественно захватывать различные аспекты своих объектов и обладать ими, избегая таким образом зависимости и зависти. Сон (Sohn, 1985) называет это образованием «идентификата» («identificate»). Эти авторы также согласны с тем, что данное расщепление является также расщеплением между психотической и непсихотической частью личности, присутствующей в каждом из нас (см., в частности, Bion, 1957). Стайнер (Steiner, 1979) подчеркивал относительную стабильность, которой достигают ряд таких пациентов: они застревают «на границе» между параноидной/шизоидной и депрессивной позицией. Он также показывает (Steiner, 1982), как более перверсивные части личности пытаются соблазнить и развратить здравомыслие пациента. Иногда такие пациенты чувствуют, что должны «идти на сделку» со своими деструктивными частями. Г-жа А, например, часто вынуждена была погружаться в обсессивные ритуалы подсчета в различные моменты сеанса, чтобы предупредить «катастрофу» (что обычно означало ее смерть, смерть аналитика или ее родителей). Она чувствовала, что если посвятит этим процедурам определенное время, всемогущая сила будет умиротворена, и

затем пациентке, возможно, будет позволено обратиться к аналитику и слушать его. Однако иногда она становилась идентифицированной с этой деструктивной всемогущей организацией и в этом состоянии яростно атаковала слова аналитика, разбивая их на слоги, которые крутились в ее голове, пока не становились бессмысленными. Эта процедура была связана со значительным возбуждением от триумфа.

Заключение

В данном очерке мы проследили различные линии рассуждений, собранные Фрейдом воедино в статье о нарциссизме. Мы пытались показать, что только с помощью более поздних формулировок, в «Скорби и меланхолии» и «По ту сторону принципа удовольствия», он разрешил ряд теоретических затруднений той статьи. С восстановлением дуалистической теории инстинктов жизни и смерти и ростом понимания Фрейдом значимости агрессии весь вопрос о нарциссизме обрел другой характер. Снова процитируем Уоллхейма (Wollheim, 1971): «Только в "По ту сторону принципа удовольствия" проблема, поднятая [введением понятия] первичного нарциссизма, получила свое впечатляющее разрешение. Исходя из того видимого облегчения, с которым Фрейд представляет свою новую точку зрения, мы можем заключить, в каком напряжении он и его теории находились эти последние несколько лет».

Фрейд не отказался от понятий Эго и объектных инстинктов, но объединил их в качестве части инстинктов жизни, которые теперь считал совместно противостоящими инстинкту смерти (Freud, 1940); и хотя в определенные моменты он допускал, что первым эротическим объектом служит материнская грудь, но продолжал настаивать на существовании первичной нарциссической стадии, предшествующей объектным отношениям. Здесь мы возражаем против данной концепции, полагая ее клинически бесполезной и теоретически невнятной. И вновь процитируем Лапланша и Понталиса (Laplanche and Pontalis, 1983): «С топографической точки зрения трудно понять, на что же должно быть направлено либидо при первичном нарциссизме».

Некоторые авторы предполагали, что самоуважение - это здоровый остаток первичного нарциссизма. Однако на наш взгляд, здоровые чувства самоуважения больше касаются внутренней ситуации, в которой существует надежное отношение скорее к хорошему внутреннему объекту, чем к объекту идеальному.

Мы также исследовали более интуитивное понимание Фрейдом деструктивности нарциссизма. Мы отталкивались от того, что Фрейд связывал нарциссизм с фундаментальным сопротивлением аналитической работе, признавал, что нарциссическая установка противостоит всякому творчеству, и последнее, но, возможно, самое важное - что он понимал тесную связь между нарциссизмом и психозом. Эти вопросы получили дальнейшее рассмотрение в психоанализе Кляйнианской школы.

С этой точки зрения получается, что стабильных объектных отношений человек может достичь только когда депрессивная позиция уже преодолена (has been

negotiated), поскольку именно в этом процессе происходит отличение самости от объекта. Движение к депрессивной позиции - это движение в направлении ситуации, в которой любовь и благодарность к внешнему и внутреннему хорошему объекту могут противостоять ненависти и зависти к чему-то хорошему и ощущаемому внешним самости. Растущие интеграция и обособленность, обусловленные отводом проекций, дают возможность объективного восприятия любви к объекту. Это также позволяет объекту находиться вне контроля субъекта, и при этом признается его отношение к другим объектам. Итак, по определению, способность преодолеть депрессивную позицию также включает в себя способность преодолеть Эдипов комплекс и допустить идентификацию с творящей родительской парой.

В деятельности Розенфельда, Сона, Сигал и Стайнера отношения между нарциссическими и ненарциссическими частями самости оказываются в центре внимания при аналитической работе не только с пациентами-психотиками, но также в случаях меньших нарушений. Здравое понимание необходимости подпитки от внешнего объекта, который самость не может контролировать, служит основой либидинозной любви, что определенным образом соотносится с фрейдовским описанием анаклитической любви. Нарциссические аспекты личности изо всех сил пытаются отрицать эту реальность (реальность зависимости) и превозносят высшее состояние нарциссической самодостаточности. У некоторых пациентов эта идеализация нарциссизма принимает форму идеализации смерти и ненависти к жизни.

В заключение мы хотели бы вернуться к исходному мифу о Нарциссе. Нарцисс не может шелохнуться, глядя на нечто, что он субъективно считает своим утраченным любимым объектом, но что объективно является идеализированным аспектом его собственной самости. Он думает, что влюблен. Однако он умирает от голода, поскольку не может обратиться к реальному объекту, от которого, возможно, сумел бы получить то, что ему действительно нужно.

Примечания

1) В данной работе внимательно изучается мазохистическая идентификация с поврежденной матерью.

2) В то время для Фрейда пассивность и женственность были синонимами.

3) Хотя «Три очерка по теории сексуальности» снабжены сноской о нарциссизме, она была добавлена в 1910-м году, когда был опубликован случай Леонардо.

4) В исследовании случая Шребера Фрейд впервые использует более общее слово «интерес», а не термин «либидинозная инвестиция».

5) Что отмечает отход от концепции инстинктов, имеющих источник, цель и объект, к сосредоточению интереса на цели инстинкта. В самом деле, сложно сказать, что может представлять собой источник Эго-инстинкта (См. Wollheim, 1971).

6) Учитывая, что отход (withdrawal) от реальности на самом деле значит отход от психического представления реальности, становится понятно, почему этот отход приводит к внутренней катастрофе.

7) Как указано выше, Фрейд понимал отведение (withdrawal) интереса от внешней реальности как пассивную процедуру. Однако годом позже он утверждает в работе «Инстинкты и их судьба», что видимое безразличие Эго к внешнему миру при первичном нарциссизме на самом деле - ненависть к нему. Он говорит, что «безразличие устанавливается в качестве особой формы ненависти или неприязни».

ЛИТЕРАТУРА

1. Bion, W (1957). Differentiation of the psychotic from the non-psychotic personalities. Int. J. Psycho-Anal., 39:266-75.

2. Freud, S. (1900). The Interpretation of Dreams. S.E. 4 and 5.

3. Freud, S. (1905). Three Essays оп the Theory o/ Sexuality. S.E. 7.

4. Freud, S. (1910a). Leonardo da Vinci and a Metoгy of His Childhood. S.E. 11.

5. Freud, S. (1910b). The psycho-analytic view of psychogenic disturbances of vision. S.E. ll.

6. Freud, S. (1911). Psycho-analytic notes of an autobiographical account of a case of paranoia (dementia paranoides). S.E. 12.

7. Freud, S. (1915). Instincts and their vicissitudes. S.E. 14.

8. Freud, S. (1916). Some character-types met with in psycho-analytic work. S.E. 14.

9. Freud, S. (1918). From the history of an infantile neurosis. S.E. 17.

10. Freud, S. (1920). Beyond the Pleasure Principle. S.E. 18.

11. Freud, S. (1923). The Ego and the Id. S.E. 19.

12. Freud, S. (1924). The economic problem of masochism. S.E. 19

13. Freud, S. (1930). Civilization and Its Discontents. S.E. 21.

14. Freud, S. (1940). An Outline o/ Psycho-Analysis. S.E. 23.

15. Jones, E. (1955). Sigmund Freud: Life and Works. Vol. 2. London: Hogarth Press.

16. Klein, M. (1946). Notes оп some schizoid mechanisms. In The Writings of Melanie Klein Vol. 3, Envy and Gratitude and Other Works. London: Hogarth Press.

17. Klein, M. (1952). The origins of transference. In The Writings of Melanie Klein. Vol 3, Envy and Gratitude and Other Works. London: Hogarth Press.

18. Klein, M. (1957). Envy and gratitude. In The Writings of Melanie Klein. Vol. 3, Envy and Gratitude aad Other Works. London: Hogarth Press.

19. Laplanche, J., and Ponta1is, J. B. (1983). The Language of Psycho-Analysis. London: Hogarth Press.

20. Meltzer, D. (1978). The Kleinian Development. Strath Tay, Perthshire: Clunie Press.

21. Rosenfeld, H. A. (1971). Clinical approach to the psycho-analytical theory of the life and death instincts: An investigation into the aggressive aspects of narcissism. Int. J. Psycho-Anal., 59:215-21.

22. Sandler, J., Holder, A., and Dare, C. (1976). Narcissism and object love in the second phase of psychoanalysis. Brit J. Med. Psychol. 49:267-74.

23. Segal, H. (1983). Some clinical implications of Melanie Klein's work: Emergence from narcissism. Int. J. Psycho-Anal., 64:269-76.

24. Segal, H. (1984). De I'unite clinique du concept d'instinct de mort. In La pulsion de mort. Paris: Press Universitaire de France.

25. Sohn, L.(1985). Narcissistic organization, projective identification and the formation of identificate. Iпt. J. Psycho-Anal. 66:201-13.

26. Steiner, J. (1979). The border between the paranoid schizoid and depressive positions. Brit. J. Med. Psychol., 52:85-91.

27. Steiner, J. (1982). Perverse relationships between parts of the self: A clinical illustration. Iпt. J. Psycho-Anal., 63:241 -51.

28. Wollheim, R. (1971). Freud. Glasgow: Fontana.